

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

ИНСТИТУТ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей

ВЫПУСК ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Москва
2004

Научное издание

Ближний Восток и современность.
Сборник статей (выпуск двадцать третий)
М., 2004, ??? стр.

Ответственные редакторы

А.Р.Арунова, А.О.Филоник

Сборник посвящен широкому кругу проблем, связанных с ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке. Предлагаемые статьи являются исследованием конкретных вопросов странового и общего порядка, имеющих актуальное научное и практическое значение и раскрывающих суть некоторых явлений и процессов локального и регионального масштабов.

Книга предназначена для специалистов-востоковедов, а также для всех тех, кто следит за динамикой событий в ближневосточном регионе.

Мнение авторов статей может не совпадать с точкой зрения Института.

ISBN 5-89394-126-8

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

ISBN 5-89394-126-8

© Институт изучения Израиля и Ближнего Востока.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И НАСИЛИЕ В МИРЕ ИСЛАМА

Политическая культура является важнейшей составной частью политической жизни общества, которую она во многом определяет, регулирует и направляет. У нас часто и в прошлом, и сегодня недооценивали ее роль и значение. Обычная цепь рассуждений была такова: из экономических интересов прямо вытекают те или иные социальные интересы, реализация которых в дальнейшем и составляет содержание политического процесса. Однако при этом терялся важный элемент схемы – политическая культура общества, от которой зависело, как общество отреагирует на тот или иной вызов, как быстро и глубоко оно его осознает и как поведет себя при этом, какими методами и способами будет решать (или, наоборот, не решать) возникшую проблему. Очень часто страны и народы (тем более – организации и их лидеры), находящиеся примерно в одних и тех же обстоятельствах, ведут себя по-разному исключительно в силу разного уровня и разного характера сформировавшейся у них политической культуры.

Кратко ее можно представить как «исторический опыт, память социальных общностей и отдельных людей в сфере политики, их ориентации, навыки, влияющие на политическое поведение»¹. Если исходить из этого определения, то политической культуре практически всех стран должно быть свойственно насилие, ибо история любого государства на земном шаре изобилует примерами жестокости и кровавых столкновений в ходе бесчисленных войн (в том числе – гражданских), завоеваний, иностранной оккупации, массовых столкновений, народных восстаний, политических репрессий, религиозных конфликтов и этнических «чисток».

Однако постепенно не только лучшие умы человечества, но и целые народы, во всяком случае составляющее их основу здравомыслящее большинство, делали надлежащие выводы из тяжелого исторического опыта, критически осмысливали горькую память о содеянном и, соответственно, меняли свои навыки, политическое поведение и способы отстаивания своих интересов, все больше предпочитая делать это в рамках мирного состязания и обязательного для всех закона.

Разумеется, подобные изменения, кстати, весьма трудно проникавшие в политическую культуру и медленно в ней закреплявшиеся, происходили в условиях успешного экономического развития, роста уровня жизни, расцвета общей культуры и просвещения, что помога-

ло, помимо всего прочего, осознать ценность человеческой жизни как таковой, неповторимость индивидуальности каждой личности. Общество при этом достигает, согласно теории известного философа и классика мировой социологии Эмиля Дюркгейма, стадии «органической солидарности», при которой каждый индивид выполняет свои функции, не похож на других, и, тем самым, незаменим, ибо все они одинаково необходимы для жизни общества. Стоит ли говорить, что в таком обществе люди продолжают конкурировать и бороться за свои интересы, но уже свободны от неизбежности борьбы за физическое выживание и за личную свободу, а поэтому способны и к уважению чужого мнения, и к соглашению с конкурентом на основе дальновидного прагматизма. Собственно, на этом и основывается гражданское общество, при котором государство действительно превращается, по идее Жан-Жака Руссо, в «общественный договор» всех его граждан.

Однако все попытки перенести эти ценности западного опыта на Восток, за редкими исключениями, потерпели крах. И дело здесь не в «киплинговской» несовместимости Востока и Запада, а в иной исторически сложившейся социальной, экономической и психологической ситуации на Востоке, где господствует, в соответствии с терминологией того же Дюркгейма, «механическая солидарность» полурхаичных или по преимуществу традиционных обществ, в рамках которой личности не дифференцированы, похожи друг на друга, взаимозаменяемы, испытывают сходные коллективные чувства и привязанности. Это выражается и в широко известной прочности общины на Востоке (кровнородственной, соседской, религиозной, как в городе, так и в деревне), а также во всемерной включенности человека в тесно сплетающиеся сети патриархальных, родовых, клановых, племенных, семейных, этнических, конфессиональных, земляческих и иных социальных связей. Вне общины, вне этих связей человек на Востоке не существует как член общества. Поэтому люди там и боятся, за немногими исключениями, приобщиться к чуждому наследию, «импортным» (как говорят алжирские фундаменталисты) социокультурным ценностям, к иной политической культуре, не имеющей перспективы прижиться у них на родине.

«Человеческие страсти пасуют только перед лицом нравственной силы, которую они уважают. При недостаточности авторитета подобного рода господствует право сильного, и явное или скрытое состояние войны неизбежно становится хроническим»². Это высказывание Дюркгейма как нельзя лучше характеризует ситуацию, сложившуюся в последние десятилетия на Востоке, особенно в мире ислама. Собственно говоря, она существует уже давно, но именно в последние годы, непрерывно эволюционируя отнюдь не в лучшую сторону, достигла своего апогея.

Когда-то итальянский мыслитель Вильфредо Парето писал: «Проблема организации общества должна решаться не декламациями вокруг более или менее смутного идеала справедливости»³. Но даже по-

добные «декламации» в виде лозунгов «свободы, равенства, братства», демократии, парламентаризма и модернизации слишком часто превращались в практике держав Запада на Востоке всего лишь в пропагандистскую оболочку военной, экономической и идеологической экспансии, имевшей целью отнюдь не «просвещение» или «эмансипацию туземцев», а неприкрытое колониальное господство. Да и о каком «просвещении» могла идти речь, если даже такой знаменитый мыслитель, как Шарль Луи Монтескье, считал, что жаркий климат Востока чуть ли не явился причиной распространенности там рабства⁴!

У мира ислама с Западом – особые счета. В отличие от Индии, Китая, стран Юго-Восточной Азии, Дальнего Востока и Тропической Африки, мусульмане Арабского халифата – арабы, берберы, персы, турки – вступили в контакт с Западом (как военный, так и культурный) почти 1400 лет назад. И в области культуры европейцы им многим обязаны. Однако в столь долгом общении преобладали все же не экономические или духовные контакты, отрицать которые было бы неразумно, а войны и сражения. Поэтому мусульмане больше, чем другие жители Востока, накопили обид и претензий к западным иноверцам (как и те – к ним) и, с началом эпохи колониальных завоеваний, выступили в роли своего рода авангарда сопротивления Востока колониализму, неприятия жителями Востока всего «западного». Поэтому они и сейчас являются наиболее ярыми противниками идущей с Запада «вестернизации» и глобализации, наиболее твердыми хранителями религиозного, культурного и духовного наследия былых времен.

Именно благодаря этому ислам, будучи религией, наиболее полно регулирующей и контролирующей жизнь верующих, более того – активно влияющей на политику (в идеале ислам вообще не знает разделения светского и религиозного начала), представляет собой серьезное препятствие для влияния Запада, хотя сам по себе ислам не мешает ни рынку, ни развитию капитализма⁵. Длительное противостояние с Западом породило исламский фундаментализм, связанный, по мнению одних западных социологов, с «социально-экономическими споями, вовлеченными в сектор докапиталистического производства и социальными группами, им вскормленными», а по мнению других, – с «категориями, возникшими вследствие модернизации мусульманских обществ», т.е. с интеллигенцией, служащими, буржуазией и студенчеством, решившими сделать ислам знаменем своих требований⁶.

Последнее обстоятельство, зорко подмеченное французским исламоведом Оливье Руа, заслуживает особого внимания, имея прямое отношение к специфике политической культуры мира ислама. В большинстве случаев о действительной или искренней религиозности инженеров, учителей, университетских профессоров и даже иногда физиков-ядерщиков, нередко в наше время возглавляющих организации исламских фундаменталистов, вопрос даже не стоит. Ислам для них – прежде всего политическое оружие, одновременно концентрирую-

щее в себе не столько мировоззрение и миропонимание, сколько этнонациональную и этноконфессиональную идентичность, духовную связь с широкими массами единоверцев-соотечественников, верность народным традициям и символ антизападного патриотизма.

При всех различиях и противоречиях интеллектуально-предпринимательской элиты с простым народом в странах ислама и та, и другая сторона в равной мере возмущены агрессивной «вестернизацией», а в последнее время – и процессами глобализации, грозящими оставить не у дел элиту и окончательно разорить неимущие низы города и деревни, кое-где составляющие до 40% (даже до 50–60% в отдельных случаях) жителей большинства мусульманских государств. Кроме того, почти все страны ислама (за исключением нефтедобывающих, да и то не всех) живут в состоянии повышенной социальной напряженности, порожденной свехурбанизацией, маргинализацией значительной части горожан вследствие этого, засильем диктатур и однопартийных режимов личной власти, всевластием земляческих или конфессиональных кланов, свехобогатением монархических и дворцовых клик (в том числе – при формально республиканских режимах). И все это происходит в условиях повышения грамотности (и, следовательно, социального и гражданского самосознания) населения, уменьшения различий в уровне культуры мужчин и женщин, проявления большей заботы о будущем детей. Во многом это – следствие модернизации, но обратившееся, как ни странно, против Запада. Решающую роль сыграла традиция⁷.

Колониализм западных держав, проявлявший себя до начала XX в. в самых жестоких, порой варварских формах, сопровождался высокомерием и расизмом, теориями «бремени белого человека» и «цивилизаторской миссии» колонизаторов, которым-де лишь предстоит сделать жителей Востока «настоящими людьми». Мусульманами все это воспринималось особенно болезненно, поскольку, наряду со страданиями от экономической эксплуатации, военного насилия и политического гнета, они рассматривали колониализм иноверцев еще и как вмешательство в их духовную жизнь, как посягательство на их национальную самобытность и основы их религии, которая для них давно уже стала также жизненной философией, мироощущением, сводом правил поведения и почти образом жизни.

Естественно, не стоит забывать и то позитивное, что возникло на Востоке благодаря колониализму, т.е. развития промышленности, образования, новых технологий и коммуникаций, открытия и разработки природных ресурсов, градостроительства и модернизации всех сторон жизни, формирования новых социальных сил – предпринимательства, современной интеллигенции и пролетариата. Но, во-первых, все эти блага колонизации большинство стран Востока в полной мере ощутило лишь в XX в., а до того многолетний (для некоторых – даже многовековой) колониальный гнет воспринимался как абсолютное зло. А во-вторых, даже там, где указанные блага прояви-

лись раньше (например, в Алжире, Тунисе, Индии, Египте к концу XIX в.), они лишь способствовали более острому осознанию мусульманами своего неравенства и угнетенного, приниженного положения.

В некоторых кругах стран ислама, подвергшихся влиянию Запада, возникли группы западников-модернистов, которые видели путь к освобождению своих народов в дальнейшей и ускоренной «вестернизации», в максимальном усвоении западных ценностей в политике, науке, культуре, быту и хозяйственной практике. Но большинство пошло не за ними. Оно оказалось вовлечено в очередной «возврат к истокам», к первоначальной чистоте ислама – виток, который мусульманский мир регулярно переживает с момента своего возникновения, особенно в периоды конфронтации с иноверцами и глубоко ощутимых угроз своему образу жизни и социальному порядку.

Первым ответом мусульман на колониальную экспансию Запада, его военно-политический и культурно-идеологический вызов явился панисламизм, требовавший сплотить всех мусульман на основе преодоления идейных и прочих различий между разными их направлениями и течениями. Панисламизм эффективно использовался османскими султанами, считавшими себя халифами всех мусульман. Ради утверждения своего авторитета они поощряли осуждение всего западного, пропагандировали достижения мусульманской цивилизации и необходимость единства под эгидой Стамбула всех мусульман от Марокко до Синьцзяна. Многие идеологи панисламизма способствовали возникновению в разных странах ислама партий и организаций, проповедовавших объединение всех мусульман (в том числе в немусульманских государствах) под властью султана-халифа. Это оставило свой след в коллективной памяти мусульман и периодически всплывает на поверхность политической жизни мира ислама (в том числе на рубеже XX–XXI вв.) в виде лозунгов «возрождения халифата» и прочих рецидивов «халифатизма».

Неспособность панисламизма противостоять Западу привела к упадку этого движения. Пришедшее ему на смену халифатистское движение 20-х годов в основном вскоре тоже сошло на нет. И это движение, и сам панисламизм к тому времени исчерпали себя. Их место заняли иные мусульманские течения и теории, в основном мусульманского национализма и, в меньшей степени, мусульманского социализма. Главной целью последнего было доказать, что все основные и стоящие внимания идеи социализма уже изложены в Коране. Что же касается национализма, то в странах ислама он никогда не отделялся полностью от идеи мусульманской общности. Даже придерживавшиеся секуляристских убеждений националистические лидеры, как правило, старались сочетать стремление к созданию национального светского государства с идеями исламского модернизма в духе аль-Афгани и Абдо. В некоторые националистические доктрины (Насера в Египте, Бен Беллы и Бумедьена в Алжире, Кад-

дафи в Ливии, Зульфикара Бхутто в Пакистане, Али Шариати в Иране) были органично интегрированы идеи мусульманского социализма⁹.

Ислам оставался частью идеологии практически всех националистов мусульманских стран. В Египте уже в 20-е годы возникла Ассоциация братьев-мусульман, предвосхитившая идею современных фундаменталистов о создании исламского государства, конституцией которого был бы Коран. В Алжире чуть позже была образована Ассоциация улемов-реформаторов, формально стоявшая вне политики, но считавшая алжирскую нацию «мусульманской». Ее лозунгом было: «Алжир – моя родина, ислам – моя религия, арабский – мой язык»¹⁰. В годы революции в Алжире, пожалуй, наиболее «вестернизированной» из арабских стран, националисты, наряду с сугубо светскими формулами в духе классического западного либерализма, выдвигали также лозунги о «естественности арабизма и ислама», своих бойцов называли «муджахидами» (т.е. «участниками джихада», «борцами за веру») и требовали от них «ведения борьбы в соответствии с принципами ислама»¹¹. Это не мешало им впоследствии вести речь о социализме, который одно время даже объявлялся в Алжире «марксистским».

Ряд вариантов мусульманского социализма, распространенных на Востоке в 60–80-е годы, восходил к взглядам известного татарского революционера и мыслителя Мирсаида Султан-Галиева, недооцененного и отвергнутого в СССР в 20-е годы, а потом загубленного Сталиным. Султан-Галиев умел соединять, казалось бы, несоединимые постулаты социализма и ислама, ведя их к общему знаменателю идей социальной справедливости, общественного блага, взаимопомощи и взаимного доверия, традиционной нравственности и трудовой морали. Он предвидел «поражение революции» и «неизбежность распада» СССР в случае насильственного «изживания», а не реалистического «разрешения нацвопроса» в мусульманских регионах. А по поводу роли ислама в процессе эволюции мусульманского общества его анализ, по мнению многих историков России и зарубежья, «оказался настолько глубоким и точным, что его значимость в подлинном масштабе раскрывается только в наши дни»¹². Недаром Бен Белла говорил, что «идеи Султан-Галиева произвели на него сильное впечатление», а Бумедьен и Каддафи полностью восприняли противопоставление Султан-Галиевым «угнетающего индустриального Севера» и «угнетенного крестьянского Юга»¹³.

Таким образом, политическая культура мира ислама на рубеже XX–XXI вв. включает в себя и традицию многовековой (а поэтому глубоко укоренившейся) «механической солидарности» (в рамках общины любого уровня – от большой семьи до уммы, т.е. общности всех мусульман деревни, города, страны), и опыт тысячелетнего противостояния христианскому миру (в основном западному, но и восточноевропейскому тоже), и память о победах над европейцами, но и о пораже-

ниях, унижениях и лишениях эпохи колониализма, которая, по мнению большинства мусульман, далеко не закончилась. Конечно, западничество и модернизация также являются компонентами этой культуры, существенно обогатившими ее за последние 100–200 лет. Но они в ней не преобладают, более того, с трудом в ней удерживаются, часто мимикрируя и выступая в неотрадиционной форме. Например, элементы социализма (включая марксизм), если и интегрировались в политическую культуру мусульман, то обычно путем обращения, с одной стороны, к раннеисламским постулатам равенства и взаимопомощи единоверцев, а с другой, к формулам антиимпериализма, антизападничества и борьбы с несправедливостью, исходящей от «неверных».

В этой связи не должно вызывать удивления соответствующее политическое поведение мусульман, их ориентация на насильственные методы борьбы за свои национальные и социальные интересы (обычно преподносимые в религиозной оболочке), за справедливость и против «неверных», будь то «шурави» из СССР или же империалисты «нечестивого» Запада. Еще более обоснована с религиозной точки зрения их борьба против стоящих у власти «плохих мусульман», нарушающих положения Корана и шариата или же прислуживающих «неверным».

Непонимание всего этого комплекса представлений (иногда, возможно, просто отсутствие информации о нем), еще чаще нежелание с ним считаться и принимать его всерьез, слепая уверенность в своей правоте и в конечном торжестве «свободы и демократии» (или же, как было в Афганистане, социализма и «власти трудящихся») над исламо-экстремизмом лишь объективно его усиливают. Поэтому чисто военные победы над ним всегда оказываются временными, поскольку не решают проблему по сути, не меняют характера отношений между миром ислама и Западом, не устраняют ни причин их противостояния, ни его все более умножающихся негативных последствий.

Новый «возврат к истокам» мира ислама в наши дни вызван и продолжением наступления Запада в сферах экономики, политики и технологии, и ползучей «вестернизацией» быта, нравов, социальных связей между людьми, подрывающих традиционную монополию ислама в этих сферах жизни мусульманского общества, и болезненной ломкой структур этого общества в ходе его трудного приспособления к требованиям модернизации хозяйственных механизмов и глобализации мировых экономических связей. В сущности, прямым результатом этих процессов модернизации и глобализации явились быстрый рост обнищания Востока, высокие темпы разорения крестьянства и обильное пополнение социальных низов восточного города гигантской массой сельских маргиналов. Около половины этих лиц остаются безработными или людьми без определенных занятий, что превращает города прежде всего мусульманского Востока в социальный пороховой погреб¹⁴. Частично это находит свое выражение в нарас-

тании политического насилия в мире ислама, в том числе в таких ранее относительно спокойных странах, как Саудовская Аравия¹⁵.

Сельские и городские общественные низы, для которых характерны отчаяние и склонность к крайним методам социального протеста, составляют более трети мусульман от Марокко до Бангладеш. В Иране к началу исламской революции только в крупных городах насчитывалось 1,5 млн. пауперов и люмпенов. В Пакистане к началу 80-х годов 3/4 горожан были неимущими или малоимущими. В Ливане основная часть неимущих представлена шиитами (1,2 млн. чел., т.е. около 40% населения). Кроме того, эта страна потеряла только за годы гражданской войны, завершившейся лишь к 1991 г., более 168 тыс. чел. убитых и 760 раненых, 750 заводов и мастерских, множество отелей и магазинов, что довело долю безработных в этой стране до 35% экономически активного населения. Удельный вес лишенных работы и лиц неопределенных занятий составил к началу 80-х годов до 17% в Тунисе, до 20% в Марокко, до 22% в Алжире. В столице Египта – Каире – тогда же до 56% жителей относилось к городским низам¹⁶. Это создает почву для влияния в этих странах исламо-экстремистов, проповедующих и применяющих методы насилия.

Если вспомнить о наличии ливанцев и египтян почти во всех уголках арабского мира, соответствующие настроения становятся достоянием всех арабов. Еще больше это относится к палестинцам, 2/3 которых с 1948 г. находится на положении беженцев в лагерях ООН. И хотя сейчас эта доля существенно понизилась на деле (многие, получив образование и квалификацию, сумели включиться в экономическую и прочую жизнь стран проживания), формально это так. Чувствующие себя апатридами, палестинцы на оккупированных территориях, за их пределами, да и в самом Израиле стали все чаще переходить, особенно с началом в 1987 г. интифады (массового движения протеста) от сравнительно умеренного национализма к более воинствующему исламизму со всеми неизбежными последствиями.

Создание в 1994 г. органов Палестинской Национальной Администрации на Западном берегу Иордана и в секторе Газа, казалось, должно было оказать на них успокаивающее воздействие. Но дальнейший ход событий, во многом определявшийся не самими палестинцами, а политикой Израиля и США, привел лишь к усилению таких радикальных организаций, как «Хамас», «Исламский джихад», «Бригада мучеников Аль-Аксы», и к ослаблению умеренного, светско-националистического крыла палестинцев. С апреля 2004 г. руководство автономии даже заявило о включении в его состав некоторых представителей этих организаций¹⁷.

Каковы бы ни были первоначальные причины, толкающие социальных маргиналов мира ислама к экстремизму, логика их поведения достаточно схожа. В поисках выхода из своего бедственного положения они обращаются к архаичному эгалитаризму и уравнилельным

принципам ранней мусульманской общины, к традициям института «садака», предписывающего всем имущим мусульманам помогать нуждающимся единоверцам. Политически не искушенные, эти люди объясняют себе (вернее, чаще всего им это объясняют идеологи фундаментализма) свои несчастья забвением Корана и шариата, заветов Пророка и других предписаний ислама, а также считают их следствием «бидъа» (вредных новшеств), вводимых «плохими мусульманами». И недаром именно представители социальных низов мусульманских городов стали массовой опорой исламо-экстремизма.

Остается добавить, что этими неграмотными массами руководят люди, хорошо подготовленные, с образованием и средствами. Запад в какой-то мере сам содействовал этому, всячески поддерживая исламитов в Афганистане, Пакистане и Саудовской Аравии, дабы их руками вести борьбу не только с советскими войсками, но и вообще с влиянием (в том числе духовным, культурным и идеологическим) СССР в регионе. То же самое делал Израиль на оккупированных территориях, противопоставляя организацию «Уср ад-Дин» и прочие фундаменталистские организации влиянию Палестинской компартии. И в том, и в другом случае Запад выиграл. Но какой ценой! Практически – ценой превращения целого региона буквально в заповедник исламо-экстремизма. Эти действия способствовали тому, что проблемой мусульманской интеллигенции стал «не отказ от модернизации, а исламизация этой модернизации»¹⁸. Технические факультеты и педагогические институты, ранее бывшие рассадниками атеизма и левых идей, стали прибежищем исламизма.

Бурно прогрессировала и политизация ислама, при которой мечети и различные религиозные учреждения превращались в центры объединений и ассоциаций, более сплоченных и крепких, чем партии или профсоюзы. Запад и ориентирующиеся на него правительства многих стран ислама (как правило, авторитарные или консервативные) сами расчистили политическое поле для исламизма, почти повсеместно разгромив приверженцев социализма, дискредитировав светских националистов и практически вытеснив из общественной жизни и без того малочисленных на Востоке либералов и демократов.

Несомненно, на закрепление позиций исламистов работал в последние годы и постоянный прессинг Запада на многие страны ислама не только в экономическом, но и в военном плане. Это способствовало нагнетанию напряженности, усиливало патриотические настроения, особенно среди молодежи, содействовало мобилизации всех возможностей политической культуры ислама, выработанных за долгие века борьбы с иноверцами, в частности, – традиций скрытности и железной дисциплины суфийских братств. События 2003–2004 гг. в Ираке вскрыли некоторые новые аспекты, связанные с реакцией на поражение полиэтничного и поликонфессионального общества, располагающего разными видами подполья и способами борьбы, применяемыми обособленными национальными и религиозными общинами,

политическими и иными общностями, представляющими бывший госаппарат, отдельные фракции армии, часть бывшей правящей партии, очевидно, заранее перешедшую на нелегальное положение, а также – группы сторонников прежнего режима, объединенных родоплеменными, клановыми и земляческими узами.

Политическая культура мира ислама продолжает развиваться и обогащаться за счет внутренних ресурсов и внешних импульсов. К сожалению, институт насилия в ней приобретает все более весомое место. Однако вряд ли ответственность за это можно возложить на само исламское сообщество как таковое. Применяя насилие и даже возводя его в почти повседневную практику, оно прежде всего отвечает на вызовы современности, которая, в сущности, не оставляет шансов на иной выбор. Возможно, решение многих проблем и мира ислама, и всего человечества породит альтернативу этому выбору. Но пока что этого не произошло.

¹ Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993, с. 264.

² Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993, с. 315.

³ Там же, с. 402.

⁴ Там же, с. 55.

⁵ Rodinson M. Islam et capitalisme. P., 1966; Rodinson M. Islam: politique et croyance. P., 1993, с. 183–186.

⁶ Charney J.-P. Sociologie religieuse de l'Islam. P., 1994, с. 339; Roy O. Généalogie de l'islamisme. P., 1995, с. 61–63.

⁷ Социальный облик Востока. М., 1999, с. 262, 365.

⁸ Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М., 1965, с. 210–253.

⁹ Rosenthal E. Islam in the Modern National State. Cambridge, 1965, с. 112.

¹⁰ Le Tourneau R. Evolution politique de l'Afrique du Nord musulmane. 1920–1961. P., 1962, с. 319; Nouschi A. La naissance du nationalisme algérien. P., 1962, с. 68.

¹¹ Аль-мукавама аль-джазаирийя (Алжирское сопротивление). Тунис, 03.12.1957; Teguia M. L'Algérie en guerre. Alger [1983], с. 297.

¹² Султан-Галиев М. Статьи, выступления, документы. Казань, 1992, с. 446–470; Исламский вестник. М., 1992, № 10, с. 21.

¹³ Bennigsen A., Lemerrier-Quelquejay Ch. Sultan-Galiev, le père de la révolution tiers-mondiste. P., 1986, с. 278; Newsweek, 13.01.1964.

¹⁴ The Middle East viewed from the North. Bergen, 1992, с. 73–84.

¹⁵ Филоник А.О., Вавилов А.И. Саудовская Аравия: поиски внутренней гармонии. М., 2004, с. 194–199; Известия. 31.05.2004.

¹⁶ Аль-ислам фи таарих шууб аш-шарк (Ислам в истории народов Востока). Бейрут, 1986, с. 105–110; Ближний Восток и современность. М., 2002, № 14, с. 193.

¹⁷ Ближний Восток и современность. М., 2003, № 18, с. 161–193; Известия, 07.04–19.04.2004; The Palestine Question. N.-Y., 1980, с. 16; Intifada:

Facts and Figures. Tunis, 1989, c. 1–12; The Challenge of Peace in the Middle East. Muscatibe (USA), 1990, c. 5.

¹⁸ Roy O. Généalogie de l'islamisme, c. 62–65.

А.М.Бескодаров, С.В.Бондаренко

НЕФТЕГАЗОПЕРЕРАБАТЫВАЮЩАЯ И ХИМИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Развитие промышленности по переработке жидких и газообразных углеводородов в странах региона было вызвано главным образом растущими потребностями внутреннего рынка в различных нефтепродуктах. Однако постепенно факторы иного порядка стимулировали развитие данной отрасли производства: нефтепродукты и их экспорт приносили значительно больший доход странам-производителям, нежели экспорт сырой нефти. Кроме того, при низких ценах на энергосырье, что особенно проявилось в 80–90-е годы, курс на наращивание перерабатывающих мощностей стал единственной разумной альтернативой вывозу сырой нефти. Именно в этот период с особой силой проявилась устойчивость цен на рынке нефтепродуктов в сравнении с ценами на сырую нефть. Кроме того, одна из наиболее технологически передовых и динамично растущих промышленных отраслей в мире – химическая, использующая в качестве основного исходного материала нефть и газ, рассматривалась как приоритетная в планах хозяйственного развития. Эти факторы предопределили довольно высокую динамику прироста перерабатывающих мощностей.

Таблица 1

**Объем перерабатывающих мощностей в 80–90-е годы
в Ливии, Ираке и Иране, (тыс. барр. в день)**

	80-е гг.		90-е гг.		2000 г.	
	тыс. б.д.	доля в добыче, %	тыс. б.д.	доля в добыче, %	тыс. б.д.	доля в добыче, %
Ирак	550*	21	595**	28	603***	50
Иран	750****	38	1035*****	32	1524*****	42
Ливия	130*****	7	290	21	380*****	27

Примечание: * 1989 г.; ** 1993 г.; *** 1998 г. (при квоте в 1270 тыс. б.д.); **** 1989 г.; ***** 1995 г.; ***** 1999 г.; ***** 1977 г.; ***** 1999 г., без учета мощностей в Европе; с учетом мощностей, в которых Ливия имеет долю эти показатели составили соответственно 642 тыс. барр. и 46%.

Рассчитано по: БИКИ. 26.06.1997; OPEC. Annual Statistic Bulletin. 1997; Arab Oil and Gas Directory. 1999, с. 133, 168.

К концу 90-х годов одни из крупнейших продуцентов энергоносителей в регионе – Ирак, Иран и Ливия довели уровень переработки добываемой нефти соответственно до 50%, 42% и 25%.

Данные таблицы говорят об умеренном приращивании перерабатывающих мощностей в Иране и Ливии (без учета нефтеперерабатывающих мощностей, которыми страна владела в Европе) за двадцатилетний период. Однако темпы этого прироста были несколько ниже темпов роста добычи.

Что касается Ирака, то ирано-иракская война 1980–1988 гг., а затем почти десятилетний период жестких международных санкций на экспорт углеводородов и продуктов их переработки привели к резкому замедлению строительства новых перерабатывающих мощностей и предприятий химической промышленности. Причем, ограничения на производство в Ираке ОВ и продукции двойного назначения также резко замедлили темпы развития этой отрасли. Перед войной в Персидском заливе начала 90-х годов, которая нанесла большой ущерб нефтеперерабатывающим мощностям страны, последние находились на уровне 650 тыс. барр. в день (порядка 20% добычи), к концу 90-х годов удалось восстановить их объем до уровня 603 тыс. барр. Однако, по оценке специалистов, из-за частых остановок технологического процесса едва ли перерабатывающие мощности превышали 350–450 тыс. барр. в день (1). Это было следствием дефицита или полного отсутствия запасных частей, а также необходимых химикатов, используемых при производстве тех или иных нефтепродуктов в результате международных санкций. Некоторые виды производства нефтепродуктов упали до 50% от их обычного уровня. Обращение Ирака с просьбой о поставках запасных частей в рамках программы «нефть в обмен на продовольствие» встретило отказ со стороны США под предлогом того, что это позволит Багдаду вести незаконную торговлю продуктами переработки, получая 200 млн. долл. в месяц. Выражалось опасение, что из-за отсутствия соответствующего ухода и ремонта некоторые НПЗ так и не смогут восстановить свою прежнюю производственную мощность. Параллельно шел опасный процесс загрязнения окружающей среды из-за попадания серы и других вредных продуктов в воды Тигра. Специалисты также отмечали резкое падение качества нефтепродуктов, в частности, снижение октанового числа производимого бензина.

В целом, ни один из иракских НПЗ, даже те из них, которые подверглись модернизации в конце 90-х годов, так и не заработал на полную мощность. Данные ниже приводимой таблицы дают представление о том, как изменился уровень производственных мощностей на НПЗ Ирака за период с конца 80-х по конец 90-х годов XX в. Причем с учетом последних событий в этой стране нет оснований говорить о том, что ситуация к 2004 г. как-то изменилась в лучшую сторону.

Таблица 2

**Динамика производственных мощностей
на нефтеперерабатывающих предприятиях Ирака
в 80–90-е годы, (тыс. барр. в день)**

НПЗ	Годы		
	1989	1993	1998*
Басра	126,0	126,0	126,0
Даура	76,0	92,0	100,0**
Киркук	27,0	27,0	27,0
Байджи (Салахэддин)	126,0	140,0	140,0
Байджи (Север)	135,0	150,0	150,0
Ханакин-Альванд	10,5	10,5	10,5
Насирия	27,0	27,0	27,0
Хадита	14,0	14,0	14,0
Муфтиях	4,5	4,5	4,5
Кайрах	4,0	4,0	4,0

Примечание: * со времени войны в Персидском заливе действовали только НПЗ в Басре, Дауре и Байджи; ** действующие мощности не превышают 75 тыс. барр.

Источник: Annual Statistical Bulletin. 1997; Arab Oil and Gas Directory. 1999, с. 168.

Данные таблицы говорят о том, что в 90-е годы лишь в городах Даура и Байджи НПЗ нарастили свои перерабатывающие мощности примерно на 10% (2).

Более динамично наращивались перерабатывающие мощности в Иране, который в 90-е годы не подвергся столь жестким международным санкциям, как Ирак.

Таблица 3

**Динамика производственных мощностей
на нефтеперерабатывающих предприятиях Ирана
в 90-е годы, (тыс. барр. в день)**

НПЗ	Годы			
	1992	1995	1999	2003*
Абадан	250	250	450	450
Бандар Аббас	–	–	232	232
Тегеран	220	220	225	225
Исфаган	200	220	265	265
Арак	–	150	150	300
Тебриз	80	110	112	112
Шираз	40	40	40	40
Керманшах	20	25	30	30
Лаван	20	20	20	20
ВСЕГО	830	1035	1524	1674

НПЗ	Годы			
	1992	1995	1999	2003*
Новые НПЗ				
Шахбахар				225
Нека				200
Кешм Айлэнд				120
Новое предприятие по утилизации конденсата				80
ИТОГО				2299

Примечание: * прогноз.

Источник: Arab Oil and Gas Directory. 1999, с. 133.

Таким образом, в отличие от Ирака, который «увяз» в 80–90-е годы в опустошительных региональных и внутренних конфликтах, в 90-е годы Иран почти удвоил свои нефтеперерабатывающие мощности, а в начале XXI в. последние должны возрасти по сравнению с концом 80-х примерно в три раза. Это позволит стране не только отказаться от импорта бензина, но и приступить к экспорту части производимой продукции, что открывает возможности экономить значительные валютные средства.

Национальная статистика указывает, что за 90-е годы XX в. производство отдельных важнейших видов нефтепродуктов возросло примерно на 20–25% (3). Особенно быстро росло производство газойля, мазута и некоторых других видов нефтепродуктов. Данные статистики свидетельствуют о динамичном росте потребления в стране gasoline и очищенного топлива (примерно на 6,5% ежегодно) (4). По оценке ИННК, за десятилетие объем внутреннего потребления продуктов переработки углеводородного сырья в Иране увеличился на 50% и достиг 1,5 млн. барр. в день. Вместе с тем, имеются различия в оценках уровня потребления нефте-газопродуктов в Иране. Так, Центральный банк Ирана приводит цифру в 1 млн. барр. в день на начало 1998 г. По данным же Международного энергетического агентства, данный показатель на конец 90-х годов составлял 1,35 млн. барр., увеличившись с 1991 г. примерно на 40%.

Быстрый рост объема внутреннего потребления таких продуктов переработки, как керосин и газолин, вызывает необходимость частично импортировать эти виды энергоносителей в размере 15–25% от уровня их внутреннего потребления. В результате, правительство вынуждено было расходовать от 700 млн. до 1 млрд. долл. на эти цели. Для сдерживания чрезмерного роста этих показателей, что особенно актуально в условиях падения доходов от экспорта, в Иране прибегли к развитию перерабатывающих мощностей, почему и удалось частично приостановить углубление неблагоприятной тенденции: импорт gasoline к 2000 г. снизился, импорт керосина был прекращен.

Одновременно изменению подверглась политика цен на нефтепродукты – розничные цены были в течение ряда лет существенно по-

вышены, отменены государственные субсидии. Эти меры, видимо, будут продолжены и в будущем, т.к. стоимость горючего в Иране все еще оставалась в конце XX в. существенно ниже уровня мировых цен. Так, цена 1 л газа в 1999 г. равнялась всего 12 центам США. По оценкам ИННК, искусственно заниженные цены на нефтепродукты, хотя и служили действенным стимулом поощрения роста в различных отраслях национальной экономики, вели к их перерасходу, что поглощало примерно 4 млрд. долл. в год.

Наряду с отмеченными выше факторами, немаловажную роль играет также рост химического производства на основе использования газа в качестве сырья. Оно получило особенно быстрое развитие со второй половины 90-х годов. Так, согласно пятилетнему плану, опубликованному летом 1997 г., предполагалось соорудить 29 объектов нефтехимии и довести производство продукции нефте-газохимии до 14 млн. т в начале нового тысячелетия. Динамичное развитие отрасли планировалось сохранить и на более длительную перспективу, увеличив объем ее годового производства до 30 млн. т к 2013 г.

Еще одним направлением в экономике, наряду с развитием мощностей по переработке энергосырья, сокращением и отменой государственных субсидий, повышением цен на продукты переработки, стало замещение потребления нефти и нефтепродуктов газом – экологически более чистым видом топлива и, к тому же, имеющимся в Иране в изобилии. За вторую половину 90-х годов удалось заметно изменить баланс потребления нефти и газа в пользу последнего. Его доля в потреблении энергоносителей поднялась к концу 90-х годов до 30% (по оценкам, к 2000 г. она составила уже около 35–40%), а доля нефти упала с 80% в середине 80-х годов до 63% в 1994 г. до 56% (50% к 2000 г.) (3).

Вероятно, эта тенденция сохранится на длительную перспективу, что будет способствовать постепенному (частичному) вытеснению нефти и нефтепродуктов попутным и природным газом. Такая политика уже позволила Ирану сберечь такое количество нефти, экспорт которой с 1989 по 1996 гг. принес стране дополнительный доход в 22 млрд. долл.

Иран также нуждается в значительном росте добычи газа, т.к. он во все возрастающих количествах закачивается в нефтяные пласты, позволяя увеличить извлекаемость нефти из разрабатываемых месторождений.

Совсем иная картина с разработкой газовых ресурсов в Ираке и Ливии, которые не обладали столь же значительными разведанными ресурсами этого ценного вида углеводородного топлива. Здесь роль добычи и потребления природного и попутного газа носит ограниченный характер. Как уже отмечалось ранее, объем добычи газа в Ираке и Ливии составил в 1998 г. соответственно лишь 4 и 12 млрд. куб. м соответственно, что многократно уступает соответствующему показателю в Иране (94 млрд.).

К особенностям политики Ливии в области переработки нефти относятся ее довольно энергичные усилия, прилагаемые в 70–80-е годы, с целью продвинуть свои интересы в этой отрасли на европейское пространство – традиционный рынок сбыта ливийских углеводородов. Они реализовались как в налаживании партнерских связей с европейским капиталом в области переработки ливийской нефти в Европе, непосредственно в странах-потребителях ливийских углеводородов (или соседних с ними) – Германии, Италии и Швейцарии, так и в создании собственной дистрибьюторской сети в странах-потребителях, прежде всего в Германии, Италии и Испании. Причем, указанные выше 25% – это лишь та доля производимой нефти в Ливии, которая может быть переработана непосредственно на ливийских НПЗ, т.е. без учета мощностей, которыми она (в доле-вой форме) владеет в европейских странах: в 1998 г. из 73 млн. т добытой нефти было произведено 20 млн. т нефтепродуктов (т.е. производственные мощности были загружены неполностью). Если учесть и те производственные мощности, которыми частично владеет Ливия и на которых перерабатывается нефть в Европе, то доля нефти, которая может быть переработана, возрастет примерно до 45% (380 тыс. – на собственных НПЗ и 300 тыс. т – на европейских предприятиях). На протяжении второй половины 80–90-х годов нефтеперерабатывающие мощности в стране возросли менее чем на 10%, основной упор был сделан на расширение перерабатывающих мощностей в Европе – ведущем рынке сбыта ливийских углеводородов (4).

Переработка добываемых в названных странах нефти и газа в различные виды топлива и смазочные масла, а также в сырье для парфюмерной промышленности и т.п., представляет собой только часть нефтегазоперерабатывающего комплекса. Нефтехимическое производство является его другой частью. В отдельные периоды, особенно когда доходы от экспорта углеводородов были относительно высокими, отрасль развивалась довольно динамично. Отмена международных санкций наряду с установившимся на протяжении 2000–2004 гг. исключительно высокими ценами на нефть на мировом рынке дают основание предполагать, что «притормозивший» в 90-е годы процесс формирования современного нефтегазового комплекса вновь набирает высокие темпы.

Если вернуться к периоду 80–90-х годов, то низкие цены на энергоносители существенно сказались на становлении нефтехимического комплекса во всех трех странах – его темпы были ощутимо ниже объективно имевшихся возможностей. В Ираке, к тому же, на формировании этой перспективной во многих отношениях отрасли сказались ориентация части производства на военные цели.

Следует отметить, что практически во всех странах региона, включая Ирак, Иран и Ливию, в последние два – три десятилетия налажено производство таких пользующихся постоянным спросом как

на внутреннем, так и внешнем рынках продукции нефтехимии, как полиэтилен, пластмассы, удобрения и других.

В целом же развитие нефтехимии в большинстве стран Ближнего и Среднего Востока в последние десятилетия находится скорее лишь в начальной фазе. Это относится и к Ливии, Ираку и Ирану. Так, в Ираке до начала 90-х годов существовал только один крупный нефтехимический комплекс в Хор аз-Зубейре, близ Басры (известен, как нефтехимический комплекс № 1) и несколько специализированных предприятий по производству полиэтилена, полихлорвинила алкилбензола и моющих средств. Во время войны в Персидском заливе он подвергся большим разрушениям и лишь в начале 1992 г. был восстановлен. Второй комплекс (№ 2), расположенный в Месайбе, близ Багдада, находившийся в стадии строительства, также был разрушен и восстановлен и введен в строй к концу 1992 г. Пострадали и другие предприятия нефтехимической промышленности, в частности, завод по производству алкилбензола (50 тыс. т в год) и толуола (8 тыс. т). Однако они в течение года – полутора были вновь введены в строй.

В этой отрасли в стране действуют как государственные компании, так и компании со смешанным, в т.ч. арабским капиталом (Pan-Arab Petrochemicals Company, а также Arab Detergent Chemicals Company – Aradet), производящие моющие средства, азотные и фосфатные удобрения, серную и сернистую кислоту. В целом, иракские заводы по производству удобрений располагают производственными мощностями, оцениваемыми в 6–7 млн. т удобрений в год, что не только позволяло обеспечить страну необходимыми удобрениями, но и экспортировать до 1 млн. т. Нефтехимические комплексы производят широкий спектр продукции – этилен, этилен дихлорид, винилхлорид, поливинилхлорид, полиэтилен низкой и высокой плотности, этилен оксид, полипропилен и т.д. Объем их продукции составляет порядка 1,5 млн. т в год, часть ее экспортируется.

Анализ основных тенденций состояния и развития нефтегазового комплекса в названных странах в последние десятилетия, особенно в 90-е годы, позволяет прийти к следующим выводам.

Нефтегазовая отрасль в основном сохранила свою ключевую роль в экономике Ливии, Ирака и Ирана практически по всем основным позициям. Ее доля в ВВП на рубеже XX–XXI вв. остается внушительной, несмотря на тенденцию к снижению в результате появления новых отраслей и некоторое развитие традиционных сфер экономики. Значение отрасли в обеспечении этих государств свободно конвертируемой валютой практически не изменилась, оставаясь исключительно высокой. Нефтегазодобыча не только сохранила, но и укрепила свое значение в обеспечении национального хозяйства как энергосырьем, так и исходным сырьем для развития новых важных отраслей, таких как нефтехимия. На ее основе постепенно формируется круп-

ный нефтегазовый комплекс, которому принадлежит центральное место в структуре национальных экономик XXI в.

Развитие отрасли в 80–90-е годы в целом проходило в неблагоприятных внутренних и внешних условиях, на ее состоянии в сильной мере сказались не только негативные политические факторы, но и резкие колебания конъюнктуры мирового рынка энергоносителей. До некоторой степени их негативное воздействие удалось смягчить за счет следующих мер:

- сохранения курса на интенсивную добычу и экспорт углеводородов. Это направление было характерно для всех стран, хотя ему были присущи страновые особенности:

- более интенсивного использования попутного и природного газа, значительными запасами которого обладают все указанные страны, особенно Иран;

- развития перерабатывающих мощностей с целью усиления всей производственной вертикали в отрасли. Данное направление также характерно для всех трех государств, но в 90-е годы, в силу вышеотмеченных факторов, оно было особенно характерно прежде всего для Ирана и, до некоторой степени, Ливии;

- развития транспортной инфраструктуры.

Неблагоприятные условия своим следствием имели несколько более медленные темпы формирования всей вертикали нефтегазового хозяйственного комплекса стран, нежели те, которые были бы возможны с учетом их экономического потенциала.

Замедление темпов роста нефтегазовой сферы, в целом ограниченные результаты в развитии отрасли в Ливии, но особенно в Ираке, как показала вторая половина 90-х годов, может достаточно быстро смениться быстрым ростом как добычи, так и переработки углеводородного сырья со всеми вытекающими из этого последствиями, в том числе быстрым выходом с дополнительными объемами энергоресурсов и продуктов переработки нефти и газа на мировые рынки. В основе такого прогноза лежит, прежде всего, то обстоятельство, что все рассматриваемые страны обладают крупными разведанными запасами нефти и газа, располагают значительными мощностями по добыче и транспортировке углеводородов. Последние в 90-е годы получили существенное развитие. Кроме того, несмотря на низкие мировые цены на энергоносители в течение большей части периода 80–90-х годов, другие негативные факторы, эти страны имеют крупные финансовые и технические ресурсы, необходимые для быстрого наращивания добычающих мощностей. Иран, занимающий второе место в мире после России по разведанным запасам газа, в последнее десятилетие ведет особенно интенсивную разработку своих газовых месторождений.

Динамичный выход на мировой рынок, прежде всего Ирака и Ирана, с дополнительными объемами энергосырья и продуктами его переработки представляется вполне реальным не только из-за смягчения

наложенных экономических санкций в конце 90-х годов и повышения шансов на их полную отмену, но и некоторого усиления тенденции к проведению либеральных рыночных реформ, которые должны смягчить бремя расходов, финансируемых из государственного бюджета, что позволит направить дополнительные средства на развитие и модернизацию нефтегазовой отрасли. Но главными факторами станут, вероятно, планы наращивания добывающих мощностей, огромные запасы нефтегазовых месторождений – одних из самых крупных в мире.

Как показали последние два десятилетия, особенно события 2003–2004 гг., для реализации наиболее оптимального варианта развития нефтегазовой отрасли необходимы благоприятные политические условия: прекращение внутренних и региональных конфликтов, нанесших огромный ущерб, как отрасли, так и национальным экономикам Ливии, Ирака и Ирана, их более тесная интеграция в мировое хозяйство, без которого вряд ли возможно широкомасштабное сотрудничество с мировыми компаниями, обладающими передовыми технологиями во всех секторах нефтегазовой отрасли; и, что особенно важно, – более эффективная политика сотрудничества с основными продуцентами углеводородов, включая Россию и Саудовскую Аравию.

1. Arab Oil and Gas Directory. 1999, с. 168.
2. Annual Statistical Bulletin. 1997; Arab Oil and Gas Directory. 1999, с. 168.
3. Национальная иранская нефтяная компания.
4. OPEC. Annual Statistical Bulletin. 1997.
5. Банк Маркази (Центральный банк Ирана).
6. Paper presented at the 6th Arab Energy Conference. Damascus, May 1998.

СДВИГИ В СИСТЕМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В АРАБСКИХ СТРАНАХ (90-е ГОДЫ)

В 70–80-е годы прошлого столетия в арабских странах наблюдалась определенная либерализация инвестиционных режимов. Так, например, вместо установки лимитов или даже запрета прямых иностранных инвестиций (ПИИ), как это было достаточно часто в предшествующий период, большинство принимающих государств не только приветствовали ПИИ, но и на самом деле конкурировали между собой за их получение. Ограничения, связанные с созданием и функционированием отделений и филиалов иностранных компаний, были заметно ослаблены. Зарубежные инвесторы все более широко получали право свободно репатриировать прибыли и капиталы. В арабском регионе начали приобретать всеобщий характер гарантии защиты от экспроприации и свободного перевода капиталов. Кроме того, все чаще применялась практика разрешения инвестиционных споров через арбитраж, а также осуществлялась либерализация ряда других аспектов регулирования.

Тем не менее, согласно данным, приведенным в опубликованном в июне 1997 г. докладе ЮНКТАД, доля арабских стран в привлеченных прямых инвестициях в глобальном масштабе в рассматриваемый период постепенно падала. Так, если в начале 80-х годов она составляла 10%, то во второй половине этого десятилетия уменьшилась до 1% (1; 3.07.1997). Начиная с середины 80-х годов прошлого столетия, приток ПИИ в государства Арабского Востока был ниже, чем, например, в такие регионы, как Юго-Восточная Азия и Латинская Америка (2, с. 15).

Уменьшение притока иностранных инвестиций, которое, несомненно, приводило к замедлению темпов хозяйственного роста, вызывало обеспокоенность руководства арабских государств. С цельюощрения более широкого участия зарубежного капитала в экономическом развитии страны рассматриваемого региона в 90-е годы принимали меры по совершенствованию законодательной и институциональной базы в изучаемой сфере и улучшению инвестиционного климата.

Трансформация юридических и институциональных систем регулирования прямых иностранных инвестиций в арабском мире в 90-е годы отражала сдвиги не только в базовых позициях и концептуальных подходах, но и в интенсивности и широте охвата различных сек-

торов экономики. Так, из года в год расширялся круг отраслей, в которых действовали транснациональные корпорации. Инвестиционное пространство, прежде концентрировавшееся почти исключительно на добыче нефти и других природных ресурсов, постепенно начинало включать в себя обрабатывающую промышленность, услуги и высокотехнологичные отрасли.

В течение рассматриваемого десятилетия инвестиционное законодательство в арабских странах становилось более благоприятным для ПИИ, значительно расширилось применение правил и норм международного права (таможенного, договорного и др.) при решении инвестиционных проблем. В этой связи следует подчеркнуть, что несколько десятилетий назад в глобальном масштабе считалось, что международное право должно занимать подчиненное положение по отношению к национальной юрисдикции, что зачастую приводило к существенным нарушениям деятельности в сфере ПИИ. В настоящее время в компетенцию международного права входит значительная часть вопросов, относящихся к прямым иностранным инвестициям и, как ожидается, число их будет и дальше расширяться.

Большинство арабских стран в 90-е годы начали проводить политику поощрения прямых иностранных инвестиций, степень радикальности или умеренности которой заметно различалась в отдельно взятых государствах региона. В частности, некоторые нефтеэкспортеры (ОАЭ, Катар, Бахрейн) стали придерживаться (и достаточно успешно) более либерального инвестиционного курса с целью диверсификации национальных хозяйств. Этот вывод относится также и к Марокко, которое располагает 75% мировых запасов фосфатов.

В других нефтедобывающих арабских странах (например, Саудовская Аравия, Кувейт, Оман) законодательная база улучшалась весьма медленно, инвестиционные нормативные акты продолжали содержать существенные ограничения по отношению к прямым иностранным инвестициям.

Некоторые арабские страны (в первую очередь те, которые не обладают устоявшимися традициями в деле привлечения ПИИ) создали в предшествующий период систему правил, нацеленных на поощрение инвестиций со стороны компаний и частных лиц. Среди государств, которые сформировали подобную базу регулирования, следует прежде всего назвать Египет, Иорданию, Марокко, Тунис, Саудовскую Аравию, Сирию и Судан. В отличие от них, в Ливане либеральные экономические традиции, характеризующиеся высокой степенью открытости по отношению к мировой экономике и достаточно умеренным вмешательством со стороны государства, наряду с гибким законодательством в области торговли, инвестиций и финансов сделали создание подобной системы регулирования не столь необходимой.

Отсутствие цельности и неоднородная структура законодательной базы регулирования ПИИ подтолкнули (прямо или косвенно) не-

которые арабские страны к принятию консолидированного инвестиционного законодательства. В качестве примера можно привести принятую в Марокко в 1995 г. Инвестиционную хартию («Investment Charter»), которая заменила несколько отдельных законов, стимулировавших привлечение капиталовложений в обрабатывающую промышленность, добычу полезных ископаемых, туризм, экспортные операции, недвижимость и ремесла. В Тунисе вместо ряда нормативных актов, затрагивавших отдельные секторы экономики страны, вступил в силу Инвестиционный кодекс («Code Unique»).

Значительный шаг в направлении модернизации законодательной базы регулирования прямых иностранных инвестиций в рассматриваемый период сделал Египет, где в 1997 г. был введен в действие новый инвестиционный закон № 8, что позволило внести большую согласованность в нормативную базу. Положения этого документа отражают значительный прогресс в инвестиционном законодательстве АРЕ, которое заметно эволюционировало в течение двух последних десятилетий.

Закон № 8 (как и закон № 230 от 1989 г., который он заменил) не устанавливает минимум египетского участия при осуществлении инвестиций. Иными словами, он разрешает национальному, другому арабскому или иностранному капиталу иметь 100% собственности в любом проекте, который проводится в жизнь в стране согласно этому документу (здесь и далее анализ основных положений закона базируется на материалах ЮНКТАД, которые в списке литературы обозначены под № 3).

Тем не менее, как показывает практика, иностранным инвесторам рекомендуется иметь египетских партнеров, которые в состоянии способствовать успеху совместного предприятия в силу своего опыта, знания местных условий, положения на рынке или финансовых ресурсов. При этом управленческий контроль, как правило, сохраняется за зарубежным акционером, если он обладает большим опытом в соответствующей отрасли экономики.

Закон № 8 заметно расширил стимулирование местных и иностранных инвесторов по сравнению с прежним нормативным документом. В частности он предусматривает:

- льготы для таких приоритетных секторов экономики, как инфраструктура, производство запасных частей к автомобилям, программное обеспечение, обслуживание нефтепромыслов;
- дополнительные льготы (например, более длительные «налоговые каникулы») для проектов, осуществляемых в так называемых показательных районах («target development areas»);
- поощрения для малых и средних предприятий;
- льготы для экспортеров и экспортной деятельности.

Закон устраняет ранее действовавшие ограничительные положения в отношении репатриации прибылей или капитала. Компаниям

и другим структурам разрешается владеть землей и недвижимостью, необходимыми для ведения деятельности, независимо от национальности владельцев акций, их юридических адресов и долей участия в капитале. Кроме того, закон запрещает аннулирование или приостановку действия лицензии компании или другой структуры, если с их стороны не было допущено серьезных нарушений условий, предусмотренных подобной лицензией. В этой связи следует подчеркнуть, что предыдущий закон разрешал любым административным властям отзывать лицензию после консультации с Главным управлением по инвестициям и свободным зонам (General Authority for Investment and Free Zones – GAFI).

Прибыли компаний и других структур, создаваемых в соответствии с законом № 8, освобождаются от подоходного налога. Это освобождение должно применяться с первого финансового года, следующего за началом выпуска продукции или деятельности по профилю компании, в течение пятилетнего периода. Следовательно, фактически «налоговые каникулы» всегда продолжительнее, чем пять календарных лет.

Период налогового освобождения может быть продлен до десяти лет для компаний и структур, расположенных в новых индустриальных зонах и новых городских поселениях, а также в отдаленных районах, которые устанавливаются решением премьер-министра. Подобное стимулирование применяется также к новым проектам, финансируемым Социальным фондом развития.

Срок освобождения от налога на прибыль может быть продлен до двадцати лет для акционерных компаний и долей отдельных партнеров в них, если они оперируют за пределами дельты Нила. Территории, на которые распространяется эта льгота, определяются решением кабинета министров.

С суммы, эквивалентной доле оплаченного капитала компании, не взимается корпоративный налог в случае, если она является акционерной компанией, и ее акции зарегистрированы на одной из фондовых бирж. Оценочная стоимость активов, используемых в формировании или увеличении капитала акционерных компаний, товариществ, компаний с ограниченной ответственностью, освобождается от налога на доходы от коммерческой и промышленной деятельности или корпоративного налога. Положение статьи 4 закона № 186 от 1986 г. (Customs Exemptions Law), согласно которому устанавливается унифицированная ставка таможенной пошлины в размере 5% стоимости товара, применяется к машинам, оборудованию и другим компонентам, необходимым для создания компаний и других структур в соответствии с законом № 8.

В целом закон № 8 применим ко всем компаниям и структурам, деятельность которых началась после 11 мая 1997 г. Что касается конкретных юридических норм, под которые они подпадают, то они

подробно описаны в статье 1 этого документа. Некоторые дополнительные условия и ограничения содержатся в исполнительских инструкциях, утвержденных декретом премьер-министра № 2108 от 1997 г.

Так, к перечисленным в статье 1 закона видам деятельности, кабинету министров разрешается добавлять некоторые другие сферы, исходя из потребностей страны, и/или любые виды деятельности, необходимые для развития египетской экономики. Это положение рассматривается как одно из базовых преимуществ закона №8, поскольку любой вид деятельности пока не предусмотренный в законе, может со временем войти в список, так как правительство обладает полномочиями расширять сферу его действия.

Наиболее крупные виды деятельности, подпадающие под действие закона перечислены ниже:

- мелиорация и возделывание неплодородных земель и/или пустынных земель;

- животноводство, птицеводство и рыболовство;

- добывающая и обрабатывающая промышленность, включая:
а) такую промышленную деятельность, как трансформация веществ и сырья, изменение их форм путем соединения, смешивания, обработки или придания им формы, а также сборки частей и компонентов с последующим использованием для производства промежуточной продукции (полуфабрикатов) или конечной продукции (готовых товаров). При этом в указанные в данном разделе закона виды деятельности не вошли табачная промышленность, а также производство алкогольных напитков; б) проектирование машин и оборудования для промышленности; в) разведка запасов руд и металлов, их добыча, измельчение и предварительная обработка;

- туризм и средства транспорта, используемые для туризма, включая наземный, речной, морской и воздушный;

- воздушный транспорт, включая перевозки пассажиров и грузов (регулярные и чартерные рейсы), сооружение, техническое обслуживание и эксплуатацию существующих аэропортов и взлетно-посадочных полос;

- зарубежные морские перевозки;

- услуги в сфере разведки и бурения нефтяных скважин, а также транспортировка газа;

- строительство жилья для сдачи в аренду;

- сооружение, пуск в эксплуатацию и управление объектами инфраструктуры (водоснабжение, дренаж, электроэнергия, дороги и коммуникации);

- производство компьютерного программного оборудования и систем;

- проекты, финансируемые через Социальный фонд развития (Social Fund for Development);

– гарантирование подписки на ценные бумаги.

Помимо этого, действие закона № 8 распространяется на виды деятельности, описанные в статье 2 закона № 95 от 1995 г. Они, в частности, включают: аренду движимого и недвижимого имущества, оборудования, а также так называемую финансовую аренду.

Несмотря на довольно широкий спектр видов деятельности, попадающих под действие закона № 8, он пока не охватывает все разнообразие инвестиционных проектов. Так, например, в Египте в последние годы бурно развивается рынок капиталов, а рассматриваемый нормативный документ регулирует лишь две сферы, связанные с этим рынком: инвестиции рискового и спекулятивного капитала и страховые гарантии. Другой заметный пробел заключается в том, что на проекты в области экологии и охраны природы не распространяются законодательные льготы. В законе № 8 не сформулирован также критерий регулирования инвестиций, связанных с передачей новых технологий, или проектов, способствующих созданию рабочих мест.

Закон № 8, с точки зрения защиты инвесторов и предоставления им гарантий, носит достаточно рыночный характер и в целом соответствует современным международным стандартам. Положения, касающиеся прав собственности и лицензий сводятся к следующему:

– компании и другие структуры не могут быть национализированы или конфискованы;

– секвестрация не может быть наложена на компании и другие структуры административным путем, их собственность и активы не могут быть арестованы, захвачены или удержаны в качестве залога, заморожены или конфискованы;

– никакой административный орган не может отозвать или приостановить лицензию на инвестиционную деятельность, которая была выдана компании или другой структуре, за исключением тех случаев, когда условия лицензии были нарушены. Премьер-министр на основе извещения компетентного административного органа должен издать декрет об отзыве или приостановке лицензии. Заинтересованная сторона имеет право оспорить подобное решение в административном суде в течение 30 дней, начиная с даты получения информации о нем.

Закон № 8 содержит ряд положений, касающихся других прав инвесторов и защиты их от административного произвола. В частности, никакой административный орган не может вмешиваться в ценовую политику компаний и структур или в определение их прибылей. Иными словами, компании могут свободно устанавливать цены на свою продукцию. Не существует лимита на их прибыль.

Компании и другие корпоративные структуры имеют право импортировать (прямо или через третьи стороны) все, что необходимо для производства (материалы, машины, оборудование, запчасти, средства транспорта и пр.) в соответствии с характером их деятельности без регистрации в Регистре импортеров в начальной стадии

функционирования или в период расширения. Им разрешается экспортировать свою продукцию самостоятельно или через посредников, при этом они не обязаны получать лицензию или регистрироваться в Регистре экспортеров.

Обобщая рассмотренные выше положения, следует подчеркнуть, что закон предписывает административным властям выполнять функцию буфера между инвестором и юридическими органами. Например, мнение того или иного административного органа должно учитываться компаниями, чтобы не доводить дело до судебных разбирательств. Применение закона № 8 не ставит под сомнение (и это специально оговаривается в документе) какие-либо налоговые льготы и освобождения или гарантии и привилегии, более благоприятные для инвестора, которые предусматриваются другими нормативными актами египетского законодательства или соглашениями.

Несмотря на то, что закон № 8 предоставляет инвесторам более высокую степень защиты и гарантий, в нем, по мнению западных и арабских экспертов, а также автора данной работы, имеется ряд недостатков и упущений. Многие недоработки этого документа связаны, в частности, с тем, что этот закон разрабатывался и одобрялся без какого-либо участия представителей частного сектора. Поэтому некоторые его положения должны быть пересмотрены с тем, чтобы удовлетворить потребности египетского бизнес-сообщества.

Сравнительный анализ содержания нового и предыдущего законов позволил выявить достаточно внушительное число негативных моментов закона № 8, которые можно суммировать следующим образом:

Некоторые освобождения, предоставленные инвесторам предыдущим законом (№ 230 от 1989 г.), были по существу отменены. Так, налоговые изъятия, касающиеся жилья для новых поселений (communities), товарных складов, и сборы с компаний, действующих в свободных зонах, согласно закону № 8, теперь рассчитываются на годовой базе, а не при поступлении инвестиции. Более того, были ликвидированы льготы, предоставлявшиеся корпоративным структурам, использующим в своей деятельности услуги и компоненты, поставляемые местными компаниями.

Ряд существенных проблем, связанных с расширением компании или другой корпоративной структуры, не получил отражения в законе. Кроме того, дополнительные пятилетние налоговые каникулы для расширяющегося проекта, которые предусматривались законом № 230, были отменены. При этом закон № 8 не устанавливает размер компенсации, возмещающей данную льготу. Подобная компенсация оговаривалась во всех предыдущих инвестиционных законах, она должна была определяться на базе рыночных цен.

Закон № 8 отменил предоставление правительственных гарантий для инвестиционных займов, которые могут быть выданы госу-

дарственному сектору международными финансовыми институтами. В настоящее время только Народная ассамблея (парламент Египта) уполномочена обеспечивать подобную гарантию.

Налоговые освобождения, предусмотренные законом № 8, предоставляются согласно его исполнительскому регулированию. Легитимность такого решения вызывает вопросы, так как, согласно статье 61 Конституции АРЕ, налогообложение и государственные сборы являются сферами, которые регулируются законодательно. Это означает, что освобождение от налогов должно предоставляться в соответствии с законом, а не исполнительным регулированием.

В законе четко не прописано, что инвестор, который собирается покинуть Египет, имеет право репатриировать свою прибыль и капитал, поскольку правительство исходит из того, что это предусматривается действующим в стране валютным законодательством. Однако, если нынешняя либеральная политика в области валютного регулирования изменится, инвестор может столкнуться с трудностями при репатриации прибыли и капитала.

Статья 28 закона № 8 предусматривает, что земля, принадлежащая государству или государственным юридическим лицам, решением кабинета министров может быть предоставлена компаниям и другим структурам бесплатно и в соответствии с процедурами, изложенными в исполнительном регулировании к этому закону. Законность данного положения вызывает сомнения, так как статья 123 Конституции АРЕ гласит, что закон должен определять случаи, когда разрешается безвозмездно распоряжаться недвижимостью, находящейся в государственной собственности, а также правила и регулирование подобных процедур. Соответственно, последние должны быть предписаны самим законодательным актом, а не исполнительным регулированием.

Закон № 8 обходит молчанием вопросы, касающиеся налогообложения компаний государственного сектора, находящихся в стадии приватизации.

Статья 14 закона № 8 предусматривает, что на акционерные компании, товарищества с ограниченной ответственностью или компании с ограниченной ответственностью, чья деятельность подпадает под юрисдикцию этого нормативного документа и его исполнительного регулирования, не должны распространяться положения статей 17, 18 и 19 закона № 159 от 1981 г. Это вызывает критику в свете новых дополнений к перечисленным статьям, сделанным в законе № 3 от 1998 г. Критика базируется на том, что учреждение компании согласно названным статьям и дополнениям к ним, содержащимся в законе № 3, происходит быстрее и проще, чем это предусматривается законом № 8, так как учредители компаний или их правопреемники обязаны только известить компетентные административные власти о создании компании, а также предоставить документы, требуемые в со-

ответствии со статьей 17 закона № 159 и дополнениям к ней. Согласно статье 17, компетентный административный орган (Управление компаний – Companies Authority) должен вручить лицу, представившему извещение, сертификат, удостоверяющий образование соответствующей структуры, если все документы, указанные в данной статье должным образом оформлены и приложены к извещению (уведомительный порядок). Затем компания обязана зарегистрироваться в Коммерческом регистре на основании этого сертификата без необходимости выполнения каких-либо других условий или проведения других процедур и несмотря на процент участия в ее капитале партнеров неегипетского происхождения. Компания должна быть открыто зарегистрирована и получить легальный статус по прошествии 15 дней с даты регистрации в Коммерческом регистре. Компетентная административная власть может в течение 10 дней с даты извещения о создании компании опротестовать ее формирование путем отправления зарегистрированного письма по почте в адрес компании. Согласно статье 19 закона № 159, в течение 15 дней с даты уведомления о протесте властей компания должна устранить причины возражений или подать жалобу на этот протест в министерство экономики. В противном случае, административный орган обязан издать приказ о вычеркивании ее из Коммерческого регистра.

Теперь сравним описанные процедуры с теми, которые предусматриваются законом № 8. Так, согласно ему учреждение любой компании или другой структуры предписано осуществлять следующим образом: заявка на проверку учредительных документов вместе с их копиями должна быть представлена в GAFI; одобрение учреждения компании производится в соответствии с основными принципами, установленными этим Управлением, после завершения проверки и подтверждения подписей учредителей и партнеров. До одобрения (предварительно) должен быть представлен сертификат, подтверждающий, что компания разместила на свое имя в банке, зарегистрированном Центральным банком Египта, сумму, равную, как минимум, одной четверти ее наличного капитала в случае, если это акционерная компания или товарищество с ограниченной ответственностью, или депонировала наличный капитал полностью в случае с компаниями с ограниченной ответственностью. Компании, получившие одобрение на учреждение, должны быть зарегистрированы в Коммерческом регистре. Уполномоченный служащий компании должен представить копию регистрации в GAFI. Описанные процедуры применяются также к каждому дополнению или изменению, сделанному в учредительных документах.

Сравнение со всей очевидностью показывает, что процедуры учреждения компании, согласно закону № 159, с исправлениями, внесенными законом № 3, более просты и занимают меньше времени, чем предусмотренные соответствующими статьями закона № 8. К это-

му следует добавить, что последний не устанавливает временной лимит для принятия решения об учреждении компании. По контрасту, срок формирования компании, согласно закону № 158 от 1981 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми в законе № 3 от 1998 г.), как уже отмечалось выше, строго оговорен. При этом компетентный административный орган (Companies Authority) не обладает дискреционной властью (не может действовать по собственному усмотрению), так как его право отказать в учреждении новой компании ограничено специфическими причинами. В то же время GAFI в качестве компетентного органа в этой связи имеет широкие дискреционные полномочия для отказа любой компании, желающей учредиться, согласно закону № 8.

Несмотря на определенные недостатки закона № 8, практики, юристы, бизнесмены и инвесторы сходятся в том, что он стимулирует стабильность на рынке, которая способствует увеличению инвестирования на египетском рынке. Поскольку этот нормативный акт является результатом тридцатилетнего опыта Египта в области инвестиций, он может рассматриваться в качестве модели для других арабских стран, которые не имеют подобных законов. Рассматриваемый документ содержит много конкретных примеров гарантий и защиты для инвесторов, что создает благоприятные условия для привлечения иностранных капиталовложений в более значительных объемах.

1. Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ). Москва.
2. Globalization and Growth Prospects in Arab Countries. IMF. 1997.
3. Investment Regimes in the Arab World. UNCTAD. New-York – Geneva, 2000.

**ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ
НЕНЕФТЯНЫХ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ
(НА ПРИМЕРЕ ИОРДАНИИ И МАРОККО)**

Тема глобализации является сейчас, пожалуй, наиболее широко распространенной среди работ, посвященных экономическим проблемам развивающегося мира. Все авторы сходятся во мнении, что этот феномен проявляется в усилении экономического и научно-технического взаимодействия различных стран, тенденции к их интеграции. Всемирный банк определяет глобализацию как увеличивающуюся экономическую взаимозависимость стран мира вследствие возрастающего объема и многообразия международных перемещений товаров, услуг и интернациональных потоков капитала, а также все более быстрого и широкого распространения технологий. Таким образом, особое значение для судеб отдельных государств приобретает проблема их интеграции в мировое хозяйство, поиска оптимальной модели развития в новых условиях и наиболее рационального способа участия в международном разделении труда.

Сама природа предопределила характер национального экономического развития и международной специализации арабских государств, располагающих крупными запасами углеводородного сырья. На мировом рынке они выступают в качестве поставщиков нефти и продуктов ее переработки, получая значительные финансовые ресурсы от продажи этих товаров. Однако опыт многих стран свидетельствует о том, что обилие природных ресурсов не всегда способствует, а иногда даже мешает экономическому росту. Отсутствие нефтяных ресурсов у ряда арабских стран и, соответственно, крупных финансовых поступлений от внешней торговли, с одной стороны, порождает ряд серьезных проблем, таких, как дефициты торговых балансов и госбюджетов, большой внешний долг, а с другой, стимулирует поиск моделей развития, позволяющих обеспечить быстрый экономический рост и диверсификацию экономики, заставляет обращать особое внимание на развитие внешней торговли и возможности включения в международное разделение труда.

По мнению специалистов международных финансовых организаций – Международного валютного фонда, Всемирного банка, а также представителей Евросоюза, – ускорить экономический рост и обеспечить успешную интеграцию в международное разделение труда спо-

собна лишь модель развития, опирающаяся на активизацию частных инвестиций, приток иностранных капиталовложений, стимулирование внешней торговли. Наряду с немногими другими государствами арабского региона Иордания и Марокко довольно успешно осуществляют эти принципы на протяжении последних 10–15 лет.

При анализе проблем экономического развития представляется правомерным методологически объединить эти две страны. Не располагая запасами углеводородного сырья и, соответственно, финансовыми возможностями, которые дает торговля нефтью, эти государства в течение длительного периода ведут поиски наиболее подходящей специализации во внешней торговле. Первоначально они выступали преимущественно в качестве поставщиков минерального сырья, а именно фосфатов, крупные месторождения которых имеются на их территориях. Другой отраслью специализации являлось сельское хозяйство. Однако подобная направленность экспорта неконкурентоспособна в современных условиях и не способна обеспечить достаточных объем финансовых поступлений от внешней торговли.

Средний показатель ВВП на душу населения в регионе Ближнего Востока и Северной Африки составляет 2 тыс. долл. Этот усредненный показатель достигается за счет высокого уровня подушевого ВВП нефтедобывающих государств – Катар, Омана, ОАЭ и пр. Если учесть этот момент, то Иордания, где ВВП на душу населения равен 1750 долл., и Марокко со 1190 долл. ВВП на душу населения, выглядят не так уж плохо¹.

Страны различны по емкости внутреннего рынка – население Марокко почти в 6 раз превышает численность населения Иордании. Есть различия и в структуре ВВП этих государств. Хотя в обоих преобладает сфера услуг, в Марокко она обеспечивает чуть более половины производства ВВП, в Иордании – почти две трети; доля сельского хозяйства в Марокко приближается к 16%, в Иордании составляет всего 2%. А вот удельный вес в ВВП промышленности в обеих странах уже ближе – чуть более трети в Марокко и около четверти в Иордании при том, что обрабатывающие отрасли промышленного производства дают 15–17% ВВП².

В период 1991–2001 гг. Иордания обгоняла Марокко по темпам экономического роста (4,5% и 3,0% соответственно). В 2002 г. объем ВВП увеличился в Иордании на 4,9%, в Марокко – на 4,5%. В обеих странах экономический рост на протяжении 90-х годов и вплоть до настоящего времени обгонял примерно на 1,5% рост населения, что способствовало медленному, но постоянному увеличению показателя подушевого ВВП³.

С середины 90-х годов в обеих странах заметно активизировался процесс реформирования экономики. Необходимость проведения реформ была осознана еще раньше в связи с критическим положением хозяйства, сложившимся в Марокко и Иордании в 80-е годы. Про-

явлениями финансового и экономического кризиса в обоих государствах стали большие объемы дефицитов торгового баланса и государственного бюджета, высокие темпы инфляции и замедление экономического роста, огромные внешние долги. Например, в Иордании внешний долг за 1981–91 гг. возрос с 51,5% до 227,7% ВВП, дефицит госбюджета в 1988 г. составил 24% ВВП⁴. В Марокко к 1981 г. дефицит госбюджета достиг 15% ВВП, а отношение суммы внешнего долга к ВВП в 1987 г. превысило 118%⁵.

Основной целью проведения реформ стало преобразование закрытой, неэффективной, опирающейся преимущественно на госсектор, экономики в более открытую, конкурентоспособную, с преобладанием частного предпринимательства. Соответственно в первую очередь в обеих странах была осуществлена перестройка и приватизация госсектора. В Марокко этому процессу положил начало закон о приватизации, принятый еще в 1989 г., однако активное его развитие приходится на вторую половину 90-х годов. Продажа госпредприятий частным инвесторам проводилось в телекоммуникационном и гостиничном бизнесе, в ряде отраслей промышленного производства (добыча цветных металлов, производство металлоизделий, цемента, удобрений, табачной и пищевой продукции), торговле, финансовой сфере (кредитование и страхование). На 2002 г. в руках государства оставались такие стратегически важные отрасли, как добыча фосфатов, производство и распределение электроэнергии, водоснабжение, транспорт, хотя наблюдается привлечение частных местных и иностранных инвесторов в процессе осуществления крупных государственных проектов.

С середины 90-х годов Иордания также приступила к приватизации госсектора. Здесь руководство страны действовало даже более решительно, чем в Марокко. По существующей концепции приватизации государству отводятся функции разработки и осуществления общего направления развития, поддержания основных экономических и финансовых пропорций через посредство разработки законодательства, регулирования социальной сферы. В частный сектор вплоть до 2002 г. были переданы предприятия и компании, работавшие в сфере транспорта, связи, финансов, гостиничного дела и туризма; готовится приватизация крупнейших компаний по добыче, переработке и продаже фосфатов и поташа, а также электроэнергетической отрасли.

Основным способом разгосударствления в обеих странах стала продажа компаний через биржу или путем тендерных сделок с предварительным акционированием и оценкой, часто с привлечением международных экспертов. Значительная часть приватизируемых предприятий переходит в руки частных иностранных инвесторов. Так, например, в Марокко около 78% вырученных в процессе разгосударствления экономики средств представляют собой иностранные инвестиции. Только в 2001 г. в страну поступило 33 млрд. дирхамов

иностранных прямых капиталовложений, что явилось в основном результатом крупных сделок в сфере телекоммуникационного бизнеса⁶. Кроме того, ожидается значительный рост частных капиталовложений в приватизированных компаниях; по оценкам, в Иордании в ближайшие четыре года их объем может составить более 2 млрд.долл. или до 7% ВВП страны⁷.

Для централизованного аккумулирования и рационального использования доходов от приватизации в обоих государствах были организованы специализированные Фонды. В Марокко это фонд Хасана II, выступивший в 2000–2003 гг. партнером в осуществлении нескольких десятков крупных проектов в сфере жилищного и автодорожного строительства, создания промышленной и туристической инфраструктуры, а также оказывающий финансовую поддержку предприятиям, действующим в экспорториентированных отраслях промышленности. В Иордании половина доходов от приватизации госсектора поступает непосредственно в госбюджет, остальная часть делится поровну между Фондом приватизации и Иорданской инвестиционной корпорацией и используется для финансирования крупных промышленных проектов и социальной сферы.

Политика разгосударствления и либерализации сопровождалась мерами по формированию прозрачного и четкого законодательного регулирования экономики, соответствующего международным стандартам. В частности, были внесены изменения в инвестиционные кодексы, направленные на упрощение процедуры инвестирования и создание равных условий для национальных и иностранных вкладчиков, а также на стимулирование притока капиталовложений в менее развитые регионы. Так, в Иордании либерализация инвестиционного законодательства осуществлялась в 1995 и 2000 гг., в результате принятых поправок местные и иностранные предприниматели получили равные права, а единственными сферами экономики, в которых иностранным гражданам запрещено владеть 100% капитала компаний, остались торговля, горнодобывающая промышленность и контрактная деятельность в строительстве⁸. Также были приняты новые законы, регулирующие финансовую сферу, – о ценных бумагах, о компаниях, внесены изменения в налоговое законодательство и таможенный кодекс.

В Марокко также в 1995 г. был принят новый инвестиционный кодекс, предоставляющий иностранным предпринимателям равные права наряду с местными инвесторами. Определенные ограничения, однако, сохранились в таких жизненно важных отраслях экономики, как сельское хозяйство (иностранцы не имеют права приобретать в собственность сельскохозяйственные земли), добыча фосфатов, строительство и транспортная инфраструктура, где ведущая роль остается пока за государством. Постоянное совершенствование экономического законодательства, направленное на развитие предпри-

нимательства и усиление действия рыночных механизмов, ведется в Марокко вплоть до настоящего времени, большое внимание уделяется организационным проблемам. Так, например, в 2002 г. были созданы региональные инвестиционные центры, призванные децентрализовать и упростить процесс инвестирования. Вместе с тем в обеих странах существенными препятствиями для частных предпринимателей остаются различные бюрократические препоны, недостаточная заинтересованность и подготовка государственных чиновников.

Либерализация экономики и общее улучшение инвестиционного климата способствовали росту притока иностранных прямых инвестиций в хозяйство Иордании и Марокко. Их среднее ежегодное поступление возросло с 14 млн. долл. в 1985–95 гг. до 702 млн. долл. в 1998–2002 гг. в Иордании и с 237 млн. долл. до 1,2 млрд. долл. за тот же период в Марокко, т.е. примерно в 5 раз. Накопленный объем прямых иностранных инвестиций в 2002 г. составил 26% ВВП в Иордании и 26,9% в Марокко (при среднем показателе для развивающихся стран в 36% ВВП)⁹. В обеих странах наиболее привлекательным для иностранных капиталовложений в последние годы стал сектор телекоммуникаций, а также сфера туризма и гостиничного хозяйства.

В настоящее время прямые инвестиции преобладают в общем объеме притока иностранных финансовых средств в Иорданию и Марокко, что является положительным моментом, так как не вызывает рост внешней задолженности. В Иордании удельный вес прямых капиталовложений составляет около 60%, а в Марокко – 86–97% во всем поступлении капитала из-за границы. В Иордании сумма полученных займов и кредитов в 2001–2002 гг. на четверть превысила средний показатель за 1994–98 гг., в Марокко приток заемных средств в 2002 г. был в 2 раза меньше, чем в 1998 г.¹⁰

Наблюдаются обнадеживающие тенденции во внешней задолженности рассматриваемых стран. Отношение суммы внешнего долга к ВВП сократилось в Иордании в 2001 г. до 75,8% при общем объеме долга в 6,7 млрд. долл. и до 29,1% в Марокко в 2002 г. (сумма внешнего долга – 8,4 млрд. долл.)¹¹.

Внешняя торговля играет большую роль в развитии обоих государств. Особенно велико ее значение в Иордании, где удельный вес экспорта в ВВП составляет 44%, импорта – около 69%. В Марокко эти показатели ниже – примерно 30% и 36% соответственно. В последнее десятилетие темпы роста экспорта и импорта в Иордании были равны 2,5%, что заметно меньше темпов увеличения ВВП (4,5%). В Марокко при среднегодовом росте ВВП в 3% за 1992–2002 гг. экспорт увеличивался в среднем на 4,8% в год, импорт – на 6,5%. Таким образом, напрашивается вывод о том, что доля внешней торговли в экономике этих стран стремится к некой оптимальной величине, сокращаясь в Иордании и возрастая в Марокко. В качестве показателя воспроизводственной открытости экономики часто используется значение от-

ношения внешнеторгового оборота к ВВП. В 2001 г. эта величина составляла для Иордании около 80%, для Марокко – примерно 55%, то есть уровень вовлеченности в международное разделение труда был гораздо выше у Иордании¹². Однако более высокое значение показателя не обязательно свидетельствует о большей эффективности внешней торговли для развития хозяйства. Гораздо важнее «качество» внешнеторговых связей.

Меняется структура внешней торговли. Наиболее важным является облагораживание экспорта – снижение удельного веса в нем сырья и повышение доли готовых промышленных изделий. В настоящее время минеральное сырье обеспечивает 23% стоимости экспорта Иордании. Для Марокко этот показатель заметно ниже – около 7%. Место минерального сырья (фосфатов, калийных солей) в экспорте постепенно занимает продукция его переработки, производимая химической промышленностью. В Иордании удельный вес подобных товаров превышает 34% стоимости экспорта, в Марокко – около 10%. Очевидно, что для Марокко вывоз минерального сырья и продукции его переработки в целом имеет меньшее значение, чем для Иордании, а процесс диверсификации внешней торговли развивается более успешно.

Вместе с тем надо отметить, что вывозимые этими странами готовые промышленные изделия не относятся к высокотехнологичной продукции и представляют собой преимущественно традиционные для развивающихся стран товары – текстильные и кожаные изделия, одежду, продукцию химической промышленности. Удельный вес машин и оборудования в экспорте остается низким – примерно 6,5% общей стоимости вывоза в Иордании и Марокко, хотя и есть тенденция его роста¹³.

Наблюдаемое облагораживание экспорта не всегда свидетельствует о соответствующем становлении экспортноориентированных отраслей промышленности в развивающихся странах. Лишь небольшая доля добавленной стоимости вывозимых промышленных товаров создается на их территории, а преобладающая содержится в ввозимых полуфабрикатах. В Марокко, например, более 70% стоимости экспорта обеспечивает вывоз продукции, поступившей в страну по режиму временного ввоза для последующей обработки. А удельный вес в ВВП таких важных отраслей промышленности, как текстильная и кожевенная, металлургическая и механическая, электротехническая и электронная, остается практически неизменным на протяжении 1980–2001 гг. (соответственно 4,4%, 2,4%, 0,6%)¹⁴.

В товарной структуре импорта большой удельный вес имеют машины и оборудование (более 28% в Иордании и 20% в Марокко), топливо (около 15% в обеих странах), продовольствие (16% в Иордании и 11,6% в Марокко)¹⁵.

Со второй половины 90-х годов в обеих странах ведется большая работа по либерализации внешней торговли и повышению эф-

фективности законодательного регулирования внешнеторговой сферы. В Иордании уже с 1995 г. целый ряд товаров, в том числе пшеница, рис, сахар, промышленной и сельскохозяйственное оборудование, полуфабрикаты для швейной промышленности были освобождены от уплаты импортных пошлин. К 2002 г. максимальная ставка пошлин при ввозе товаров была снижена с 40% до 30%, а средняя величина – с 23,1% до 14,9%. С 2001 г. сняты все ограничения на импорт, экспорт и реэкспорт товаров, за исключением категорий, запрещенных для ввоза в страну¹⁶. В Марокко также проводится упрощение и рационализация тарифной системы. К 2001 г. с 9 до 7 было сокращено число ставок таможенных пошлин на несельскохозяйственный товары, средний размер импортных пошлин на эти товары составил 22,5% при минимальной ставке в 2,5% и максимальной – в 50% (на ввоз готовых изделий, производимых также и местной промышленностью¹⁷. Установление наиболее низких пошлин на ввоз промышленного оборудования, ряд видов сырья и полуфабрикатов направлено на снижение затрат на производство в марокканской промышленности и увеличение ее конкурентоспособности на мировом рынке. Принимаются также меры для упрощения и ускорения таможенных процедур.

Изменения в экономическом, финансовом и внешнеторговом законодательствах в Иордании и Марокко осуществляются в соответствии с принципами Всемирной торговой организации, членом которой Марокко, входившее до этого в ГАТТ, автоматически стало с 1995 г., а Иордания – с 2000 г.

Важным шагом по усилению интеграции обеих стран в мировое хозяйство стало участие в Барселонском процессе, начало которому положила встреча в 1995 г. в Барселоне министров иностранных дел 15 европейских государств и 12 стран, расположенных в бассейне Средиземного моря. В принятой на ней Барселонской декларации было объявлено о намерении превратить Европу и бассейн Средиземного моря в зону мира, стабильности и свободной торговли. Экономически более развитые государства Европы взяли на себя обязательства оказывать финансовую поддержку средиземноморским партнерам с тем, чтобы избежать негативных экономических и социальных последствий проводимых там реформ.

Соглашения об ассоциации с Евросоюзом, заменившие ранее существовавшие договоры о сотрудничестве, вступили в силу для Марокко в 2000 г. и для Иордании в 2002 г. Они положили начало для участия этих стран в Европейско-Средиземноморском партнерстве. В них предусмотрено постепенное упразднение торговых барьеров, дальнейшая либерализация инвестиционного законодательства, финансовая помощь со стороны Евросоюза, направленная на поддержку экономических и социальных реформ в странах-партнерах (Иордании и Марокко), осуществляемая по финансовым протоколам. За 1996–2002 гг.

Иордания получила таким образом более 420 млн. евро, а Марокко – около 1 млрд. евро на проведение различных программ в финансовой и законодательной сферах, здравоохранении, образовании, водоснабжении, сельском развитии¹⁸. Кроме того, обе страны являются крупными получателями кредитов Европейского инвестиционного банка, направляемых на поддержку частного сектора, создание экономической инфраструктуры, охрану окружающей среды. Марокко, например, за 1996–2002 гг. был выдан 1,2 млрд. евро в качестве кредитов ЕИБ.

На 2000 г. на долю государств Евросоюза приходилось 66% стоимости экспорта и 60% импорта Марокко и только 5% внешнеторгового оборота страны – на государства средиземноморского региона. Для Иордании внешнеторговые связи с Европой имеют гораздо меньшее значение – всего 0,5% экспорта страны направляется в этот регион, а оттуда поступает около 30% импорта¹⁹. Таким образом, во многом в результате особенностей исторического развития, Марокко имеет намного более тесные связи со странами Европы.

Иордания и Марокко являются пока единственными арабскими государствами, подписавшими двусторонние договоры о свободной торговле с США (Иордания в 2001 г., Марокко – в 2004 г.). Как было заявлено американским президентом Бушем, цель США – «способствовать развитию демократии и процветания у наших партнеров» для чего к 2013 г. планируется подписание двусторонних договоров, подобных тем, что уже заключены с Иорданией и Марокко, со всеми государствами Ближнего и Среднего Востока от Мавритании до Пакистана и формирование впоследствии Ближневосточной зоны свободной торговли. Эти инициативы осуществляются в рамках новой внешнеполитической стратегии США, получившей название «Большой Ближний Восток» и являющейся одной из составных частей американской борьбы с международным терроризмом. Очень коротко содержание этой концепции можно определить как коренное политической и экономическое переустройство всего арабского мира в соответствии с интересами Америки, в связи с чем отношение к ней лидеров арабских государств весьма неоднозначно. В то же время наблюдаемое соперничество между США и Евросоюзом за политическое и экономическое влияние в регионе может оказаться выгодным для тех арабских государств, которые сумеют им воспользоваться в своих интересах.

В Иордании за 2000–2003 гг. стоимость торгового оборота с США увеличилась с 0,4 до 1,2 млрд. долл., особенно заметно – более, чем в 20 раз, – возросла стоимость иорданского экспорта в Америку (с 31 млн. долл. в 1999 г. до 673 млн. долл. в 2003 г.)²⁰. Внешнеторговый оборот между Марокко и США пока невелик – на Америку приходится всего 4% стоимости экспорта-импорта Марокко.

Одним из результатов подписания иорданско-американского Соглашения о свободной торговле стала организация в Иордании спе-

циальных промышленных зон. Расположенные в них компании могут беспешинно экспортировать свою продукцию в Соединенные Штаты, а ввозимое в СПЗ сырье, полуфабрикаты, оборудование не облагаются пошлинами. Необходимым условием является производство не менее 11,7% конечной стоимости товаров иорданскими компаниями, еще 8% – израильскими фирмами, 15,3% – производителями, базирующимися в иорданской СПЗ, либо в Израиле, США, секторе Газа или на Западном берегу р.Иордан. Остающиеся 65% конечной стоимости могут быть произведены в любой стране мира, что выгодно для иностранных компаний, желающих вывозить свою продукцию на американский рынок. В настоящее время в Иордании созданы 8 специальных промышленных зон, а стоимость экспорта товаров из них возросла за 1999–2001 гг. с 2,4 до 78,1 млн. долл.²¹

Развивается и горизонтальная интеграция в регионе. В феврале 2004 г. Иорданией, Египтом, Тунисом и Марокко было подписано Соглашение о свободной торговле (т.н. Агадирское соглашение). Целью его является создание к 2010 г. Средиземноморской зоны свободной торговли. Евросоюз выступает активным сторонником этой инициативы и финансирует ее в рамках специальной программы, на которую выделено 4 млн. евро²². В результате формирования единого рынка с числом потребителей более 100 млн. чел. появятся новые возможности для осуществления европейских инвестиций в регионе.

Все реформы, направленные на повышение степени открытости экономики Иордании и Марокко как по линии движения товаров и капитала, так и в информационной и других сферах, активно поддерживаются и направляются международными организациями, такими, как Мировой банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация. Хотя в их программных документах, разрабатываемых для указанных стран (например, Стратегиях содействия МБРР, Программах сотрудничества МВФ), декларируется, что участие этих организаций в реформировании сводится в основном к финансовой и технической помощи, очевидно, что и сами концепции реформ вырабатываются не на национальном уровне, а в среде межгосударственных экономических институтов. Таким образом, функции регулирования хозяйства переходят с государственного на наднациональный уровень.

Политика свертывания госсектора, поощрения частного предпринимательства, усиления включенности в мировое хозяйство порой сопровождается негативными процессами во внутренней социально-экономической обстановке развивающихся стран. Так, например, в Иордании доля бедных во всем населении, по подсчетам МБРР, остается в последние годы на уровне 11,7%, однако эксперты этой организации полагают, что фактически этот показатель выше и составляет от 15 до 30%. В Марокко удельный вес бедного населения увеличился с 13 до 19% на протяжении 90-х годов²³. Очень остро в

обеих странах стоит проблема безработицы, особенно среди молодежи.

На протяжении последних 10–15 лет действительно происходит усиление интеграции Иордании и Марокко в мировое хозяйство по линии движения товаров и капитала в результате реформирования и либерализации их экономик. Однако сохраняется традиционная для большинства развивающихся стран специализация в рамках международного разделения труда. Интеграция носит преимущественно вертикальный характер, то есть осуществляется путем активизации отношений с промышленно развитыми государствами, в то время как горизонтальные связи развиваются менее интенсивно. Этот процесс в значительной мере иницируется, теоретически обосновывается и направляется международными финансовыми организациями.

¹ MEED, 4.01.2004.

² Jordan at a glance; Morocco at a glance; www.worldbank.org/data.

³ Там же.

⁴ Аганин А.Р., Соловьева З.А. «Современная Иордания», М., 2003, с. 303.

⁵ Справочник «Королевство Марокко». М., 1991, с. 130, 170.

⁶ UNCTAD WID Country Profile: Morocco. <http://rO.unctad.org/>.

⁷ www.worldbank.org/mna/mena.nsf.

⁸ www.kinghussein.gov.jo.

⁹ <http://rO.unctad.org>.

¹⁰ www.cbj.gov.jo, www.oc.gov.ma.

¹¹ Там же.

¹² www.worldbank.org/data.

¹³ www.oc.gov.ma, www.cbj.gov.jo.

¹⁴ www.worldbank.org/mna/mena.nsf.

¹⁵ www.oc.gov.ma, www.cdj.gov.jo.

¹⁶ Соловьева З.А. «Экономические реформы в Иордании» в сб. «Ученые записки Центра арабских исследований» вып. 3, М., 2003, с. 76.

¹⁷ www.wto.org.

¹⁸ www.europa.eu.int/comm/external_relations.

¹⁹ www.cbj.gov.jo, www.oc.gov.ma.

²⁰ Jeune Afrique/L'Intelligent, P., № 2253, с. 41.

²¹ Аганин А.Р., Соловьева З.А. «Современная Иордания», М., 2003, с. 349.

²² БИКИ 16.03.2004, с. 16.

²³ www.worldbank.org.

**БЛИЖНИЙ ВОСТОК И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА:
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ***

Тема прав человека в последние десятилетия, но особенно с окончанием «холодной войны», привлекает растущее внимание самых разных общественно-политических сил во всех без исключения регионах мира, в том числе и на Ближнем Востоке. Это – верный признак роста демократических настроений в обществе и, одновременно, следствие либеральных, хотя и умеренных (можно их назвать и ограниченными) реформ в политической жизни арабских государств. Одним из наиболее ярких и точных выражений происходящих изменений в этой области стал беспрецедентный рост в последние полтора-два десятилетия избирательных компаний самого различного формата – президентских, парламентских, местных, муниципальных, профсоюзных и т.д. Только за десятилетие – с 1989 г. по 1999 г. – в странах Ближнего Востока и Северной Африки прошло более 80 выборов компаний различного уровня. Не менее впечатляющим являлся уровень явки избирателей – он колебался в пределах 70–80%¹.

Среди всего круга прав человека следует выделить в качестве основных право человека на жизнь, право на свободу, в том числе на свободу мнения и убеждений, на равные права с другими людьми, т.е. право на равенство, в том числе и перед законом, право на образование, на участие в государственных делах и т.д.

Социально-экономические права человека, которые реализуются в хозяйственной и социальной сферах, занимают особое место среди основных прав личности – политических, социальных и иных. К ним следует отнести следующие права:

- на труд и на равную оплату за равный труд, т.е. право на равенство в сфере трудовых отношений;
- на достойную оплату труда, т.е. на социальное благосостояние;
- на частную собственность и на защиту частной собственности;
- на образование;
- на медицинское обслуживание;

* Доклад был представлен на первом российско-ливийском симпозиуме «Права человека: теории и практика. Взгляд из Москвы и Триполи», прошедшем в Институте Африки РАН 19 мая 2004 г. в рамках Постоянного российско-ливийского научного и культурного диалога.

- право человека на пенсию по старости или инвалидности, а также на пенсию по нетрудоспособности;
- на свободу собраний, общественную деятельность, в том числе на свободную профсоюзную деятельность;
- право на частную жизнь и безопасность и т.д.

Многие из этих важнейших социальных и экономических прав в той или иной форме закреплены в основном законе стран Ближнего Востока и Северной Африки – в Конституции, в гражданских кодексах. Уже само принятие основного закона – Конституции при обретении арабскими государствами политической независимости явилось крупным историческим достижением, важность и значение которого трудно переоценить.

Однако реализация основных социально-экономических прав, декларируемых в Конституции и в других источниках правовых норм, прежде всего в своде исламского права – шариате, связана с длительным процессом экономического и социально-политического развития, так как подавляющее большинство арабских стран вступило на путь независимости в условиях слаборазвитой экономики, незавершенности процесса государственного строительства, отсутствия или неразвитости демократической традиции и демократических структур (закрепленных законом – подчеркнем это).

А ведь именно политические, государственные структуры общества и призваны обеспечить основные, базовые социальные и экономические права человека. Неразвитость или незавершенность процесса политического и государственного строительства, связанная с формированием этих структур, не позволяет в полной мере обеспечить такие права, даже если в обществе имеются необходимые экономические условия в виде высокого или относительно высокого уровня хозяйственного развития, дохода на душу населения.

Между тем, в большой группе стран Ближнего Востока и Северной Африки, несмотря на значительный прогресс в хозяйственном развитии, достигнутый со времени обретения политической независимости, национальная экономика все еще носит черты периферийной, недостаточно развитой в сравнении не только с центрами мирового хозяйства, но и многими регионами Азии и Латинской Америки. Например, такой ключевой показатель, как величина годового дохода в расчете на душу населения составляет в большинстве стран Северной Африки 1000–1500 долл., в то время как в рядом расположенных промышленно развитых государствах Европы, не говоря уже о далеких Японии и Соединенных Штатах Америки, данный показатель варьируется от 15–20 тыс. до 25–30 тыс. долл. и выше². Не лучше выглядят и другие базовые макроэкономические показатели, такие как, например, темпы и качество экономического роста, норма валовых внутренних накоплений, доля экспорта в валовом внутреннем продукте и т.д. Вплоть до начала XXI столетия практически во всех

странах региона годовые темпы прироста ВВП колебались в пределах 2–3%, редко – 4–5%, что при высоком уровне прироста населения (в 2–3%) было явно недостаточно, чтобы обеспечить стабильный и достойный прирост подушевого дохода и (особенно следует подчеркнуть) личного потребления. В наибольшей мере это почувствовалось в период низких цен на нефть на мировом рынке в последние два десятилетия XX в.³

С такими сравнительно невысокими показателями экономического развития на начало XXI в. вряд ли возможно говорить об удовлетворении основных социально-экономических прав человека в большой группе стран региона.

Действительно, если взять такой ключевой показатель, как уровень безработицы, то положение в этой области, по оценкам специалистов и экспертов из самих же стран Северной Африки, было абсолютно неудовлетворительным. Уровень безработицы в различных государствах региона варьирует на протяжении последнего десятилетия от 15–20 до 25–30% самодеятельного населения. Особенно высока безработица среди молодежи, молодых дипломированных специалистов: в отдельных странах она достигает 60%⁴.

Иными словами, одно из важнейших прав человека – право на труд – государство, общество просто были не в состоянии удовлетворить при относительно низком уровне развития экономики. Более того, за последние полтора-два десятилетия наблюдается заметное обострение этой проблемы даже в странах-нефтеэкспортерах Залива, где в целом уровень жизни коренного населения один из самых высоких в мире⁵. Основной причиной такого положения были низкие темпы экономического развития, не способные обеспечить соответствующий уровень накоплений и создать необходимое число рабочих мест. Действительно, по данным Мирового банка, в 80-е – первой половине 90-х годов норма накоплений в странах Ближнего Востока и Северной Африки составляла порядка 13–17%, в то время как в других регионах мира она была на уровне 20–25% и выше.

Однако не только эти причины лежали в основе социально-экономических проблем данной группы стран. Сверхгосударствление национальной экономики, вероятно, было одной из важнейших причин ее низкой или недостаточной эффективности, относительно низких темпов развития. В этом отношении показателен пример Алжира: здесь в 70–80-е годы прошлого столетия норма накоплений была одной из самых высоких в мире и нередко превышала 30–40%⁶. Но именно неэффективность государственных предприятий, искусственное ограничение частного предпринимательства, частной собственности мешали получить необходимый экономический эффект от огромных капиталовложений. В результате, страна столкнулась с глубоким кризисом в своем развитии и была вынуждена менять полностью всю экономическую политику – приватизировать госкомпании,

открыть экономику для частного национального капитала. Шире привлекается иностранный капитал, который приносит не только необходимые для экономической модернизации финансовые ресурсы, но и современные технологии, передовой управленческий опыт⁷.

Помимо безработицы за прошедшие десятилетия заметно обострились и другие социально-экономические проблемы. Это относится к жилищной проблеме и праву на жилье, к состоянию системы здравоохранения и праву на медицинскую помощь, к системе образования, правам мигрантов, в том числе мигрантов из соседних арабских стран. Несмотря на то, что во многих странах государство выделяло немалые средства из госбюджета на развитие этих сфер, их явно не хватало при кризисном состоянии или застойных тенденциях в национальной экономике. Так, до начала XXI в. в странах региона сохранялся высокий уровень неграмотности среди населения – один из ключевых показателей, характеризующих состояние социальной сферы. Он по отдельным странам Ближнего Востока и Северной Африки варьировался от 25–30 до 40–50% взрослого населения⁸.

Справедливости ради надо еще раз отметить, что из госбюджета выделялись немалые средства на субсидирование цен на товары первой необходимости для наименее обеспеченных слоев населения, на поддержку бесплатного обучения в школах и вузах, на строительство недорогого жилья, обеспечение доступности к бесплатному медицинскому обслуживанию и на другие социальные программы. Но в ряде стран региона этих ресурсов было явно недостаточно. В условиях кризисного состояния экономики, быстрого демографического роста, высоких темпов урбанизации ощущался растущий дефицит выделяемых государством финансовых средств.

Именно поэтому в последний период в странах Северной Африки и Ближнего Востока проводятся реформы, направленные на либерализацию экономики, расширение и укоренение элементов демократии в политической жизни. В их сочетании экономические и политические реформы должны более полно обеспечивать создание благоприятных условий для удовлетворения основных социально-экономических прав. Реформы включают, в частности, следующие направления:

- уход государства от выполнения многих несвойственных ему экономических функций, что позволяет реально сокращать финансовое бремя, которое ему приходится нести, повышать эффективность компаний и фирм;

- активизация национального частного капитала. Эта мера должна позволить постепенно сформировать наиболее массовый и устойчивый средний и малый бизнес, развитие которого вносит весомый вклад в повышение темпов экономического роста и доходов широких слоев населения;

- привлечение иностранного капитала, которое открывает дополнительные возможности для экономического роста и социального

развития, применения передовых технологий и современного управленческого опыта.

Политические реформы постепенно формируют необходимые предпосылки для борьбы с коррупцией, для создания соответствующих политических и социальных «амортизаторов», позволяющих снизить или предотвратить рост социальной напряженности, в целом для настройки различных общественных сил на конструктивное участие в хозяйственном развитии и решении социальных проблем.

В заключение следует отметить, что легких путей решения проблемы прав человека нет. Выбор в пользу проверенного мировым опытом гражданского общества и социально ориентированной рыночной экономики не означает их автоматического решения. Многое зависит от искусства политиков. Особенно на Ближнем Востоке.

¹ Anoushiravan Ehteshami. Is the Middle East Democratizing? // British Journal of Middle Eastern Studies (1999). 26 (2), с. 204.

² World Statistics. Pocketbook. 2000. UN, N.Y. с. 5, 17, 61, 92, 98, 101, 111, 129, 144, 155, 167, 179, 184, 191, 207.

³ Middle East Economic Digest. L. 2000–2003; Такйим сиясат ат-тасбит аль-иктисади ва ат-такайюф аль-хайкалий фи аль-актар аль-арабия (Оценка политики экономической стабилизации и структурой адаптации в арабских странах). Бейрут, 1999, с. 70–72; World Statistics. Pocketbook. 2000. UN, N.Y., с. 5, 17, 61, 92, 98, 101, 111, 129, 144, 155, 167, 179, 184, 191, 207.

⁴ The Middle East and North Africa. 2003. L. 2003.

⁵ По данным Middle East Economic Digest. L. 2002. № 11, с. 23–24.

⁶ Algeria Economic Survey. ECOtechnics. Etude et conseil. № 5, April 1998, с. 2; Algérie 97. L'année économique et sociale. 1998, с. 6.

⁷ Е.И.Миронова. Алжир: смена приоритетов развития. М., 2004.

⁸ World Statistics. Pocketbook. 2000. UN, N.Y., с. 5, 17, 61, 92, 98, 101, 111, 129, 144, 155, 167, 179, 184, 191, 207.

**ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ
С АРАБСКИМИ СТРАНАМИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

История военно-технического сотрудничества (ВТС) нашей страны с государствами Арабского Востока отметит в 2005 г. свой полувековой юбилей. Первым покупателем советского оружия в регионе стал Египет. Причем тогдашнее египетское руководство во главе с Г.А.Насером сразу же пошло на приобретение в СССР крупных партий разнообразного вооружения и военной техники (ВВТ): боевых самолетов, танков, артиллерийских орудий, боевых кораблей и др. Вскоре оружие у Советского Союза закупили Сирия и тогда еще королевский Йемен. После антимонархической революции 1958 г. клиентом советского ВПК становится Ирак.

В конце 60-х – начале 70-х годов прошлого столетия арабские государства с точки зрения источников получения иностранной военной помощи разделились примерно на две группы. Первая из них – Египет, Судан (обе страны до середины 70-х годов), Сирия, Ирак, Северный и Южный Йемен, Алжир, Ливия (с середины 70-х годов) в вопросах технического оснащения своих вооруженных сил ориентировались до начала 90-х годов преимущественно на СССР и его союзников по Варшавскому договору. В армиях этих стран работали советские военные советники и специалисты, большие группы военнослужащих всех рангов проходили обучение в военно-учебных заведениях и военных учебных центрах СССР, с советской помощью создавались основы военной промышленности, а в вопросах военного строительства, военного искусства они ориентировались на советские образцы. В большинстве случаев военная помощь арабским партнерам оказывалась Москвой на льготных условиях, очень большую роль при этом играл идеологический фактор – антиимпериализм и антиамериканизм внешней политики, декларирование приверженности некапиталистическому пути развития (даже в его местном, немарксистском толковании).

Другая группа арабских государств – Иордания, аравийские монархии, Марокко, Тунис, Ливан – по всем выше перечисленным вопросам ориентировалась на Запад, главным образом США, Великобританию и Францию. Со второй половины 70-х годов к этой группе присоединился Египет. Тем не менее, Советскому Союзу удалось продать Марокко (в начале 60-х годов), Иордании и Кувейту (в 80-е годы) от-

дельные партии боевой техники. Через третьи страны большое количество советского оружия получили Мавритания и Ливан. В свою очередь, Алжир, Северный Йемен, Сирия, Ливия, и, особенно, Ирак приобретали часть необходимых им ВВТ на Западе, преимущественно во Франции.

В целом советское (российское) оружие хорошо зарекомендовало себя в сложных природно-климатических условиях Ближнего Востока, а в умелых и грамотных руках неоднократно демонстрировало свои высокие боевые и технические качества.

Распад СССР, серьезные трудности, переживаемые российской экономикой и внутривнутриполитические коллизии в нашей стране в 90-е годы, изменения во внешней политике РФ и российских подходах к ВТС с зарубежными государствами (прежде всего, отказ от предоставления оружия в кредит), значительные изменения в военно-политической обстановке в ближневосточном регионе привели к утрате Россией многих позиций на арабском рынке вооружений.

В то же время Ближний Восток остается крупнейшим в мире потребителем вооружения и военной техники – до трети мирового военного импорта приходится именно на этот регион и, в первую очередь, на арабские страны. Более того, есть достаточно оснований полагать, что на ближайшую перспективу Ближний Восток продолжит доминировать на мировом рынке ВВТ. По оценкам экспертов, региональный рынок вооружений за последние два – три года показывает тенденцию к устойчивому росту, а к 2007 г. ежегодные расходы ближневосточных государств на военный импорт возрастут с 52 до 55 млрд. долл. (8, № 22/2004).

Среди арабских государств наиболее крупными потребителями вооружений и военной техники остаются Саудовская Аравия, Египет, Объединенные Арабские Эмираты и Алжир.

Чем же обусловлено устойчивое первенство Ближнего Востока в деле приобретения столь большого количества вооружений? Прежде всего – это хронически нестабильная военно-политическая обстановка в регионе, неурегулированность арабо-израильского конфликта, более того, отсутствие реальных предпосылок его урегулирования в ближайшем будущем. Между странами Ближнего и Среднего Востока, Северной Африки сохраняются многочисленные противоречия политического и территориально-пограничного характера, не утихают конфликты за пользование (обладание) природными ресурсами, прежде всего, водой. Не исключено, что некоторые из них при определенных обстоятельствах могут перерасти из политических споров в прямое военное столкновение. Причем масштабы и последствия таких столкновений, как правило, трудно предсказуемы.

Одной из важнейших функций армий арабских стран остается поддержание внутривнутриполитической стабильности. Не секрет, что именно военные являются главной опорой многих правящих режимов на Арабском Востоке. К тому же в ряде государств имеются сложно-

сти межэтнического и межконфессионального характера, активно действуют террористические организации и бандформирования.

Немаловажное значение для военного строительства на Арабском Востоке имеют амбиции государственных и военных деятелей, их стремление продемонстрировать соперникам возможности своего государства. Сказывается и инерция многолетней гонки вооружения в регионе.

На современном этапе определяющее воздействие на взгляды и практическую деятельность руководства стран Арабского Востока в деле военного строительства и укрепления боевой мощи национальных вооруженных сил оказывают уроки и выводы из подготовки и проведения войн против Ирака в 1990–1991 и 2003 гг., и Югославии в 1999 г., а также изменения, произошедшие в расстановке военно-политических сил в регионе и мире на рубеже столетий. Именно на этой основе происходил и продолжает идти процесс обновления военных доктрин стран региона, были разработаны (или разрабатываются) планы модернизации и перевооружения их ВС, вносятся изменения в программы подготовки военных кадров, оперативной и боевой подготовки штабов и войск.

К основным тенденциям развития вооруженных сил ведущих арабских государств на ближайший период следует отнести: модернизацию имеющейся техники, оснащение войск (по мере возможностей) более современными и эффективными образцами вооружения и военной техники: авиационной, ракетной, бронетанковой, артиллерийской, средствами ПВО (главным образом мобильными), РЭБ, разведки, противокорабельным и противоминным оружием, вооружением и техникой для пограничных формирований, средствами ведения боя в городе и ведения боевых действий в условиях конфликта низкой интенсивности, техникой для тыловых формирований. Важной задачей является внедрение современных систем управления войсками и оружием; оснащение армий новейшими тренажерами и обучающими системами; улучшение качества оперативной и боевой подготовки, оптимизация организационно-штатной структуры соединений и частей. При этом, как правило, численность ВС значительно увеличиваться не будет, а в ряде случаев она может даже сократиться. В целом, в арабском мире просматривается желание не отстать, по возможности, от мировых стандартов развития вооруженных сил.

Все большее место в планах наращивания военного потенциала отводится развитию национальных военно-промышленных комплексов, проведению НИОКР по созданию собственных образцов оружия. В значительной степени это обусловлено стремлением уменьшить зависимость от зарубежных поставщиков в вопросах технического оснащения вооруженных сил. Именно это способствует в целом ряде случаев усилению тенденции к закупке не готовой продукции, а к созданию собственного производства, приобретению технологий и не-

обходимого числа комплектующих для сборки техники на месте. На сегодня среди арабских стран наиболее развитым военно-промышленным комплексом обладает Египет. ВПК позволяет обеспечивать национальные ВС стрелковым, артиллерийским и частично бронетанковым вооружением, а также боеприпасами. Значительные усилия по налаживанию местного производства отдельных видов ВВТ предпринимают Саудовская Аравия, ОАЭ, Иордания, Алжир.

Главной препоной для арабских государств на пути создания национальной военной промышленности, собственных образцов боевой и вспомогательной техники остаются слабая (а в большинстве стран крайне слабая) промышленная база, низкий уровень развития науки и образования, отсутствие необходимых кадров и опыта организации военных НИОКР.

Таким образом, на обозримую перспективу практически у всех арабских стран сохранится низкий уровень самообеспеченности современными ВВТ, а закупки техники (особенно сложной) за рубежом останутся единственным способом оснащения национальных вооруженных сил новейшими образцами вооружения и военной техники. Более того, можно с большой долей уверенности утверждать, что зависимость арабских стран от военного импорта даже усилится, а меры, принимаемые для ослабления этой зависимости, не обещают значительного эффекта.

Кратко рассмотрим основные направления строительства вооруженных сил ряда арабских государств на ближайшую перспективу.

В Египте повышение боевых возможностей национальных ВС намечается провести путем их постепенного перевооружения на новую и модернизированную технику, совершенствования организационной структуры и улучшения качества подготовки личного состава. При решении проблем технического оснащения вооруженных сил основной упор по-прежнему будет делаться на получение гарантированной безвозмездной помощи от США (1,3 млрд. долл. ежегодно). В сухопутных войсках продолжится процесс изменения организационно-штатной структуры соединений и частей, наращивания их огневой и ударной мощи, повышения маневренности и возможностей борьбы с танками и средствами воздушного нападения. Одной из важных задач останется продление сроков использования боевой техники. Будет осуществляться постепенное обновление и увеличение танкового парка, насыщение войск боевыми бронированными машинами (ББМ). Буксируемые артиллерийские системы будут заменяться на САУ. Возрастет количество ПТРК, ракетных и артиллерийских комплексов ПВО. Боевые возможности ВВС возрастут за счет поступления новой авиатехники, главным образом истребителей F-16, будет проведена модернизация части имеющихся самолетов и вертолетов. Войска ПВО получают американские ЗРК «Патриот» и новые РЛС. В ВМС будет осуществляться постепенная замена корабельного состава и модернизация имеющихся кораблей и катеров.

Саудовская Аравия продолжит наращивание своего военного потенциала путем закупок новейших вооружений в США и других странах Запада, улучшения качества подготовки личного состава, прежде всего более полного освоения им новейшей боевой техники, и изменений в организационно-штатной структуре войск. Сухопутные войска намечено развивать за счет повышения их ударной и огневой мощи и мобильности. Продолжится обновление парка танков, артиллерии и ББМ. Намеченные мероприятия должны привести к повышению мобильности и гибкости использования СВ. Самолетный парк ВВС обновится за счет приобретения новых машин. На перспективу рассматривается вопрос о приобретении таких самолетов, как «Еврофайтер», новых моделей F-15, «Рафаль», F-16 Блок 60, F-22 «Рэптор». Продолжится совершенствование системы ПВО страны. ВМС будут развиваться в ходе наращивания возможностей противолодочной и противоминной обороны. Не исключено принятие на вооружение дизельных подводных лодок. Большое внимание будет уделяться совершенствованию оперативного оборудования территории страны. Важной проблемой остается стандартизация и унификация вооружения и военной техники, т.к. их закупки ведутся в разных странах. Для Саудовской Аравии характерны закупки крупных партий боевой техники, которые значительно превышают реальные потребности вооруженных сил и не могут в полной мере быть использованы в войсках.

При рассмотрении вопросов военного строительства в Египте и Саудовской Аравии необходимо учитывать их сильную военно-политическую (а для Египта и экономическую) зависимость от США. Именно Соединенные Штаты остаются главным поставщиком оружия и военной техники для армий этих стран, оказывают содействие в обучении их личного состава. С помощью США создаются объекты военной инфраструктуры и военной промышленности.

В то же время Вашингтон, оказывая военную помощь Египту и Саудовской Аравии, не допускает того, чтобы их военный потенциал по своим возможностям приблизился к израильскому. В частности, американцы отказались передавать АРЕ новейшие типы ПТУР и самолеты F-15. Истребители-бомбардировщики F-15S являются новейшими самолетами саудовских ВВС и представляют собой модернизацию американского истребителя F-15E но их ТТХ несколько ниже израильских самолетов F-15I. Со своей стороны, Каир и Эр-Рияд, сохраняя преимущественную ориентацию на США, стремятся проводить самостоятельный внешнеполитический курс. При этом обе страны наращивают военный потенциал во многом с целью достижения лидирующих позиций в арабском мире и регионе.

В **Алжире** осуществляется постепенная замена устаревшей боевой техники на более современные образцы. Одновременно происходит оптимизация организационно-штатной структуры центральных

органов управления, соединений и частей всех видов вооруженных сил. В сухопутных войсках предполагается постепенная замена танкового парка и легкой бронетехники, артиллерийских и противотанковых систем, средств войсковой ПВО. Алжирское командование предпринимает шаги, направленные на улучшение положения дел в военной авиации путем постепенного обновления самолетного парка первоначально бомбардировочной, а затем и истребительной авиации. Большое внимание уделяется строительству новых военно-воздушных баз. Намечается создание единой комплексной системы РЭБ для ВВС и ПВО, организация эффективной системы противовоздушной обороны страны и войск, в т.ч. путем закупок современных мобильных ЗРК. Планируется проведение мероприятий по ремонту и модернизации боевых кораблей. Одновременно рассматривается вопрос о возможности приобретения новых боевых кораблей и катеров. Большое внимание уделяется в последние годы созданию объектов береговой инфраструктуры для ВМС. Предусматривается совершенствование системы управления войсками, развитие средств разведки и РЭБ.

В настоящее время вооруженные силы **Иордании** находятся в стадии реорганизации и модернизации с целью превращения их в армию, способную к немедленным действиям там, где может возникнуть реальная угроза безопасности и территориальной целостности страны. В ходе проводимых мероприятий по повышению боеспособности ВС особое место отводится повышению их мобильности и оснащению современными видами вооружения. Большое внимание уделяется модернизации тыла, созданию резервных запасов оружия, военной техники, и материально-технических средств.

Ирак. Создание в стране новых вооруженных сил идет очень медленно, что, в первую очередь, связано со сложностью внутриполитической обстановки, полной зависимостью нынешних иракских властей от США и незавершенностью процесса воссоздания иракской государственности. Имеющиеся на сегодняшний день планы и проводимые практические мероприятия предусматривают создание небольшой по численности (до 40 тыс. чел.) армии, оснащенной легким вооружением и предназначенной главным образом для решения задач по обеспечению внутренней безопасности. Имеются отдельные заявления новых иракских руководителей о возможности в перспективе увеличения численности иракских ВС до 200 тыс. человек.

Йемен. Военно-политическое руководство республики по мере возможности предпринимает шаги по повышению боеспособности национальных ВС, улучшению их технической оснащенности и совершенствованию системы подготовки военных кадров. В настоящее время основной упор в деле военного строительства делается на укрепление и развитие ВВС и ПВО. На втором месте находятся сухопутные войска и по остаточному принципу развиваются ВМС.

Кувейт. Военное строительство в стране осуществляется на основе долгосрочных планов, разработанных при участии американских и британских военных специалистов. Учитывая ограниченность людских ресурсов эмирата, курс берется на создание небольшой по численности (20–25 тыс. чел.) компактной армии, обладающей современным вооружением и большой огневой мощью.

В соответствии с планами развития ВС совершенствуется система обязательной военной службы, проводятся изменения в организационно-штатной структуре частей и подразделений, осваиваются новые системы оружия и военной техники, повышается эффективность оперативной и боевой подготовки штабов и войск, продолжаются закупки современных вооружений за рубежом. Большое внимание уделяется совершенствованию оперативного оборудования территории страны: сооружаются военные городки, стационарные пункты управления, прокладываются новые линии связи, модернизируются уже созданные военные объекты.

Руководство **Ливии** стремится не допустить дальнейшего снижения боеспособности вооруженных сил и ухудшения технического состояния вооружения. В настоящее время военное руководство разрабатывает конкретные программы реформирования и перевооружения национальной армии. Они могут предусматривать замену или модернизацию значительной части состоящей на вооружении всех видов ВС боевой и вспомогательной техники.

Марокко. Отсутствие достаточных финансовых средств не позволяет руководству страны осуществить комплексную модернизацию вооруженных сил. Поэтому на современном этапе главное внимание уделяется военному строительству с постепенным переоснащением войск новыми и модернизированными видами вооружения и военной техники, совершенствованием их организационно-штатной структуры, боевой выучки, боевой и мобилизационной готовности, повышением развитием системы тылового обеспечения войск, строительством новых объектов оперативного оборудования марокканской территории. Принимаются меры по отработке системы управления войсками. Существенных изменений в численности и боевом составе сухопутных войск в ближайшее время не предвидится. Постепенное перевооружение новой техникой позволит повышать их мобильность и огневую мощь. В частности, марокканское командование имеет намерение увеличить и обновить танковый парк. До настоящего времени, главным образом из-за проблем финансового порядка, не решен вопрос об обновлении самолетного парка ВВС. В обозримой перспективе ВМС должны повысить свои возможности за счет ввода в строй новых боевых кораблей и других современных технических средств вооруженной борьбы на море.

Перспективными планами военного строительства **Объединенных Арабских Эмиратов** предусматривается повышение боевой мощи и

мобильности вооруженных сил, оптимизация организационно-штатной структуры, улучшение подготовки военных кадров. С учетом ограниченности людских ресурсов страны, главный упор делается на оснащение ВС новейшей боевой техникой, закупаемой за рубежом. В настоящее время ОАЭ реализуют долгосрочную программу модернизации ВС на период до 2010 г. В ее рамках намечено перевооружение ВВС путем приобретения 110 многоцелевых истребителей (80 F-16 Блок 60 и 30 «Мираж 2000.9»). Планируется комплексная модернизация танков и БМП, оснащение сил ПВО новым вооружением и техникой, создание единой системы слежения и контроля за обстановкой в территориальных водах и воздушном пространстве страны. ВМС будут пополнены несколькими боевыми кораблями класса «фрегат» и «корвет», а также ракетными и патрульными катерами. Часть кораблей и катеров при этом планируется построить на местных верфях. Успех выполнения программы модернизации ВС будет зависеть от темпов экономического роста, определяемых главным образом доходами нефтяного сектора. ОАЭ.

Оман. По оценкам иностранных специалистов, сухопутным войскам страны требуется 60–80 новых танков. Для ВМС рассматривается вопрос о закупке тральщиков, судов на воздушной подушке, танко-десантного корабля, танко-десантного катера и высокоскоростного десантного транспорта катамаранного типа, предназначенного для перевозки личного состава. Разработана программа модернизации корабельного состава береговой охраны под наименованием «Проект Кариф». В соответствии с этим документом планируется построить три новых патрульных корабля. Окончательное решение о выборе компании-изготовителя будет принято в 2004 г., а завершение строительства ПКР – в 2007 г. Намечено создать сеть РЛС раннего предупреждения и модернизировать систему связи ПВО. В последние годы руководство Омана заявляет о намерении диверсифицировать источники приобретения вооружения и военной техники. В случае дальнейшего улучшения финансовой ситуации, намечено закупить вертолеты ПЛО, БМП, РСЗО, ПЗРК, другую технику.

В настоящее время основной задачей военного строительства в **Сирии** является недопущение дальнейшего снижения уровня боеспособности национальных вооруженных сил и, по возможности, перевооружение их более современными видами боевой техники. При этом на ближайшие перспективы приоритеты отдаются решению следующих проблем:

- повышение боевой мощи ВВС и ПВО за счет приобретения новой и модернизации части имеющейся на вооружении боевой и специальной техники;
- сохранение, а по возможности и повышение боеспособности сухопутных войск за счет модернизации и более полного использования потенциала имеющихся вооружения и военной техники;
- развитие ремонтной базы для всех видов вооруженных сил;

– осуществление закупок вооружений нового поколения, в первую очередь боевых самолетов и вертолетов, зенитных ракетных и зенитных артиллерийских комплексов, тактических ракет, танков и противотанковых средств, легкой бронетехники. Не исключается также частичное обновление корабельного состава ВМС.

Руководство **Судана** в условиях сложной военно-политической обстановки в стране и регионе уделяет постоянное внимание повышению боеспособности и усилению потенциала национальных вооруженных сил. Вооруженные силы страны испытывают острый недостаток в современных типах тяжелого вооружения, особенно танках, средствах ПВО, самолетах и вертолетах различных типов. Нехватает также подготовленных кадров. По мере улучшения финансового положения страны могут осуществляться постепенная модернизация имеющегося вооружения и приобретение новых образцов.

В целом для стран Арабского Востока просматривается следующая тенденция: на период до 2010 г. решение вопросов, связанных с улучшением технической оснащенности национальных ВС, будет осуществляться главным образом за счет модернизации имеющихся в наличии ВВТ. Причем общая стоимость военных модернизационных проектов оценивается экспертами в 5,1 млрд. долл. (6, № 7/2004). Начиная же примерно с 2010 г., страны региона начнут приобретать крупные партии нового вооружения.

Ведущее положение на ближневосточном рынке вооружений в настоящее время занимают США. Американцы предлагают арабским странам практически весь спектр обычных вооружений и услуг военного характера. На протяжении нескольких десятилетий Соединенные Штаты являются главными поставщиками вооружений для Саудовской Аравии, Египта, Бахрейна. Вашингтон также активно сотрудничает в сфере ВТС с Иорданией, Марокко, Тунисом, ОАЭ, Кувейтом, Оманом, Катаром, Йеменом. В последние годы все динамичнее развиваются военные связи с Алжиром. При этом Египет, Иордания, Кувейт и Марокко имеют статус «союзника США вне рамок НАТО».

В целом очевидно стремление Соединенных Штатов в возможно большей степени монополизировать арабский рынок вооружений и военных услуг. При этом американская администрация активно использует политические ограничения, вводимые на продажу оружия некоторым арабским странам.

Традиционно активно действуют в регионе Великобритания и Франция, предлагающие, в первую очередь, вооружения ВВС, ВМС, различные виды бронетанковой техники, радиоэлектронные средства. Свои вооружения в ряде случаев небезуспешно продают арабским странам Италия, Германия, Нидерланды, Бельгия, Австрия, Испания. Отдельно следует отметить растущую активность на арабском рынке представителей ВПК стран Центральной и Восточной Европы, в первую очередь, Чехии и Польши. Наши бывшие союзники предлага-

ют здесь свои услуги по ремонту и модернизации российских образцов вооружений – авиационной и бронетанковой техники, стрелкового оружия и др., а также поставки запчастей для них. Заметную активность проявляют Украина и Белоруссия. Свое место в военном импорте в страны региона стремятся закрепить Китай и ЮАР.

В настоящее время Россия поддерживает военно-технические связи с Алжиром, Сирией, Йеменом, ОАЭ, Кувейтом, Суданом, Египтом, Иорданией, Ливией. Причем в последние годы наиболее активно развивались ВТС с Алжиром и Йеменом.

Сегодняшний спектр военно-технических связей России с арабскими государствами довольно широк: это поставки современных образцов авиационной техники и вооружения, комплексов ПВО, артиллерийских систем, бронетанковой техники, военно-морского вооружения, боеприпасов и стрелкового оружия, оказание содействия в налаживании ремонта и модернизации российских образцов вооружения и военной техники для сухопутных войск, ВВС и ВМС, принадлежащей иностранным государствам, строительство объектов военной инфраструктуры и ряд других направлений.

Российское оружие устраивает арабских партнеров как по цене (в среднем на 25–30% дешевле аналогичных западных образцов), так, и это весьма существенно, по своему качеству. У целого ряда стран ощущается также очень большая потребность в ремонте и модернизации ВВТ, поставленных в свое время из СССР.

Важное место в военных связях со странами Арабского Востока занимает подготовка военных кадров различного профиля и уровня в российских военно-учебных заведениях. В настоящее время российские военные специалисты постоянно работают в Алжире, Сирии, Йемене, ОАЭ и Кувейте, а по мере необходимости выезжают и в некоторые другие арабские страны.

Периодически происходит обмен военными делегациями. Министры обороны и начальники генеральных штабов ряда арабских государств являются частыми гостями российской столицы. При этом в ходе их визитов одно из важнейших мест отводится переговорам по вопросам развития военно-технического сотрудничества с РФ. Положение дел в сфере ВТС также занимает видное место в ходе визитов России высших государственных деятелей арабских государств и их переговоров с президентом РФ В.В.Путиным.

Рассмотрим состояние и возможные перспективы развития ВТС России с рядом арабских государств.

К числу крупных получателей российского оружия относится **Алжир**. В марте 1999 г. подписано российско-алжирское соглашение о военно-техническом сотрудничестве. В ноябре 2001 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между министерством обороны РФ и министерством национальной обороны (МНО) Алжира. Оно предусматривает дальнейшее развитие связей между армиями двух госу-

дарств. Прорабатывается долгосрочная программа российско-алжирского военного сотрудничества на 2005–2010 гг. По заявлению начальника штаба Национальной народной армии (ННА) корпусного генерала Мохаммеда Ламари, Алжир, несмотря на расширение военных связей с Западом и диверсификацию источников приобретения вооружений, по-прежнему рассматривает Россию в качестве приоритетного партнера в сфере ВТС. В 2001 г. российский «Оборонэкспорт» вошел в число участников тендера МНО АНДР на право поставок ННА авиационной, наземной и военно-морской техники. Всего в ближайшие годы Алжир закупит в России оружия и военной техники на сумму 2,5 млрд. долл.

В связи с планами по обновлению самолетного парка и авиационного вооружения ВВС неплохие перспективы на алжирском военном рынке имеет российский авиапром. Командование ННА также намерено обучать в России часть летного состава и специалистов инженерно-авиационной службы национальных ВВС.

Перспективным направлением сотрудничества становится модернизация вооружения сухопутных войск, в первую очередь, танкового парка. Алжирская сторона проявляет интерес к модернизации с помощью России части состоящих на вооружении частей ПВО зенитных ракетных комплексов и приобретению в нашей стране новых зенитных ракетных систем (ЗРС) типа С-300 и С-400.

Развивается сотрудничество в деле модернизации и ремонта боевых кораблей и катеров ВМС, оснащения их новыми противокорабельными ракетными комплексами. Алжирская сторона рассматривает вопрос о приобретении в России и других видов современного военно-морского вооружения.

В 2002 г. была проведена работа по созданию в Алжире ремонтной базы и центров сервисного обслуживания для ранее поставленной военной техники советского и российского производства. Сотрудничество в этой области также имеет неплохие перспективы. Не исключается возможность российского участия в создании для АНДР собственных оборонных предприятий различного профиля.

В целом российско-алжирское военно-техническое сотрудничество имеет тенденцию устойчивого роста.

Египет. В середине 70-х годов тогдашний президент страны А.Садат отошел от курса на сотрудничество с СССР, двусторонние связи в военной области были прерваны, а Египет стал ориентироваться на военно-техническое сотрудничество с США. Сменивший его в 1981 г. на посту президента Хосни Мубарак стал проводить более сбалансированную внешнюю политику. Начало, хотя и в небольших масштабах, восстанавливаться ВТС с нашей страной.

Египетская сторона выступает за дальнейшее развитие военно-технического сотрудничества с Россией. Однако наши связи носят в целом ограниченный характер и сводятся в основном к поставкам

запчастей для полученных ранее техники и вооружений, проведению ряда мероприятий, связанных с ее модернизацией. Перспективными направлениями сотрудничества (хотя и в ограниченных объемах) могут стать поставки отдельных партий вооружения, учебно-боевой техники, вспомогательного имущества, запасных частей для ранее поставленной техники, ее ремонт и комплексная модернизация, российское участие в создании объектов военной инфраструктуры. Египетские военнослужащие обучаются в военно-учебных заведениях РФ.

В целом же российско-египетское военно-техническое сотрудничество не имеет больших перспектив. Планы военного строительства АРЕ в значительной степени сориентированы на дальнейшее сотрудничество с США. Причем в Каире прекрасно понимают, что реальной альтернативы американской военной помощи не существует и не предвидится. Кроме того, американцы всячески препятствуют расширению ВТС между Россией и Египтом, оказывая соответствующее давление на Каир. Негативно сказывается на развитии наших связей в военной области и отсутствие у АРЕ значительных финансовых ресурсов для приобретения больших партий современных вооружений.

Военно-технические связи между **Иорданией** и Советским Союзом стали устанавливаться в начале 80-х годов прошлого столетия. Тогда королевство закупило в нашей стране различные средства ПВО для сухопутных войск и партию БМП-2. Вооружение и военная техника из СССР хорошо зарекомендовали себя в ходе длительной эксплуатации в сложных природно-климатических условиях страны, а зенитные ракетные средства советского производства до настоящего времени составляют основу противовоздушной обороны сухопутных войск королевства.

В последнее время Иордания вновь стала проявлять интерес к активизации военно-технического сотрудничества с Россией. Иорданские военные проявляют заинтересованность в модернизации ранее закупленного в Советском Союзе оружия и военной техники. В рамках реализации программы модернизации национальных вооруженных сил Иордания хочет получать оружие из различных источников и в этой связи рассматривает вопрос о возобновлении военных закупок в России. Речь здесь идет о российском высокоточном оружии для сухопутных войск, прежде всего, противотанковом и зенитном. Причем иорданская сторона желает приобрести образцы, представляющие новейшие поколения.

Вероятной областью сотрудничества может стать и подготовка иорданских военных кадров в российских военно-учебных заведениях.

Вместе с тем, традиционная многолетняя ориентация Иордания на военно-техническое сотрудничество с Западом, прежде всего, с США и Великобританией, отсутствие у королевства значительных финансовых ресурсов для закупок вооружений не позволяют говорить о возможности существенного расширения российско-иорданского ВТС.

Ирак. Участие нашей страны в поставках оружия и военной техники, подготовке кадров для новой иракской армии на ближайшую перспективу весьма маловероятно. Эта сфера является монополией США, которые допускают туда только своих союзников по международной коалиции.

Россия в настоящее время является основным партнером **Йеменской Республики (ЙР)** в вопросах ВТС. Вооруженные силы страны на 80–90% оснащены вооружением и военной техникой, произведенными в свое время в СССР.

После почти десятилетнего перерыва в конце 90-х годов российско-йеменские отношения в военной области начали заметно активизироваться. Поиски партнеров по ВТС на Западе, предпринятые вскоре после окончания гражданской войны 1994 г., не увенчались успехом. Западные страны требовали от йеменцев слишком большую цену и значительных политических уступок. И тогда йеменское руководство вновь обратило свои взоры на Россию.

В марте 1998 г. было подписано межправительственное соглашение по военно-техническому сотрудничеству. Это позволило начать работу российским государственным посредникам и промышленным предприятиям на йеменском рынке.

Наиболее интенсивное развитие получили на сегодня поставки новой, ремонт и модернизация имеющейся на вооружении ВВС ЙР авиационной техники. Это направление нашего ВТС следует отнести к одному из наиболее перспективных.

Выполняются действующие и прорабатываются новые контракты, а также изучаются возможности поставок различного вооружения для сухопутных войск (ПТРК, танки, БМП, РСЗО и др.), а также проведения ремонта и модернизации имеющейся в войсках техники.

В целом в настоящее время Йемен является для России одним из наиболее перспективных партнеров по ВТС на Ближнем Востоке. С учетом роста добычи нефти и газа уже в ближайшей перспективе ЙР может выйти в первые ряды нефте- и газодобывающих стран мира, а увеличение поступлений от продажи углеводородного сырья позволит йеменскому руководству выделять более значительные суммы на приобретение вооружения и военной техники.

К 2001 г. **Кувейт** закупил в Российской Федерации вооружения и военной техники на сумму 850 млн. долл. Во время визита кувейтского министра обороны Джабера ас-Сабаха в Россию в сентябре 2002 г. была достигнута договоренность о дальнейшем развитии двустороннего военного сотрудничества. Министр подчеркнул, что правительство эмирата рассмотрит и изучит все коммерческие предложения, «представляющие интерес для его вооруженных сил, которые предоставит российская сторона». Было заявлено также, что Кувейт заинтересован в новейших российских военных технологиях и образцах современного оружия.

Качество российского оружия высоко оценивается в Кувейте. Здесь часто можно услышать, что «оно зарекомендовало себя с самой лучшей стороны». Начальник генерального штаба национальных ВС генерал Али аль-Муамин заявил: «...мы считаем, что, сотрудничая с Россией, выбираем очень эффективное оружие».

В то же время перспективы военно-технического сотрудничества между нашими странами ограничены. Это связано как с преимущественной ориентацией Кувейта на развитие ВТС с Западом (США, Великобритания, отчасти, Франция), так и с малочисленностью самой кувейтской армии – по состоянию на январь 2004 г. – 15,5 тыс. человек.

По указу президента Российской Федерации от 17 мая 1999 г. наша страна вышла из режима международных санкций против **Ливии**. Тем не менее, до настоящего времени военно-технические связи между нашими странами не получили значительного развития, хотя и существовало большое число проектов: от модернизации ранее приобретенного вооружения до поставок новой современной военной техники.

Ливийская сторона проявляла заинтересованность в закупке в России танков и БТР, высказывала желание приобрести ЗРС типа С-300, произвести модернизацию ранее поставленных боевых самолетов. Ливийцы также намеревались приобрести в РФ истребители ПВО МиГ-31 и многоцелевые истребители Су-27, легкие патрульные самолеты, современные ракеты класса «воздух-воздух» и «воздух-земля». Командование ВВС заявило о необходимости замены и модернизации парка учебно-боевых, учебно-тренировочных и военнотранспортных самолетов и вертолетов. Однако до конкретных переговоров дело не дошло.

После отмены международных санкций многие государства, принимая во внимание наличие у ливийской стороны необходимых финансовых возможностей, готовы к возобновлению с ней ВТС. Выбор основных партнеров остается за Триполи. Причем, казалось бы (учитывая то обстоятельство, что основная масса ВВТ была в свое время поставлена из СССР) Россия имеет неплохие шансы на восстановление прежних связей с Ливией в военной области. Но на деле значительных сдвигов не происходит. В 2001 г. РФ возобновила поставки оружия в Ливию на сумму в 100 млн. долл. В то же время новых закупок российского оружия Ливией не намечается. Подписанные контракты предусматривают только ремонт или модернизацию полученного ранее вооружения и военной техники. Это предусматривает и подготовленный в МО РФ проект договора о возобновлении ВТС с Ливией. Таким образом, надежды российских оборонщиков на полноценное восстановление военно-технических связей с этой страной не оправдались.

Вопрос о состоянии и перспективах российско-ливийского ВТС достаточно сложен. Есть основания полагать, что само ливийское руководство еще окончательно не определилось с приоритетными

направлениями восстановления боеспособности вооруженных сил и военного строительства в целом.

В условиях новых политических реалий, сложившихся в мире и регионе Ближнего Востока и Северной Африки в начале XXI столетия, а также учитывая сложное экономическое положение страны и имеющуюся определенную напряженность в ливийском обществе, руководство Ливии, по всей вероятности, вряд ли пойдет на обострение отношений как с ведущими государствами Запада, так и со своими непосредственными соседями. Об этом свидетельствует и отказ Джамахирии от программ по созданию ОМП. В таком случае внешние военные угрозы Ливии существенно уменьшатся, что, по логике вещей, не предполагает наличия многочисленных вооруженных сил, оснащенных большим количеством сложных (и дорогостоящих) видов вооружений, которые, кстати, всегда очень трудно осваивались ливийцами. Остается, однако, такой немаловажный на Востоке фактор как престижные соображения (у соседа есть, а почему у меня нет), к которому М.Каддафи весьма чувствителен. Но здесь что-то прогнозировать очень трудно.

И еще одно обстоятельство, негативно влияющее на перспективы ВТС между РФ и Ливией, да и на общее состояние наших отношений. В Триполи не забыли, что Россия, считавшаяся дружественным государством, в 1992 г. резко изменила свое отношение к Ливии и фактически полностью поддержала введение режима международных санкций. Через несколько лет, как известно, российская позиция изменилась. Но первая, очень сильная обида осталась, как сохранилось и недоверие к политике нашей страны. Преодолеть все это очень и очень непросто. Так что перспективы налаживания по-настоящему дружественных отношений между нашими странами, в т.ч. в военной сфере все еще остаются достаточно неопределенными.

Марокко. Королевские вооруженные силы имеют опыт эксплуатации и боевого применения оружия советского производства. В 2001 г. в Белоруссии закуплены 48 танков Т-72 и запчасти к ним из арсенала белорусской армии. В Марокко с обеспокоенностью следят за наращиванием, при активном российском содействии, военного потенциала соседнего Алжира. Однако, думается, что основным фактором, затрудняющим приобретение у РФ современных вооружений, является нехватка у правительства финансовых средств.

В 90-е годы динамичное развитие получило военно-техническое сотрудничество между Россией и **Объединенными Арабскими Эмиратами**. По контрактам, подписанным в 1994–1995 гг., эта страна получила крупную партию БМП-3. В настоящее время ведутся работы по оснащению поставленных БМП дополнительной комплексной защитой.

В августе 2000 г. ОАЭ подписали контракт с Тульским КБ приборостроения на разработку в течение двух лет и в течение последующих трех лет поставку в эту страну зенитного пушечно-ракетного комплекса (ЗПРК) «Панцырь-1». Контрактом также предусмотрено обуче-

ние местного персонала, проведение в последующем технического обслуживания ЗПРК, поставки боеприпасов и запасных частей.

Одним из последних примеров двустороннего сотрудничества является разработка нижегородской фирмой ГАЗ по заказу ВС ОАЭ армейского вездехода «Тигр». Ожидается, что вездеход будет продаваться и в армии других арабских государств.

Таким образом, на современном этапе российско-эмиратские военные связи успешно развиваются и имеют перспективу. Несмотря на активные военные связи со странами Запада, ОАЭ не намерены отказываться от продолжения курса на диверсификацию источников получения оружия, в том числе из России.

Оман. Курс руководства страны на диверсификацию источников приобретения оружия может дать России шанс проникнуть на оманский рынок вооружений. В первую очередь, это касается вооружений для сухопутных войск.

Саудовская Аравия. Налаживание устойчивых ВТС между нашими странами маловероятно. Саудовская военная структура давно и прочно привязана к военным поставкам из США, Великобритании и Франции. Вместе с тем, нельзя полностью исключать возможности закупок саудовцами в России отдельных партий вооружения для сухопутных войск и подразделений специального назначения.

Одним из давних партнеров нашей страны в сфере ВТС является **Сирия**. До 90% оружия сирийских вооруженных сил – советского и российского производства. Несмотря на трудности объективного и субъективного характера, спад в двусторонних военных связях в 90-е годы, в Дамаске по-прежнему заинтересованы в развитии широкомасштабного военно-технического сотрудничества с Россией, о чем неоднократно заявлялось высшим сирийским руководством.

В порту Тартус с 1988 г. расположен пункт материально-технического обеспечения российских ВМС, причем сирийская сторона не взимает платы за стоянку российских кораблей. В настоящее время это единственный объект передового базирования российского флота в Средиземном море.

По данным иностранных источников, в вооруженных силах САР в 2003 г. работали до 150 российских советников и специалистов.

Сирийская сторона заинтересована в модернизации и ремонте ранее поставленной техники для всех видов ВС, а также в приобретении новых образцов: истребителей ПВО, многоцелевых истребителей, боевых вертолетов, современных ЗРС и ЗРК для ПВО страны и войск, оперативно-тактических ракетных комплексов, танков, БМП, ракетных катеров и другого вооружения. Сирийцы готовы направлять ежегодно на учебу в РФ до 100 курсантов и офицеров. Сирия высказала также пожелание приобрести право лицензионного производства некоторых видов российского оружия. В результате реализации этих планов наша страна может получить до 1 млрд. долл.

Еще в декабре 1996 г. в Москве были согласованы условия расчетов за военные поставки и оказание технического содействия. Сирия нашла источники ограниченного финансирования в Саудовской Аравии и Иране. Сообщалось о разработке комплексной долгосрочной программы военно-технического сотрудничества между РФ и САР на 2005–2010 гг. В целом же нынешнее состояние двусторонних военно-технических связей не отвечает имеющимся потенциальным возможностям.

Заметное негативное воздействие на российско-сирийские ВТС оказывает давление со стороны США и Израиля, выступающих против российских поставок оружия в Сирию. Со своей стороны, сирийцы выражают недовольство развитием военных связей между Россией и Израилем, в частности, запуском с космодрома Свободный в 2000 г. ИСЗ «Эрос-А1» и возможным запуском еще нескольких спутников.

В настоящее время имеются основания полагать, что Башар Асад не будет столь жестко ориентирован на военно-политическое сотрудничество с Россией, как это делал его отец.

Проявляет заинтересованность в развитии военно-технических связей с Россией **Судан**. Об этом, в частности, свидетельствует визит в РФ в апреле 2002 г. суданского министра обороны генерала Бахра Хасана Салеха. Не исключено, что Судан может закупить у нашей страны многоцелевые и боевые вертолеты, танки, БМП, бронетранспортеры. По мнению западных экспертов, Россия вновь может стать главным поставщиком вооружений для суданских ВС.

Рост добычи нефти в Судане в последние годы и, соответственно, валютных поступлений от ее продажи дает возможность его правительству более интенсивно реализовать свои программы модернизации вооруженных сил. Вместе с тем, межэтнический конфликт в западном районе Дарфур может стать причиной введения в отношении Судана международных санкций, в том числе запрещающих ВТС.

Установление постоянного ВТС с такими арабскими государствами как **Бахрейн, Катар, Ливан, Мавритания и Тунис** в обозримом будущем маловероятно, что, однако, не исключает возможности поставок отдельных партий вооружения.

В настоящее время объемы продаж российского оружия в страны Арабского Востока далеко не адекватны внешнеторговым возможностям отечественного ВПК. Очевидно, что военно-техническое сотрудничество с государствами региона является полезным и выгодным для России. Во-первых, Ближний Восток остается емким и перспективным рынком для военной продукции различного назначения. Стабильные поставки российского оружия и военной техники дают возможность загружать производственные мощности отечественного ВПК, получать столь необходимые стране финансовые средства, часть из которых можно и нужно направлять на проведение НИОКР по созданию новых видов вооружений как для российской армии, так и для экспорта в другие страны, в том числе и арабские.

Во-вторых, эффективное ВТС с арабскими государствами будет способствовать укреплению политических и экономических позиций нашей страны в ближневосточном регионе, а также позволит более успешно решать некоторые проблемы, связанные с противодействием международному терроризму, особенно в части пресечения связей между арабскими экстремистскими организациями и чеченскими террористами и сепаратистами.

Для успешного продвижения военной продукции в арабских странах российским организациям и фирмам необходимо прогнозировать свои действия, улучшать качество маркетинговых исследований и понимать особенности местного рынка, строго соблюдать обусловленные в соглашениях сроки поставок техники. Очень важным для достижения положительных результатов в сфере продажи вооружений является государственное лоббирование на различных уровнях продажи отечественной военной продукции.

Россия заинтересована в дальнейшем развитии ВТС со странами Ближнего Востока. У нас имеется опыт плодотворного партнерства со многими странами арабского мира, возможности по удовлетворению самых высоких требований к оружию и военной технике со стороны заказчиков. Российское оружие, если оно находилось в умелых руках, никогда не подводило своих владельцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузык Б.Н., Новичков Н.Н., Шварев В.Ю., Кенжетаев М.Ж., Шмаков А.И. Россия на мировом рынке оружия. Анализ и перспективы. – М.: «Военный парад», 2001.

2. Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах XX века / под редакцией В.А. Золотарева. – М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000.

3. Anthony H. Cordesman. The military balance in the Middle East. An Analytic Overview: Military Expenditures and Arms Transfers, Major Arms by Country and Zone, and Qualitative Trends. – Washington, 2004.

4. The Military Balance. – London (издания разных лет).

5. «Арсенал», Москва.

6. «Военно-промышленный курьер», Москва.

7. «Военно-техническое сотрудничество», Москва.

8. «Независимое военное обозрение», Москва.

ПЛАН США «БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК» И РЕАКЦИЯ НА НЕГО В МИРЕ

События, разворачивающиеся в начале XXI в., говорят о том, что многое в международной политике сегодня решается на Ближнем Востоке. Доказательством тому служит возросшая военно-политическая активность крупных держав в данном регионе. В начале 2004 г. США выступили с инициативой, получившей название «Большой Ближний Восток»¹. Она предполагает проведение широких политических, демократических и экономических реформ странами ближневосточного региона, включая Северную Африку, в обмен на масштабную финансовую помощь Запада. США в частности, настаивают на установлении демократических режимов в странах региона, проведении свободных выборов, строительстве просвещенного общества и широкомасштабных экономических реформах. При этом географически план США помимо арабских стран охватывает еще Пакистан, Афганистан, Иран, Турцию и Израиль. Фактически речь идет о планах коренного переустройства целого региона по образцу, предлагаемому Вашингтоном.

Вскоре после обнародования инициативы в турне по странам Ближнего Востока отправился эмиссар Вашингтона, заместитель государственного секретаря США по политическим вопросам Марк Гроссман. В начале марта 2004 г. он прибыл в Каир с целью изложить египетскому руководству американскую инициативу «Большой Ближний Восток»². Официально Египет для США – стратегический партнер в регионе, «ключевой партнер по борьбе с терроризмом и процессу мирного урегулирования на Ближнем Востоке», а на деле – еще и мост для общения с арабским миром. В связи с этим американцы рассчитывали на то, что одобрение египетскими властями плана «Большой Ближний Восток» значительно упростит диалог с другими арабскими режимами.

Реакция на этот план с самого начала и в Египте и в других странах региона была негативной. Местные обозреватели сразу обратили внимание на два неприемлемых для большинства арабских стран момента – инициатива США игнорирует конфликт с Израилем, который арабы считают главной причиной кризисного состояния в арабском мире, и навязывает реформы извне. Официальный Каир скептически отнесся к инициативе США. В своем заявлении президент Египта Хосни Мубарак четко отметил, что реформы должны вы-

зреть в арабских обществах с учетом национальных особенностей, традиций, влияния религии и собственного политического опыта, а навязанные извне реформы могут привести к власти в арабских странах экстремистские исламские режимы³.

В дальнейшем позиция египетского руководства неоднократно излагалась западным партнерам. На встрече с премьер-министром Тони Блэром президент Египта повторил, что демократические реформы на Ближнем Востоке должны развиваться внутри самого региона, а не навязываться извне, подчеркнув при этом, что «любая модернизация должна опираться на традиции и культуру региона»⁴. Такая же позиция была высказана министром иностранных дел АРЕ Ахмедом Махером в ходе встреч с представителями Конгресса США. Глава внешнеполитического ведомства Египта также отверг возможность участия западных структур, в частности, НАТО в проведении реформ на Арабском Востоке⁵. Тем самым Каир дал понять, что арабы не нуждаются в «зонтике безопасности», который предлагают некоторые западные страны во главе с США в качестве помощи в борьбе против терроризма.

В интервью западным журналистам во время своего европейского турне в марте 2004 г. Мубарак заявил, что рассматривать Ближний Восток, простирающийся от Магриба до Пакистана, как некое единое образование – означает упустить из виду тот факт, что на этом географическом пространстве расположены страны «весьма сильно отличающиеся друг от друга по своей культуре, этническому составу, традициям и политическим режимам»⁶.

Препятствием на пути коренных преобразований является многолетний палестино-израильский конфликт, который, по мнению Хосни Мубарака, представляет собой «источник всех проблем региона, и никакая реформа в странах Ближнего Востока не добьется успеха, пока не будет разрешено это противоречие»⁷. Уже в который раз звучат обвинения Египта в адрес Израиля в том, что тот не желает мира и не заинтересован в создании палестинского государства. Каир беспокоит тот факт, что обстановка в результате ударов, которым подвергаются палестинские территории, служит питательной почвой для терроризма и источником угрозы любым демократическим процессам.

Оценивая богатый опыт Хосни Мубарака во внешнеполитических делах, а также анализируя реакцию официального Каира на предложения США по реформированию Ближнего Востока, можно с большой долей уверенности заключить, что в вопросе проведения реформ глава АРЕ намерен придерживаться своего традиционного стиля во внутренней и внешней политике, осуществляя постепенные, выверенные шаги и не проявляя излишней поспешности, которая может вызвать брожение в обществе и нанести вред самим арабским народам.

Влиятельная египетская газета «Аль-Ахрам», близкая к правительственным кругам АРЕ, анализируя американскую инициативу, пришла к выводу, что арабские страны и народы в своем большинстве

не поддерживают предложенную администрацией Дж.Буша программу «Большого Ближнего Востока». Этот план, указывает газета, не содержит чего-то нового или оригинального и фактически лишь констатирует необходимость проведения политических, экономических, социальных и демократических реформ в странах «Большого Ближнего Востока». Назревшую необходимость таких преобразований, собственно, уже давно признают сами руководители многих из этих стран, однако их проведение напрямую связывают с национальными особенностями, уровнем экономического и социального развития и другими важными факторами.

Арабские лидеры неоднократно указывали американской администрации на то, что, прежде чем заниматься внедрением демократии в мусульманское общество, США и другим развитым государствам необходимо, в первую очередь, оказать действенную помощь в решении острейших экономических и социальных проблем. В противном случае, отмечает «Аль-Ахрам», демократические выборы в этих странах могут привести к власти новое руководство, настроенное более враждебно по отношению к США, нежели сегодняшние лидеры⁸.

Как и ожидалось, наиболее негативные отклики американский план получил в тех странах, у которых с Вашингтоном диалог в последнее время не получается. Президент Ирана Мохаммад Хатами выступил с осуждением плана США «Большой Ближний Восток» и охарактеризовал его как попытку «навязывания исламскому миру американского понимания демократии»⁹. Министр иностранных дел Ирана Камаль Харрази назвал инициативу США частью плана, направленного на усиление посредством американской поддержки гегемонии Израиля над всем мусульманским миром¹⁰.

Среди арабских стран самая резкая реакция на план Вашингтона прозвучала в Сирии. Официальный Дамаск в довольно жесткой форме заявил, что Сирия рассматривает этот проект как вмешательство во внутренние дела арабских стран и желание авторов проекта навязать под различными предлогами свою волю и господство империализма региону Ближнего Востока. По мнению сирийцев, политическое и экономическое развитие арабских стран полностью является делом их народов, в то время как разработка проекта «Большой Ближний Восток» ведется без учета мнений и желаний главной заинтересованной стороны – самих арабских народов. Опасение Дамаска вызывает стремление некоторых заинтересованных сил под предлогом проведения реформ и демократического развития в регионе навязать арабам свою волю и свой образ мышления, чтобы изменить сознание арабов и заставить их капитулировать перед тем, что служит интересам сионизма и ведет к уничтожению арабской нации¹¹. Сирия заявила, что отвергает эти проекты и инициативы, под какими бы лозунгами они не выдвигались, еще раз подчеркнув, что экономическое, политическое и социальное развитие является делом самих арабских народов.

Свое негативное отношение к американскому плану выразили также другие арабские страны. Министр иностранных дел Ливана Жан Обейд раскритиковал намерения США, в частности, сказав, что «демократические модели не могут быть импортированы в страны региона», а его коллега глава внешнеполитического ведомства Саудовской Аравии Сауд аль-Фейсал в резкой форме осудил планы Запада «силой внедрить демократию в арабском мире»¹².

Заверения США в том, что «Соединенные Штаты не могут и не хотят навязывать преобразования» и что «реформы должны быть инициированы в самом регионе» не убедили правительства арабских стран. Как заявил министр информации Сирии Ахмед аль-Хасан на проходившем в Дамаске международном симпозиуме, посвященном политике США в регионе, арабские страны должны активно противодействовать американскому плану «Большой Ближний Восток» и другим подобным планам, которые навязываются арабам извне¹³. Подводя итоги симпозиума, директор Арабского центра стратегических исследований Мунир аль-Хумуш подчеркнул, что его участники были едины во мнении, что процесс политических реформ на Ближнем Востоке должен иметь внутренние корни, а не навязываться его народам из-за границы. Участники симпозиума отметили необходимость объединения усилий арабских народов для противодействия подобным планам, которые, по их мнению, не имеют какой-либо законной силы и не соответствуют международному праву. Они отметили также, что американский план оставляет в стороне решение основных экономических и социальных проблем, которые стоят перед народами региона, и, прежде всего, главной проблемы – урегулирования ближневосточного конфликта.

Как можно видеть, оценки, прозвучавшие из уст представителей правящей и интеллектуальной элиты региона, носили в целом негативный характер. В конце концов, план США не получил поддержки даже в Египте и Иордании – арабских странах, считающихся близкими партнерами Вашингтона на Ближнем Востоке. В итоге, в конце марта США были вынуждены отозвать свою инициативу¹⁴. Тем не менее, Вашингтон не отказался от своей идеи, и, как показали последующие события, лишь занял выжидательную позицию для того, чтобы выслушать различные мнения в мире по поводу своего плана и выработать компромиссное решение, способное завуалировать истинные намерения США в регионе.

План «Большой Ближний Восток», а также проблема необходимости реформ в регионе занимали важное место в повестке дня на крупных международных саммитах и форумах в 2004 г. Выступая на Всемирном экономическом форуме (ВЭФ), проходившем на берегу Мертвого моря в Иордании 15–17 мая 2004 года, король Иордании Абдалла II, заявил, что арабы согласны на реформы, но при условии, если они будут исходить от самих стран региона¹⁵. При этом иорданский монарх,

второй год подряд являющийся организатором столь представительного международного форума, призвал международное сообщество активизировать свою деятельность в решении наиболее болезненных проблем региона, прежде всего, ближневосточного конфликта.

Резкой критике инициативу США «Большой Ближний Восток» подверг Генеральный секретарь Лиги арабских государств (ЛАГ) Амр Муса, также принимавший участие в ВЭФ. Муса, в частности, заявил, что США пытаются навязать Ближнему Востоку демократию для реализации собственных интересов в регионе. «Американские идеи о политической и экономической реформе абсолютно неприемлемы для арабов, поскольку они исходят из желания США осуществить свои интересы», – сказал Муса. «Американцы говорят нам, что хотят реформ, поскольку это в наших интересах, но я заявляю, что подобная логика неприемлема и наивна. Реформа – хорошее предложение, но вы не сможете заставить меня проглотить реформы против моей воли». Кроме того, Амр Муса обвинил также американское руководство в том, что оно разместило в СМИ содержание инициативы «Большой Ближний Восток», не обсудив его с лидерами стран региона¹⁶.

Как ожидалось, арабский мир должен был сказать свое веское слово относительно предлагаемых США реформ на саммите ЛАГ в Тунисе, состоявшемся 22–23 мая 2004 г. В принятых по его итогам документах участники подтвердили, что проведение демократических реформ в арабском мире назрело. В них подтверждается необходимость проведения демократических преобразований в социальной, экономической, политической, культурной и образовательных сферах жизни арабских государств в качестве стратегического выбора арабской нации. Лидеры арабских стран отметили потребность всеми возможными способами содействовать развитию экономических и торговых связей внутри арабского мира, включая отмену таможенных барьеров. На саммите было принято решение о создании общеарабской зоны свободной торговли и арабского таможенного союза¹⁷. В заключительном заявлении была подчеркнута необходимость превращения Ближнего Востока, включая Израиль, в зону свободную от оружия массового поражения¹⁸.

Вместе с тем арабам не удалось принять решение о механизмах, позволяющих провести столь важные реформы в ближайшее время. В частности, не была рассмотрена инициатива Египта по развитию системы межарабских отношений и реформированию ЛАГ, выдвинутая Каиром в июле 2003 г. и предусматривавшая создание Арабского суда справедливости, Арабского совета безопасности и принятия ряда других мер, направленных на реформирование структурно-институциональной системы арабского сообщества. Такой «половинчатый» итог саммита подтвердил, что арабский мир не готов к быстрым и решительным шагам для кардинального реформирования своей структуры. На саммите вновь прозвучала критика в адрес плана «Большой Ближний Восток». Наиболее жесткую позицию среди арабов на саммите ЛАГ

в Тунисе к инициативам извне по реформированию региона вновь обозначил президент Сирии Башар Асад, заявивший, что его страна не собирается обсуждать с какой-либо иностранной стороной вопросы внутренних реформ¹⁹.

На саммите «Большой восьмерки», проходившем 8–10 июня 2004 г. на острове Си Айленд в США, вопрос о реформах на Ближнем Востоке обсуждался лидерами крупнейших мировых держав, что говорило о большой значимости данной темы. Одобрив в целом плодотворность идеи проведения реформ в регионе, участники подчеркнули, что «проведение реформ – дело самих стран региона». Большинство участников предостерегли против попыток навязать извне странам Ближнего, Среднего Востока и Северной Африки широкие и многосторонние преобразования. При этом особенно подчеркивалось, что реформы должны исходить из самих стран региона. Как заявил президент Франции Жак Ширак по итогам обсуждения плана США «Большой Ближний Восток», страны Ближнего Востока и Северной Африки «не нуждаются в миссионерах демократии». «Нет формулы демократии, которую можно было бы экспортировать в другие страны, – подчеркнул Жак Ширак. Если хочешь добиться укоренения в стране идеалов свободы, демократии и прав человека, необходимо прежде уважать свободу и независимость этой страны»²⁰.

В совместной декларации под названием «Партнерство ради прогресса и общего будущего с регионом Большого Ближнего Востока и Северной Африки» участники саммита провозгласили «свою поддержку демократическим, социальным и экономическим реформам, исходящим из данного региона». Согласно заявлению, участники партнерства придерживаются следующих принципов: укрепление мира и стабильности в регионе; необходимость урегулирования споров, особенно израильско-палестинского конфликта; отказ признавать региональные конфликты препятствием для реформ; восстановление мира и стабильности в Ираке; признание того, что успешные реформы могут исходить только из самого региона, а перемены не могут навязываться извне; уважение уникальности и своеобразия каждой страны – но опять-таки не в ущерб реформам; партнерство с правительствами, деловыми кругами и институтами гражданского общества в регионе; поддержка реформ в регионе в интересах всех граждан²¹.

Среди основных направлений деятельности по оказанию помощи в проведении реформ, зафиксированных в «Плане «восьмерки» по поддержке реформ», – инициатива по развитию микрокредитования в регионе, ликвидация безграмотности, подготовка предпринимателей, поддержка свободных и прозрачных выборов, расширение межпарламентских связей, содействие становлению независимых судов, поощрение усилий, направленных на утверждение свободы слова, печати, религиозных убеждений, борьба с коррупцией, помощь региону в сохранении культурного наследия. Важная тема во всем плане дей-

ствий – вовлечение женщин в процессы социально-экономического и политического развития²².

Пытаясь успокоить власти и жителей стран Ближнего Востока, президент США вновь поспешил заверить их в том, что план реформ не будет навязываться народам региона и что «свободные общества на Ближнем Востоке будут отражать культуру и традиции народов региона, а не Америки»²³. Но звучавшие комментарии из уст политиков, журналистов и политологов из стран Ближнего Востока содержали тревожные выводы, общий смысл которых сводился к тому, что США, несмотря на заверения в том, что не собираются вмешиваться во внутренние дела стран региона, в ближайшем будущем намерены осуществить широкомасштабную интервенцию в регионе с использованием всех ресурсов. В подтверждение опасений приводилось присутствие США и их союзников в Ираке, нападки американцев на некоторые соседние с Ираком страны, наращивание ими своего военного присутствия в регионе, практически полная поддержка жестких действий Израиля на оккупированных палестинских территориях и в целом агрессивный стиль внешней политики Вашингтона в последнее время.

Египет, считающий себя флагманом арабского мира, а потому часто выступающий не только от своего имени, но и от арабской общности, направил послание в адрес участников саммита «Большой восьмерки». В нем подчеркивалось, что в странах Ближнего Востока идет непрерывный процесс реформирования и что общество в этих государствах само стремится к осуществлению реформ. Прозвучал также призыв к участникам форума рассмотреть корни существующих проблем, возникших в результате оккупации арабских земель, отсутствия справедливости и использования двойных стандартов²⁴.

Озабоченность Каира вызывает также то, что необходимость реформ на Ближнем Востоке многими в США обосновывается желанием изменить регион, откуда исходит угроза Западу со стороны ислама, как основного источника терроризма, а это, в свою очередь, свидетельствует о намерении не помочь региону, а, наоборот, подвергнуть его насильственным реформам. В результате, создается впечатление, что обвинение в угрозе безопасности выдвигается в адрес не только арабских стран, но уже всего мусульманского мира в целом. По мнению Египта, это – весьма опасное стремление раздвинуть традиционные границы Ближнего Востока под тем предлогом, что проблема безопасности сама по себе выходит за рамки региона.

Как заявил посол Египта в США Набиль Фахми, вызывает недоумение также попытка «пристегнуть» к Ближнему Востоку обширные территории, не имеющие к нему никакого отношения ни с точки зрения языка и традиций, ни с точки зрения исторического опыта и культуры. При этом особенно указывалось на неуместность присутствия в этих планах Израиля, являющегося оккупантом арабских земель и имеющего с большинством арабских стран враждебные отношения.

Как показали двусторонние и многосторонние встречи заинтересованных сторон, необходимость проведения коренных политических и экономических преобразований никем не ставится под сомнения. Острота проблем, с которыми столкнулись страны региона в начале XXI в., по единогласному мнению требует решительных шагов. Несмотря на наличие природных ресурсов, особенно углеводородных, население стран региона, в основном, по-прежнему бедное, крайне высок уровень неграмотности. В военно-промышленном секторе отставание от Запада выглядит весьма ощутимым. Более развитый Израиль при поддержке США и используя противоречия между арабскими странами навязывает им свое видение процесса ближневосточного урегулирования. Словом, перечень сфер, которые необходимо подвергнуть реформированию, довольно длинный.

Особенную озабоченность на Ближнем Востоке вызывает тот факт, что данная инициатива активно выдвигается и проталкивается именно США. Негативная реакция арабов на план США кажется вполне логичной, учитывая неприятие странами региона ближневосточной политики Вашингтона. Для большинства арабо-мусульманских стран, выступающих против американского плана «Большой Ближний Восток», опасность заключается не только в военно-политической и экономической экспансии США в регионе, но в ярко выраженном цивилизационном натиске, осуществляемом посредством насаждения чуждых региону общественно-политических и культурных ценностей.

Ряд положений американского плана, принимая во внимание многовековые традиции государственного строительства на Ближнем Востоке, труднореализуем. Спецификой политической системы в странах Востока является весомая роль главы государства, который сосредоточивает в своих руках бразды правления как во внутриполитических делах, так и на международной арене. В странах с республиканской формой правления при смене власти она зачастую достается либо детям ушедшего главы государства, либо представителю правящего клана. Это дает основание либерально настроенным кругам на Западе говорить о весьма незначительной роли выборов как демократического института в политической жизни страны и о неспособности граждан посредством голосования влиять на свою судьбу. При этом на Западе не учитывают политическую традицию Востока, где выборность, многопартийность, свобода прессы и прочие атрибуты демократии никогда не были целью, а лишь средством, а стало быть, и прибегать к ним стоит лишь по мере необходимости. Потому характерная (или, по крайней мере, декларируемая) для западных демократий система ценностей при внедрении в восточные общества встречает на своем пути множество препятствий.

Характерной задачей политической элиты Арабского Востока конца XX – начала XXI вв. является укрепление существующей системы власти и передача ее либо по наследству, либо по принципу

«управляемой демократии», когда результаты выборов зачастую легко прогнозируемы, а главное – имеют второстепенное значение, поскольку не приведут к существенному изменению политического курса в стране. В условиях шаткости политической системы роль стабилизирующего фактора играют армия и спецслужбы. В ряде стран они служат прочной опорой политической элиты, а в некоторых случаях сами ее и составляют.

В арабских странах с монархической формой правления процесс передачи власти проходит в целом без потрясений. Так, в 1999 г. на смену «патриархам» ближневосточной политики короля Иордании Хусейна и короля Марокко Хасана II пришли их сыновья – Абдалла II и Мухаммед VI. Первые годы правления молодых правителей показали, что эти два расположенных в разных уголках Арабского Востока королевства уже в ближайшем будущем способны достичь весьма впечатляющих результатов и, прежде всего, в сфере экономики. Во многом заслуга в этом принадлежит ушедшему поколению монархов, создавших прочный фундамент для последующего рывка. Консерватизм в системе государственного устройства и методах управления страной с лихвой компенсируется наглядными успехами в экономике и ростом благосостояния подданных вкупе с относительной внутриполитической стабильностью. В подобной ситуации необходимость внедрения демократических институтов отходит на второй, а то и на третий план. К тому же и Марокко, и Иордания традиционно поддерживают с США хорошие отношения, что говорит о возможной помощи Вашингтона в случае, если кто-то решит посягнуть на власть правящих элит. В таких странах существенной смены политического курса ожидать не стоит.

Оправдывая свое вмешательство во внутренние дела региона, правящие круги США в качестве основного аргумента все чаще выдвигают тезис о нехватке демократических свобод как источнике всех проблем. Так, по мнению советника президента США по национальной безопасности Кондолизы Райс, большинство стран Ближнего Востока страдают от дефицита свободы, и именно в этом кроются причины, порождающие терроризм. Причем, как правило, речь идет о тех странах, которые не хотят идти в фарватере американской политики.

Между тем, именно политика США является тем катализатором, который приводит в действие наиболее радикальные силы на Арабском Востоке. Поддержка Вашингтоном откровенно силовых акций Израиля в отношении арабов, военная операция в Ираке, рост числа американских военных баз, насильственное внедрение посредством экономических рычагов западных элементов культуры – все это воспринимается жителями арабского региона как попытка реколонизации. Миссионерская роль, которую взяли на себя США и о которой все громче заявляют в период правления республиканской администрации, воспринимается в арабских странах как желание разрушить

многовековую систему ценностей региона, выросшую на постулатах ислама и верности традициям предков.

США открыто демонстрируют, что они против создания на Ближнем Востоке альянса, возникшего в результате союзнических устремлений стран региона, а не по инициативе и под контролем Вашингтона. Так, возвращение Ирака в начале XXI в. к тесному сотрудничеству с арабскими странами было болезненно встречено противниками межа-рабской интеграции. С постепенным восстановлением международного положения Ирака в 2000–2002 гг. обозначилась реальная перспектива создания сильной региональной оси Дамаск-Тегеран-Багдад, что, безусловно, не могло не вызвать болезненной реакции в Вашингтоне, который желал бы видеть в этих столицах более лояльные ему власти, а не центры арабо-мусульманского возрождения и единства.

Как показали последующие события, именно на эти три государства, которые вполне могли бы стать объединительным ядром на Ближнем и Среднем Востоке, обрушили свой удар Соединенные Штаты. Маятник американской угрозы раскачивается в регионе с угрожающей силой. Оккупировав Ирак, США начали нападки на соседние с Ираком Сирию и Иран, стремясь создать очаг напряженности и тем самым оказывать прямое давление на их официальные власти.

В своих выступлениях представители американских властей стараются обвинить эти страны, используя любой предлог. Реальная же причина – их отказ от американского видения «нового Ближнего Востока». Речь идет, прежде всего, о Сирии, которая, как считают в Вашингтоне, представляет угрозу для ближайшего союзника США – Израиля.

В лице Сирии США, мечтающие переделать геополитическую карту Ближнего Востока по своему усмотрению, встретили сильный отпор. Дамаск на сегодня является, пожалуй, последним бастионом панарабизма. Так, в конституции Сирии написано, что «любая опасность, которой подвергается какое-либо арабское государство со стороны колониализма и сионизма, является в то же время и опасностью, угрожающей всей арабской нации». Стремление Сирии к созданию региональных союзов, причем не только с участием арабских стран, встречает отпор США, которые не хотят возникновения на Ближнем и Среднем Востоке нового «центра силы». Независимый курс Дамаска идет вразрез с откровенно экспансионистскими устремлениями Вашингтона на Ближнем Востоке, что во многом предопределяет характер сирийско-американских отношений, которые к началу XXI в. продолжают оставаться сложными.

Дамаск демонстративно проводит независимый, курс, открыто противодействуя американской гегемонии в арабском регионе. Кроме того, власти Сирии проявляют твердость в вопросе о возвращении Израилем оккупированных в 1967 г. Голанских высот и поддерживают палестинскую интифаду. Поэтому почти ни у кого не вызвало особого удивления, когда в ноябре 2003 г. Сенат США проголо-

совал за введение широких санкций против Дамаска, что и было сделано в мае 2004 г.²⁵

Вашингтон понимает, что у него крайне мало шансов дестабилизировать ситуацию в Сирии изнутри. Ставка делается на давление на Дамаск извне. Однако и здесь за последние годы Сирия добилась значительных успехов. Развиваются отношения со странами Европы, крепнут отношения с Турцией, по-прежнему наиболее близким стратегическим партнером является соседний Ливан. Быстрыми темпами идет углубление отношений в различных сферах с давним союзником САР в регионе – Исламской Республикой Иран. Кроме того, традиционно тесны связи между Дамаском и Москвой: Сирия на сегодня является одним из немногих реально действующих форпостов российского влияния на Ближнем и Среднем Востоке. В сложившейся ситуации главным козырем для США в деле ослабления влияния Сирии в регионе остается Израиль. Вашингтон не раз давал понять, что не будет препятствовать военным акциям Израиля против Сирии, даже если подобные действия будут противоречить нормам международного права.

Наступательное движение США в деле закрепления своего влияния любыми средствами проявилось в ходе очередной войны в Персидском заливе, начатой Вашингтоном весной 2003 г. Арабские страны до сих пор весьма болезненно переживают военный исход кризиса вокруг Ирака. Он свидетельствовал о слабости арабского сообщества, о расколе в его рядах и неспособности повлиять на нежелательный для большинства арабских стран ход развития событий в регионе. Так или иначе, то, что случилось в Ираке и нынешняя напряженная ситуация на Ближнем Востоке, вызванная продолжением арабо-израильского конфликта, а также давлением США и Израиля на ряд арабо-мусульманских государств, вызывают серьезные опасения у тех, кто рассчитывал на скорое оформление прочного межарабского союза.

Очевидно, что США и Израиль не заинтересованы в создании арабской коалиции, способной проводить единую, независимую политику в регионе. Тесный союз Сирии и Ливана они стремятся представить как навязанное Дамаском военное и политическое присутствие на территории соседнего арабского государства. В последние годы усилились нападки на Иран, налаживающий с ведущими арабскими странами тесные отношения. Объектом нападков стала ядерная программа Тегерана, которая, по мнению Вашингтона, «угрожает всему миру». Ну а тот факт, что у Израиля имеется, по меньшей мере, 200 ядерных боеголовок²⁶, представляющих потенциальную угрозу всему арабо-мусульманскому миру, Соединенными Штатами, разумеется, в расчет не принимается.

Подобное развитие событий может дестабилизировать обстановку на Арабском Востоке, поскольку способно породить сильный социальный протест в широких слоях населения. Поэтому у тех, кто

внимательно следит за развитием событий в мире, не вызывает большого удивления стремительный рост антиамериканских настроений, достигших в последние годы впечатляющих масштабов. Эти настроения еще больше усилились после войны в Ираке, начатой США и их союзниками весной 2003 г. Работа США по урегулированию арабо-израильского конфликта также пока не принесла каких-либо положительных результатов. Так, в частности, поддерживаемый Вашингтоном план «Дорожная карта» встречает сопротивление со стороны части населения Израиля и его правительства, продолжающего проводить военные операции на палестинских территориях, строить еврейские поселения и «разделительную стену»²⁷, уничтожать лидеров палестинского сопротивления²⁸. Как итог – ответные акции палестинских радикалов и перманентная война под лозунгом «кровь за кровь». При этом у большинства наблюдателей складывается мнение, что США нарочно не используют свои дипломатические возможности для того, чтобы продемонстрировать хотя бы видимость своего деятельного участия в процессе ближневосточного урегулирования.

Согласно итогам проведенного Центром стратегических исследований Иорданского университета опроса, подавляющее большинство жителей Ближнего Востока полагает, что США недостаточно активно работают над реализацией плана «Дорожная карта», который, по мнению большинства опрошенных, может стать основой для решения арабо-израильского конфликта и привести к его справедливому урегулированию. Кроме того, общественность региона выражает уверенность в том, что американское присутствие в Ираке приведет лишь к разграблению богатств этой страны и укреплению безопасности Израиля²⁹.

США рассматривают Ближний Восток как зону своих жизненно важных интересов, но именно в этом регионе на сегодня наиболее сильны антиамериканские настроения. Доктрина «силовой демократии» Вашингтона, которая, по мнению ее авторов, должна опираться на альянс прозападных арабских правителей, встречает протест большей части населения в арабском мире. За годы арабо-израильского противостояния и постепенного укрепления позиций Соединенных Штатов в регионе среди населения арабских стран накопился большой потенциал неприязни к США, который вряд ли уменьшится в обозримом будущем. Вызов, брошенный в адрес ряда арабских стран, общественное мнение в регионе воспринимает как вызов арабо-мусульманской цивилизации, самой исламской концепции, ее системе ценностей. Именно поэтому заигрывание той или иной арабской страны с США получает весьма отрицательную оценку среди ее же населения, поскольку данная политика Вашингтона расценивается как враждебная и губительная для арабо-мусульманского мира.

Негативное отношение жителей Ближнего Востока к США красноречиво проявилось в реакциях на теракты 11 сентября 2001 г. Об-

ественное мнение разделилось в оценках случившегося в США. Официальные власти большинства государств осудили массированную террористическую атаку на Америку. Совсем иначе отреагировала на случившееся общественность. В такой ключевой стране региона, как Египет граждане не скрывали своего удовлетворения. Некоторые простые египтяне даже сравнивали события 11 сентября с октябрьской войной 1973 г., когда египетская армия, успешно форсировав Суэцкий канал и прорвав укрепленную «линию Бар-Лева», нанесла неожиданный удар по израильтянам, оккупировавшим за шесть лет до этого Синайский полуостров³⁰.

Причин столь негативного отношения к США немало. Для большинства простых граждан, живущих в регионе, США – основной виновник происходящих бед на Ближнем Востоке, в частности, затянувшегося палестино-израильского конфликта, в котором, по мнению подавляющего большинства жителей региона, Вашингтон давно и твердо занимает сторону еврейского государства. Кроме того, в намерениях США провести реформы на Ближнем Востоке люди видят попытку нарушить вековые устои и самобытность стран и народов в этом регионе. Египетская «Аль-Ахрам», комментируя события 11 сентября в США, задалась вопросом: «Возможно ли, что это означает начало войны с глобализацией?». И сама же постаралась дать на него ответ: «Настоящей причиной терроризма является углубление пропасти между Югом и Севером и безумная гонка потребления, охватившая мир»³¹.

Стоит отметить, что устойчивый рост антиамериканских настроений происходит на фоне заявлений ряда высокопоставленных деятелей Белого дома и Пентагона о том, что Америке нужен умеренный, модернизированный ислам, за которыми опять-таки угадываются намерения США подвергнуть Ближний Восток реформам не только в политико-экономическом плане, но и в цивилизационном. Очевидно, что в условиях неприязни большинства жителей к политике США любые инициативы Вашингтона в регионе воспринимаются с недоверием как очередные попытки поработить народы Ближнего Востока.

План «Большой Ближний Восток» следует рассматривать как политический курс Вашингтона в рамках так называемой доктрины Буша³², а также в контексте всей внешней политики США по окончании «холодной войны». После распада в 1991 г. СССР и биполярной системы международных отношений странам ближневосточного региона стала навязываться американская модель видения мироустройства, в котором США играют «первую скрипку». Зачастую такие идеологические акции осуществляются посредством агрессивной экономической экспансии, насаждения американских социокультурных ценностей, наращивания военного присутствия в зонах искусственно нагнетаемого кризиса.

Критика политики США все четче слышна в истеблишменте страны. По мнению бывшего советника президента США Джимми

Картера по национальной безопасности, известного политолога и идеолога американской гегемонии Збигнева Бжезинского, администрация Джорджа Буша-младшего «проводит экстремистскую, примитивную политику, которая упрощенно разделяет всех на «плохих» и «хороших». Нынешняя позиция США — «кто не с нами, тот против нас», по мнению Бжезинского, ведет страну к изоляции на международной арене. Он также критически оценил действия Вашингтона, связанные с войной в Ираке, заметив, что США из освободителей превратились в оккупантов, и добавил при этом, что «война обходиться нам слишком дорого». В связи с этим, по мнению политолога, в будущем у США может возникнуть немало проблем с развитием экстремистских движений в странах Ближнего и Среднего Востока, в том числе и в Египте³³.

Выступая против плана США, арабо-мусульманские страны не отказываются от необходимости проведения коренных политико-экономических преобразований, направленных на преодоление отсталости и совершение качественного рывка. По мнению президента Исламской Республики Иран, доктрину «Большой Ближний Восток» можно осуществить и на основе исламских ценностей и интересов мусульманских стран региона, и одним из условий ее формирования должно быть установление народной власти и демократических правительств, а также уважение прав и свобод народов региона. «Хотя авторы доктрины «Большой Ближний Восток» преследуют свои цели, претендуют на господство над этим важным регионом и намерены превратить сионистский режим Израиля в общественно-политическую модель для стран региона, эту доктрину можно реализовать и с использованием наших ценностей и интересов», — заявил Мохаммад Хатами. Подчеркнув, что условиями реализации такого проекта должно быть установление народной власти и демократического правительства, он отметил: «Ислам, по канонам которого мы живем, призывает нас устанавливать именно народную власть»³⁴.

Несмотря на присущую Востоку консервативность и верность устоявшимся принципам государственного строительства и правления, в некоторых странах Арабского Востока результаты реформ по модернизации политической системы налицо. Конкретные примеры показывают, что реформы в ряде арабских странах проходят вполне успешно, особенно там, где уровень доверия власти со стороны населения высок. Наиболее яркий пример успешных реформ можно наблюдать в Сирийской Арабской Республике. Став во главе Сирии в 2000 г. молодой президент Башар Асад, пользующийся популярностью у своего народа, взял курс на постепенную либерализацию общественной и политической жизни САР. В 2003 г. правящая в Сирии Партия арабского социалистического возрождения (ПАСВ, или Баас) приняла решение «ослабить вмешательство» в политическую и экономическую жизнь. Как было заявлено со страниц партийной газеты в резолюции по ито-

гам состоявшегося в Дамаске летом 2003 г. заседания руководства ПАСВ, баасистам «не следует подменять исполнительную власть», «члены партии и партийные органы должны только направлять и следить за работой госструктур». Как отметили сирийские средства массовой информации, это решение руководства ПАСВ было «воспринято с воодушевлением сирийской общественностью». Ослабление партийного контроля призвано наладить «оптимальное взаимодействие всех членов общества вне зависимости от политических взглядов»³⁵. Кроме того, успешно, хотя и небыстрыми темпами, развивается экономика. Возможность высказывать свои идеи получили различные общественные организации, СМИ, а борьба с коррупцией объявлена одним из приоритетных направлений в деятельности государства.

За последние несколько лет коренные преобразования можно наблюдать в двух небольших монархиях Персидского залива – Бахрейне и Катаре. 14 февраля 2001 г. в ходе референдума была одобрена Национальная хартия, определившая основные направления политических и социально-экономических преобразований в Бахрейне. Согласно ей, предусмотрено учреждение двухпалатного парламента и независимой судебной власти, предоставление гражданских прав подданным и их равенство перед законом вне зависимости от пола, социального происхождения и религиозной принадлежности. Ровно год спустя, 14 февраля 2002 г. Хамад бен Иса Аль Халифа на основании Хартии внес изменения в Конституцию 1973 г. и объявил себя королем (до этого глава государства именовался эмиром)³⁶. В 2002 г. король Бахрейна издал новый закон о печати, который многие назвали «самым либеральным в арабском мире»³⁷.

В соседнем с Бахрейном Катаре в апреле 2003 г. подавляющее большинство жителей проголосовало за первую Конституцию после получения страной независимости в 1971 г. В поддержку документа проголосовали 96% участников референдума. Согласно принятой катарцами Конституции, в стране создается Консультативный совет (парламент) в составе 45 членов, две трети из которых избираются на выборах, а одна треть – назначается эмиром. В Конституции зафиксировано разделение полномочий между исполнительной, законодательной и судебной властями³⁸.

Примером страны, где успешно осуществляется политическая и экономическая модернизация, можно назвать также и Тунис. За годы реформ это небольшое государство на севере Африки добилось больших результатов. Властям страны во главе с президентом Зин аль-Абидином Бен Али удалось подавить фундаменталистов, выйти на один из лучших в арабском мире показателей по доходу на душу населения. Выбранный властями курс на либерализацию экономики и отмену ограничений на частнопредпринимательскую деятельность встречает поддержку у подавляющего большинства населения. В стране действует самое либеральное на Арабском Востоке законода-

тельство в отношении женщин. Достижения Туниса оценила даже скупая на комплименты по отношению к арабскому миру Европа. В 1998 г. был подписан документ об ассоциированном членстве Туниса в ЕС.

Впрочем, есть и те, кто считают, что тесное партнерство Туниса с ЕС, его политика открытости «неизбежно приведут страну к большей зависимости от Запада, превратят ее в рынок сбыта европейских товаров». А в политическом и военном смысле – «в стратегический плацдарм, территорию для военных баз НАТО и США».³⁹

Процесс постепенной политической модернизации в арабских странах нередко наталкивается на серьезные преграды внутриполитического характера. В последние годы власти арабских стран столкнулись со сложной задачей сохранения национальных безопасности. Волна терактов, прокатившаяся по арабским странам в 2002–2004 гг. (взрывы в Тунисе, Марокко, Саудовской Аравии), и вызванное этим осложнение общей ситуации в регионе вынуждают правящие круги арабских стран «закрутить гайки», ставя под государственный контроль деятельность некоторых СМИ и общественных организаций.

Еще один аспект проблемы – насколько процесс реформ изменит геополитический облик региона. Очевидно, что при проведении реформ необходимо учитывать не только интересы всего Ближнего Востока в целом, но и отдельно взятой страны. Это вызвано необходимостью соблюдать амбиции стран региона, а также поддерживать баланс сил, сложившийся за долгие годы. Так, Египет – государство, обладающее большим политическим весом в арабском мире, стремится к закреплению в нем своего лидерства, хотя и не обладает столь колоссальными запасами углеводородного сырья, как страны Персидского залива. Египет является ключевым звеном в системе безопасности как в Северной Африке, так и в регионе Арабского Машрика. Вряд ли захочет менять свой статус одного из лидеров арабо-мусульманского мира и Саудовская Аравия. То же самое можно сказать и о Сирии, закрепившей за собой звание страны – последнего бастиона панарабизма.

Важным условием для осуществления модернизации на Ближнем Востоке должно стать не только урегулирование наиболее острых вооруженных конфликтов в регионе, но и обеспечение должной экономической базы. Приоритетной задачей для арабских стран является создание собственного экономического сообщества. В арабских странах понимают, что, лишь создав свой общий рынок, можно противостоять вызовам глобализации. Процессы глобализации и интеграции, сопровождаемые снятием всевозможных ограничений и повсеместным взаимопроникновением экономических субъектов, арабским странам сулят больше проблем, нежели выгод. Незрелость промышленного сектора, недифференцированная структура экспорта, привязанность к нефтяной и газовой «игле» делают эко-

номики арабских стран менее устойчивыми и менее гибкими перед лицом транснациональных корпораций. Существует реальная опасность установления однополюсного мирового экономического порядка, который приведет к маргинализации Ближнего Востока в случае, если арабы не сплотятся экономически. На современном этапе развитию интеграционных процессов препятствует ряд факторов. Среди основных стоит выделить различный уровень экономического развития в арабских странах, наличие горячих точек в регионе, дезинтеграционные факторы внутри- и внешнеполитического характера. Об этом все чаще говорят арабские лидеры с трибун саммитов и конференций. Кроме того, есть ярко выраженный внешний фактор – давление со стороны США, которые не хотят создания на Арабском Востоке сильного регионального блока, способного вести независимую политику.

В связи с этим весьма важным с точки зрения перспектив экономических преобразований в регионе решением, принятым в дни работы Всемирного экономического форума в Иордании в мае 2004 г., стало наделение Арабского делового совета (АДС)⁴⁰ мандатом на осуществление экономических реформ в арабском мире. По словам представителей АДС, одной из главных его целей является «создание конкурентоспособного и прогрессивного арабского мира»⁴¹. Среди задач АДС – проведение либеральных экономических реформ, создание межарабской свободной экономической зоны, развитие человеческих ресурсов, снятие ограничений на иностранные инвестиции, ликвидация правительственных монополий в экономике, создание системы эффективного арбитража для решения спорных вопросов, защита интеллектуальных прав и собственности, развитие экспорта.

Как можно видеть, определенные политические и экономические преобразования в ряде стран Ближнего Востока уже происходят. Вместе с тем, весьма актуальным на повестке дня остается реформирование всей системы межгосударственных отношений, прежде всего, межарабских, а также их структурно-институциональных учреждений, в первую очередь, – ЛАГ. Важным условием для успешного проведения этих реформ является урегулирование региональных конфликтов, а также отсутствие давления США и Израиля.

Очевидно, странам Ближнего Востока не обойтись без «определенного содействия стран Запада, которое должно быть выражено, прежде всего, в желании развивать равные, партнерские отношения. Пример Европы, не поддержавшей санкции США против Сирии и выступающей за развитие связей с Ираном, показывает, что сотрудничество стран Ближнего Востока с Западом будет продолжено и впредь, поскольку серьезные экономические интересы Европы, а, скорее всего и США, в этом регионе всегда будут пересили-

вать недовольство по поводу несоответствия внутривластных реалий стран Востока пресловутым западным стандартам.

Ближний Восток имеет достаточный экономический и людской потенциал для того, чтобы успешно провести политические и социально-экономические реформы и стать полюсом силы на карте международных отношений. Вопрос лишь в том – насколько быстро страны региона смогут договориться между собой и сплотить свои ряды, чтобы противостоять навязываемому США миропорядку. Если официальные власти стран региона, формулируя свое отношение к плану «Большой Ближний Восток», дипломатично отмечают его несовместимость с историей, традициями, реалиями сегодняшнего дня, то для простых людей представляется совершенно очевидным, что конечной целью проекта Вашингтона является приход к власти в странах региона марионеточных проамериканских режимов. Реалии современности таковы, что страны арабско-мусульманского мира стоят перед историческим выбором – либо они, объединив усилия, совершат рывок и смогут преодолеть отсталость и зависимость от Запада, либо Запад навязет им свое мировидение и заставит жить народы региона так, как этого хочется Западу.

В завершении приведем слова министра иностранных дел Катара Хамада бен Джасима ат-Тани, заявившего на проходившей в Кувейте в мае 2004 г. конференции «Регион и будущее», что «лучше провести реформы самим, чем ждать, когда нас заставят это сделать извне»⁴².

¹ План «Большой Ближний Восток», предложенный США // Al-Siyassa al-Dawliya, Cairo, April 2004, Issue № 156. – С. 297–301.

² РИА «Новости», 02.03.2004.

³ Аш-Шарк аль-Аусат, 26.03.2004.

⁴ ИТАР-ТАСС, 07.03.2004.

⁵ Maher refuses any role for the NATO in support for reform in the Arab world. – Ministry of Foreign Affairs of Arabic Republic of Egypt. Cairo, 13 May 2004. – www.mfa.gov.eg.

⁶ Сайт Информационного бюро Посольства АРЕ в РФ – www.egpressooffice.ru, 09.03.2004.

⁷ Сайт Информационного бюро Посольства АРЕ в РФ – www.egpressooffice.ru, 09.03.2004.

⁸ Аль-Ахрам, 09.06.2004.

⁹ IRNA, 24.06.2004.

¹⁰ Tehran Times, 17.07.2004.

¹¹ РИА «Новости», 01.03.2004.

¹² Tehran Times, 04.04.2004.

¹³ РИА «Новости», 14.04.2004.

¹⁴ Аш-Шарк аль-Аусат, 26.03.2004.

- ¹⁵ Аль-Ахрам, 16.05.2004.
- ¹⁶ Аш-Шарк аль-Аусат, 17.05.2004.
- ¹⁷ Аш-Шарк аль-Аусат, 24.05.2004.
- ¹⁸ РИА «Новости», 23.05.2004.
- ¹⁹ Аль-Хаят, 24.05.2004.
- ²⁰ ИТАР-ТАСС, 09.06.2004.
- ²¹ ИТАР-ТАСС, 10.06.2004.
- ²² ИТАР-ТАСС, 10.06.2004.
- ²³ ИТАР-ТАСС, 11.06.2004.
- ²⁴ Сайт Информационного бюро Посольства АРЕ в РФ – www.egpressooffice.ru, 10.06.2004.
- ²⁵ Al-Ahram Weekly, 13–19 May 2004, Issue № 690.
- ²⁶ Ежегодник СИПРИ 2002. Вооружения, разоружение и международная безопасность. – М.: Наука, 2003. – С. 560.
- ²⁷ Международный суд ООН в Гааге 9 июля 2004 г. признал незаконным строительство Израилем так называемой «разделительной стены» на Западном берегу реки Иордан. А 20 июля 2004 г. Генеральная Ассамблея ООН большинством голосов потребовала от Израиля разрушить «разделительную стену».
- ²⁸ В 2004 г. менее чем за месяц в результате операций израильских военных был убит лидер палестинского движения ХАМАС шейх Ахмед Ясин (22 марта), а затем и его преемник Абдель Азиз ар-Рантиси (17 апреля).
- ²⁹ Ар-Рай, 24.06.2004.
- ³⁰ ИТАР-ТАСС, 12.09.2001.
- ³¹ Аль-Ахрам, 12.09.2001.
- ³² Вскоре после терактов 11 сентября в Нью-Йорке и Вашингтоне появилась так называемая «доктрина Буша», основной смысл которой заключался в том, что отныне США оставляют за собой право наносить упреждающие удары по любым целям, представляющим потенциальную угрозу США. Таким образом, власти США, используя последствия шока от терактов 11 сентября у себя в стране и за рубежом, выдали сами себе карт-бланш на силовые акции практически в любой точке земного шара.
- ³³ РИА «Новости», 23.04.2004.
- ³⁴ IRNA, 24.06.2004.
- ³⁵ ИТАР-ТАСС, 07.07.2003.
- ³⁶ Зеленин Д. Бахрейнский опыт «революции сверху» // КОМПАС, 19.11.2002.
- ³⁷ ИТАР-ТАСС, 05.11.2002.
- ³⁸ РИА «Новости», 30.04.2003.
- ³⁹ ИТАР-ТАСС, 21.07.1998.
- ⁴⁰ Арабский деловой совет был создан 50 крупными арабскими предпринимателями в июне 2003 г. на Всемирном экономическом форуме в Иордании.
- ⁴¹ Jordan Times, 18.05.2004.
- ⁴² РИА «Новости», 16.05.2004.

ТЕРРОРИЗМ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ: ПОПЫТКА ПОНЯТЬ ФЕНОМЕН

18 марта 2003 г. прибывший на место взрыва в доме в эр-риядском квартале Эль-Джазира отряд сотрудников государственной безопасности был неожиданно обстрелян¹. Стреляли не только по ним, но и по собравшимся около дома зевакам и по соседним зданиям, – скрывавшиеся в доме «намеренно пытались нанести ущерб кварталу и его жителям». Дальнейшее описание происшествия создавало впечатление давно известного, неоднократно случавшегося в других странах и в другие эпохи. Конечно, в этом описании появлялись новые детали, определявшиеся необратимым техническим прогрессом, местной традицией и климатическими условиями, но эти детали не меняли главного – поведения людей, сражающихся с властью.

Подавив сопротивление, полиция вошла в дом, «пропахший порохом» и «полный мух». Там было «все, что необходимо для производства мощной взрывчатки, запасы тротила, гранаты, автоматы, пистолеты, ящики с боеприпасами, сотовые телефоны, фальшивые удостоверения личности» и «значительная сумма денег». В доме работал «бомбист», – он-то и взорвался, пытаясь разобрать гранату. Ему было восемнадцать лет. Соседи не могли сказать о нем ничего предосудительного. Напротив, он казался им образцом, которому многие его сверстники должны были бы подражать, – этот молодой человек усердно посещал квартальную мечеть. «Бомбист» погиб, но в доме остались его друзья, которые и открыли огонь по мирным людям. События в квартале Аль-Джазира заставили саудовское общество испытать шок, – его патриархальность не выглядела более, как непреодолимое препятствие для «преступных идей». Эти идеи «вошли в дома и в кружки при мечетях, где изучается Благородный Коран».

Спустя почти год после событий в квартале Аль-Джазира издающаяся в Лондоне газета «Аль-Хаят», комментируя ситуацию в королевстве, была далека от оптимизма: в течение истекшего времени в королевстве «не прекращались кровавые события, жертвами которых стали десятки саудовских граждан и иностранцев». Да, разумеется, силы саудовской безопасности «преследуют и захватывают террористов». Но, как правило, преследуемые «все чаще применяют оружие»². Ясно, что «сценарий событий, похожих на те, которые произошли в Эль-Джазире, развивается»³. Террор вошел в повседневную

жизнь королевства – в мае и в ноябре 2003 г. произошли крупнейшие акции террористов в эр-риядских кварталах Эль-Хамра и Эль-Махья. Однако террористические акции не ограничивались только столицей. Полиция обнаруживала их исполнителей в «святых» Мекке и Медине, в Джидде, Хайле, Эль-Кусейме, в небольших провинциальных городах. Повсюду в стране «просыпались спящие ячейки террористов», которые саудовские власти ассоциировали с организацией Аль-Каида.

Сценарий действительно развивался. Подразделения саудовской полиции и государственной безопасности более не выглядели как сторона, ведущая наступление, в равной мере наступательная тактика отличала и их противников (среди которых впервые в истории королевства появились и женщины). Взрыв одного из зданий службы безопасности (где помещалась инспекция автомобильного движения) в столичном квартале Эль-Вашм в апреле 2004 г., а также представительства посреднической компании в порту Янбо (побережье Красного моря) и захват иностранных заложников (в основном арабского происхождения) в жилых кварталах Эль-Хубара (Восточная провинция) в начале и конце мае того же года, соответственно, это ясно доказывал. Неуклонно росло и число жертв террористических акций: по официальным саудовским данным, в период между маем 2003 г. и маем 2004 г. (включая и события в Эль-Хубаре) погиб 101 чел. В своем большинстве это были выходцы из арабских и мусульманских стран, а также саудовские полицейские и представители службы государственной безопасности⁴.

Комментируя разворачивающуюся в королевстве антитеррористическую кампанию, саудовский министр внутренних дел принц Наеф бен Абдель Азиз подчеркивал, что «служба безопасности сорвала десятки планов, которые террористы предполагали осуществить». Если бы, отмечал он, «эти планы были реализованы, то число их жертв намного превысило бы последствия взрывов в Эль-Махья и здании инспекции автомобильного движения»⁵. Даже если, как подчеркивали саудовские специалисты по вопросам безопасности, «акции террористов» и «совершаются вслепую», их действия, тем не менее, «взаимосвязаны, а осуществляемые небольшими группами передвижения согласованы»⁶.

Террористы постепенно меняли основное направление своих ударов. Если еще в недавнем прошлом основной целью их действий были граждане и представительства западных стран⁷, то отныне (что вовсе не означало, как показали события в Янбо⁸ и Эль-Хубаре, что первая цель уходит в небытие) ею в равной мере становились сотрудники саудовских карательных органов. Террор приобретал все более четко выраженный антигосударственный характер, и это его новое качество более не вызывало сомнений.

Публикуя в Интернете сообщение об акции в отношении здания службы безопасности в Эр-Рияде, взявшая на себя ответственность

за ее проведение и связанная с организацией Аль-Каида группа «Легионы Двух Святынь Аравийского полуострова (*Катаиб Аль-Харамейн фи Джазират аль-араб*)» подчеркивала: «Здание было полностью разрушено, а десятки отступников (от религиозной веры – Г.К.) – солдат, офицеров и руководителей этого преступного аппарата – были убиты или ранены. Наша операция, – сообщала далее эта группа, – была направлена против тех, кто попирает святыни мусульман, кто убивает *моджахедов*, кто бросает в тюрьмы борющихся за чистоту ислама вероучителей и духовно чистую молодежь, против тех, кто нарушает религиозные предписания и борется с высоким духом разума». Сторонники «Легионов» обещали новые «акты возмездия» в отношении тех, кто «проливает кровь героев», и тех, кто «отдает им приказы». Только «такая форма *джихада*, – подчеркивали они, – излечит наши раны»⁹.

Контрэлитарное и апеллирующее к религиозной догме движение стало реальностью Саудовской Аравии еще в 80–90 гг., опираясь, в первую очередь, на развивавшиеся в «среде молодежи обновленческие кружки и объединения». Формированию этого движения «содействовали ежедневные лекции и проповеди в мечетях», а многие его участники реализовывали усвоенные ими «идеи джихада в Афганистане, Боснии и Герцеговине, Чечне, в лагерях организации Аль-Каида и других религиозных группировок»¹⁰. Однако, если в то время его участники претворяли свои идеи в жизнь за пределами королевства, то теперь их деятельность разворачивалась на его территории. Появлялось новое поколение «борцов». «Их ненависть более не была обращена только против Запада, в первую очередь Соединенных Штатов и их европейских союзников, но также и против правительств стран мусульманского мира»¹¹. Саудовское правительство было одним из них.

Два участника разворачивающейся драмы террористических выступлений это исполнители и вдохновители; молодые люди, стремящиеся проникнуться духом *чистой* религии, и источник этого духа – *улемы*, законоучители. Оба поставлены в конкретный исторический контекст – 80–90 годов – времени реализации внутреннего курса, объективно создававшего предпосылки для возникновения феномена саудовского терроризма.

В те годы национальный истеблишмент противостоял последствиям мощного (но не единственного) вызова, бросавшегося королевской власти той частью внутренней оппозиции, которая действовала под традиционными для официальной саудовской идеологии религиозными лозунгами. Захват в 1979 г. Главной мечети в Мекке одной из местных исламских группировок был, пожалуй, наиболее ярким, но вовсе не единственным, проявлением деятельности этой части оппозиции. Власть отвечала на ее вызов последовательной «регенерацией» исламских ценностей, становившейся инструментом

восстановления «общенационального единства». Советское военное присутствие в «мусульманском» Афганистане (в дальнейшем же «сербская агрессия» против «мусульман Боснии и Косово», как и «российская» – в «исламской» Чечне) становилось наиболее доступным поводом для ускорения этого процесса. Помощь (в самых многообразных ее аспектах) «мусульманским народам и меньшинствам» могла не только консолидировать саудовский социум, но и, как это представлялось в ту эпоху, адекватно канализировать контрэлитарные настроения и практику действия. Оппозиционность режиму выносилась за пределы королевства, вместо прежней «разрушительности» она обретала «конструктивный» характер¹². Однако после сентябрьских событий 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне стало очевидно, что этот курс был паллиативен, а инициированные в королевстве внутренние реформы запоздали. В равной степени запоздало и решение саудовского правительства о роспуске благотворительного фонда «Аль-Харамейн» (как и других благотворительных организаций) и об установлении жесткого контроля над расходованием собранных им внутри страны средств¹³. В конечном итоге, эта мера была принята только как следствие усиления деятельности террористических структур на территории самого королевства.

Саудовские внутренние реформы не отменили инерцию прошлого, преодоление которого осложняется развитием региональных – в Ираке и на палестинских территориях – событий. Сегодняшняя саудовская реальность – это призывы имамов некоторых мечетей к их молодым прихожанам дать отпор «американскому насилию против мусульман» и «отправиться в иракскую Эль-Фаллуджу», Эн-Неджеф или Кербелу¹⁴. Это продолжающие работать в торговых и развлекательных центрах пункты сбора «пожертвований в пользу страдающих мусульман»¹⁵. Это дезориентирующие заявления представителей политического истеблишмента: встречаясь с государственными чиновниками, офицерами службы безопасности и «избранными» гражданами после акции в Янбо, наследный принц Абдалла бен Абдель Азиз заявил о том, что «преступники – поддерживаемые сионизмом марионетки империализма»¹⁶. Наконец, это все еще сохраняющаяся (хотя и колеблющаяся) общественная поддержка действий «защитников религиозных устоев», резко возраставшая после сентябрьских событий 2001 г., начала англо-американских операций в Афганистане и Ираке или в моменты активизации израильских преследований лидеров палестинского ХАМАС и Исламского джихада¹⁷. Впрочем, эта поддержка совсем не должна принимать форму прямой помощи противникам власти – достаточно не донести, скрыть факт знакомства с теми, кого ищет полиция, просто промолчать. Недаром наследный принц Абдалла резко обрушивался на эту, видимо, многочисленную группу саудовских граждан: «Те, кто молчат о преступных деяниях, совершаемых отщепенцами, становятся участниками этих деяний»¹⁸.

Саудовские террористы: попытка создать портрет

Можно ли создать портрет тех, кто является первым участником драмы террористических выступлений, непосредственных исполнителей антигосударственных акций? Будет ли он четок или размыт, не возникнет ли вместо него множество портретов, которые никак не будут связаны друг с другом, а состоящая из них галерея покажется искусственной? Стоило бы попытаться ответить на эти вопросы.

В ноябре 2003 г. органы саудовской государственной безопасности предали гласности результаты опознания 14 из 16 участников группы самоубийц, осуществивших в мае 2003 г. взрыв в столичном квартале Эль-Хамра¹⁹. Все они обвинялись в принадлежности к организации Аль-Каида и были саудовскими гражданами, возраст которых колебался от 23 до 35 лет. Однако в то время, когда они становились членами террористической организации, кажушейся сегодня всемирной и обычно связываемой с именем У.бен Ладена, им было от 15 до 25 лет. Речь шла об уроженцах Эр-Рияда, Медины, Таифа, Эль-Хараджа и юга страны.

За редким исключением, все они были женаты, имели детей и жили вне родительского дома. Их родственники, родители, в первую очередь, ничего не знали о своих периодически надолго исчезающих сыновьях (отсутствие сыновей могло длиться в течение месяцев или лет), оставлявших, если они были женаты, собственные семьи на попечении родителей. Тем не менее, каждый раз, когда сыновья исчезали, жены и дети этих сыновей не испытывали сколько-нибудь серьезных материальных затруднений: всегда находились некие неизвестные люди, неожиданно приносившие им значительные денежные суммы. Даже если участники будущей акции и оставались в Саудовской Аравии, но в силу непонятных для родителей причин оставляли доходную государственную службу, превращаясь в безработных, или намеренно понижали свой социальный статус (становясь, например, торговцами овощами на оптовых рынках), что выглядело как вызов сложившейся традиции, все это не означало, что они оказывались неспособными содержать собственные семьи, а также оказывать значительную помощь родителям. Давая показания сотрудникам службы государственной безопасности, родители многих из участников акции в квартале Эль-Хамра говорили, что они «привыкли» к постоянным и длительным исчезновениям своих сыновей. Очень редко, да и то индифферентно («простите меня, — цитировал один из отцов записку своего сына, — «я ухожу сражаться») их ставили в известность о месте своего пребывания.

Сведения, обнародованные службой государственной безопасности, вновь вызвали странное ощущение: участники майской операции 2003 г. в саудовской столице намеренно и целенаправленно порывали с патриархальной традицией, практически разрывая связи с давшими им жизнь большими семьями. Сообщения из Саудовской

Аравии позволяли говорить и о том, что к разрыву с ними участники апеллирующего к религиозной догме движения готовили и собственных детей²⁰. Но традиция продолжала в них жить: ранние женитьбы (конечно же, по настоянию и по выбору родителей), забота (пусть ее формы и были противозаконны) о родителях и, наконец, стремление оставить членов своей собственной нуклеарной семьи под присмотром родственников.

Участники майской акции не были лишены родительской заботы (только один из них был сиротой, потерявшим отца, но о нем заботились – такова традиция – родственники как со стороны отца, так и матери)²¹. Чаще всего отцы участников этой акции представляли периферию саудовского «среднего класса» – низшие страты государственных служащих и мелкие предприниматели. Впрочем, из этого правила были и исключения: отцы двух террористов-самоубийц сделали серьезную карьеру, став бригадными генералами соответственно службы государственной безопасности и министерства внутренних дел. В свою очередь, отцом руководителя акции в Эль-Хубаре был успешный и влиятельный предприниматель²².

Не все участники акции в квартале Эль-Хамра получили достойное образование. Небольшое их число не окончило среднюю школу²³. Причина заключалась в том, что новые друзья, призывавшие немедленно вступить в ряды участников *джихада*, оказывались сильнее и влиятельнее, чем семья, стремившаяся к тому, чтобы сын чего-то добился на гражданском или военном поприще. Однако встрече с этими друзьями предшествовал интерес к религиозным проповедям, произносимым в мечетях или записанным на кассетах. Проповеди заставляли искать единомышленников и друзей, а знакомство с ними и, более того, пребывание в Афганистане немедленно меняло умонастроения: «Наш сын стал вести себя, как человек крайних взглядов, – говорил отец одного из участников акции. Он сжег все полученные им дипломы, разбил все висевшие на стенах в рамках коранические *айяты*. Он постоянно спорил с матерью, запрещая ей смотреть телевизор, это, по его словам, было возвращением к язычеству». Разрыв с традицией? Вне сомнения, но как же очевидно стремление вновь примкнуть к традиции, на этот раз аскетической, претендующей на следование чистой религиозной догме, возродить эту догму и вновь навязать ее, казалось бы, уже преодолевшему ее и во многом модернизированному саудовскому обществу.

Ради этой догмы люди отказывались от предлагавшейся семьей карьеры, от учебы, от развития, порой, несомненных творческих талантов. Один из участников майской акции, выходец из городка Эль-Баха (юго-запад королевства), был студентом биологического факультета эр-риядского Университета им. короля Сауда, но, кроме того, он был комическим актером студенческого театра, успешно выступавшим и в развлекательных программах национального телевиде-

ния. Учеба в университете была успешно завершена, бывший студент получил должность преподавателя биологии в одной из лучших столичных школ: уроженец далекой провинции, конечно же, добился осуществления своей мечты. Его могло ожидать блестящее будущее и общенациональная известность – достаточно было лишь подписать контракт с телевидением. Вместо этого исчезновение, беспокойство родителей, которые, наконец, узнают своего сына в одной из разоблачающих терроризм телевизионных программ. Он – в заброшенном доме в Афганистане, где в присутствии трех своих товарищей целует ствол автомата Калашникова. В последовавшей через некоторое время беседе с сотрудниками государственной безопасности родители этого молодого человека сказали, что до поступления в университет он не был (и это их беспокоило) религиозен. Потом они радовались: он стал ходить в мечеть и (они видели это сами), приезжая к ним, не пропускал ни одной из положенных ежедневных молитв.

Почти половина из четырнадцати опознанных участников майской 2003 г. акции учились в высших учебных заведениях своей страны. Чаще всего это были столичные университеты им. короля Сауда и им. короля Халеда, но в этом списке присутствовал и педагогический колледж в Таифе. Однако в своем большинстве они избирали не естественные или гуманитарные науки, а мусульманское право. Им казалось (так говорили родители, подталкивавшие их к поступлению на соответствующие факультеты), что изучение шариата даст возможность быстрее занять достойное положение в обществе. Традиция глубоко религиозного социума? Разумеется. Однако на этот раз традиция, поощряемая самим государством, реанимировавшим религиозные ценности и нуждавшимся в тех, кто мог бы эти ценности пропагандировать.

Существовала и другая сторона процесса этой реанимации. Не менее трех участников майской акции в Эр-Рияде были сотрудниками саудовских благотворительных фондов или Всемирного исламского форума молодежи, а в дальнейшем – Лиги исламского мира. Их деятельность предполагала поездки в Боснию и Герцеговину, а также работу в Сараево. Да, конечно, все эти три человека, хотя и в разное время, были уволены из этих организаций. Поводом для увольнения называлась их «излишняя симпатия» к идее джихада, что вызывало интерес к ним со стороны службы государственной безопасности, принимавший форму надзора или временных периодических арестов. Тем не менее, цель благотворительных фондов, стремящихся оказать помощь страждущим единоверцам в различных регионах мира, могла интерпретироваться их бывшими сотрудниками (и, видимо, действительно интерпретировалась) как деятельность, направленная на искоренение причин, лежащих в основе страданий мусульман. Однако стоило ли опускаться вглубь той реальности, которая порождает эти страдания, если проповедь в мечети, где присутствуют и высшие

сановники королевства, так легко объясняет мир в таких терминах, как «господство сионистов», «империалистический» или, если речь идет о недавнем прошлом, «коммунистический заговор»? Простых объяснений, везде и повсюду сводящих суть проблемы к извечному противостоянию между подлинно верной религией (речь вовсе не идет лишь об исламе или мусульманах, но о многообразии человеческих представлений и идей) и окружающим ее приверженцев миром «неверных» (и вопрос совсем необязательно имеет отношение к собственно религии), слишком много, чтобы, желая этого, не поддаться их обаянию. В случае же одного из этих людей, как отмечал неназванный сотрудник безопасности, «сотрудничество в прошлом с действующими за рубежом благотворительными фондами облегчило возможность его вовлечения в деятельность Аль-Каиды».

Вновь странное ощущение, вытекающее из сведений, обнародованных службой государственной безопасности королевства. Люди, о которых шла речь как об участниках террористической акции, считали сами себя «сообществом избранных». Как легко они уходили от собственных жен, от детей, от родителей и родственников. Все эти родственные связи были неважны (как часто это случалось в других странах и в другие времена!), если однажды, как об этом говорил со слов одного из участников акции его отец, им, «богобоязненным», был обещан «сад вечности», который станет для них «воздаянием и пристанищем». Ну, что ж, оправдывая свое самоощущение, они цитировали Коран²⁴, и стоит ли этому удивляться, ведь они были мусульманами. Должны же они были, хотя бы формально, отличаться от тех, кто точно так же, с точки зрения смысла, но иными словами (другая традиция и другая культура), вовсе не всегда пользуясь религиозным словарем, выражал все ту же мысль о собственной избранности? Вновь разрыв с традицией? Однако, скорее, по мнению сыновей, их родственники отделились от традиции, сами же они хотели к этой традиции вернуться.

Для этого они отправлялись в Афганистан, где сражались на стороне движения Талибан. Но из Афганистана они перебирались в Кашмир, Боснию и Герцеговину, Косово, Чечню. Тем не менее, по крайней мере, двое из них никогда не покидали территории Саудовской Аравии. Для того, чтобы вернуться к традиции, был нужен внешний толчок? Необходимость в нем не так уже важна сегодня. Диагноз саудовской государственной безопасности не оставлял никаких сомнений: «терроризм воспроизводит себя на территории королевства» и там же, в пределах Саудовской Аравии, сегодня «приобретается опыт терроризма». В свою очередь, некоторые участники акции квалифицировались как «действовавшие накануне нанесения американского военного удара связанные между руководителями Аль-Каиды в Афганистане и Пакистане, с одной стороны, и руководителями «спавших» террористических ячеек в Саудовской Аравии». Государство

признавало ошибочность своих прежних действий, но это случилось слишком поздно, когда по нему был нанесен массированный удар теми, кого оно посылало «сражаться за веру» в «братский мусульманский Афганистан»²⁵.

Политика эпохи двухполюсного мира, координировавшаяся королевством с Соединенными Штатами и помогавшая ему решить собственные сложные внутренние проблемы, в мире, ставшем принципиально иным после крушения Советского Союза, оборачивалась для Саудовской Аравии (как и для ее союзника) неожиданной и трагической стороной. Все та же политика эпохи биполярных международных отношений представляла как инерционная (впрочем, причина тому все так же лежала во внутрисаудовской ситуации): помощь единоверцам (истолковывавшаяся теми, кто ее оказывал, как борьба за веру) продолжала оставаться константой саудовского внешнеполитического курса. В уже однополюсном мире возникало немало мест, где в этой помощи, но ради решения собственных задач, нуждались. Эти места располагались, в первую очередь, на постсоветском и постюгославском геополитическом пространстве, но отнюдь не ограничивались этим пространством. А те, кто ее оказывал, превращались в самодостаточную силу – они более не нуждались в содействии и благословении государства²⁶. Эти люди выступали как самостоятельное организованное движение, по своей сути, антигосударственное. Говоря о них, саудовские сановники всегда называли их «заблудшей сектой»²⁷. Простая и кажущаяся эффективной аллюзия, отрицающая любую возможность будущего спасения и Божьей милости, – она вытекает из известной каждому мусульманину первой суры Корана – «Открывающей Книгу»²⁸. Но для противников государства власть более не была точкой отсчета, они не нуждались в существующем государстве, а были его антиподом, уже создавшим собственную структуру господства и подчинения.

Во главе этой структуры находится Абдель Азиз Иса аль-Мукран, обычно квалифицируемый²⁹ как глава саудовского отделения Аль-Каиды. Его сторонники уже заявили, что, по крайней мере, акция в Эль-Хубаре была проведена на основе его личного приказа³⁰. К его биографии стоило бы обратиться.

Аль-Мукрану 31 год, и он уроженец саудовской столицы³¹. Он не был прилежным учеником. Не окончив среднюю школу, аль-Мукран, когда ему было 17 лет, уехал в Афганистан. Два года спустя вернулся на родину, женился, но едва ли не сразу оставил беременную жену (с которой, как и с родившейся у него дочерью, больше никогда не встречался) и вновь отправился в Афганистан. Там он проявил, видимо, недюжинные способности в деле боевой подготовки, по крайней мере, он быстро стал инструктором в одном из лагерей Аль-Каиды. По решению руководства организации в середине 1990 г. аль-Мукран был отправлен в Алжир. Тому были основания: Фронт исламско-

го спасения Алжира вступал в период открытой конфронтации с властью. Задачей нынешнего лидера саудовского отделения Аль-Каиды стала нелегальная транспортировка оружия для религиозной алжирской оппозиции из Испании через сеть их единомышленников в Марокко. В конце 90-х годов аль-Мукран вернулся в Саудовскую Аравию, откуда отправился в Боснию и Герцеговину, став руководителем одного из отрядов арабских добровольцев, сражавшихся против «сербской агрессии». В дальнейшем же аль-Мукран побывал в Йемене и Сомали, оказался в эфиопском плену, был выдан саудовским властям и осужден на четыре года тюремного заключения. Пребывание в тюрьме продлилось недолго – примерное поведение, проявившее себя и в том, что он выучил наизусть Коран, позволило смягчить наказание. Не пробыв в тюрьме и двух лет, аль-Мукран оказался на свободе. Через Йемен он в 2001 г., накануне начала американской военной акции, вновь выехал в Афганистан. Был пленен, выдан саудовским властям, заключен в тюрьму, но во второй раз проявил примерное поведение, и в 2003 г. был освобожден. Свобода позволила ему приступить к созданию лагерей подготовки недавно завербованных в антигосударственное движение молодых саудовцев. Эти лагеря, по данным саудовской службы безопасности, располагаются в горных районах и пустынных вади Центральной и Западной провинций королевства.

Итак, он – герой, овеянный славой боевых подвигов везде, где требовалось воевать с «врагами нации ислама». Эти враги были многочисленны – «безбожный» Советский Союз, христиане-сербы и эфиопы, «офранцузенный» алжирский истеблишмент, «манипулируемый сионистами» американский «империализм» и, наконец, руководимое «отступниками» саудовское государство. Круг замыкался – итог саудовской (включая и недавнее прошлое) политики (хотя и прагматичной, естественной в прошлом, понятной и объяснимой) был очевиден. В конечном счете, она и вызвала к жизни того, кто теперь организует акты террора на территории королевства. И как же удручающе на фоне аль-Мукрана и в контексте исповедуемой им (и его единомышленниками) «салафитско-джахидитской» идеологии, как ее называет российский исследователь, должен выглядеть нынешний саудовский истеблишмент – «*аулия аль-амр*»³².

Этот истеблишмент – «безбожные отступники» потому, что королевство установило отношения с Россией – наследницей Советского Союза, продолжающей афганский курс своего исторического предшественника в Чечне, как и потому, что оно не оказало эффективной помощи боснийцам и косоварам. Во главе этого истеблишмента «отступники» потому, что королевство остается союзником Соединенных Штатов, а также сохраняет отношения с алжирским режимом, борющимся против исламских моджахедов. Если саудовская власть «безбожна», то она и нелегитимна, а в силу этого «истинные» борцы за веру, руководствуясь преданным этой властью принципом «повеления благого и за-

прещения дурного», могут и должны уничтожить ее, поскольку сама эта власть – «секта заблудших». Если же против действий этих «борцов» выступает общество, то насилие возможно и в отношении него. Ведь позиция общества всего лишь доказывает, что оно вновь вернулось к состоянию язычества – *джахилии*. Действующие под апеллирующими к религии лозунгами «борцы-моджахеды» демонстрируют свободу от каких-либо обязательств по отношению к людям – ведь они решают проблемы освобождение человечества от его угнетателей. В Эль-Хубаре они наносили удар по «центрам мировой экономики» (для этого следовало «очистить Полуостров от многобожников – *мушрикун*»). Это был ответ «американской войне в Ираке, которая вводит в оборот миллионы долларов в интересах компаний, производящих вооружения». Гибель в этом городе заложников, среди которых были дети? Но стоит ли считаться с каким-то убитым японцем, поскольку «японцы ввязались в войну в Ираке на стороне американцев»³³. Стоит ли считаться с какими-то десятью уничтоженными индийцами, ведь они «поклоняются коровам, убивают мусульман в Кашмире, а кроме того работают инженерами в нефтяных компаниях»? Накануне событий в Эль-Хубаре аль-Мукран инструктировал своих единомышленников: «Захваченных необходимо удерживать твердой рукой, а если операция потерпит неудачу, – избавиться от них». Свою акцию эти люди – члены «Рот Иерусалима (*Сарая Аль-Кудс*)», входящей в состав «Организации Аль-Каиды на Аравийском полуострове, назвали «благословенной», а рассказывая об убийстве заложников, они использовали слова из лексикона мясников, как будто бы это был скот»³⁴.

Какие простые и одновременно емкие определения и инструкции! Но вновь возникает странная ситуация *déjà vu*, – то же самое говорилось в другие времена и в других странах. Где-то, в некоторых из этих стран, были горы и непроходимые заросли, где-то все это отсутствовало, но и там говорилось об «отступничестве» и «предательстве» власти, пусть даже эти идеи и выражались терминами иных цивилизационных матриц. И прежде, и сейчас все та же культура насилия и тупика, в который людей загоняет их специфическое мироощущение, порожденное, однако же, властью, против которой они обращают ее же оружие. Но все же, что нового можно узнать об этих молодых саудовцах, не способных отвергнуть «героическое» обаяние аль-Мукрана и идущих сегодня на самоубийство во имя высказываемых им простых и доступных идей?

Ну, что ж? Создание портрета тех, кто является первым участником драмы террористических выступлений, портрета непосредственных исполнителей антигосударственных акций, возможно. Это тесно объединенная, но одновременно открытая внешнему миру группа молодых людей, постоянно вербующая новых сторонников. Эти люди безжалостны и самоотверженны, «герои», способные в любое мгновение (достаточно только приказа) стать «мучениками»³⁵. Их ячейки

(названия, по крайней мере, двух из них, благодаря совершенным ими акциям известны – «Легионы Двух Святых Аравийского полуострова» и «Роты Иерусалима») регионально структурированы³⁶, а центральное звено, объединяющее эти ячейки в общесаудовском масштабе, персонифицирует «абсолютный герой» – аль-Мукран. При этом было бы странно пытаться точно определить численность ее активистов. Саудовские власти были, разумеется, заинтересованы в том, чтобы максимально преуменьшить их количество, заявляя о том, что они – «абсолютное меньшинство, от которого отказываются подлинны мусульмане»³⁷. Тем не менее, некоторое представление о том, каково количество террористов, можно получить и на основе сообщений представителей саудовского истеблишмента. Как заявлял посол королевства в Лондоне принц Т.Аль-Фейсал: «За несколько прошлых лет мы смогли обезвредить пять из шести действующих в Саудовской Аравии террористических ячеек. Каждая из этих ячеек состояла из 20–25 чел.»³⁸.

Но что же тогда находилось в центре интересов молодых саудовцев? Почему, по крайней мере, некоторые из них выбирали противостояние государству? Чем определялся этот выбор?

Молодые саудовцы: выбор «идеи террора»

Развивающийся в Саудовской Аравии «сценарий террора» высвечивал связанные с этими молодыми людьми, порой, действительно любопытные детали. Большинство саудовцев-участников событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне были выходцами из племени Ааль Гамид (впрочем, как и известный в России по своим акциям в Чечне полевой командир Абу аль-Валид^{39, 40}). Выходцами из этого же племени было и большинство участников майской террористической акции в Эр-Рияде. Но, разумеется, степень причастности этого родоплеменного образования к «сценарию террора» в Саудовской Аравии не стоило бы абсолютизировать.

События в Эль-Хубаре показали, что руководителем совершенной там акции был выходец из племени Ааль аль-Бакум⁴¹, а преследовавшийся саудовской полицией один из участников акции в эр-риядском квартале Эль-Махья – Амер аш-Шахри – принадлежал к племени Ааль Зейдан. История аш-Шахри во многом поучительна. Он родился и вырос в Эр-Рияде, после школы поступил на факультет религиозного *призыва* столичного Исламского университета им. имама Мухаммеда бен Сауда, проучился там только два года и поступил на службу в Главное управление религиозной полиции⁴².

Ааль Гамид – одно из крупных саудовских племен, численность которого составляет не менее 600 тыс. чел. Исторически это племя было расселено на юго-западе современной (территория же расселения племен Ааль Аль-Бакум и Ааль Зейдан – южные районы королевства) Саудовской Аравии с центром в городе Эль-Баха. Еще несколь-

ко десятков лет тому назад выходцы из этого племени славились как умелые и расторопные торговцы⁴³, ныне же его представители расселены по всей территории королевства и заняты в самых различных сферах. До событий 11 сентября 2001 г. многие молодые люди *бану Гамид* учились в Соединенных Штатах. Выходцем из племени Гамид был также Али аль-Факаси, ставший известным как «мозговой центр» взрывов в саудовской столице, и несколько подростков (самому старшему из них было 17 лет), получивших название «группа кварталы в квартале Эль-Халидийя» в Мекке.

Беседуя с одним из шейхов племени, который, по сообщению «Аль-Хаят», выступает в качестве его «неофициального представителя», корреспондент этой газеты задал ему несколько существенных вопросов. Одним из них был вопрос о том, насколько развита «историческая родина» *бану Гамид*. Ответ шейха был принципиален: «Эль-Баха, – говорил он, – развитый город, в нем расположены правительственные учреждения (включая резиденцию губернатора провинции, – Г.К.). Город оснащен современным водопроводом, электричеством, в нем имеются все необходимые средства связи. Материальный уровень и социальное положение каждого, оказавшегося в ловушке террористов выходца из *бану Гамид*, – продолжал шейх, – прекрасное». Корреспондент был, однако, настойчив: «Почему большинство участников террористических акций выходцы из племени Гамид?». Последовал не менее важный ответ: «Все это стало возможным потому, что многие члены племени покинули район своего проживания. Они смешались с выходцами из других групп и страт, а у других – другие обычаи, другие манеры поведения». Далее, отбрасывая обвинения в адрес своего племени, шейх сообщил неизвестную корреспонденту подробность: преследуемый полицией Али аль-Факаси добровольно сдался помощнику министра внутренних дел принца Наефа, «родившемуся в той же деревне, что и сам Али».

Тем не менее, интересовался журналист, что же стало причиной, содействовавшей распространению «идей террора»? И вновь ответ шейха был любопытен: «Духовная пустота и безработица. Решить проблему можно будет только тогда, когда молодые люди начнут получать приемлемое и разумное жалование там, куда их устроит государство. Во время же службы в армии эти молодые люди должны учиться нужным для последующей жизни профессиям – столярному и кузнечному делу, электротехнике. Они должны работать и зарабатывать. Когда же они учатся, они предоставлены сами себе, их начинают обуревать нигилистические мысли и им легко промывать мозги». Шейх говорил, ссылаясь на пример молодого человека из его племени, арестованного вместе с тремя женщинами в Медине, что «всему виной безделье – молодые люди получают деньги от добившихся успеха родственников».

Наконец, последние вопросы: «Как жители Эль-Бахи реагируют на террор? Какова ваша оценка членов племени Гамид после всех произошедших событий?». Конечно же, шейх говорил, что «никто из жителей города не сочувствует террористам, включая их родных и близких, ведь они – люди, которым промыли мозги и отправили на разбой». Он и не мог ответить иначе. Из его ответа на второй вопрос следовало, что власть возложила на него и остальных шейхов *бану Гамид* личную ответственность за «благонаравие» молодежи, а губернатор провинции «еженедельно встречается с ним». Далее он добавлял: «Я надеюсь, что мы, шейхи племени, вместе с губернатором добьемся восстановления контроля над племенем. Никто из его членов никогда не совершит никаких глупостей и мерзостей, направленных против нас и нашей страны». Красноречивое заявление!

В словах шейха *бану Гамид* присутствовала нескрываемая тоска по ушедшим в прошлое временам патриархальной семьи, непрерываемой воли отца и абсолютного авторитета главы родоплеменного сообщества. Саудовское общество действительно изменилось. Оно стало мобильным – выходцы из племени Гамид рассеяны по всей стране. Оно менее, чем всего несколько десятков лет тому назад, связано с кастовой принадлежностью и сословной профессионализацией. Говорить сегодня о том, что племя Гамид отстало, хотя его маргинальность по сравнению с ведущими племенными группами Неджда и Хиджаза была очевидна еще совсем недавно, было бы, по меньшей мере, неверно. Некоторые представители *бану Гамид* достигли, видимо, апогея возможной ныне для них карьеры – высшие офицеры полиции и пост помощника министра внутренних дел. Выходцы из этого племени образованны, увидели мир, в том числе и благодаря учебе в зарубежных университетах. Наконец, им известна сила денег, ставших и в королевстве мерилom жизненного успеха.

Все же, как же выгодны шейху те трагические события, которые произошли и происходят в стране! Они заставляют власть вновь опереться на племенных вождей, увидеть в них, а не в совершающей «глупости и мерзости» молодежи, едва ли не свою единственную в настоящее время опору. Шейх в полной мере осознает свою сегодняшнюю причастность к этой власти. Он в полной мере готов послужить ей, положив предел «распущенности» молодых людей. Возрождение политической роли вождей племен? Это предположение не лишено своего рационального начала. Даже если, как отмечал саудовский автор, саудовское правительство всегда «признавало существование племени в качестве структурной единицы социума», все же, по словам этого автора, «племена важны только потому, что исполняют в национальном обществе некоторые социальные и хозяйственные функции». В свою очередь, подчеркивал он, «вожди племен» играют «некоторую роль» только при «решении возникающих внутри их племен конфликтов или вражды». При этом любая попытка

их самостоятельной деятельности ограничена «всеобъемлющим контролем со стороны государства»⁴⁴.

Однако теперь шейху *бану Гамид* (как и другим племенным нотаблям), конечно же, в жестких рамках государственного контроля, предоставляли, казалось бы, навсегда утраченную возможность воскресить представления и нормы прошлого. Он вновь мог быть *политической* фигурой – следить, доносить, шантажировать – от его усердия и умения восстановить «господство» над племенем едва ли не зависела судьба саудовского государства. Так восстанавливалась ситуация патриархального прошлого, которое, кстати, никуда и не уходило. Это прошлое присутствовало в государственной «заботе» о благосостоянии Эль-Бахи, в повторном обращении представителей власти к подвергшемуся эрозии авторитету племенных нотаблей. Молодежь должна остаться под присмотром старших. Их идеалы, их образ жизни и их жизненные интересы должны были стать для молодежи жизненным компасом.

Возродить патриархальность требовал и наследный принц Абдалла. Он возлагал личную ответственность за поведение всех молодых граждан страны на имамов мечетей и преподавателей университетов. После событий в Янбо, встречаясь с религиозными деятелями и профессорами высших учебных заведений, принц говорил: «Вы – люди науки»⁴⁵, на вас лежит личная ответственность за поведение наших сыновей. Вы должны заставить их понять, в чем заключается долг перед верой и родиной. Поручкой тому станет ваша безопасность, ваше благосостояние, ваша честь и ваша возможность служить Королевству Саудовская Аравия, той матери, которая вскормила вас». Далее он добавлял: «Вы должны говорить молодежи только о том, что служит интересам веры и родины. Хочу предупредить вас, среди них, молодежи, много усердных (*муджтахидун*) людей, но их усердие (*иджтихад*)»⁴⁶ порой направлено в неверную сторону. Ваш долг следовать примеру сотрудников государственной безопасности, которые воюют за нашу веру и нашу родину»⁴⁷.

Саудовская молодежь жила, тем не менее, в другом мире. Годы предшествовавшего развития королевства изменили ее. Патриархальные обычаи отцов вовсе не привлекали ее. Акция в Эль-Хубаре и история возглавившего ее исполнителей Нимра аль-Бакми это доказывала.

Как же тосковал по утраченной патриархальности благополучный предприниматель, отец Нимра аль-Бакми, открыто отмежевываясь, беседуя с корреспондентом столичной «Эр-Рияд», от своего сына: «Он носил мое имя, но тот, кто выступил против истинного мнения, против мнения родителей, против правительства, закона Господа и обычаев, не может быть со мной»⁴⁸. Конечно, он отрекался от сына, потому что им руководил страх за себя, свою семью и, в конце концов, за благополучие своего бизнеса. Тем не менее, в его рассказе присутствовало множество деталей, которые ни в коей мере не могут

быть объяснены только страхом перед возможными (и, скорее всего, в тех или иных формах последовавшими) репрессиями. Говоря о своей семье, этот человек – Сухадж бен Зейд аль-Карири аль-Бакми – был красноречив: «Мой дед погиб, сражаясь под знаменем короля Абдель Азиза (основателя нынешнего саудовского королевства, – Г.К.), все мы готовы пожертвовать собой за родину, за нашу землю. Мой отец также защищал родину с оружием в руках, он скончался, когда ему было 110 лет. Все мы отдадим жизнь за нашу дорогую родину, за ее справедливых руководителей. Дело в тех, кто принес к нам эти далекие от нас принципы, несовместимые ни с религией, ни с обычаями. Клянусь собственной жизнью, я не давал моему сыну Нимру денег на оружие, я не подстрекал его на свершение этих постыдных деяний. Но, к несчастью, его совратили, он стал перечить родителям, он пошел против веры и наших благодетелей, наших истинных властителей, не покладая рук действующих на благо веры, родины и ее граждан».

Порвалось звено казавшейся ему прочной цепи верности и преданности семьи тем, кто всегда покровительствовал ей, – власти. Эта власть содействовала оседанию на землю бывшего кочевника (история деда Сухаджа и прадеда его сына Нимра), ставшего *ихваном*⁴⁹ в эпоху короля Абдель Азиза и сражавшегося за создание нынешнего саудовского королевства. Эта власть на всю его долгую жизнь обеспечила благосостояние отца Сухаджа и деда Нимра, служившего в саудовской армии и сделавшего в ней, видимо, успешную карьеру. Наконец, благодаря покровительству этой власти, вырос бизнес отца Нимра. Обычный для саудовского общества и складывавшийся десятилетиями путь развития, неожиданно (как кажется Сухаджу) нарушенный взбунтовавшимся сыном, для которого важны другие авторитеты, а вовсе не авторитет отца, ассоциирующего себя с властителями патриархального государства и действующего, как и они по отношению к своим подданным, к тому, кого он считает собственным *подданным* – своему сыну.

Сухадж пытался воздействовать на сына. Видимо, для того, чтобы исключить его нежелательные контакты, он отправил Нимра оканчивать школу на родину – в небольшой городок Турба к северу от Хаиля. Однако отцу стало известно, что сын и там оказался связан «с подозрительной компанией вернувшихся из Афганистана». Сына вернули в родительский дом в столице, но за ним уже наблюдала служба государственной безопасности. Спустя некоторое время после возвращения в Эр-Рияд он был арестован и осужден на год и шесть месяцев тюремного заключения. Отец использовал старые знакомства, – у него, потомка ветеранов службы на благо государства, они сохранились. Нимр был досрочно освобожден и возвращен родителям. Стал ли он работать или учиться? Как говорил его отец: «Он этого не хотел, да и не нуждался в этом. Слава Богу, мое положение хорошее» (любопытная отсылка к тому, что говорил шейх племени Гамид!). Однако Нимру нужно было внимание и отеческое увещание: «Я предостерегал его

от много, — отмечал Сухадж. — Я говорил ему, что к стране, в которой он живет, обращены взоры всех мусульман, и она им всем помогает, принимая их во время хаджа. Я говорил ему, что наша страна останется безопасной, хотя некоторые и пытаются разрушить ее безопасность». Нимра всеми силами удерживали в доме.

Но увещевания оказались напрасны: «Мой сын вновь встретился с заблудшей сектой. Они-то и подтолкнули его к бунту против родителей, против правительства и страны». Почти за год до событий в Эль-Хубаре, воспользовавшись тем, что родители принимали гостей, Нимр ушел из дома. Далее произошло то, что для его отца было трагично и совершенно непонятно: «Он пошел против обычаев настоящего араба и мусульманина, который никогда не предает, всегда полагается на Господа и во всем следует Его слову. Он убил мусульман — своих братьев». Паршивую овцу следует изгнать из стада: «Мы, граждане нашей страны, — говорил Сихадж корреспонденту «Эр-Рияд», — сплотимся против врагов родины. Родина и ее мудрое руководство будут как никогда сильны. Пусть поможет нам Господь и пусть Он сбережет для нас наших благодетелей. Я и моя семья, — добавлял он, — все сыны племени Аль-Бакум останутся навсегда с нашей родиной и ее правительством».

Нимр аль-Бакуми никогда не был в Афганистане, Боснии, Чечне или Ираке. В момент его исчезновения ему было всего шестнадцать лет. Своим поступком он доказывал, что саудовское контрэлитарное движение более всего независимо от того, были ли его сторонники когда-то за пределами страны. Члены этого движения более не стремились помогать только «страждущим» братьям по вере, — они направляли свой удар по источникам могущества власти.

Саудовское общество теряло значительную долю своей былой патриархальности. Власть, осуществившая модернизацию, в которую были вовлечены жители всех регионов страны и представители сохранившихся от прошлого социальных структур, более не была всеобъемлюща. Она столкнулась, быть может, с самым значительным за всю историю ее существования вызовом, бросавшимся ей теми, кого она привыкла считать своими «благодарными подданными».

Было бы соблазнительно видеть в саудовской контрэлитарной оппозиции движение, отталкивающееся, прежде всего, от некоторых жизненных обстоятельств, трактуемых его участниками как материальная «униженность и оскорбленность»⁵⁰. Но эти обстоятельства, в лучшем случае, могут объяснить нежелание тех или приверженцев этого движения продолжить образование, сегодня действительно построенное так, что оно плохо соответствует потребностям рынка. Образованные саудовцы все больше пополняют ряды безработных⁵¹. Тем не менее, и это — всего лишь, хотя и существенная, частности, далекая от того, чтобы квалифицироваться как проявление, якобы, господствующей атмосферы всеобщего неравенства. Напротив, со-

зданная в королевстве система государственной социальной защиты, опирающаяся, в свою очередь, на все еще действующие элементы традиции, представляет собой важную сторону жизни саудовского общества. Впрочем, никто из участников саудовского контрэлитарного движения не может рассматриваться в качестве действительно «обездоленной» личности, хотя пребывание некоторых из них, в частности, в Афганистане предоставляло им возможность хотя бы прикоснуться к более значительным денежным суммам (доходы от торговли наркотиками, банковские операции до сентября 2001 г., средства благотворительных обществ), чем те, на которые они могли бы рассчитывать, став государственными служащими или мелкими и средними предпринимателями у себя на родине.

Все те, кого государственный истеблишмент называет «заблудшей сектой», жители крупных городов Саудовской Аравии. Модернизационные изменения прошлого давно уже превратили саудовское общество в урбанизированное – только в столице, которая еще сорок лет тому назад была средневековым селением, сегодня проживают почти четыре миллиона человек⁵². Многие участники действующего под религиозными лозунгами саудовского оппозиционного движения – уроженцы или жители Эр-Рияда, где сохранение в неприкосновенности нравов патриархальности сегодня едва ли возможно.

У «благодарных подданных» саудовской монархии были ли основания бросить вызов своему истеблишменту? Скорее всего, ответ на этот вопрос должен быть положительным, предполагающим, что эти основания вытекают из ситуации переходности, выступающей в качестве основной черты нынешнего саудовского социума.

Модернизация не содействовала, по словам российских исследователей, тому, чтобы в королевстве могли «в полной мере развиваться новые формы гражданского устройства саудовского общества». Это общество, отмечали они, «все более» отстает «в своих духовных параметрах от атмосферы, создаваемой производственным и технологическим прогрессом», от нового «психологического восприятия действительности», от «глобального мировоззрения, ориентирующегося на более обширный и разнообразный блок ценностей»⁵³. Конечно, это общая постановка вопроса. Однако она включает в себя важное и принципиальное положение – достижения Саудовской Аравии, в том числе и в социально-экономической сфере, вовсе не сопровождались соответствующими изменениями в ее политической системе, в которую явно недостаточно и непоследовательно включаются новые социальные страты и структуры. Одновременно, достижения лишь в малой степени изменили, по словам тех же исследователей, роль религии в саудовском государстве, где она продолжает оставаться «единственным регулирующим началом» общественной жизнедеятельности.

Эта ситуация создавала столь известную в прошлом (да, порой, и в настоящем) эпоху «безвременья» с сопровождающей ее эрозией ценностей. Знакомство молодых саудовцев с миром, с одной стороны, и их жизнь в стране, где обязательно то, что уже давно поставлено под сомнение знакомым им миром, с другой, – это сложная ситуация, из которой следует искать выход. Однако сложность этой ситуации лишь усугубляется тем, что власти страны, видящие решение современных проблем в углублении религиозности и увековечении нравов племенного, бедуинского общества, действуют в том же мире, который уже знаком их молодым подданным. В этом мире они оправдывают свою позицию религиозными «морально-этическими принципами» и защитой интересов «мусульманской нации»⁵⁴, провозглашаемыми неотъемлемым качеством национальной внешней и внутренней политики. Но как же часто они идут на (для истеблишмента и мира оправданные и необходимые) компромиссы! Как же часто протесты властей страны в связи с положением вокруг тех или иных мусульманских стран (Афганистан и Ирак тому наиболее яркие примеры) или народов (палестинцы⁵⁵) не приводят к каким-либо существенным переменам в сфере саудовской экономики, где углубляется сотрудничество с компаниями из тех стран, которые проводят (или поддерживают в этом своих союзников) «агрессивный курс» против мусульман! Лицемерие, – говорят молодые граждане этой страны.

Однако сами эти молодые люди, – стоило бы это повторить вновь, – странный сплав прошлого и настоящего, традиции и современности. Почему бы им не искать выхода из ситуации лицемерного «безвременья» в очищении идеала, который «предан» постоянно говорящей об этом идеале властью? Почему бы им не стать «подлинными» защитниками «втопанной в грязь» высокой морали и за пределами Саудовской Аравии, и в границах ее территории? Благодаря семье, школе и официальной пропаганде религиозные ценности вошли в их плоть и кровь. Они не знают или знают плохо ценности и принципы иных систем – впрочем, их воспитание построено на дискредитации и отвержении этих ценностей. Идеал, резюмируемый как «вера ислама», для них естествен и обычен. Его они и должны очищать и воскрешать. Но не думали ли и не действовали ли ради воскрешения и очищения своих, привычных для них ценностей молодые люди совсем в других странах в наступавшие там эпохи переходности и «безвременья», периоды бесконечного лицемерия своих властей или лидеров?

12 января 2004 г. первый канал саудовского телевидения показал семь «раскаявшихся» (после того, как они подверглись тюремному заключению) молодых людей. Их имена не назывались, вместо них звучали номера. В тот же день было распространено заявление министерства внутренних дел королевства, содержавшее большую часть уже показанных телевидением «признаний». Это был важный документ, содержащий идеи, однажды усвоенные «раскаявшимися».

Конечно, в их выступлениях эти идеи (по крайней мере, теоретически) осуждались, но они продолжали оставаться фактом их прошлой жизни, их мироощущения и основанной на нем практики действия⁵⁶.

Молодые люди, показанные телевидением, подчеркивали, что им казалось, что «только они и стали настоящими мусульманами, а большинство, – как говорил один из них, – окружающих нас людей – вероотступники». Причиной отхода окружавших их людей – соотечественников от религии было то, что эти соотечественники, ссылаясь на некие авторитеты, не выполняли возложенных на них Господом обязанностей: «Прошло уже пятьдесят лет, как иудеи пришли в Палестину, а никто из мусульман не ведет против них джихада. А ведь джихад в этом случае, считали мы, – как говорил другой «раскаявшийся», – «прямая обязанность мусульманина, в случае с Палестиной он не должен подчиняться ни власти, ни родителям. Даже если правитель или родители запрещают ему вести джихад, он обязан вступить на этот путь». Далее следовал не менее серьезный вывод: «Если правитель запрещает джихад, то этот правитель – тиран. Мы думали, что и саудовское правительство – воплощение тирании».

Этим молодым людям не задавали вопросы. Они говорили сами, перебивая друг друга и дополняя своих товарищей. Спектакль был хорошо отрежиссирован, они прекрасно знали свои реплики, произнося действительно то, что их волновало, что совсем недавно определяло их жизнь и поступки.

Они стремились противостоять тирании власти. На месте государства тиранов, «государства отступников» должно было возникнуть «государство ислама». Как его можно было создать? Этому учили законоучители, принадлежавшие к «обновленческому» течению религиозной мысли, которое в Саудовской Аравии называют и течением «отлучителей от религиозной общины (*ат-тайяр ат-такфирий*)». Проповеди этих законоучителей слушали. Сначала на них наталкивались (или обнаруживали их у друзей). Они были записаны на кассетах. Это были проповеди не только саудовских муфтиев, не принадлежащих к официальному религиозному истеблишменту страны, но и, довольно часто, иностранных проповедников (палестинских и египетских, в первую очередь). Эти проповеди были интересны этим молодым людям, потому что отвечали их умонастроению. Не призывают же официальные саудовские улемы к немедленному джихаду против американских «агрессоров» в Афганистане и Ираке или за освобождение «благородного Иерусалима», как, впрочем, они не призывают даже к бойкоту американских товаров⁵⁷. Да и «призывают ли они к чему-нибудь такому», говорил один из раскаявшихся, «что не позволяет им правительство?». Слушали не только проповедников, но и кассеты с записями выступлений У.бен Ладена. Затем с законоучителями-«обновленцами» встречались, хотя и эти законоучители искали себе учеников.

Проповеди этих законоучителей слушали в кругу единомышленников, с ними беседовали лично, часто и долго, обсуждая с ними все, что волновало этих молодых людей. Беседуя с одним из «раскаявшихся», один из этих учителей, отвечая на вопрос своего собеседника, что ему делать, если его отец против участия сына в джихаде, высказал ему свое решение: «Если ты не сможешь его убить, когда он будет тебя задерживать, то выстрели ему в ногу». Жалость в этом случае была неуместна: «Твой отец уже стар, он не годится для войны, ведь он прожил свою жизнь, так и не научившись отличать правое дело от неправого». Так учили молодежь ее наставники. Один из их учеников потом говорил своей, по его словам, «очень старой» и больной матери, уговаривавшей его остаться с ней: «А зачем ты мне нужна? Мой отец умер, у тебя, а не у меня остались дети. У меня детей нет. А мой шейх-наставник сказал мне, что джихад возвышеннее, чем присмотр и забота о тебе. Он сказал мне, что мы оба, я и ты согрешим, если я не пойду воевать. Богом клянусь, мать, я не намерен грешить, а ты оставайся. Извини, но вера – прежде всего».

«Раскаявшиеся» говорили, что они проходили основы военной подготовки. Эта подготовка (в ней участвовали только те молодые люди, в преданности которых убеждались их религиозные наставники) проводилась в молодежных лагерях на территории королевства: «Сначала мы собрались в одном пансионе в Эр-Рияде. Там нас учили чистить самое разное оружие. Потом, – говорил один из них, – мы уехали в пустыню. Мы стремились четко выполнить отдававшиеся нам приказы». Его товарищ добавлял: «Мы учились пользоваться оружием и физически тренировались. В лагере мы занимались физической подготовкой, карате, стрельбой из обычного оружия. Этим оружием были винтовки и пистолеты». Из слов третьего «раскаявшегося» вытекало, что тренировочный лагерь, где он находился, был расположен неподалеку от Мекки, а общий срок пребывания в нем составлял не менее месяца. Наставниками в лагерях подготовки были уже те, кто стал «героями джихада», – прошедшие через сражения в Афганистане, Боснии и Чечне. Они занимались не только физической подготовкой, но и завершали воспитание морали насилия, начатое религиозными наставниками. Боевые «герои» говорили своим молодым ученикам, что только если человек пройдет через джихад, он может «рассчитывать на рай после окончания срока его земной жизни». Их молодые ученики уже осознали себя «настоящими мусульманами», они возрождали поправленный властью идеал, они надеялись, что за их земные подвиги Бог наградит их раем: «Я спросил нашего наставника, а что нас будет ждать потом? Он ответил – рай. А я подумал, – как же я теперь в этом раскаиваюсь, – что за будущее пребывание в раю можно взорвать в Саудовской Аравии все, что угодно, можно убить короля, взорвать американцев». Далее этот «раскаявшийся» продолжал: «А наставник, посмотрев на меня, сказал: “Разве мы не

хотим создать исламское государство? Разве мы не хотим воплотить слова хадисов Пророка? Ради будущего пребывания в раю, нужно изгнать многобожников с Аравийского полуострова»».

Этап поиска образца для подражания, тех, кто воплощал собою идеального мусульманина, на этом заканчивался. Далее следовали дни тренировок, подготовки, двойной жизни, уходов из родительских домов и, наконец, получения приказа о выполнении задания. После выполнения приказа появлялись официальные заявления, – одно из них было обнародовано после обстрела 2 июня 2004 г. группой террористов машины с американскими военными неподалеку от Эр-Рияда. В нем, в частности, говорилось: «Мы нанесли удар по американским высшим офицерам, работающим на базе принца Султана в Эль-Харадже, откуда осуществляется координация действий агрессивных американских войск (в Ираке – Г.К.). Они работают там, потому что им позволило правительство клана отступников (от религии – Г.К.) Ааль Сауд, заключившее союз с американцами, иудеями и крестоносцами⁵⁸. Это правительство не выражает интересы нашего благородного мусульманского народа. Его интересы выражаем только мы, подлинные мусульмане. Мы продолжим наносить удары по американцам, по стоящим за ними многобожникам – христианам и иудеям. Мы будем нести им смерть и муки до тех пор, пока не закончится битва, пока вера не будет принадлежать Господу»⁵⁹. Демонстрация «раскаяния» по общенациональному телевидению не достигала поставленной перед ней цели – место арестованных занимали их единомышленники.

Но кто же другой участник драмы саудовского «сценария террора»? Религиозные деятели, законоучители-«обновленцы» – вдохновители молодых исполнителей террористических акций.

Неофициальные саудовские улемы: генезис идеи террора

В мае 2003 г. в Саудовской Аравии были арестованы три наиболее ярких представителя исламского «обновленчества» – шейхи Ахмед аль-Халиди, Али аль-Худейр и Насер аль-Фахд. Их арест произошел в Медине во время осуществленной там 27 и 28 мая 2003 г. и беспрецедентной для этого «святого» города полицейской операции «прочесывания», итогом которой стало задержание еще более 20 «подозреваемых в терроризме». Все остальные задержанные были «учениками и последователями» трех шейхов. Обвинение в участии в террористической деятельности власти предъявили и трем законоучителям – в их домах, как специально подчеркивалось в опубликованных полицией заявлениях, были обнаружены «оружие и взрывчатка»⁶⁰. В дальнейшем операция саудовской службы государственной безопасности получила свое логическое завершение. 17 и 22 ноября 2003 г. первый канал саудовского телевидения показал своим зрителям (ими была вся страна) беседы с А.аль-Худейром и Н.аль-Фахдом,

в ходе которых они публично отказались от обнародованных ими ранее юридических суждений, отлучавших от религиозной веры представителей саудовского политического и религиозного истеблишмента. Спустя почти месяц – 13 декабря 2003 г. от идентичных *фетв* публично (телевидение вновь сыграло свою роль) отказался и третий член «троицы отлучителей»⁶¹ – шейх А.аль-Халиди.

Известность всех трех законоучителей-*муфтиев* в саудовском и общемусульманском религиозном сообществе была неоспоримым фактом. Но, все же, фигура А.аль-Халиди – *Абу Халеда*⁶² даже на фоне его единомышленников выступала как наиболее значимая. В момент ареста ему было 34 года. Саудовец по происхождению, он родился и вырос в кувейтском городке Джулейб эш-Шуух (ныне практически в составе г. Эль-Кувейт)⁶³. В молодости был учеником и последователем провозгласившего себя *ожидаемым махди* кувейтского муфтия Абу Абдаллы аль-Люхейди. Тем не менее, пути наставника и ученика разошлись. А.аль-Халиди пришел к выводу, что «в мире все более распространяется порок и неверие», а это подтолкнуло его к переезду в 1993 г. в «пресветлую» Медину, казавшуюся А.аль-Халиди «местом, менее чем другие страны ислама, подвергшимся влиянию многобожников». Пребывание в Медине не стало долгим. Он переехал на юг Восточной провинции королевства – «историческую родину» его рода, а затем в район Эль-Хасы той же провинции, где избрал своим наставником шейха-«обновленца» Абдель Азиза аль-Яхью. Два года спустя, став муфтием, вновь вернулся в Медину. Несколько опубликованных А.аль-Халиди религиозных сочинений (наиболее известное среди них – «Объяснение и показ природы сомнительной власти, или рассказ о неверии некоторых тиранов и отступников»⁶⁴) стали инструментом пропаганды его идей, в том числе и с помощью собственного электронного сайта.

А.аль-Халиди (в равной мере это относилось и к двум другим арестованным муфтиям, уже не в первый раз подвергавшимся репрессиям и тюремному заключению) был типичным представителем пережившей свое время (хотя и обращающейся к современной технологии) традиции приобретения и передачи *чистого* религиозного знания. Учеба у наставника, затем самостоятельная роль наставника, готовящего новых знатоков закона. Эта традиция самодостаточна и независима от государства и общества. Более того, она активно стремится сохранить свое качество единственного регулятора общественных отношений, навязывая свою волю и государству. Характеризуя эту традицию, официальный саудовский богослов подчеркивал: «В сообществе *факихов*⁶⁵ существует глубокий раскол. Многие из них все еще остаются пленниками древних, написанных в эпохи прошлого книг. Опираясь на них, эти *факихи* пытаются объяснить события и явления нынешнего дня тем, что соответствовало времени прошлого. ... Мы говорим тем *факихам*, которые все еще стремятся к тому, что-

бы сохранить полную связь с прошлым, что существуют общие правила, определяющие суть мусульманского *фикха*, в частности, в сфере социальных отношений. Использование старого *фикха* необходимо, но мы должны говорить и о современных проблемах, решение которых следует находить в наше время и на основе нашей современной реальности»⁶⁶.

Конечно же, представитель официального саудовского религиозного сообщества выражал точку зрения политического руководства королевства, даже если он и вносил в нее некоторую ноту либерализма. Но, так или иначе, а говоря о сочетании между «сферой социальных отношений» и шариатскими нормами, он делал акцент на основополагающих элементах саудовского внутреннего курса, инициированного еще в эпоху короля Абдель Азиза и направленного, в том числе, и на то, чтобы наиболее адекватно ввести в процесс государственного строительства многочисленную страту богословов и законоучителей.

Тому есть принципиальные основания, определяемые внутренней сущностью саудовского государства, легитимизируемого на протяжении всего времени его существования союзом между правящей семьей Ааль Сауд и представителями религиозных кругов, персонифицированных сегодня в лице Совета высших улемов. Определяемые принятым в начале 90-х годов Основным законом правления концептуальные установки саудовского государства подчеркивают его следование духу и букве «Книги Всевышнего Господа и Сунны Его Пророка». В них «черпает свою силу существующая» в королевстве «система правления», одновременно же, священная книга мусульман и Сунна выступают в качестве «высшей инстанции» по отношению к любому законодательному акту страны⁶⁷. «Исламский» характер саудовского государства предполагает, что едва ли не важнейшей обязанностью этого государства выступает «защита вероучения ислама, претворение в жизнь установлений его шариата, содействие следованию пути добродетели и отказу от греха и исполнения долга призыва к Господу».

Коран и Сунна все еще выступают «источником правового суждения» по поводу любых вопросов, связанных с жизнедеятельностью саудовского государства, что, естественно, приводит к провозглашению Основным законом правления «независимости» той ветви власти, которая квалифицируется саудовским законодательством как «юридическая», а связанных с ней правоведов, – подчиняющимися «только власти исламского шариата». При этом, описывая роль религиозных деятелей в контексте существующих властных отношений и их участие в принятии государственного решения, саудовский автор отмечал, что «улемы являются основной опорой реализации исламского шариата»⁶⁸. Далее он продолжал: «Они разъясняют закон, ориентируя людей и давая советы правителям. ... В Королевстве Саудовская Аравия улемы непосредственным образом участвуют в принятии решения, поскольку их голос очень важен для создания соци-

альной базы легитимации режима», а также в общественной мобилизации, форма которой определяется текущими обстоятельствами развития страны или складывающейся международной обстановкой⁶⁹.

Интегрируя законоучителей в систему политической власти, саудовский истеблишмент стремится создать централизованную систему «юридической власти», связи которой с этим истеблишментом должны строиться на ее полной лояльности режиму. Изменения, внесенные в начале 90-х годов в принятый еще в 70-е годы Закон о судопроизводстве⁷⁰, предполагали, в частности, что религиозные вероучители должны строить свою деятельность и на основе «положений существующих законодательных актов». Саудовские правоведы становились оплачиваемым государством «корпусом юристов». Вхождение в него предполагало наличие саудовского гражданства, «добродетельность и благонравие», юридическую известность, диплом об обучении шариатскому праву в саудовском университете и возраст, нижний предел которого колебался от сорока до сорока двух лет (а это заранее исключало для А.аль-Халиди, например, возможность войти в этот «корпус») в зависимости от ступени той судебной инстанции, в которой предполагал работать соискатель. Однако, в любом случае, вступление в «корпус юристов» могло быть осуществлено только на основе королевского указа. Вся дальнейшая деятельность правоведа, на которого теперь распространялись «положения Закона о государственной службе», проходила под жестким контролем министерства юстиции⁷¹.

Создание централизованной пирамиды религиозного истеблишмента, конечно, не могло быть полностью успешным в силу специфики исламской вероисповедной доктрины. Эта пирамида не могла быть устойчивой: вне этой конструкции всегда оставались религиозные деятели, система взглядов которых могла противоречить точке зрения тех улемов, которые становились частью национальной политической системы и интерпретировали религиозную доктрину в интересах политического истеблишмента. Деятельность «троицы отлучителей» – шейхов А.аль-Халиди, А.аль-Худейра и Н.аль-Фахда (да и не только их), демонстрировавшая отсутствие «единства слова и единства сообщества⁷²», или, иначе, полного взаимопонимания и взаимодействия между подданными и их правителями, это четко доказывала.

Вместе с тем, существовало и другое, не менее важное обстоятельство, связанное с «обновительским» движением в среде саудовских религиозных деятелей и определявшее то, что представитель официального религиозного сообщества королевства называл, говоря о качественной стороне противников этого сообщества, пребыванием их в плену «древних, написанных в эпохи прошлого книг». Это обстоятельство интересно, разумеется, не только в аспекте формирования личности этих противников, но также и в контексте условий формирования и жизнедеятельности самого саудовского государства.

Любое саудовское издание недавнего прошлого (но, впрочем, и во многом сегодняшнего дня), обращаясь к событиям национальной истории, будет говорить и о «благородстве» короля Абдель Азиза, поднявшего своих сторонников на джихад во имя идеалов ислама. Любое саудовское издание будет утверждать, по крайней мере, применительно к событиям прошлого, жизнестойкость религиозной традиции – учения шейха М.Абдель Ваххаба⁷³ – не только для восстановления «законности» власти основателя современного саудовского государства, но и для реализации миссии короля Абдель Азиза в сфере «приведших к нынешнему благосостоянию» и инициированных им модернизационных преобразований. В равной степени саудовские издания постоянно апеллируют к традиции, необходимость перманентной реинтерпретации которой становится задачей национальных авторов (включая и официальный религиозный истеблишмент), определяющейся последовательным реформированием саудовской политической системы и социально-экономических основ жизни общества. Одновременно, проблема правильного понимания этой традиции становится основным направлением полемики между теми религиозными деятелями, которые, с одной стороны, интегрированы в политическую систему государства, а, с другой, находятся вне нее⁷⁴.

Иными словами, сама возможность появления определенного варианта интерпретации традиции (без которой не может существовать саудовское государство) определяется не знаниями в области религиозной догматики, но степенью близости того или иного муфтия к власти. Каждый из этих вариантов всегда будет спорным в силу того, что он будет определяться политическими пристрастиями автора юридического суждения – *фетвы*. Тот или иной вариант все той же интерпретации традиции всегда может быть квалифицирован как отступление или приближение к первоосновам религиозной веры. Ни один из них для противников или сторонников режима (все зависит лишь от оптики политического прочтения соответствующего юридического суждения) никогда не будет обладать необходимой долей объективности и взвешенности. Напротив, каждый из этих вариантов может стать основанием для предъявления обвинений в «неверии» и, на этом основании, «отлучения» или же, напротив, для утверждения о «преданности» вере и, таким образом, о «заботе», например, правителя о «благе» его подданных. Однако причина такой избирательности в подходе к интерпретации традиции лежит, в первую очередь, в необходимости для саудовского государства видеть в самой традиции едва ли не единственный инструмент собственной легитимации. Вместе с тем, в этой традиции оно вынуждено находить и оправдание для продолжения процесса своего реформирования, и свое присутствие в современном глобализирующемся мире.

Показанные саудовским телевидением «признания тройцы отлучителей» это со всей очевидностью продемонстрировали.

Их выступления важны, прежде всего, потому, что они включали четко выраженные указания на содержание фетв, которые они когда-либо предлагали своим последователям-ученикам. Все трое считали необходимым «отлучить» от веры и объявить джихад саудовскому политическому истеблишменту и связанному с ним религиозному сообществу страны. Но после того, как в стране произошли террористические акции, эти муфтии (впрочем, А.аль-Халиди оказался более стоек в своих убеждениях⁷⁵) заявляли, что категорически не поддерживают тех, кто совершил акты террора⁷⁶. Эти люди более не были для них *моджахедами*, «воинами», превратившись в *хариджитов*⁷⁷. В свою очередь, «существующая власть», говорили они, «законна» и заслуживает «принесения ей клятвы верности». А их прежние оценки саудовского общества в качестве общества «неверного», «населенного хариджитами» или «далекого от религии», объявлялись «ошибочными». Все три муфтия (Н.аль-Фахд был самым пространным среди них) осуждали саму практику «отлучения», считая, как они подчеркивали, что эта практика «приводит к анархии». По словам А.аль-Халиди, «сторонники отлучения оказались в тупике и должны обратить свои взгляды к настоящим *ученым-улемам* и подчиниться правителю».

Если ранее все три муфтия-«обновленца» выступали с утверждениями, что Аравийский полуостров (но, в идеале, и весь мусульманский мир) должен был быть *очищен* от «неверных», то теперь они считали необходимым заявить, что «каждый, кто въехал в эту страну, становится находящимся под покровительством и в безопасности человеком, убийство которого категорически запрещено». Как добавлял А.аль-Худейр, «кровь и имущество этого человека под запретом до тех пор, пока он не покинет страну». В свою очередь, Н.аль-Фахд подчеркивал, что «находящиеся в королевстве и под покровительством ислама христиане и иудеи не могут нести никакой ответственности за бедность, нищету или безработицу среди мусульман». За «эти несчастья», считал он, опровергая свои прежние фетвы, «несут ответственность сами мусульмане, что и исключает возможность использования оружия против иностранцев». По словам А.аль-Халиди, эти «иностранцы развивают экономику и вносят неоценимый вклад в развитие и процветание стран ислама».

Как и в случае с «раскаявшимися» молодыми участниками контррелигиозного движения, «осуждавшими» свои прежние взгляды и призывавшими «следовать путем подлинных ученых, сплотившихся вокруг Совета высших улемов и мудрого руководства королевства», муфтии-«обновители» могли вызвать (что имело место, видимо, и у некоторых людей даже в Саудовской Аравии) лишь впечатление давно виденного и известного. Это впечатление лишь усиливалось в силу того, что ранее они подвергались преследованиям со стороны власти. Однако главное, видимо, не в этом.

Демонстрация признаний этих муфтиев происходила в форме бесед между ними и одним из членов Совета высших улемов. В ходе всех трех бесед он задавал каждому из своих собеседников, по сути дела, однотипные вопросы, один из которых (он будет приведен по тексту беседы с А.аль-Худейром) следовало бы процитировать: «Однако ваши фетвы, уважаемый шейх, касались многих вопросов, среди которых и вопросы отлучения от веры. Эти фетвы распространялись в виде посланий, на сайтах Интернета, их читали и ими вдохновлялись те, кого вы теперь называете хариджитами. А как же к этим фетвам вы относитесь теперь?». Совсем неважно, что каждый, кому был адресован этот вопрос, категорически отрицал свое участие в подстрекательстве молодежи «к бунту и насилию». Совсем неважно, что каждый из трех муфтиев заявлял, что распространенные им ранее фетвы были «ошибочны», что каждый из них «отказывается» от этих суждений, считая, как отмечал А.аль-Худейр, свое выступление по телевидению «посланием братьям, которые, я надеюсь, его услышат и поймут, что я ясно отказываюсь от слов моих прежних фетв».

Саудовский политический истеблишмент действовал жестко и целенаправленно, используя традиционную логику и тактику власти. Вводя в стране жесткие меры безопасности, он устраивал охоту (хотя, как обычно это случается с властью, опаздывал) на исполнителей террористических акций и одновременно наносил удар по тем, кого он считал вдохновителями «сценария террора». Речь, конечно, шла о законоучителях-«обновленцах». Однако в этой связи вновь возникал простой вопрос – а верна ли сегодня (в том, что касается, по крайней мере, улемов, да, впрочем, и членов контрэлитарного движения) эта логика и тактика? Не приходится сомневаться в обязанности государства защищать своих граждан. Но также не приходится сомневаться и в его праве использовать в ходе защиты этих граждан все необходимые меры, включая и шаги, направленные на делегитимацию тех идей, которыми вдохновляются члены «ячеек террора» в королевстве. Генераторами же этих идей, несомненно, выступают шейхи-«отлучители», черпающие свою силу из того же источника патриархальности, на мощь которого, призывая к ее реанимации, рассчитывает опереться и сама власть.

Но сразу же появляется новый вопрос. А зависит ли ныне процесс этой делегитимации только от «разоблачения» тех законоучителей, которые уже арестованы и «осудили» свои прошлые взгляды и убеждения. Оказанное на них властью давление (хотя все они заявляя о «любезном» и «вежливом» обращении с ними в местах заключения), несомненно, снизит эффект воздействия сделанных ими «признаний» на саудовских *моджахедов*. Тем не менее, проблема не исчерпывается только этим ее аспектом.

Все три муфтия-«обновленца» уже давно произнесли те слова, которых от них ждали в то время еще потенциальные их ученики и

последователи. Эти однажды произнесенные ими слова сегодня стали достоянием многих. Иначе, почему не оказываются успешными попытки высших сановников государства, в их числе и короля Фахда, заставить улемов безоговорочно подчиняться государству, исключив из практики их деятельности обнародование «личных фетв»⁷⁸? Иначе, почему представители официальных религиозных кругов королевства постоянно ссылаются на «недопустимость произнесения возбуждающих чувства верующих проповедей в мечетях», особенно после пятничных молитв, как и на «опасность высказывания собственных суждений имамов при оценке событий и людей»⁷⁹? Впрочем, события мая 2004 г. в Эль-Хубаре продемонстрировали на практике, что слой оппозиционных законоучителей значительно шире, чем он кажется власти. С молодыми участниками контрэлитарного движения сейчас беседуют, вербуя их или помогая им, ученики (а, быть может, ученики учеников) всех трех «признавшихся» в своих заблуждениях муфтиев. Некоторые из них уже прошли через заграничный джихад и стали официальными имамами мечетей. Они, как и их бывшие наставники, ищут и находят себе учеников.

* * *

Итак, есть два участника развивающейся в Саудовской Аравии драмы террора – исполнители акций и их духовные наставники. Сегодня оба этих актора становятся все многочисленнее и активнее. И, напротив, свидетельств снижения их активности, несмотря на предпринимаемые политическим истеблишментом меры, не наблюдается.

Власть и общество в Саудовской Аравии далеки сегодня от того, чтобы рассматривать их едиными в том, что касается методов противостояния контрэлитарному движению, включая и позицию в отношении улемов-«обновленцев». Выступая 17 мая 2003 г. с тронной речью перед депутатами Консультативного совета третьего созыва, король Фахд требовал «уничтожить гадину террора». Для саудовского монарха речь шла не только о «группе террористов-отщепенцев», но и, что не менее существенно, о «заблудшей мысли, поощряющей и питающей террор, даже если эта мысль и рядится в одежды нашей благородной религии»⁸⁰. Позиция власти не менялась и в дальнейшем: «Эти люди порождены дьяволом, – говорил наследный принц Абдалла после событий в Либо, – они помощники дьявола и инструмент дьявольского действия. ... Но мы железной рукой выкорчем тех, кто продает ему душу, кто словом и делом подрывает безопасность страны»⁸¹.

Комментируя террористическую акцию 21 апреля 2004 г. в Эр-Рияде, Верховный муфтий королевства, глава Совета высших улемов шейх Абдель Азиз Ааль аш-Шейх подчеркивал: «Убийство мусульман – грех, который в день воскресения увеличит муки совершивших это убийство». По сути дела, Верховный муфтий давал власти индуль-

генцию на продолжение провозглашенной ею политики: «Пусть наше мудрое руководство освободит нас от зла и заблуждения»⁸². Действующий же под его руководством Совет высших улемов (коллективное мнение официальных законоучителей!) уже дважды (в мае и в начале июня 2004 г.) принимал фетвы, требовавшие донести органам власти о преступниках. Одно из положений июньской фетвы гласило: «Мы призываем граждан страны и проживающих в ней иностранцев сообщать власти о каждом, кто планирует или готовит ту или иную разрушительную акцию. Мы делаем это, заботясь о безопасности *рабов Господних* и страны. Мы делаем это, заботясь о том, чтобы самих готовящих разрушительные акции не постигло наказание за совершенные ими деяния»⁸³.

Мнение же общества отнюдь не всегда совпадало с мнением власти. При этом существенно то, что иные точки зрения высказывали как в рядах интеллигенции, так и в рядах официального религиозного истеблишмента.

Отвечая на вопросы корреспондента «Аш-Шарк Аль-Аусат», эксперт Международного совета по исламскому *фикху*, член комиссии развития положений шариата колледжа государственной безопасности им. короля Фахда д-р М.ан-Нуджейми подчеркивал: «Я считаю необходимым вести диалог со сторонниками *течения отлучения* и даже с террористами (конечно, только с теми, кто готовы его вести). Одновременно не может быть и речи об отмене введенных в королевстве строгих мер безопасности. Но подчеркиваю, эти меры должны сочетаться с диалогом и обращенными к этим людям инициативами»⁸⁴. Распространена ли эта точка зрения в среде сотрудников государственной безопасности, с которой по долгу службы связан М.ан-Нуджейми? Об этом можно только догадываться.

В ноябре 2003 г. корреспондент работающего в Лондоне арабского электронного сайта «Элаф» обсуждал проблему «покаяния» А.аль-Худейра с группой саудовских интеллигентов. Его собеседниками были университетские профессора, журналисты, писатели и юристы. Высказывавшиеся ими точки зрения могут, видимо, рассматриваться как представительные для интеллектуальной элиты саудовского общества и в этой связи заслуживают внимательного прочтения⁸⁵.

Саудовские интеллектуалы отнюдь не считали, что происходящее в их стране всего лишь случайность, не имеющая никакого отношения (а к этому, собственно, во многом сводилась точка зрения власти и интегрированных в нее структур) к господствующей в королевстве религиозной догме или пережиткам патриархальной традиции. Напротив, они приходили к выводу, что саудовский терроризм – ни в коем случае не одномерное явление. Его причины, как и последствия, многообразны и взаимосвязаны. И, быть может, важнейшая из этих причин заключается в том, что власть в течение длительного времени была далека от того, чтобы инициировать широкий «общественный

диалог между всеми группами, стратами и классами национального социума». Иными словами, продолжал говорить профессор социальной психологии Исламского университета им. имама Мухаммеда бен Сауда А.ас-Субейх, власть, воплощенная в политическом и религиозном истеблишменте страны, подчеркивавшая «неразрывность связи между собой и обществом», на самом деле содействовала тому, что саудовский социум превратился в несколько «изолированных островов, жители которых замкнуты только на решении собственных проблем». В саудовском обществе «независимо друг от друга живут либералы и исламисты, представители каждого из этих лагерей отрицают право другого на свободу мысли и слова, апеллируя к власти и натравливая ее на противоположный лагерь». Так возникло насилие, «в равной мере созданное всеми, а не только теми, кого сегодня судят по шариату Господа». Итак, есть мнимое единство «власти и общества» вместо касающегося всего общества и открытого обсуждения проблем, стоящих перед всеми саудовцами.

Это обсуждение, считал писатель и преподаватель информатики, в 90-х годах активист саудовского исламского движения М.аль-Хусейф, должно опираться «на взаимные уступки и компромиссы». Участие в нем представителей *обновленческого* движения, по его словам, «насуточная необходимость, поскольку они – неотъемлемая часть саудовского общества». Но если власть будет демонстрировать своему народу только «раскаяние лидеров этого движения», если она будет «показывать лишь их поражение», то возможность широкого национального диалога в королевстве будет поставлена под сомнение. Это важно и потому, говорил писатель М.ан-Нукейдан, что время «утверждения единства власти и народа» создало свою противоположность – «культуру экстремизма». Ее сторонники уже нанесли «непоправимый вред саудовскому обществу», «посеяв между его членами семена вражды и ненависти». Частью этой «культуры экстремизма», по мнению политического аналитика Т.аль-Хамада, стал «культ личностей», не имеющий отношения только лишь к лидерам контрэлитарного движения. А свободный общенациональный диалог «нуждается в широкой программе действия, а не в поклонении драгоценным словам, изрекаемым обожествляемыми личностями».

Что ж, все они говорили о демократии. Но разве не развитие демократии несет в себе залог успеха и процветания и общества, и государства, как и способности обеих структур преодолеть возникшие перед ними угрозы и брошенные им вызовы?

¹ Здесь и далее см.: «Аль-Хаят» тарсуд ахдас ас-сана аль-хиджрийя саудийян («Аль-Хаят» подводит итог событиям года по Хиджре в Саудовской Аравии). – Аль-Хаят, Л., 21 февраля 2004.

Здесь и далее газета цит. по ее электронному изданию – <http://www.daralhayat.com/>

² 22 мая 2004 г. саудовское министерство внутренних дел сообщало в специально опубликованном заявлении, что во время уничтожения «гнезда террористов» в городе Эль-Бурейда в Центральной провинции (район Эль-Кусейма) его сотрудники захватили гранаты, автоматы и пистолеты, боеприпасы, несколько легковых машин, готовившихся к минированию, а также грузовики, с помощью которых террористы намеревались пробиваться на территорию охраняемых объектов военного и промышленного назначения. – Ад-Дахилийя ас-саудийя таасур аля ахвад хадидийя ли таджхиз аш-шахинат биль мутафаджират (Саудовское министерство внутренних дел сообщило об обнаружении металлических емкостей, предназначенных для оборудования грузовых машин взрывчаткой). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 23 мая 2004.

Здесь и далее газета цит. по ее электронному изданию – <http://www.asharqalawsat.com/>

³ Здесь и далее: «Аль-Хаят» тарсуд ахдас ас-сана аль-хиджрийя саудийян.

⁴ Тагайур тактик аль-ирхабийин (Террористы меняют тактику). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 2 июня 2004.

⁵ Аль-Амир Наеф: Аль-Амн ас-саудий ахбат ашарат аль-хутат аль-ирхабийя (Принц Наеф: Саудовская безопасность сорвала исполнение десятков террористических планов). – Аш-Шарк Аль-Аусат, Л., 20 апреля 2004.

⁶ Хубара амнийюн ли «Аш-Шарк Аль-Аусат»: Аль-Амалийят аль-ирхабийя аль-ляти татааррад ляха Ас-Саудийя ашавийя (Эксперты по вопросам безопасности заявляют «Аш-Шарк Аль-Аусат»: Террористические акции, которым подвергается Саудовская Аравия, осуществляются вслепую). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 2 мая 2004.

⁷ Первая, приписываемая саудовскими властями организации Аль-Каида, террористическая акция произошла еще в ноябре 1995 г. (спустя год после того, как У.бен Ладен был лишен саудовского гражданства) в эр-риядском квартале Эль-Улья. Она была направлена против размещавшейся в этом квартале американской миссии, сотрудники которой занимались подготовкой офицеров Национальной гвардии. В дальнейшем же акции против американских военных совершались в Эль-Хубаре (1996 г.), а также граждан США и других западных стран в столичных кварталах Эль-Хамра и Эль-Махоя. – Махаттат фи нашат Аль-Каида фи Ас-Саудийя (Вехи деятельности Аль-Каиды в Саудовской Аравии). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 24 апреля 2004.

⁸ По данным американской разведки, главой группы, осуществившей террористическую акцию в Янбо, был Мустафа Абдель Кадер аль-Ансари. Йеменец по происхождению, уроженец Мекки, где он окончил среднюю школу, а затем уехал учиться в Великобританию. Там он находился до 1997 г. (хотя ненадолго уезжал в Боснию и Герцеговину). В 1997 г. уехал в Афганистан, где стал личным другом У. бен Ладена и А.аз-Завахири. В Соединенных Штатах был обвинен в подготовке террористических акций 11 сентября 2001. С началом контртеррористической операции в Афганистане вернулся в Кабул, принимал участие в боях в Тора-Бора. Смог скрыться в Пакистане, откуда перебрался в Йемен, где был замешан в нападении на американские суда в Адене. Его брат – Абдель Мухсин аль-Ансари, также

уроженец Мекки, учился в Университете им. короля Абдель Азиза в Джидде, в 1994 г. был убит в Чечне. – Аль-Мабахис аль-амрикийя расадат каид иатида Янбо (Американская разведка следила за руководителем нападения в Янбо). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 6 мая 2004.

⁹ «Элаф» тутаби татаввурат тафджир Эль-Вашм («Элаф» следит за последствиями взрыва в квартале Эль-Вашм). – Elaph Publication, 22 апреля 2004.

Здесь и далее информация сайта «Элаф» цит. по: <http://www.elaph.com.:9090/>

¹⁰ «Аль-Хаят» тарсуд ахдас ас-сана аль-хиджрийя саудийян.

¹¹ Аль-Ваджх аль-джадид ли Аль-Каида (Новое лицо Аль-Каиды). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 29 мая 2004.

¹² См. об этом более подробно: *Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.* Саудовская Аравия и мусульманский мир: внутренний и внешний аспект финансовой помощи. – Ближний Восток и современность. Вып. 12. М., 2001.

¹³ Об этом решении 2 июня 2004 г. заявил во время своей поездки в Вашингтон помощник наследного принца Абдаллы А.аль-Джубейр. По его словам, саудовские власти приняли решение распустить фонд «Аль-Харамейн», а также другие идентичные ему организации, которые отныне вольются в создаваемую в стране неправительственную структуру – Саудовскую национальную организацию благотворительной деятельности за рубежом. Как заявлял А.аль-Джубейр, действуя в контакте с американским правительством, власти Саудовской Аравии обратятся в ООН с требованием включить пять филиалов «Аль-Харамейн», работающих в Голландии, Албании, Афганистане, Бангладеш и Эфиопии, в список организаций, «финансирующих терроризм». – Ас-Саудийя туалян азмаха аля халль «Муассаса Аль-Харамейн» (Саудовская Аравия заявляет о своей решимости распустить фонд «Аль-Харамейн»). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 3 июня 2004.

Впрочем, решение создать Саудовскую национальную организацию благотворительной деятельности за рубежом было принято в конце февраля 2004 г., когда был обнародован королевский указ о ее создании. В указе короля Фахда говорилось, что руководство этой Организацией будет поручено «избранным гражданам, работающим в сфере благотворительности и известным своим опытом, порядочностью и благонравием». – Текст указа см. в: Аш-Шарк Аль-Аусат, 29 февраля 2004.

¹⁴ См. об этом, в частности: Саудийюн юкатилюн фи Аль-Фаллуджа (Саудовцы сражаются в Эль-Фаллудже). – <http://arabianews.org/>

Политические соображения заставляют сотрудников работающего из Вашингтона сайта саудовской светской оппозиции публиковать немало сообщений на эту тему.

¹⁵ Истимрар санадык ат-табарруа аль-хайрий рагм аль-хазр фи Ас-Саудийя (Несмотря на запрет, ящики для сбора благотворительных пожертвований в Саудовской Аравии все еще остаются). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 19 ноября 2003.

После взрыва 12 мая 2003 г. в столичном квартале Эль-Хамра саудовские власти официально запретили публичный сбор пожертвований. – Аш-Шарк Аль-Аусат, 16 сентября 2003.

¹⁶ Аль-Амир Абдалла: Маа аль-асаф гаррару би баад абнаина (Принц Абдалла: К несчастью, им удалось обмануть некоторых наших сыновей). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 2 мая 2004.

Тема сионизма была развита и министром иностранных дел принцем С.аль-Фейсалом, говорившим, что «существуют доказательства, подтверждающие наличие контактов между исполнителями акции в Янбо и поддерживающими их сионистами из экстремистского лагеря». – Сауд Аль-Фейсал: Ас-Саудийя сатадруб аль-ирхаб би яд мин хадид (Сауд Аль-Фейсал: Саудовская Аравия железной рукой нанесет удар по терроризму). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 5 мая 2004.

¹⁷ Саудовские социологи отмечали, что «сочувствие к исполнителям террористических акций 11 сентября было огромно, оно возросло после начала удара по Афганистану, а также в марте 2003 г., когда началась операция в Ираке. Именно тогда в стране резко выросла неприязнь к гражданам западных стран, поэтому первые взрывы в Эр-Рияде не привели к существенному снижению степени сочувствия к исполнителям этих акций». Хотя гибель «мусульман и арабов» в ходе последующих акций в столице и приводила к снижению уровня поддержки действий террористов, тем не менее, в королевстве все еще существует «устойчивая группа людей, настаивающих на законности того, что делает Аль-Каида». Одновременно, эти люди считают, что публикуемые в саудовской прессе сообщения о «преступности» Аль-Каиды «не заслуживают доверия, поскольку черпаются из западных источников». Наконец, те же люди приходят к выводу о возможности для террористов «идти на убийство мусульман, если целью их акции являются граждане западных стран или принадлежащие им объекты и учреждения». – Инхисар нисба аль-мутаатыфин маа аль-ирхабийин фи Ас-Саудийя (Снижение доли сочувствующих террористам в Саудовской Аравии). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 20 ноября 2003.

¹⁸ Аль-Амир Абдалла: ас-самитун амма яджри мин аамаль иджрабийя юъатабарун мушарикин фиха (Те, кто молчат о совершаемых преступных деяниях, становятся их участниками). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 23 мая 2004.

¹⁹ Здесь и далее см.: «Аш-Шарк Аль-Аусат» тукаддим кыраа фи сияр 14 интихариен наффазу инфиджарат Ар-Рияд («Аш-Шарк Аль-Аусат» представляет биографии 14 самоубийц, осуществивших взрывы в Эр-Рияде). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 20 ноября 2003.

²⁰ 11 мая 2004 г. первый канал саудовского телевидения показал своим зрителям подготовленный министерством внутренних дел страны документальный антитеррористический фильм, один из героев которого развлекал своих детей, которых он никогда не оставлял со своими родителями, гранатой и автоматическим пистолетом. – Аль-Матлюб ас-саудий Халед Ас-Субейт язхар фи тасджиль аль-видео бассаху ат-телевизьон (Разыскиваемый

саудовец Халед Ас-Субейт появляется на видеокассете, показанной саудовским телевидением). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 13 мая 2004.

²¹ Здесь и далее: «Аш-Шарк Аль-Аусат» тукадим кыраа фи сияр 14 интиханийан наффазу инфиджарат Ар-Рияд.

²² Сихадж аль-Бакми ли «Эр-Рияд»: Лям ва лян азраф ад-дам аля Нимр (Сихадж аль-Бакми заявляет газете «Ар-Рияд»: я не плакал и не буду плакать по Нимру). – Эр-Рияд, 31 мая 2004. – <http://www.alriyadh.com.sa/>

²³ Здесь и далее: «Аль-Хаят» тарсуд ахдас ас-сана аль-хиджрий саудийан.

²⁴ Слова из одного из аятов суры «Различение»: «Скажи: “Это ли лучше, или сад вечности, который обещан богобоязненным и будет для них воздаянием и пристанищем?”». – Коран. 25:16. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. М., 1986. С. 297.

²⁵ Вышедшее в свет еще в 1999 г. саудовское издание сообщало: «Королевство смогло добиться успеха, призвав исламскую умму, мусульман всего мира встать на сторону призыва королевства к джихаду против коммунистической агрессии против Афганистана и советских марионеток в Кабуле. Сыновья королевства были в первых рядах тех, кто вместе с афганскими братьями сражался против этой агрессии. Наши сыновья жертвовали собой ради того, чтобы высоко развевалось знамя ислама, чтобы Афганистан остался мусульманским государством, сохранив свою сущность и культуру». – Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя: миат амм фи хидма аль-ислям ва аль-муслимин (Королевство Саудовская Аравия: сто лет на службе исламу и мусульманам). Бейрут, 1999. С. 151.

²⁶ В начале июня 2003 г. на саммите G-8 в Эвиане саудовская делегация (возглавлявшаяся наследным принцем Абдаллой) распространила пространное заявление, в котором, в частности, подчеркивалось, что королевство «жестко контролирует финансовые операции», осуществляемые ее благотворительными фондами. В заявлении отмечалось, что «благотворительные организации могут работать в королевстве только на основе лицензии, согласно которой их деятельность и счета контролируются специальными правительственными учреждениями». В нем же говорилось, что саудовское правительство требует от этих организаций «большей прозрачности», а в стране готовится закон, требующий, чтобы «пожертвования из королевства направлялись бы только одному заслуживающему доверия получателю, а не распылились по подозрительным адресам». – Аль-Амир Абдалла ва Ширак яшуддани фи Эвиан аля танфиз харита ат-тарик (Принц Абдалла и Ширак настаивают в Эвиане на реализации «дорожной карты»). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 2 июня 2003.

²⁷ Употребление этой идиомы высшими сановниками королевства постоянно. Сошлемся лишь на заявление наследного принца Абдаллы в связи с событиями 29 мая 2004 г. в Хубаре: «Это – заблудшая секта. ... Они доказали, что стремятся к террору и агрессии». – Ас-Саудийя: аль-мусаллахун яхтаджизун ашарат ар-рахайн биль Хубар (Саудовская Аравия: вооруженные люди захватывают десятки заложников в Хубаре). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 30 мая 2004.

²⁸ Один из аятов этой суры (одновременно основной мусульманской молитвы) гласит: «Веди нас по дороге прямой, по дороге тех, которых Ты облагодетельствовал, – не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших». – Коран, 1:6–7. Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. С. 27.

²⁹ Однако некоторые данные свидетельствуют, что аль-Мукран – «формальный» глава этого отделения. Реальным его лидером называют порой тридцатилетнего Халеда Хаджа аль-Йямани, йеменца по происхождению, но родившегося в Джидде. В начале 80-х годов аль-Йямани был арестован за ведение антигосударственной деятельности и выслан в Йемен. Из Йемена аль-Йямани отправился в Афганистан, где получил военную подготовку в лагерях Аль-Каиды и стал личным охранником У. бен Ладена. По данным саудовской полиции, в настоящее время он находится в Эр-Рияде. – Малаумат хасса би «Аш-Шарк Аль-Аусат»: аль-каид аль-фиалий ли Аль-Каида фи Ас-Саудийя Халед Хадж аль-Йямани (По данным собственных источников «Аш-Шарк Аль-Аусат», настоящим лидером Аль-Каиды в Саудовской Аравии является Халед Хадж аль-Йямани). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 23 февраля 2004.

³⁰ Это подтверждало сообщение связанного с организацией Аль-Каида электронного журнала «Саут аль-джихад (*Голос джихада*)», отмечавшего, что «приказ на исполнение операции поступил лично от *Абу Хаджера* – аль-Мукрана». Как подчеркивало это издание, в составе группы террористов в Эль-Хубаре были не только саудовцы, но и два марокканца. – Elaph Publication, 4 июня 2004.

³¹ Здесь и далее см.: Абдель Азиз аль-Мукран каид Аль-Каида фи Ас-Саудийя (Абдель Азиз аль-Мукран -руководитель Аль-Каиды в Саудовской Аравии). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 10 декабря 2003.

³² Термин А.В. Кудрявцева. Здесь и далее основные элементы этой идеологии излагаются по: *Кудрявцев А.В.* Феномен «арабских афганцев». – Ближний Восток и современность. Вып. 17. М., 2003. С. 167–168.

³³ Здесь и далее: Баян ли Аль-Каида ятабахи би зибх тиса рахаин (Заявление Аль-Каиды, восхваляющее уничтожение девяти заложников). – Elaph Publication, 30 мая 2004.

³⁴ Баян ли Аль-Каида ятабанна зибх италиий ва суэйдий (Заявление Аль-Каиды, сообщающее об уничтожении итальянца и шведа). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 31 мая 2004.

³⁵ Там же.

³⁶ Во всяком случае, в заявлении «Организации Аль-Каиды на Аравийском полуострове», появившемся 19 марта 2004 г. после ликвидации саудовскими силами государственной безопасности одного из ее членов – Халеда Абу Хазема, он был назван «руководителем эр-риядского отделения Организации». В заявлении отмечалось также, что Х.Абу Хазем «сражался в Афганистане, где был телохранителем Усамы бен Ладена, и в странах Юго-Восточной Азии». – Баад макталь Халед Абу Хазем фи муваджаха маа аль-амн ас-саудий (После убийства Халеда Абу Хазема в стычке с силами саудовской безопасности). – Elaph Publication, 19 марта 2004.

³⁷ Слова наследного принца Абдаллы, сказанные им во время состоявшегося в апреле 2004 г. официального визита в Австрию. – Аль-Амир Абдалла фи Вьена: кылля калиля мин аль-мунхарифин хум ман ятабанна аль-ирхаб (Принц Абдалла в Вене: отщепенцы-приверженцы террора – это абсолютное меньшинство). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 2 апреля 2004.

³⁸ Аль-Амир Турки аль-Фейсал: Ас-Саудийя факкакат 5 халая ли-ль-ирхабийин (Принц Турки Аль-Фейсал: Саудовская Аравия обезвредила 5 ячек террористов). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 1 июня 2004.

³⁹ Его настоящее имя – Абдель Азиз Сайд аль-Гамиди аль-Макни. Родился в 1972 г. Шестнадцатилетним юношей отправился в Афганистан. В 1993 г. участвовал в боевых действиях Объединенной таджикской оппозиции против режима Э.Рахмонова и российских войск в Таджикистане. В 1995 г. прибыл в Чечню, где после гибели саудовца Самера Салеха Абдаллы ас-Суэйлема (известного в России под именем Хаттаб) стал руководителем ирредентистского Военного совета, фактически возглавив противостояние российским вооруженным силам. – Шакикуху аль-акбар ли «Элаф»: ля таа-зуна ли вифатихи (Его старший брат сказал «Элаф»: «Нас не опечалила его кончина»). – Elaph Publication, 19 апреля 2004.

Краткая биография Хаттаба содержится в: *Кудрявцев А.В.*, цит. произв. С. 172.

⁴⁰ Здесь и далее см.: Ахад ааян Гамид юфаннид: аль-фараг ва аль-батталя саада аля ат-татарруф (Один из вождей племени Гамид опровергает: духовная пустота и безработица помогли экстремизму). – Аль-Хаят, 13 ноября 2003.

⁴¹ Сихадж аль-Бакми ли «Эр-Рияд»: Лям ва лян азраф ад-дам аля Нимр.

⁴² Хикаят маа ар-ракм 23 Амер аш-Шахри (Разговор с Амером аш-Шахри, номером 23 в списке разыскиваемых). – Elaph Publication, 22 февраля 2004.

⁴³ Через юго-запад современной Саудовской Аравии, район между Меккой и Асиром, граничащим с северными регионами Йемена, проходили основные торговые пути, связывавшие юг Аравийского полуострова, а также Африканский рог и побережье нынешних Сирии и Ливана. Эль-Баха входила в состав Сабейского царства. Посредническая караванная торговля вплоть до 50-х годов была основным источником заработка для жителей Эль-Бахи. – См. об этом: Al Baha. – <http://www.the-saudi.net/saudi-arabia/baha/>

⁴⁴ *Фейсал бен Машеш бен Сауд бен Абдель Азиз Аль Сауд*. Аль-Маджалис аль-мафтуха ва аль-мафхум аль-ислямий лиль-хукм фи сиясат Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Открытые медресы и исламское понимание власти в политике Королевства Саудовская Аравия). Эр-Рияд, 2000. С. 108–109.

⁴⁵ Этот многозначный арабский термин может быть обращен как к представителям академической (включая и университетскую профессию) общественности, так и к религиозным деятелям.

⁴⁶ Оба приведенных в скобках арабских слова являются однокоренными со словом *джихад*.

⁴⁷ Аль-Амир Абдалла: ас-самитун амма яджри мин аамаль иджраимийя юатабарун мушарикин фиха.

⁴⁸ Здесь и далее: Сихадж аль-Бакми ли «Эр-Рияд»: Лям ва лян азраф ад-дам аля Нимр.

⁴⁹ Переходившие к оседлости группы бедуинского населения. Этот процесс активно поощрялся королем Абдель Азизом, создавшим из числа *ихванов* ударные отряды своей армии и осуществлявшим, опираясь на них, экспансию в направлении других государственных образований Аравийского полуострова. См. об этом: *Васильев А.М.* История Саудовской Аравии. М., 1982. С. 298–319.

⁵⁰ Такая постановка вопроса неприемлема, в первую очередь, для саудовского истеблишмента. По словам саудовского министра исламских дел, вакфов, призыва и наставления шейха С.бен Абдель Азиза Ааль аш-Шейха, «террор» в Саудовской Аравии «не может быть объясним положением мусульман в тех или иных странах мира, как и чувством униженности или несправедливости». – Вазир аш-шуун аль-ислямийя ас-саудий янтакыд (Саудовский министр исламских дел критикует). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 29 апреля 2004.

⁵¹ По словам «Аш-Шарк Аль-Аусат», «ежегодно заканчивающие саудовские университеты бывшие студенты пополняют число безработных, доля которых, по официальным оценкам министерства труда, приближается к 10%». Далее газета продолжает: «Большинство выпускников университетов, стремящихся найти работу в соответствии с полученной специальностью, сталкивается с очень большими трудностями, а чаще всего их стремление найти такую работу обречено на провал». – Туллаб аль-джамиат ас-саудийя яштакун (Студенты саудовских университетов жалуются). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 2 июня 2004.

⁵² Цит. по: *Филоник А.О., Вавилов А.И.* Саудовская Аравия: поиски внутрэнной гармонии. М., 2004. С. 16.

⁵³ Здесь и далее: Там же. С. 203–204.

⁵⁴ См. об этом подробнее в: *Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.* Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решения. М., 2003. С. 12–17.

⁵⁵ Так, официальная позиция саудовского правительства в связи с убийством израильской армией главы движения ХАМАС Абдель Азиза ар-Рантиси ограничилась выражением соболезнования королевства семье *шахида*, палестинскому народу и главе Палестинской Национальной Администрации Я.Арафату. Заявление саудовского правительства ограничилось далее словами о том, что «убийство доктора ар-Рантиси вызовет в регионе новую волну насилия». – Авваль радд фиаль саудий аля макталь каид ХАМАС (Первая саудовская реакция на убийство руководителя ХАМАС). – Elaph Publication, 19 апреля 2004.

⁵⁶ Здесь и далее см. отчет о телевизионной передаче: Ат-Телевизьон ас-саудий арад амс тараджуат шабаб инхарафу вара ат-тайяр ат-такфирий (Саудовское телевидение показало вчера признания молодых людей, отклонившихся от правильного пути под влиянием обвиняющих в безбожии). –

Аш-Шарк Аль-Аусат, 13 января 2004; а также: Баян визара ад-дахилийя ас-саудийя ва иатарафат саба мин аль-ирхабийин (Заявление саудовского министерства внутренних дел и признания семи террористов). – Elaph Publication, 12 января 2004.

⁵⁷ Выступая 18 апреля 2004 г. перед студентами богословских факультетов университетов Эр-Рияда, Верховный муфтий Саудовской Аравии, глава Совета высших улемов шейх Абдель Азиз Ааль аш-Шейх говорил: «Бойкот американских товаров не отвечает нашим интересам. Если мы станем сильными, создав в нашей стране заводы и благодаря нашей собственной продукции сможем обходиться без американских товаров, – тогда да, их бойкот будет возможен. Однако бойкотировать эти товары сейчас, это не способ усилить страну и ее экономику. Если же мы сможем без них обходиться, то – ради Бога». – Муфти Ас-Саудийя юарид мукатаа аль-мунтаджат аль-америкийя (Муфтий Саудовской Аравии против бойкота американских товаров). – Elaph Publication, 19 апреля 2004.

⁵⁸ В современном, апеллирующем к исламу политическом дискурсе, термин «крестоносцы» выступает как аллюзия на все еще продолжающиеся христианские крестовые походы против мусульманского мира.

⁵⁹ Заявление саудовской группы, называющей себя ячейкой Аль-Каиды в королевстве, цит. по: Баян мансуб иля Аль-Каида ятабанна итляк ан-нар аля аскарийин америкийин фи Ас-Саудийя (Заявление от имени Аль-Каиды, берущее ответственность за обстрел американских военных в Саудовской Аравии). – Elaph Publication, 3 июня 2004.

⁶⁰ Об обстоятельствах задержания А.аль-Халиди, Н.аль-Фахда и А.аль-Худейра см., в частности: Аль-Халиди аль-айд мин ат-такфир (Аль-Халиди отказывается от фетв об отлучении). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 14 декабря 2003; а также: Али аль-Худейр ятараджаа фи мукабала телевизийийя ан фатавахи ат-такфирийя (В ходе телевизионной передачи Али аль-Худейр отказывается от своих фетв по поводу отлучений). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 18 ноября 2003.

⁶¹ Выражение, использованное сайтом elaph.com. См.: Салис салюс шуюх ат-такфир – Аль-Халиди фи та-раджихи ал-мусир ли ат-тасаулят (Отречение третьего члена троицы шейхов-отлучителей Аль-Халиди вызывает вопросы). – Elaph Publication, 13 декабря 2003.

⁶² Прозвище (*кунья*) человека в арабском мире, обычно даваемое ему по имени его старшего сына. В данном случае – *отец Халеда*.

⁶³ Здесь и далее см.: Аль-Халиди аль-айд мин ат-такфир.

⁶⁴ Его перу принадлежат также «Преуспевание дела спрашивающего о самых важных делах», «Обнаружение и проявление основ религии», «Связки драгоценностей, избранные из объяснения нанизанных жемчужин в суждениях усопшей группы» и др. – Там же.

⁶⁵ Знатоков мусульманского права – *фихха*.

⁶⁶ Заявление эксперта Международного совета по исламскому *фихху*, члена комиссии развития положений шариата колледжа государственной безопасности им. короля Фахда д-ра М.ан-Нуджейми. – Ан-Нуджейми: наам лиль хи-

вар маа дуат ат-такфир ва аль-ирхабийин (Ан-Нуджейми: да диалогу с проповедниками отлучения и террористами). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 17 марта 2004.

⁶⁷ С. 1 и 7 Основного закона правления. – *Бен Баз А.А.* Ан-Низам ас-сиясий ва ад-дустурий лиль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Политическая и конституционная система Королевства Саудовская Аравия). Эр-Рияд, 2000. С. 264–265.

⁶⁸ Ст. 45 и 46 Основного закона правления. – Там же. С. 271.

⁶⁹ *Тумейм Д.А.* Суна аль-караар ас-сиясий фи Аль-Мамляка. Аль-Муассасат аш-шарийя (Принятие политического решения в Королевстве. Институты юридической власти). – Ас-Сияса аль-хариджийя лиль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя фи миат амм (Внешняя политика Королевства Саудовская Аравия за сто лет). Эр-Рияд, 1419 Х. С. 432.

⁷⁰ Здесь и далее Закон о судопроизводстве цит. по: *Бен Баз А.А.*, цит. произв. С. 279–299.

⁷¹ Более подробно эти вопросы рассматриваются в: *Косач Г.Г., Мелкумян Е.С.*, цит. произв. С. 180–194.

⁷² В саудовском официальном политическом дискурсе это выражение означает полную лояльность и подчинение подданных правящей династии.

⁷³ Достаточно сослаться, в частности, на опубликованную по-русски работу известного саудовского официального законоучителя Сулеймана ибн Абд ар-Рахмана аль-Хукейля: Аль-Хукейль С.А.-Р. Жизнь шейха Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба. М., 2003.

⁷⁴ Важный материал для понимания этого обстоятельства содержит изданный Советом муфтиев России сборник фетв саудовских имамов. См.: *Шангареев И.* (издатель). Ислам против терроризма. Фетвы имамов по вопросам, касающимся тяжких бедствий. М., 2003.

⁷⁵ Саудовские либералы считали, что его «признания» были «уклончивы», «нечетки» и представляли собой попытку «избежать признания в необходимости подчинения правительству». – Салис салюс шуух ат-такфир – аль-Халиди фи тараджихи ал-мусир ли ат-тасаулят.

⁷⁶ Здесь и далее см.: Аль-Худейр: тафджират Ар-Рияд саббабат аль-уайлят ва лясту мин аль-джихад ва ана барра минха (Аль-Худейр: взрывы в Эр-Рияде стали причиной бедствий, я не принадлежу к сторонникам джихада, я не виновен в этих взрывах). – Elaph Publication, 21 ноября 2003; Насер аль-Фахд сани аш-шахсыйят ат-такфирийя фи Ас-Саудийя юалян тараджуи ан фатава сабика (Насер аль-Фахд, второй саудовский «отлучитель» заявляет об отказе от своих прежних фетв). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 23 ноября 2003; а также: Салис салюс шуух ат-такфир – Аль-Халиди фи тараджихи ал-мусир ли ат-тасаулят.

⁷⁷ *Ушедише* – последователи первой религиозно-политической группы, возникшей еще в эпоху раннего ислама. Не согласившись с решением последнего *праведного халифа* Али ибн Абу Талиба принять мнение третьей-судебной при решении конфликта между ним и ставшим первым омейядским халифом Муавией, они в 657 г. покинули лагерь Али. Вели решительную борьбу как против Али, так и Муавии, увеличивая список собственных *шахидов*, к отмщению за которых они призывали. В современном офици-

альном саудовском политическом дискурсе *хариджиты* – синоним предателей законного правителя и террористов.

⁷⁸ Фи рисаля ваджахаха иля аль-мультака аль-фикахий аль-ахиль ас-саудий яду иля муваджахат аль-фатава аль-фардийя (Письмо, направленное саудовским монархом собранию факихов, призывает их выступить против личных фетв). – Elaph Publication, 14 декабря 2003.

⁷⁹ См., например, текст выступления министра исламских дел, вакфов, призыва и наставления шейха Салеха бен Абдель Азиза Ааль аш-Шейха 1 апреля 2004 г. перед имамами саудовских мечетей. – Аш-Шарк Аль-Аусат, 2 апреля 2004.

⁸⁰ Калима Хадим аль-Харамейн аш-Шарифейн фи ифтитах аамаль ас-сана ас-салиса ли Маджлис аш-Шура. 17 мая 2003 (Речь Хранителя Двух Благородных Святынь на открытии третьей сессии Консультативного совета. 17 мая 2003). Документ размещен на сайте саудовского министерства иностранных дел. – <http://www.mofa.gov.sa/>

⁸¹ Аль-Амир Абдалла: Маа аль-асаф гаррару би баад абнаина.

⁸² Муфти амм Ас-Саудийя: аль-фия ад-даля аль-муджрима фадахат ва ля яджзу ли ахад ат-тасатур алейха (Верховный муфтий Саудовской Аравии: заблудшая, преступная группа разоблачила себя, и отныне никто не может укрывать ее сторонников). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 23 апреля 2004.

⁸³ Фатва туатабар аль-ахдас аль-ирхабийя амран мухарраман (Фетва, заявляющая о том, что террористические акции являются запретным деянием). – Аш-Шарк Аль-Аусат, 5 июня 2004.

⁸⁴ Ан-Нуджейми: наам лиль хивар маа дуат ат-такфир ва аль-ирхабийин.

⁸⁵ Здесь и далее см.: «Элаф» табхус маа муфаккирин ва мусаккафин саудийин тараджуат Аль-Худейр («Элаф» обсуждает с саудовскими мыслителями и интеллигентами покаяние Аль-Худейра). – Elaph Publication, 19 ноября 2003.

**НОВАЯ ВРЕМЕННАЯ КОНСТИТУЦИЯ ИРАКА:
СТРУКТУРА, ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ОСОБЕННОСТИ**

Новая временная конституция Ирака была принята 8 марта 2004 г. Временным Управляющим Советом Ирака в качестве документа, который должен действовать в течение переходного периода.

Этот документ называется «Закон об управлении государством Ирак в переходный период» и закрепляет основные положения о порядке функционирования временных органов государственной власти, определяет полномочия переходных властей, провозглашает целый ряд важнейших прав граждан, а также обуславливает процедуру и сроки формирования нового правительства и парламента на основе постоянной конституции.

После принятия переходная конституция подверглась серьезной критике со стороны различных политических и религиозных деятелей Ирака. Так, например, аятолла Али Сисани потребовал, чтобы Совет Безопасности ООН убрал из своей последней резолюции по Ираку упоминание о конституции. Определенное беспокойство вызвало заявление премьер-министра Ирака Аяда Алауи о том, что продолжение насилия в Ираке может означать введение в некоторых районах страны законов военного времени, но «пока временная конституция будет служить основой для правовой системы страны». Такая формулировка вызвала беспокойство у курдов, которым эта конституция предоставляет существенные права. Кроме того, в конституции не содержится статей, устанавливающих механизм введения чрезвычайного положения и определяющих орган, обладающий этими полномочиями. Поэтому многие аналитики высказывают в настоящее время определенные сомнения в том, что в условиях крайне нестабильной ситуации временная конституция Ирака станет действенной основой иракской политической и правовой системы.

Сам текст временной конституции довольно лаконичен, он включает в себя 9 небольших глав и всего 62 статьи. Такой усеченный текст обычно нехарактерен даже для временных конституций, поскольку объективно многие важнейшие конституционные нормы не могут найти в нем должного отражения и закрепления.

Временная конституция провозглашается «Высшим законом государства», и ее действие распространяется на всю территорию Ирака. По порядку изменения временная конституция относится к

сверхжестким: дополнения в ее текст могут быть внесены только квалифицированным большинством в 3/4 всех членов Национальной Ассамблеи и с единогласного одобрения членов Президентского Совета. Кроме того, содержатся ограничения по существу самих вносимых поправок: не могут быть внесены поправки, которые каким-либо образом ограничивают закрепленные этой конституцией права и свободы иракского народа, переносят проведение выборов в Национальную Ассамблею на другой срок, ограничивают права территориальных единиц страны, исключены поправки в статьи конституции, касающиеся роли ислама и положения других конфессиональных общин.

Верховенство данной конституции в системе всех государственных актов и ее высшая юридическая сила закрепляется положением о том, что любые правовые акты, противоречащие нормам данной конституции, являются юридически ничтожными, т.е. не имеющими законной силы, и в таком качестве они не могут быть введены в действие и применяться в качестве официальных государственных документов. Однако, следует отметить, что текст временной конституции не устанавливает механизма объявления акта неконституционным и органа, обладающего подобными полномочиями.

Что же касается самой временной конституции, то ее действие прекращается только после формирования иракского правительства в соответствии с положениями новой постоянной конституции страны, т.е. после окончательного создания всей системы высших органов государственной власти Ирака, этапы которого достаточно четко закрепляет временная конституция.

Согласно ее положениям, переходный период начинается 30 июня 2004 г. образованием временного иракского правительства на основе временной конституции и заканчивается формированием национального иракского правительства на основе уже постоянной конституции, не позднее 31 декабря 2005 г. Таким образом, весь период построения новой государственной структуры Ирака, согласно временной конституции, должен занять по времени полтора года. Этот срок настолько жесткий, что вызывает определенные сомнения в возможности полной практической реализации разработанного конституционного графика институционализации нового иракского государственного режима.

Предполагаемый переходный период должен состоять из двух фаз. Первая фаза начинается с формирования суверенного временного иракского правительства, к которому переходят все основные властные функции (как известно, это произошло 28 июня 2004 г., на два дня раньше намеченного временной конституцией срока). Образование этого правительства должно было происходить на основе консультаций с различными группами иракского населения при участии действующей временной администрации и возможно после кон-

сультаций с ООН (хотя механизм консультаций с различными группами населения оставался довольно неясным).

Вторая фаза начнется после завершения формирования переходного иракского правительства и проведения выборов в Национальную Ассамблею (которые должны состояться не позднее 31 декабря 2004 г.) и закончится утверждением легитимного иракского правительства на основе уже постоянной конституции.

Избранная всеобщим голосованием иракских избирателей Национальная Ассамблея должна разработать проект постоянной конституции Ирака и она же будет нести ответственность за организацию всенародного обсуждения этого проекта «путем проведения собраний избирателей во всех районах Ирака с целью получения письменных предложений по обсуждаемому проекту». Значительная роль при обсуждении проекта постоянной конституции и получения предложений и поправок к представленному тексту отводится средствам массовой информации Ирака. При этом пока неясно, возможно ли представление альтернативных проектов конституции и каков диапазон принятия предлагаемых населением поправок и изменений.

После того, как Национальная Ассамблея окончательно подготовит проект постоянной конституции, он должен быть представлен на всенародный референдум, проведение которого планируется не позднее 15 октября 2005 г. До референдума проект конституции должен быть опубликован и широко обсуждаться населением Ирака. Конституция будет считаться утвержденной на референдуме, если она будет одобрена большинством в 2/3 участвовавших в референдуме, при условии, что в трех или более провинциях она не будет полностью отвергнута.

При этом конституция оставляет открытым вопрос о количественной явке избирателей, т.е. при каком числе участвовавших в референдуме избирателей он будет считаться легитимным и действительным. Ведь совершенно очевидно, что если к избирательным урнам придет меньше половины зарегистрированных избирателей, конституция в таком случае будет отражать волю меньшинства населения, даже при голосовании за нее 2/3 этого участвующего меньшинства избирателей.

Если постоянная конституция будет одобрена на референдуме, выборы в постоянную Национальную Ассамблею должны состояться не позднее 15 декабря 2005 г. и новое постоянное правительство приступит к выполнению своих функций 31 декабря 2005 г. Если проект постоянной конституции будет отвергнут на референдуме, то в этом случае должны быть назначены выборы в новую Национальную Ассамблею не позднее 15 декабря 2005 г. И новая Национальная Ассамблея, и новое переходное правительство будут продолжать функционировать на основе Временной конституции, а проект новой постоянной конституции тогда будет разработан в течение последующего года.

Временная конституция закрепляет республиканскую, федеративную, демократическую и плюралистическую форму государства, что, видимо, предполагает создание условий для деятельности официальной политической оппозиции.

Федеративное устройство, согласно конституции, будет основано на «географических и исторических принципах, а не на национальном, расовом, этническом или конфессиональном признаках». Иными словами, иракский федерализм, по мысли составителей временной конституции, должен строиться только по территориальному принципу без учета существующих национальных особенностей страны, как это принято в большинстве развитых зарубежных федераций, и, в первую очередь, в США.

Конституция закрепляет принцип гражданского контроля над вооруженными силами Ирака со стороны временного переходного правительства в соответствии с нормами «высшего закона государства». Специальная статья конституции определяет статус вооруженных сил, в соответствии с которым их основной целью является защита Ирака. Запрещается существование вооруженных сил или военизированных формирований, не находящихся под прямым контролем переходного правительства. Армии запрещено вмешиваться в политическую жизнь. Это означает полную деполитизацию иракской армии, запрещение ей устанавливать свой контроль над какими-либо сферами жизни гражданского общества, участвовать в политических партиях, выборных органах государственной власти, проводить политические акции и контролировать деятельность гражданской администрации.

Служба разведки должна также находиться под гражданским контролем и осуществлять свою деятельность в рамках закона и в соответствии с принципами защиты прав человека.

Конституция декларирует обязанность переходного правительства уважать и осуществлять на практике международные обязательства Ирака, запрещающие развитие, производство или использование ядерного и биологического оружия, а также соответствующего оборудования, материалов, технологий и т.д. То, что такая норма существует во временной конституции Ирака вполне объяснимо, поскольку это прямо коррелируется с требованиями администрации Буша и фактически является обоснованием для американского военного присутствия, но будут ли эти нормы в постоянной конституции страны, остается под вопросом, поскольку такие требования регулируются нормами международного права, и их охрана должна находиться под международным контролем, тем более, что в демократических странах действует примат международного права над внутригосударственным, и подобные конституционные ограничения могут трактоваться как покушение на суверенные права иракского государства.

Конституция провозглашает ислам официальной религией государства, при этом ислам определяется как «один из источников законодательства». Одновременно гарантируется весь объем различных прав и свобод, в том числе свобода религиозных верований и религиозной практики.

Интересно отметить, что конституция не упоминает о нормах шариата и их месте в законодательной системе и общественной жизни, как это предусмотрено в ряде других арабских конституций (Египта, например). Тем не менее, эта статья временной конституции несомненно имеет большое значение, поскольку затрагивает одну из главных основ иракской государственности – проблему официальной религии, государственной идеологии и пределов религиозной свободы, а исключение шариата в качестве основы законодательства подчеркивает в большей степени светский характер государства. Один из разработчиков иракской конституции Ной Фельдман отмечает, что «этот документ должен был полностью признать роль ислама в обществе и его совместимость с демократией», что является «совершенно новой мыслью для иракцев, которые убеждены, что демократия непременно должна быть светской»¹.

Характерно также, что временная конституция не содержит положений об органах государственной власти, действующих на основе ислама (которые существуют в других арабских республиках при главе государства в качестве совещательных органов и призваны рассматривать все принимаемые законы с точки зрения их соответствия исламским нормам). Разумеется, такая купюра ослабляет в будущем влияние ислама на иракский законодательный процесс, но одновременно может дать идеологическую поддержку тем силам в Ираке, которые выступают за большую степень исламского влияния на государственную жизнь страны.

Как правило, арабские республики опираются на исламское законодательство при решении вопросов бракосочетания, разводов, наследования, личных имущественных отношений и т.п., хотя и осуществляют это в различных формах и с различной степенью детализации. Временная конституция Ирака прямо не регулирует вопросы личного статуса человека и поэтому в ней остается открытой проблема воздействия норм ислама на частую жизнь личности, что предусмотрено конституциями и текущим законодательством других арабских стран.

Конституция провозглашает Ирак страной многонациональной, но арабский народ Ирака является «неразделимой нацией». В качестве официальных закреплены два языка – арабский и курдский, но конституцией гарантируется использование в образовательных учреждениях и других языков народов, проживающих на территории страны, хотя умалчивается о принципах их самоопределения и права на самостоятельное развитие в рамках единого государства (в конститу-

ции 1970 г. курдский язык считался официальным наряду с арабским только на территории Курдистана). Неясным остается и вопрос о соотношении территорий с компактно проживающими народами и отдельными субъектами федеративного государства.

Интересна глава вторая, закрепляющая основные конституционные права граждан. Конституция обязывает временное переходное правительство и все государственные органы на местах уважать конституционные права граждан. Следует отметить, что конституционная обязанность государственных органов Ирака уважать права граждан еще не означает их защиту и гарантию, поэтому эта норма, естественно, требует своей дальнейшей детализации и расширения.

Основные принципы гражданства устанавливают, что любой человек, имеющий иракскую национальность, может рассматриваться в качестве гражданина Ирака. Конституция запрещает лишать гражданина иракского гражданства и одновременно впервые вводит право на приобретение второго гражданства. Конституция разрешает иракцам, лишенным в предшествующий период своего гражданства по политическим, религиозным, расовым и другим мотивам ходатайствовать о его восстановлении. Все споры, касающиеся иракского гражданства, относятся к юрисдикции соответствующих судов. Основные нормы этого института носят, несомненно, демократичный характер и отвечают основным требованиям международных стандартов.

Конституция закрепляет принцип равенства всех иракцев при осуществлении их прав независимо от пола, вероисповедания, национальности, происхождения, а также равенство всех перед законом. Закрепляются и личные права, в том числе право на жизнь и личную свободу и безопасность. Никто не может быть лишен личных прав, в том числе на жизнь и свободу, без предварительной юридической процедуры и только по решению суда. Разумеется, введение в текст конституции процессуальных гарантий против возможных нарушений законности со стороны государственных структур – это прямая реакция на недавний режим полного игнорирования прав личности, тиранию и правовой беспредел прежнего иракского руководства.

Политические права граждан (право на свободу выражения мнений, печати, демонстраций, создания политических партий и т.д.) были закреплены и в старой конституции Ирака 1970 г. (ст.26); новая переходная конституция дополнительно вводит право на свободное передвижение по всем частям национальной территории и свободный выезд за границу (ранее право граждан на перемещение ограничивалось установленным законодательством). Особый упор при этом делается на право каждого на безопасность, образование и социальную защиту. Все государственные структуры в пределах своих возможностей обязаны обеспечивать благосостояние и перспективы занятости для населения. Запрещается рабство, работорговля, принудительный труд.

Что касается конституционных гарантий свободы личности, в том числе свободы от произвольного ареста, гарантии свободного и публичного слушания дел обвиняемых в судах, права на справедливый, скорый и публичный суд, права на защиту, запрет повторного осуждения за одно и то же преступление, введения презумпции невиновности, запрета пыток, жесткого и негуманного обращения с арестованными, то все эти положения содержались и в старой конституции (ст. 20–23), новым является положение о запрете привлечения гражданских лиц к суду военного трибунала.

Столь широко декларируемый и достаточно льготный правовой статус личности, закрепляемый временной конституцией, может создать предпосылки для формирования в Ираке основ гражданского общества с его многочисленными общественными и политическими организациями, в том числе и оппозиционной направленности, но при условии его реального осуществления.

Конституция провозглашает обязанностью каждого гражданина защиту общественной собственности. Гарантируется право частной собственности и ее защита, запрещается лишать кого-либо частной собственности, за исключением случаев, предусмотренных законом и о выплате справедливого вознаграждения.

Конституция запрещает владение, ношение или продажу оружия, за исключением специальных случаев, требующих обязательного лицензионного разрешения в соответствии с законом. Очевидно, что запрет свободного оборота оружия направлен на демилитаризацию населения страны, хотя процесс этот на практике может оказаться чрезвычайно сложным, поскольку преследует цель всеобщего разоружения населения и затрагивает проблему личной безопасности граждан.

Новым для Ирака является и введение демократических норм избирательного права для каждого иракца, обладающего этим правом в соответствии с законом: голосование является свободным и справедливым, проводится на альтернативной основе при установленной периодичности выборов. Запрещается осуществлять дискриминацию избирателей по каким-либо основаниям. (Как представляется, именно этот объем прав и свобод может создать базу для дальнейшего развития нового государственного режима управления).

Конституция закрепляет фактически новую для Ирака систему государственных органов. Прежде всего, конституция четко фиксирует принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, которые являются отдельными и независимыми друг от друга ветвями власти (ранее провозглашалась независимость только судебной власти), что больше соответствует принципам западной демократии, а не конституционному праву арабских стран с его традиционно доминирующей ролью главы государства и подчиненными ему исполнительной и законодательной властями.

Предполагаемая система государственных органов Ирака включает в себя Национальную ассамблею, Президентский Совет, Совет министров и судебную власть.

Конституция закрепляет обычные для правительства любой страны полномочия, вместе с тем (что также необычно для конституционного права арабских стран) вводит принцип несовместимости постов, поэтому любой функционер государственного аппарата, балотирующийся на какую-либо выборную должность, должен предварительно выйти в отставку с занимаемого им поста в установленной конституцией срок.

Это значит, что впервые в истории конституционного развития Ирака будет отсутствовать принцип совмещения постов членов руководящего правительственного звена и депутатов выборного органа законодательной власти. В принципе, такая система должна привести к созданию профессионального депутатского корпуса и введению системы действительного парламентаризма.

В течение переходного периода законодательная власть будет осуществляться Национальной Ассамблеей, которая будет избрана в соответствии с новым избирательным законом. Выборы должны состояться в период до 31 декабря 2004 г., но не позднее 31 января 2005 г. Конституция закрепляет численный состав депутатов в 275 человек. Вводятся определенные ограничения для членов распущенной баасистской партии, а также для бывших членов учреждений репрессивного характера; запрещается избирать в качестве депутатов представителей вооруженных сил. Это положение закрепляет намерение авторов конституции установить гражданский контроль за деятельностью вооруженных сил и претворить в жизнь принцип «армия – вне политики», принятый в большинстве развитых демократических государств, но традиционно не характерный для стран арабского региона.

Национальная Ассамблея обладает определенными полномочиями по осуществлению контроля за деятельностью правительства, хотя формы этого контроля выражены довольно нечетко и, видимо, требуют более детального конституционного регулирования.

В исполнительную ветвь власти входит Президентский Совет, Совет министров и премьер-министр. Во главе государства стоит Президентский Совет в составе президента страны и двух его заместителей. Президентский Совет выражает суверенитет страны и осуществляет высшее представительство Ирака. Президентский Совет избирается большинством в 2/3 голосов членов Национальной Ассамблеи. Любой из членов Президентского Совета может быть отстранен от должности большинством голосов членов Национальной Ассамблеи по основаниям некомпетентности или совершения преступлений. В случае возникновения вакансий в составе Президентского Совета Национальная Ассамблея большинством в 2/3 голосов заполняет вакансию. Президентский Совет принимает свои решения

единогласно и имеет право вето на законопроекты, принятые Национальной Ассамблеей, но это вето может быть преодолено 2/3 голосов членов Национальной Ассамблеи в течение 30 дней со дня его наложения. Фактически, в этом варианте конституция закрепляет парламентарную форму республики, но с коллективным президентским советом в качестве главы государства. Это также необычно для конституционного права арабских стран с его традиционно сильной единоличной властью президента.

Коллективное президентство, предусмотренное иракской конституцией, по всей видимости, временный орган, рассчитанный на применение только в начальный период становления нового конституционного строя. Возможно, исторические традиции и складывающаяся политическая практика приведут создателей постоянной конституции к учреждению поста единоличного главы государства в качестве президента республики. Вопрос, видимо, заключается еще и в том, что на данном этапе невозможно выделить приемлемую компромиссную фигуру из числа иракской политической элиты, которая реально смогла бы установить эффективную систему исполнительной власти и возглавить общее государственное управление Ираком, что, конечно, является вопросом времени и последующих политических комбинаций.

Президентский Совет обладает полномочиями предлагать единогласно кандидатуру премьер-министра, а по его рекомендации и членов Совета министров. Правительство должно получить вотум доверия большинства в 2/3 голосов Национальной Ассамблеи. Если в течение месяца премьер-министр не в состоянии сформировать правительство, Президентский Совет должен выдвинуть другую кандидатуру премьер-министра. Премьер-министр и правительство в целом несут ответственность перед Национальной Ассамблеей. Устанавливается индивидуальная и коллективная форма парламентской ответственности правительства. Национальная Ассамблея может выразить недоверие как отдельно премьер-министру, отдельным министрам, так и кабинету министров в целом.

В случае вынесения вотума недоверия премьер-министру, в отставку должен уйти не только он, но и весь состав правительства. Премьер-министр несет всю полноту ответственности за работу правительства. Совет министров имеет право законодательной инициативы. Министры вправе назначать своих заместителей и высших служащих своего министерства. Эти назначения должны быть одобрены Советом министров и утверждены Президентским Советом. А все решения самого Совета министров принимаются простым большинством присутствующих министров.

Из этих конституционных положений можно сделать вывод о том, что рассмотренная система высших органов государственной власти и управления пока напоминает парламентскую республику с решающей ролью представительного органа – избираемой Национальной

Ассамблеи. Трудно представить, как эта система будет действовать даже в переходный период, поскольку Ирак фактически никогда не знал системы ответственного правительства и относительно сильного парламента. Тем более, что такая схема не совсем вписывается в политическую практику даже развитых демократий, когда во взаимоотношениях «парламент-правительство» последнему все больше отводится решающая роль, а отсутствие в иракских условиях сильной президентской власти даже на переходный период может создать значительные трудности во всей системе государственного механизма.

Конституция устанавливает принцип независимости судебной власти. Запрещается вмешательство в отправление правосудия со стороны законодательной или исполнительной отраслей власти. Нормами конституции декларируется, что все судьи, находившиеся на своих должностях на 1 июля 2004 г. будут продолжать осуществление своих полномочий до тех пор, пока они не будут освобождены со своих постов в соответствии с законом.

Всю судебную систему возглавляет Верховный суд, председатель и члены которого назначаются Президентским Советом по рекомендации Высшего юридического Совета. Все судьи обладают иммунитетом, что должно гарантировать их независимость от какого-либо прямого влияния со стороны представителей других ветвей власти.

Специальная глава конституции посвящена территориальной организации государства. Федеральная система должна быть так организована, чтобы предотвратить возможности использования полномочий федерального правительства для продолжения политики тирании, как это имело место в период предыдущего режима. Система федерации, по утверждению авторов конституции, должна способствовать осуществлению местной автономии каждым регионом с тем, чтобы создать единый Ирак, в котором каждый гражданин мог бы участвовать в делах управления государством, имел бы гарантии осуществления своих прав и был свободен от чьего-либо господства.

Конституция признает в качестве официального курдское региональное правительство, существовавшее на 19 марта 2003 г. в курдских провинциях. Курдское региональное правительство включает в себя Национальную Ассамблею, Совет министров Курдистана и региональную судебную власть. Такая курдская властная структура будет и дальше продолжать осуществлять свои текущие функции и на переходный период, за исключением тех вопросов, которые в соответствии с этой конституцией находятся в исключительном ведении федерального правительства.

Правительство Курдистана будет продолжать осуществлять контроль за местной полицией и иметь право вводить налоги и обязательные платежи на территории Курдистана. По вопросам, входящим в исключительную компетенцию правительства Курдистана, местный законодательный орган может дополнять федеральный закон при

применении его на территории Курдистана, но это не может быть распространено на положения закона, относящиеся к исключительной компетенции федерального правительства.

Каждое губернаторство имеет право сформировать свой губернаторский Совет, а также муниципальные и местные советы. Федеральное правительство не может произвольно отстранить от своих постов членов губернаторских, муниципальных или местных советов.

Временная конституция Ирака является довольно своеобразным документом, основные положения которого носят демократический характер, хотя не совсем ясно, как эти положения будут действовать в современной нестабильной и милитаризованной внутренней ситуации в стране.

Практически сразу после принятия временной конституции в Ираке начались вспышки насилия, имеющие два основных очага: суннитский и шиитский. Оплотом суннитского очага является город Фаллуджа, где воюют бывшие баасисты, сторонники Саддама Хусейна, бывшие военнослужащие иракской армии, Республиканской гвардии и др., которые понимают, что в новой политической системе они больше не будут занимать лидирующих позиций и могут оказаться в положении конфессионального меньшинства. Больше всего сунниты, как считает отечественный исследователь Г.Мирский, не хотят формирования нового временного правительства, т.к. после этого они перестанут быть «привилегированной кастой»².

Для шиитов образование нового правительства и выборы в Национальную Ассамблею являются благоприятными событиями, т.к. в результате этого они могут сформировать свои органы власти. В городе Эн-Наджаф находится духовная академия шиитов и ее руководители – богословы, юристы, проповедники – составляют элиту шиитского общества (наиболее авторитетный из них – аятолла Али ас-Систани, живший в Иране в эмиграции и вернувшийся в Ирак). Они поддерживали инициативу американцев, направленную на создание новых органов государственного управления. Однако этой традиционной духовной корпорации шиитов фактически бросил вызов молодой лидер Муктада ас-Садр, сумевший создать «армию махди» и поднять мощное восстание против американцев.

Тем не менее, согласно новой временной конституции, 1 июня 2004 г. состоялись выборы главы иракского государства. При этом долгое время Временный Управляющий Совет Ирака (ВУСИ), американская гражданская администрация во главе с Полом Бремером и спецпредставитель Генерального секретаря ООН Лахдар Брахими не могли договориться о кандидатуре будущего главы государства (Временный совет настаивал на кандидатуре Гази аль-Явара, американцы и Лахдар Брахими поддерживали суннитского государственного деятеля³ Аднана Пачачи). Однако опытный политик Аднан Пачачи отка-

зался занимать предложенный ему пост в пользу 45-летнего Гази аль-Явара, который и был утвержден в этой должности.

Новый президент Ирака – суннит, представитель крупнейшего племени шамар, объединяющего не только суннитов, но и шиитов (он выходец из города Мосул и достаточно популярен среди представителей различных этнических и религиозных групп). Кроме того, он несколько лет работал в Саудовской Аравии, благодаря чему стал известен в регионе в целом. Гази аль-Явар довольно критично настроен в отношении американской политики в Ираке (хотя получил инженерное образование в США) и подвергал резкой критике американский проект резолюции о передаче власти в Ираке, выступая за предоставление иракскому правительству реальной полноты власти. Однако, можно предположить, что он не сможет сильно влиять на проводимую политику нового правительства, т.к. согласно конституции Ирак становится не президентской, а парламентской республикой, поэтому должность президента номинальная, а реальным политическим лидером становится премьер-министр.

Вице-президентами Ирака стали представители шиитов и курдов – Ибрагим Джаафари (один из лидеров шиитской организации «Ад-Дауа») и Родж Нури Шавес, который представляет Демократическую Партию Курдистана.

Последняя резолюция СБ ООН по Ираку (№ 1546) была единогласно принята 9 июня 2004 г. Совет Безопасности одобрил создание суверенного Временного правительства Ирака и прекращение существования Коалиционной Временной Администрации. Совет одобрил также график политического перехода Ирака к демократическому государственному управлению. Кроме формирования Временного правительства резолюция предусматривает созыв Национальной конференции, отражающей многообразие иракского общества.

Совет Безопасности отметил, что присутствие многонациональных сил (МНС) в Ираке осуществляется по просьбе приступающего к своим обязанностям Временного правительства Ирака. Совет постановил, что многонациональные силы уполномочены принимать все необходимые меры для содействия поддержанию безопасности и стабильности в стране. В рамках многонациональных сил будет создана отдельная структура с конкретной задачей обеспечения безопасности присутствия ООН в Ираке. Мандат МНС продлится до конца 2005 г., однако срок их пребывания может быть сокращен по просьбе Временного правительства Ирака, которое также может накладывать ограничения на отдельные силовые операции МНС в случаях, когда иракцы сочтут те или иные операции неприемлемыми. Таким образом, устанавливается своего рода гражданский контроль над многонациональными силами. Командующий этими силами будет регулярно отчитываться перед Советом Безопасности ООН и, при необходимости, в мандат данных сил могут быть внесены коррективы.

В резолюции изложена и роль ООН, которую она будет играть в создании новой конституции Ирака, оказания иракцам содействия в ее принятии и проведении на ее основе общенациональных выборов.

В формировании нового органа исполнительной власти принимали участие три стороны: Временный управляющий Совет Ирака, американская администрация Ирака и спецпредставитель ООН Лахдар Брахими. По завершении формирования временного правительства министерские портфели получили 26 иракцев, при этом около 200 американцев и британцев продолжают работу в качестве консультантов правительства.

На главный реальный государственный пост премьер-министра в Ираке был назначен представитель шиитской общины (составляющей около 60% населения страны). Однако было решено не предоставлять этот пост представителям двух крупнейших шиитских партий, соперничающих в борьбе за главенство в шиитской общине («Ад-Дауа» и Высший Совет исламской революции в Ираке). Главой переходного правительства Ирака стал 59-летний светский политик – Айяд Алауи⁴, крупный деятель антисаддамовской оппозиции, член бывшего Временного управляющего Совета Ирака. В своей речи по случаю назначения на должность премьера Айяд Алави высказался за подлинное единство всех национальных сил и против политики мести в отношении людей, служивших прежнему режиму⁵. Вице-премьером стал курд Бархам Салих, который представляет Патриотический Союз Курдистана.

Важно отметить, что в первое переходное иракское правительство были назначены сразу 5 женщин, которые возглавят министерство труда, министерство сельского хозяйства, министерство по делам общественных работ, министерство по делам иммиграции и беженцев; кроме того, специально было создано совершенно новое министерство – по делам женщин. На важную должность министра обороны был назначен суннит (Хазем Шалан), министром иностранных дел стал курд (Хошияр Зибари), министром финансов – представитель шиитской организации «Высший Совет исламской революции в Ираке» Адиль Абдель Махди. Таким образом, можно говорить о сохранении принципа этноконфессиональной пропорциональности при распределении не только высших государственных должностей, но и министерских портфелей.

Передача власти от американской оккупационной администрации переходному иракскому правительству состоялась досрочно, 28 июня 2004 г., на два дня раньше запланированного срока. Глава американской администрации Пол Бремер передал свои полномочия премьер-министру Ирака Айяду Алауи в ходе церемонии в т.н. зеленой зоне Багдада.

Однако остается вопрос, станет ли правительство и новое руководство Ирака (многие представители которого – бывшие эмигранты) действительно самостоятельным органом государственной власти

или останется ширмой, прикрывающей американское правление. Ближайшее будущее покажет, как это правительство справляется с поставленной перед ним сложнейшей задачей, а именно: подготовкой выборов, принятием постоянной конституции и созданием конституционных органов власти в Ираке. Этому, как представляется, должно в значительной степени содействовать положение резолюции СБ ООН о том, что контрольные функции возлагаются на эту организацию, а не на оккупационную администрацию.

¹ Кто написал Конституцию Ирака? / <http://vlasti.net/index.php/screen.news>

² Третья сила управляет антиамериканским восстанием в Ираке / Московский комсомолец, 13 апреля 2004 г.

³ Аднан Пачачи – бывший министр иностранных дел и представитель Ирака в ООН, долгое время проживал в эмиграции в ОАЭ.

⁴ Айяд Алауи – врач по профессии, в 60-е годы был активистом партии Баас, затем перешел в оппозицию режиму и эмигрировал в Великобританию. В 1991 г. создал оппозиционное режиму Саддама Хусейна движение Иракское Национальное Соглашение, объединяющее бывших иракских военных и сотрудников спецслужб.

⁵ <http://www.mn.ru/>

**РОССИЙСКИЕ КОМПАНИИ
В НЕФТЕГАЗОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ ИРАКА, ИРАНА И ЛИВИИ**

С установлением суверенитета над нефтяными и газовыми ресурсами и началом их разработки национальными компаниями Ирака, Ирана и Ливии в 50–70-е годы XX в. советские структуры выступили партнерами последних в области разработки месторождений углеводородного сырья. Основные объемы сотрудничества приходились на Ирак, который осуществлял широкомасштабные закупки советского оружия, оплачивая их либо за счет доходов от экспорта нефти, либо прямыми ее поставками советским внешнеторговым организациям. Отдельные нефтяные объекты сооружались и в других странах региона в виде добывающих мощностей, нефтеперерабатывающих заводов, нефтепроводов. Советские организации вели также разведку месторождений углеводородного сырья, участвовали в экспортных операциях, в подготовке национальных кадров нефтяников и т.д. Однако в целом масштабы сотрудничества в этой области носили ограниченный характер и по ряду направлений не отвечали потенциальным возможностям партнеров. Наиболее эффективная и перспективная форма сотрудничества – прямые инвестиции даже в высокодоходные отрасли в тот период рассматривались в СССР как неприемлемые по идеологическим мотивам. Кроме того, экспортеры углеводородов объективно выступали в качестве конкурентов на мировом рынке энергоресурсов. Эти обстоятельства, а также относительно невысокий уровень отечественных технологий и значительные трудности с обеспечением собственной быстрорастущей добывающей промышленности необходимыми машинами и оборудованием существенно ограничивали деловые связи со странами Ближнего и Среднего Востока в нефтегазовой сфере.

Уже в 80-е, но в основном в 90-е годы ситуация начинает меняться¹. Постсоветская Россия продолжила после распада СССР курс на деловое партнерство с Ираком и Ливией. Этому, а также расширению участия российских нефтегазовых и подрядных компаний в разработке углеводородного сырья в Иране в сильной мере способствовали те трудности, с которыми упомянутые страны столкнулись вследствие установления санкций ООН, а также Соединенными Штатами. Кроме того, такое сотрудничество активно стимулировалось теми российскими структурами, которые были связаны с перспекти-

вами получения от Ирака и Ливии многомиллиардных долгов бывшему СССР. Разумеется, для СССР, а затем и России сильнейшим стимулом к развитию партнерских связей в нефтегазовой отрасли являлось наличие во всех трех странах огромных, мирового значения запасов нефти и газа. По суммарным показателям запасов жидких и газообразных углеводородов Ирак и Иран входят в ведущую пятерку, Ливия – в десятку государств мира.

Далеко не последним стимулом в процессе развития партнерства выступило становление в России в 90-е годы негосударственных нефтегазовых компаний, в которых, однако, государство имело либо значительную долю, либо контрольный пакет. Стратегия их развития строилась на учете мирового опыта, который свидетельствовал в пользу зарубежных инвестиций в разработку нефтегазовых ресурсов – таким образом, они получали не только возможность косвенно или прямо контролировать конкурирующую деятельность крупных мировых производителей энергоресурсов, но и основу для координации нефтегазовой политики на мировом рынке. Не последнюю роль играли и такие мотивы, как получение сравнительно высоких доходов от вложенных собственных средств, географическая близость, долгосрочный характер возможного сотрудничества, некоторые другие факторы.

Особенно перспективным представляется сотрудничество российских компаний с Ираном и Ираком. Однако в полной мере реализовать его возможности можно лишь при условии снятия международных санкций и оздоровления международного климата в регионе Ближнего и Среднего Востока.

ННК Ливии в конце 90-х годов вела переговоры с иностранными компаниями о разработке 16 блоков по всей территории страны, перспективных на обнаружение энергосырья. Среди этих компаний была российская ЮКОС, которая в феврале 1998 г. направила своих экспертов в Ливию для переговоров. Другие российские компании, включая ЛУКОЙЛ и Зарубежнефть, также проявили интерес к предстоящим операциям по разведке и добыче².

В конце 90-х годов – начале XXI в. российские нефтяные компании, как и прежде, имели хорошие шансы на деятельное участие в разработке иракских месторождений нефти. Из 4 гигантских месторождений, разработку которых предполагалось начать сразу после отмены международных санкций, одно предназначалось россиянам – Западная Курна, объем запасов которого оценивался в 16 млрд. барр. Иракская нефтяная Южная компания в конце 1998 г. уже начала добычу на месторождении Западная Курна, опираясь на сотрудничество с российскими компаниями (имевшее место до введения международных санкций), и к апрелю 1999 г. добыча здесь составила 40 тыс. барр. в день. Ее предполагалось быстро наращивать, доведя к 2000 г. до 200 тыс. барр. в день. Здесь еще с 1987 г. действовал советский «Технопром-экспорт». До приостановки работ из-за войны в Персидском заливе и

трансформации Советского Союза были пробурены 200 скважин и сооружены две дегазаторные станции. Соглашение с «ЛУКОЙЛом», возглавлявшим консорциум из нескольких российских компаний, об участии в развитии нефтепромысла было подписано еще в 1997 г. Оно предусматривало инвестиции в объеме 3,8 млрд. долл. и было рассчитано на 23 года. Согласно проекту, добычу намечалось поднять до 600 тыс. барр. в день. В рамках консорциума «ЛУКОЙЛ» имел 52,5% акций, «Зарубежнефть» и «Машинопорт» – по 11,25% и Иракская государственная компания – 25%. Работа над проектом, начавшаяся до отмены международных санкций, включала поиск необходимых финансовых средств, подготовку тендерных документов на приобретение необходимого оборудования и проведение геологических и технологических исследований. То оборудование, на которое не распространялись санкции, предполагалось поставить Ираку для начала работ в районе добычи, хотя компаниям для этого необходимо было получить лицензию от Комитета по санкциям на его импорт. Однако начало работ российскими компаниями затягивалось, что вызывало критику со стороны иракской стороны, которая заявила, что, если в соответствующие сроки российскими партнерами работы не будут начаты, соглашение будет пересмотрено³. Впрочем, упреки не имели под собой достаточных оснований, поскольку российская сторона придерживалась общих «правил игры», которые допускали ведение переговоров и подготовку, согласование условий контрактов и даже их подписание, но не обустройство месторождений и их промышленную эксплуатацию до снятия санкций. В условиях их сохранения иностранные (нероссийские) компании отстранились от участия в промышленном освоении месторождений. Тем не менее, по сообщению «Arab Oil and Gas Directory. 1999» со ссылкой на официального иракского представителя, необходимое оборудование иракская сторона получила от российского «Технопромэкспорта», несмотря на то, что санкции ООН оставались в силе. По сообщениям печати, в 1998 г. Иракская южная нефтяная компания начала работы по освоению месторождения Западная Курна собственными силами.

Западная Курна является, по оценке экспертов, первым из нескольких нефтяных полей, которые Ирак был намерен интенсивно разрабатывать уже с 2000 г. Предполагаемая стоимость должна была составить 15 млрд. долл. (что, видимо, соответствовало объявленной себестоимости добываемой нефти в этом районе в 1 долл. за барр.)⁴. К концу 2000 г. намечалось поднять добычу до 3 млн. барр. в день против 2,5 млн. в конце 1998 г. При этом Ирак не намерен был ждать, пока будут сняты санкции. Это стало возможным, поскольку Ирак получил разрешение каждые полгода закупать оборудование и запчасти на сумму в 300 млн. долл. по программе «нефть в обмен на продовольствие и медикаменты».

В рамках такого подхода намечалось дать импульс развитию и других полей. Поскольку санкции были введены в 1991 г., Ирак имел

лишь ограниченные возможности разрабатывать другие месторождения. Поэтому, помимо Западной Курны, было введено в эксплуатацию только одно месторождение – Хаббаз в провинции эль-Тамим (1994 г., 20 тыс. барр. в день с перспективой поднять уровень до 30 тыс.).

Наряду с «Технопромэкспортом», «ЛУКОЙЛом» и ЮКОСОМ, в Ираке во второй половине 90-х годов, когда вступила в действие программа ООН «нефть в обмен на медикаменты и продовольствие», действовали и другие российские компании. «Зарубежнефть», «Машиноимпорт» и «Зангаз», велись торги за получение подрядов на освоение нефтяных полей месторождения Западная Курна. Всего иракские власти готовились в конце 90-х годов предложить 8 полей иностранным компаниям для разработки, что должно было увеличить ежедневный объем добычи в стране на 1085 тыс. барр. Общая стоимость освоения оценивалась в 2,24 млрд. долл. Первая фаза предполагала увеличить добычу до 200 тыс. барр. с объемом затрат в 380 млн. долл. «Башнефть» и «Татнефть» вели переговоры о получении контракта на проект развития первой фазы разработки месторождения Западная Курна, который предусматривал оснащение оборудованием, необходимым для добычи 65 тыс. барр. в день высококачественной нефти. Российский «Машиноимпорт» выиграл контракт на развитие месторождения Северная Румейла – Мишриф. Предполагаемые затраты оценивались в 160 млн. долл., добыча – 250 тыс. барр. в день. Намечалось завершить реализацию проекта к 2000 г., однако сохранение санкций против Ирака также ставило под вопрос согласованные между партнерами сроки. «ЛУКОЙЛ», Зарубежнефть и «Татнефть» также боролись за контракт на поставку и установку оборудования для закачки в нефтяные пласты воды.

В Южной Румейле – другом гигантском месторождении – требовалось 850 млн. долл. для дальнейшего развития добычи на полях Верхний Шел и Мишриф, где можно добывать 710 тыс. барр. в день. «Татнефть» и другие российские компании участвовали в торгах по проекту, предусматривавшему увеличение добычи на 250 тыс. барр. Группа российских компаний, лидером которой выступил «Машиноимпорт», вела также борьбу за контракты на месторождения Эш-Шубба и Лухайс, находящиеся на юге страны близ г.Басра. Намечаемые затраты оценивались в 200 млн. долл., объем добычи – 100 тыс. барр. Впоследствии Иракская Южная нефтяная компания взяла на себя реализацию проекта по месторождению Лухайс.

Во второй половине 90-х годов в Иране появилась информация о намерении соорудить на побережье Каспийского моря нефтеперерабатывающий завод мощностью 200 тыс. барр. в день. Последний, как и некоторые другие предприятия, расположенные в северной части Ирана, работал бы частично на сырье, получаемом из Туркменистана, Казахстана и Азербайджана, импорт которого Ираном предполагалось довести до 1,6 млн. барр. в день. Всего на северных заводах

намечалось перерабатывать до 800 тыс. барр. в день. Иран планировал в начале XXI в. реализацию и других проектов в нефтегазовой сфере, которые предполагали участие бывших советских среднеазиатских и закавказских республик.

В ноябре 1997 г. российские компании подписали контракт на сооружение нефтехимического комплекса в Чахбахаре, а также нефте-и газопровода в свободную зону и из нее.

Российское участие также значительно в разработке богатейших газовых ресурсов Ирана. С российским участием проводится реализация крупнейшего газового проекта страны – Южного Парса, где сосредоточено 9,1 трлн. куб. м этого энергоносителя, являющегося продолжением Катарского северного газового месторождения. Консорциум в составе французской Тоталь (40%), Газпрома (30%) и Петронас (30%) подписал контракт стоимостью 2 млрд. долл. на реализацию 2-й и 3-й фаз проекта Южный Парс в сентябре 1997 г. Его осуществление позволило добывать в 2001 г. 56 млн. куб. м газа в день. Стоимость контракта – 2 млрд. долл. В конце XX – начале XXI вв. реализовывались также планы по подготовке и дальнейшей разработки месторождения (фазы 4–10). Предполагалось, что в общей сложности иностранные компании, входящие в консорциум, для компенсации затрат и получения соответствующей прибыли будут получать 80 тыс. барр. конденсата в день в течение 7 лет. По имеющимся сообщениям, прибыль только Тоталь должна составить 18%. Вероятно, Газпром получит примерно такой же процент на вложенный капитал.

Консорциум, возглавляемый Шелл и Газпромом, в конце 90-х годов стремился добиться контракта на разработку фаз 4 и 5 на месторождении Южный Парс, который предполагал добычу 2,0–2,4 трлн. куб. м. Российская компания провела в начале 1999 г. исследование на реализацию проекта совместно с двумя партнерами стоимостью 1,5 млрд. долл. Газ, добываемый в рамках реализации фаз 4–8, в основном предназначается для экспорта. Осуществление этой очереди будет, по мнению экспертов, связано с долгосрочными поставками оборудования, что особенно привлекает российскую сторону. Основное экспортное направление – Турция, которая подписала контракт о поставках газа в объеме 10 млрд. куб. м в год, начиная с 2005 г. Ранее предполагалось, что часть экспорта пойдет в Пакистан, но ухудшение отношений между Ираном и Пакистаном поставило под вопрос возможность подписания контракта, и намерения были отложены на неопределенное время. Кроме того, в Пакистане было найдено собственное месторождение и началось его освоение.

Наряду с участием в разработке газового месторождения Южный Парс, Газпром участвует и в других проектах. В частности, в декабре 1997 г. российская компания подписала меморандум о взаимопонимании с ИННК о сооружении газохранилища в окрестностях Тегерана объемом в 2 млрд. куб. м.

Быстрое развитие нефтегазовой отрасли в Иране, особенно его газовой составляющей, такой же стремительный рост кооперационных связей с южными республиками бывшего Советского Союза предполагает налаживание устойчивого и масштабного сотрудничества между соответствующими российскими и иранскими деловыми структурами, в том числе и в интересах предотвращения конкуренции, повышения эффективности деятельности каждой из сторон.

Анализ состояния и развития делового партнерства российских нефтегазовых компаний с национальными компаниями Ирака, Ирана и Ливии на рубеже XX – XXI вв. позволяет прийти к выводу о том, что российские нефтегазовые и другие коммерческие структуры имеют уникальные возможности по налаживанию высокоэффективного партнерства в различных сегментах нефтегазового хозяйства Ирана и Ирака. Это касается практически всех основных видов хозяйственной деятельности в этой отрасли – разведки и добычи, развития сети трубопроводов, как промышленного, так и бытового секторов, сооружения морских терминалов.

Учитывая мировой опыт, а также продолжительность и масштабы эксплуатации в названных странах открытых в 50–70-е годы месторождений жидких углеводородов, необходимо отметить следующее. Во-первых, для всех этих стран актуальным является постепенное усиление внимания к разработке исчерпанных (извлекаемые запасы) или близких к исчерпанию месторождений нефти на основе использования новейших технологий по извлечению остаточной нефти. Особенно это актуально для Ливии⁵. Поэтому возрастает важность и значение такого аспекта в сотрудничестве российских компаний, как активное использование современных технологий добычи и транспортировки углеводородов. Во-вторых, все больший упор в нефтяной политике и, соответственно, в сотрудничестве с РФ, вероятно, будет делаться на разработку месторождений природного газа и повышение степени утилизации попутного газа. Это вызвано рядом взаимосвязанных факторов – возрастающей заинтересованностью государств в увеличении экспортных поступлений и развитии различных отраслей национальных экономик на базе добычи и переработки газа, высокой степенью заинтересованности в укреплении имиджа государства как владельца масштабных мирового значения запасов углеводородов и крупного их экспортера, увеличении доли газа в энергетическом балансе и его хозяйственного значения в целом, его более высокой, чем у нефти экологической чистоты. Последнее, в частности, важно в свете высокой и все возрастающей доли Европы в потреблении газа из стран Северной Африки и Ближнего Востока, ужесточении экологических стандартов в отношении потребляемых энергоресурсов.

Экономические связи последнего десятилетия, когда крупнейшие экспортеры углеводородов заметно диверсифицируют свои партнерские связи с иностранными компаниями, действующими в различных

секторах нефтегазового хозяйства (в отдельных странах Ближнего и Среднего Востока их число достигает 40–60 компаний), а также постепенное вовлечение в эту область местных частных компаний, подсказывают, что российским коммерческим структурам следует готовиться к ужесточению конкурентной борьбы на всех стадиях подготовки и заключения контрактов. Кроме того, в условиях почти десятилетнего действия международных санкций многие мировые нефтяные гиганты намерены настойчиво бороться за свою долю в дележе, особенно, если учесть масштабы предлагаемых проектов в Ираке и Иране, обладающих крупнейшими после Саудовской Аравии и России мировыми запасами нефти и газа. Эти и другие обстоятельства требуют от российских нефтегазовых компаний в XXI в. выработки новой стратегии действий на нефтегазовой «площадке» ближневосточного региона. Несмотря на наличие объективно разного потенциала, целей и методов хозяйствования, российским структурам необходима большая степень координации своих действий. Впрочем, это уже имеет место с конца 90-х годов, когда под эгидой одного из неоспоримых лидеров в этой отрасли – «Газпрома» действовали консорциумы, включавшие ряд российских компаний, в том числе регионального значения.

Учитывая масштабы отдельных проектов, капитальные затраты по которым достигают нескольких миллиардов долларов, представляется полезным также участие российских компаний в международных консорциумах, что требует высоких управленческих, финансовых и других стандартов. В частности, такое участие положило начало деятельности «Газпрома» в разработке гигантских газовых месторождений в Иране.

Ситуация, складывающаяся вокруг Ирака после падения режима С.Хусейна, сохранение напряженности в отношениях между Ираном и США, а также США и Ливией (несмотря на определенные тенденции к их восстановлению после отмены санкций СБ ООН и отказа Триполи от реализации программ по производству ОМП – оружия массового поражения) оказывают негативное влияние в целом и на некоторые области сотрудничества России и стран региона в нефтегазовой сфере, в частности. Особенно это относится к деятельности российских компаний в Ираке. Однако, несмотря на имеющиеся проблемы, последние располагают значительным потенциалом для развития делового партнерства и довольно высокими шансами на его успешную реализацию.

¹ Нефть России. Ноябрь 1999 г.

² Arab Oil and Gas Directory, 1999, с. 252.

³ Iraqi Oil Ministry. Oil and Gas Industry in Iraq. Present Situation and Development Projects. Baghdad. 1998.

⁴ Континент. М., № 3, 14–27.02.2001.

⁵ Ведомости. М., 19.01.2000 г.

ЕГИПЕТ: СВОБОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ КАК ФАКТОР УСКОРЕНИЯ РАЗВИТИЯ

Свободные экономические зоны (СЭЗ), иначе называемые зонами свободной торговли, становятся характерным элементом развивающейся экономики в эпоху глобализации. Главная польза, которую они приносят, – это расширение промышленного производства на экспорт с его модернизацией и увеличением численности рабочих мест, увеличение возможностей привлечения прямых инвестиций и передовой технологии. Свободные экономические зоны – это часть территории государства, где действует принцип таможенной экстерриториальности. Основная часть СЭЗ развивающихся стран расположена в Азии, где есть морские порты и развитые транспортные сети. Теоретически они являются средством расширения экспорта. На практике функции многих из них ограничены складированием и перевалкой товаров в режиме транзитной торговли.

Численность СЭЗ во всем мире возросла со 176 в 1986 г. до 500 в 1995 г. и 3 тыс. в 2002 г., а число стран, в которых они расположены, – соответственно с 47 до 73 и 116¹.

Первые СЭЗ в Египте были учреждены в 1902 г. по соглашению между правительством Египта и Компанией Суэцкого канала. В 1952 г. был издан закон № 306 о СЭЗ в Египте. Положение СЭЗ регулируется также законами № 66 от 1963, 51 от 1966, 65 от 1971, 43 от 1974, 32 от 1977, 230 от 1989 и 83 от 2002 г. Главное назначение СЭЗ в Египте – активизация экспорта, привлечение иностранных инвестиций, внедрение передовой технологии, создание новых рабочих мест.

Египетские СЭЗ входят в госсектор. Их семь и расположены они в городах Америя (пригород Александрии, Наср Сити (Каир), Порт Сайд, Суэц Исмаилия, Думьят и 6 октября. Кроме того, имеется так называемая специальная СЭЗ, включающая морской порт Айн Сохна на Красном море².

Географическое распределение экспорта из СЭЗ Египта характеризуется следующими цифрами (%%)³:

	1998 г.	2001 г.	2003 г.
Арабские страны	8,9	8,3	6,4
Западная Европа	7,8	28,2	29,4
Африка и Западная Азия	1,0	1,7	1,8
Америка и АСЕАН	7,1	12,3	16,0

	1998 г.	2001 г.	2003 г.
Поставки на местный рынок	66,5	46,3	43,1
Другие направления	8,7	3,2	3,3
Всего	100,0	100,0	100,0

Согласно этим данным, основная часть продукции египетских СЭЗ реализуется на внутреннем рынке, хотя эта доля сокращается. Главные направления экспорта из СЭЗ – страны Европы, причем с 1998 по 2003 гг. доля экспорта в этом направлении возросла почти вчетверо. Более, чем вдвое увеличилась доля экспорта в Америку и страны АСЕАН.

Торговый баланс СЭЗ Египта с внешним миром пассивен, хотя дефицит с 1997 г. по 2003 г. существенно снизился – с 640 млн. до 278 млн. долл. Улучшение торгового баланса СЭЗ объясняется резким увеличением экспорта за указанный период с 382 млн. до 1376 млн. долл. и значительно меньшим ростом импорта с 1028 млн. до 1652 млн. долл. Если исключить из внешнеторгового оборота нефть и нефтепродукты, то удельный вес египетских СЭЗ в экспорте страны возрос за указанный период почти вчетверо – с 7,1 до 27,2%, а в импорте в СЭЗ – только вдвое – с 6,6 до 13,22%⁴.

С течением времени изменялись источники привлечения инвестиций в СЭЗ. В 80-х годах первое места занимал капитал из арабских стран, далее следовал египетский капитал и затем иностранный неарабский капитал. К 2003 г. египетский капитал вышел на первое место (74%), иностранный неарабский – на второе (14%) и инвестиции арабских стран – на третье (12%). В результате этих изменений доля египетского капитала в инвестициях в СЭЗ возросла с 1985 г. до 2003 г. вдвое – с 37 до 74%, а доля арабского капитала уменьшилась более чем втрое – с 39 до 12%. Удельный вес иностранных неарабских инвестиций сократился несколько менее, чем вдвое – с 24 до 14%⁵. Таким образом, египетские СЭЗ во все большей степени переходят на национальное самообеспечение, что говорит о повышении интереса египетского государства к этой форме внешних экономических связей. Значительное уменьшение процентной доли поступлений в СЭЗ иностранных инвестиций можно отчасти объяснить ростом численности СЭЗ во всем мире и увеличением конкуренции между ними в области привлечения иностранных капиталовложений. Позиции египетских СЭЗ в этой области сравнительно слабые.

Капитализация предприятий египетских СЭЗ по отраслям хозяйствования за последний период существенно изменилась (%%)⁶:

	1985 г.	2003 г.
Складирование	18	8
Услуги	63	20
Промышленность	19	72
Сельское хозяйство	0	0
Итого	100	100

Более, чем вдвое сократился размер капитала, вложенного в складирование, и более, чем втрое – в сферу услуг. В 1985 г., когда процесс создание сети СЭЗ находился на начальной стадии, ощущалась нехватка средств, и операции сосредоточились на отраслях, требующих наименьших расходов и обеспечивающих более быстрый оборот капитала. С течением времени лидерство перешло к предприятиям перерабатывающей промышленности, продукция которых во все большей степени направлялась на экспорт. Доля промышленных предприятий в числе всех заведений, находившихся в СЭЗ, возросла с 22% в середине 1985 г. до 51% в середине 2003 г. Однако доля промышленных предприятий в египетских СЭЗ еще очень далека от показателей по Южной Корее и Тайваню, где они приближаются к 100%. На середину 2003 г. высокие технологии в той или иной степени были внедрены на 132 предприятиях египетских СЭЗ, что составило 34% из общего числа находящихся в них предприятий. Среди остальных предприятий, где использование передовых технологий и квалифицированной рабочей силы сравнительно невелико, 99 предприятий относятся к текстильной, 33 к пищевой и 89 к химической промышленности⁷.

С 1985 по 2002 гг. удельный вес предприятий в свободных зонах в численности всех египетских предприятий постоянно возрастал и к концу периода увеличился с 9,1 до 12,4%, а доля занятых на них в общем числе занятых – с 0,15 до 0,6%⁸. В следующем году, однако, эти показатели несколько снизились благодаря более быстрому росту числа предприятий и занятости в районах, не входящих в свободные экономические зоны.

СЭЗ в Египте пока не оказывают заметного положительного влияния на платежный баланс страны, поскольку высокой степени ориентации производства на экспорт достичь пока не удалось. СЭЗ не достигли также достаточных успехов в привлечении местного и иностранного капитала. Возможности увеличения занятости в СЭЗ все еще невелики. Это можно объяснить тем, что производство в них еще в недостаточной мере ориентировано на экспорт. Далее, египетское законодательство не предусматривает льгот при инвестировании в свободные зоны. Кроме СЭЗ в городе 6 октября свободные зоны не специализированы и вмещают складские, сервисные, промышленные и другие предприятия, что лишает их преимуществ, вытекающих из специализации. Наконец, растущее число СЭЗ в других странах увеличивает конкуренцию в отношении египетских СЭЗ, к которой последние недостаточно подготовлены. Это видно из сопоставления данных по Египту и другим странам.

Данные таблицы свидетельствуют об относительной неразвитости внешней торговли Египта по сравнению со сходными по экономическим структурам странами МЕНА и особенно АСЕАН, представленными в таблице Малайзией и Филиппинами. Доля внешнеторгового

оборота к ВВП в Египте самая низкая из приведенных в таблице данных – 41,6%, тогда как в Тунисе она равна 94,2%, в Иордании – 116,7% и в Малайзии – 207,1%. Высокий показатель по Иордании можно отнести за счет развития транзитной торговли, в чем СЭЗ Египта также могут играть существенную роль, особенно при наличии в них морских портов.

**Удельный вес различных видов экспорта в 2002 г.
в ряде стран МЕНА и АСЕАН (%%)⁹**

	Внешняя торговля к ВВП	Товарный экспорт к ВВП	Экспорт товаров и услуг к ВВП	Экспорт товаров на душу населения (долл.)	Экспорт услуг на душу населения (долл.)
Египет	41,6	7,9	16,2	100,0	230,8
Марокко	64,5	20,5	29,9	258,0	369,1
Тунис	94,2	32,3	44,3	699,7	973,4
Иордания	116,7	27,1	45,1	485,0	806,2
Турция	60,0	28,8	28,8	490,2	784,6
Малайзия	207,1	98,3	113,8	3850,0	4458,0
Филиппины	98,2	44,6	48,9	430,3	468,6

О неразвитости товарного экспорта в Египте по сравнению с экспортом услуг (туризм, Суэцкий канал и др.) говорит тот факт, что среди приведенных в таблице стран соотношение экспорта товаров с экспортом услуг у Египта наименьшее (43%). По Марокко этот показатель равен 70%, по Тунису – 72%, по Иордании – 72% и по Малайзии – 86%¹⁰. Свободные зоны могут помочь Египту уменьшить отставание товарного экспорта от экспорта услуг, а также сократить разницу в сумме экспорта на душу населения по сравнению с другими странами со сходным уровнем экономического развития. Вместе с тем, в Египте надеются, что спустя определенное время с привлечением прямых инвестиций и освоением новых рынков египетские СЭЗ более приблизятся к мировому уровню. Ставится целью сбывать половину продукции на зарубежных рынках; ограничить производство каждой СЭЗ каким-то определенным видом продукции; осваивать зарубежный опыт, особенно Южной Кореи и Китая; поощрять иностранные компании создавать свои филиалы в египетских СЭЗ.

Большое значение для Египта приобретает участие в свободных экономических зонах, организованных совместно с другими зарубежными государствами. На первое место следует поставить участие Египта в Европейско-средиземноморском партнерства (ЕСП) в составе стран ЕС и его 12 средиземноморских партнеров, в число которых входят 8 арабских государств (Алжир, Египет, Иордания, Ливия, Си-

рия, Марокко, Тунис и Палестинская автономия), а также Турция и Израиль. В 2004 г. ожидается вступление в ЕСП Кипра и Мальты.

Торгово-экономические отношения ЕС с большинством средиземноморских стран развиваются в рамках ЕС на базе двусторонних соглашений об ассоциации, которые заменили заключенные в 70-е годы соглашения о сотрудничестве. Соглашения об ассоциации предусматривают установление политического и экономического диалога между сторонами, создание СЭЗ, развитие финансового сотрудничества¹¹.

Важным событием последнего времени является заключение соглашения об учреждении совместной СЭЗ между Египтом и США. Египет еще с 1995 г. выступал с подобными инициативами, но американская сторона отказывалась. Изменение ее позиции можно объяснить обострением политической ситуации на Ближнем Востоке, а также усилением конкуренции с Европейским Союзом. По условиям соглашения египетские промышленные товары из СЭЗ должны поступать на американский рынок беспошлинно. С января 2005 г. на ввоз их в США отменяются квоты. В Египте местами расположения американо-египетских СЭЗ намечены 6 городов, в основном городов-спутников Каира: 10 рамадана, 6 октября, Аль-Убур, 15 мая, Порт-Саид, Ас-Садат. На первом месте среди египетских товаров, которые будут поставляться в США из СЭЗ, стоят готовая одежда и текстиль. Вне режима свободной торговли эти промышленные изделия поступают на американский рынок со взиманием импортной пошлины в 17–35%¹².

До недавнего времени на Ближнем Востоке такие зоны были созданы по инициативе США только с Израилем и Иорданией. По вопросу СЭЗ США ведут переговоры с Марокко.

Предложение США об образовании совместной с Египтом СЭЗ встретило среди египетской общественности неоднозначную реакцию. По мнению бывшего министра экономики Египта Мустафы ас-Сайда, американское предложение в основном не охватывает внешнеторговый обмен, где Египет мало конкурентоспособен, а затрагивает другие экономические, а также политические и культурные вопросы. М.ас-Сайд предлагает подробнее рассмотреть политические аспекты соглашения. По его мнению, соглашение о СЭЗ между развитой страной и развивающейся всегда носит политический характер. Нужно лишь принять наиболее приемлемые предложения и не принимать те из них, которые ущемляют независимость развивающейся страны. Египет не может обойтись без иностранных прямых инвестиций, и это нужно обсуждать, так же как вопрос о передаче Египту передовой технологии, могущей поднять производительность промышленности. Но необходимо проявлять осторожность при обсуждении таких выдвигаемых американцами условий, как реформа образования, борьба с терроризмом, «нормализация» отношений с Израилем, поскольку принятие этих условий задевает

глубокие политические и культурные традиции Египта. Другими словами, в предложениях и условиях, выдвигаемых США, М.ас-Сайд усматривает гораздо большее количество вариантов по сравнению с соглашением о партнерстве с ЕС, которые Египет может выбрать и принять. Египет становится третьим ближневосточным партнером США после Израиля и Иордании по соглашению о СЭЗ, которое фактически обращено на более широкую сферу отношений, нежели партнерство с Европейским Союзом. Тот же подход характерен и для американской позиции в отношении Мексики, Чили и некоторых стран Южной Африки и ЮВА, с которыми США заключили соглашения или ведут переговоры о свободных экономических зонах. М.ас-Сайд считает, что усиление Египта и его экономики, когда промышленно развитые страны будут вести с ним переговоры на равных, – это вопрос будущего. Сейчас же вопрос о благосостоянии и развитии Египта не входит в круг интересов развитых держав. По мнению М.ас-Сайда, развитие экономики Египта должно идти по инициативе изнутри, извне можно получить лишь некоторые способствующие факторы, например, инвестиции и технологии.

Председатель промышленной комиссии Народного собрания (парламента) Амин Мубарак считает, что подлинного соглашения о СЭЗ с США не получится до тех пор, пока в регионе не будет достигнут прочный мир с Израилем, который является частью американских интересов и политики в регионе, где Израиль, благодаря его развитым высоким технологиям в информационных отраслях, играет ведущую роль в осуществлении проектов СЭЗ. А.Мубарак задает риторический вопрос: можем ли мы, арабы, эффективно сотрудничать друг с другом в режиме свободной торговли, не имея механизмов для воплощения в жизнь таких положений соглашения, как пошлины, рабочая сила, сертификаты происхождения и других вопросов, к разрешению которых арабы еще не готовы? Или как избежать в сфере образования изложения идей, которые за границей могут быть сочтены экстремистскими? Стремление поставить под свой контроль обширные нефтяные и газовые месторождения останутся для США главным стимулом в течение ближайших 50 лет. Однако, заключает А.Мубарак, Египту необходимо пойти на соглашение о СЭЗ с государством, сосредоточившим в своих руках треть экономической мощи планеты, и воспользоваться этим обстоятельством для того, чтобы развить такие важные экспорториентированные отрасли промышленности, как производство готовой одежды и некоторых других продуктов, в отношении которых Египет располагает явными конкурентными преимуществами¹³.

Насущной задачей Египта в торговле с США считается расширение экспорта в эту страну.

Торговый баланс Египет – США (млн. долл.)¹⁴

	2000 г.	2001 г.	2003 г.
Экспорт из Египта	887,8	878,7	1352,0

в том числе ненефтяной	776,7	719,8	1154,7
нефтяной	111,1	158,9	197,3
Импорт из США	3329,2	3778,0	2866,1
Торговый баланс	-2441,4	-2899,3	-1514,1

За указанный в таблице срок дефицит баланса торговли Египта с США сократился на 61,2% в основном за счет падения импорта. Однако отношение экспорта Египта в США к импорту упало с 47,1 до 26,7%. Доля нефтяного экспорта во всем египетском экспорте в США уменьшилась с 14,6 до 12,5%. Для дальнейшего снижения дефицита в торговых отношениях Египта с США ему необходимо развивать экспорт, в первую очередь, ненефтяной, для чего требуется снижать себестоимость продукции и повышать конкурентоспособность на американском рынке перед лицом многочисленных соперников из многих стран мира.

Главным затруднением в развитии экспорта египетских промышленных изделий на рынки Европы и США является их сравнительно невысокое качество и несоответствие установленным спецификациям, что препятствует сбыту египетских товаров даже в пределах выделяемых квот. Об этом можно судить по данным, опубликованным министерством внешней торговли и текстильным холдингом Египта, из которых явствует, что Египет не в состоянии полностью использовать квоты, выделенные ему американской стороной. Квоты выделяются на несколько месяцев в году, и импортные пошлины при этом не взимаются. При экспорте в США в 2002 г. египетской хлопчатобумажной пряжи квоты были использованы египетской стороной лишь на 36%, по экспорту мужских рубашек из хлопка – на 30%, женских шерстяных шорт и панталон – на 1%, хлопчатобумажных тканей – на 4%. Аналогичные показатели по использованию Египтом экспортных квот в торговле со странами ЕС свидетельствуют о том, что в 2002 и 2003 гг. квоты полностью использовались только по экспорту египетских апельсинов и зеленой фасоли, по картофелю – на 38%, по сухому луку – на 23%, огурцам – на 2,5%, чесноку – на 0,2%¹⁵.

Экспорт египетских товаров по квотам начался с конца 70-х годов, когда резко упал товарооборот с СССР и странами СЭВ, в торговле с которыми квоты не использовались. К этой модели торговли Египет не может приспособиться до сих пор, используя квоты в среднем на 50%, главным образом из-за недостаточного развития производственной базы¹⁶. Причинами столь слабого использования квот называются низкая организация сбыта, слабая работа египетских торговых представительств по рекламе и установлению контактов между продавцом и покупателем. Но основная причина – это неспособность своевременно выпускать продукцию высокого качества с соблюдением соответствующих внешнеторговых спецификаций, что ставит египетские товары на рынке в невыгодное положение.

ние по сравнению с экспортными поставками многочисленных более искусственных иностранных конкурентов. СЭЗ считаются сейчас в Египте тем участком, где можно наладить выпуск продукции специально на экспорт с использованием присущих Египту относительных конкурентных преимуществ.

Значительное отставание от многих стран в индустриальных отраслях, особенно перерабатывающих, ставит перед Египтом немало проблем. Одна из основных – привлечение иностранных прямых инвестиций. Американские инвестиции в Египет направляются в основном своей массой в нефтяную и газовую промышленность. Из перерабатывающих отраслей инвестиции США поступают только в производство готовых изделий, но не промежуточных товаров. Существует предположение, что США намерены сбывать часть продукции СЭЗ как часть своего экспорта для сокращения огромного дефицита своего торгового баланса. СЭЗ создают инвестору для этого благоприятные условия, позволяя специализироваться на производстве на экспорт.

Если взять общую сумму американских капиталовложений без учета инвестиций в нефтяную и газовую отрасли, то сумма американских инвестиций, вложенных в компании перерабатывающей промышленности Египта, составила на конец 2001 г. 873,8 млн. из 2210 млн. долл., или 39,5%. В том числе на текстильную и швейную промышленность приходилось 11,3% суммарных инвестиций, на машиностроение – 6,5%, пищевую промышленность – 6%, химическую – 5,9%, фармацевтическую – 4,6% и прочие перерабатывающие отрасли – 15,2%.

На финансовые учреждения приходилось 10,5%, строительство – 3,7%, туризм – 3,3%, услуги – 3,3%, сельское хозяйство – 1,3%. Другие адреса вложений остальной части 38,4% американских инвестиций в ненефтяные отрасли Египта, не сообщаются¹⁷.

Из этих данных можно сделать вывод, что без учета нефти и газа наиболее привлекательными для американских инвесторов являются перерабатывающие отрасли промышленности, прежде всего производство готовой одежды, автосборка, химико-фармацевтическая промышленность, продовольствие. Это те отрасли, продукцию которых удобнее всего производить в специализированных свободных зонах со сбытом на внутреннем египетском рынке и в других странах.

Очевидно, что заключение западными государствами соглашений о СЭЗ со странами и группами стран Ближнего Востока, в том числе Египтом, находится в тесной зависимости от успеха в решении острых военно-политических вопросов в регионе, прежде всего таких, как палестино-израильское противостояние, продолжение военных действий в Ираке, конфликт в Дарфуре (Западный Судан).

¹ National Bank of Egypt. Economic Bulletin, Cairo (далее НБЕ), № 3, 2003, с. 6.

² Там же, с. 7, 8.

- ³ Там же, с. 15.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же, с. 16.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же с. 12.
- ⁸ Там же, с. 17.
- ⁹ Там же, с. 22.
- ¹⁰ НБЕ № 4, 2003, с. 22.
- ¹¹ Бюллетень иностранной коммерческой информации (БИКИ), Москва, 25.09.2003, с. 1.
- ¹² Аль-Ахрам ад-даулий, Каир, 2.06.2004.
- ¹³ Аль-Ахрам аль-иктисадей, Каир, 26.05.2003, с. 31.
- ¹⁴ Там же, с. 35.
- ¹⁵ Аль-Ахрам аль-иктисадей, Каир, 28,04.2003, с. 20.
- ¹⁶ Там же, с.21.
- ¹⁷ Аль-Ахрам аль-иктисадей, Каир, 26.05.2003, с. 31.

МЕСТО «ГАЗОВОЙ» ПРОБЛЕМЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ ТУРЦИИ

В XXI в. экономическое развитие является важнейшей основой межгосударственных отношений. При этом центральным пунктом являются баланс интересов и стратегии экономического сотрудничества. В этой связи глобальное внимание привлекают к себе богатые запасы полезных ископаемых в регионе вокруг Каспийского моря и, в частности, запасы энергоносителей. Контроль над этими энергетическими резервами, а также возможные маршруты транспортировки с евразийского континента стали центральными элементами политики великих держав после окончания «холодной войны». Сегодняшняя борьба напоминает конфликт интересов между Великобританией, Россией и Германией в XX в., который охватывал геополитические и энергополитические аспекты этих государств.

Сегодня тема энергетики является движущей силой глобальной экономики, она останется важной составляющей экономического и социального прогресса в XXI столетии. Спрос на энергоносители в среднесрочной перспективе усиливает ускорение экономического развития, а в долгосрочной – рост народонаселения.

Энергетика, как нервная система экономики любого государства, по-прежнему останется высшим приоритетом международной политики турецкого правительства. Страна, не обладающая собственными углеводородными ресурсами, постоянно зависящая от их поставок из-за рубежа и испытывающая острый дефицит электроэнергии и газа, основные усилия в международной сфере сосредоточила на максимально эффективном использовании своего выгодного географического положения на стыке Европы и Азии для обеспечения энергоресурсами своей экономики. Уже в ближайшее десятилетие Турция планирует увеличить потребление природного газа более, чем в пять раз и намечает строительство четырех крупных тепловых электростанций. Для реализации своих планов Анкара активно занимается поиском новых источников газа и нефти. Еще со времен существования Советского Союза, с которым Турецкая Республика была связана договорными обязательствами о поставках и транзите советского газа, а также о статусе Черноморских проливов¹. Жесткое политическое и экономическое давление и критика двусторонних и трехсторонних проектов со стороны США не помешала турецкому руководству в те-

чение пяти лет (1998–2003 гг.) подписать восемь международных договоров на поставку в страну природного газа и начать успешную реализацию некоторых из них. Несмотря на ряд явных просчетов Анкары² в развитии газового сектора промышленности, турецкий газовый рынок является одним из наиболее динамично растущих и будет играть ведущую роль в потреблении и транзитной транспортировке этого энергоресурса на мировой рынок.

При оценке «газовой» политики Анкары может с первого взгляда показаться, что Турция не в состоянии потребить то количество газа, которое оно собирается приобрести. Проектов много, поставки намечаются как по трубопроводам, так и в сжиженном виде, и поступление газа в Турцию ожидается чуть ли не со всех концов света. Несмотря на регулярные заявления турецкого руководства, что процессы индустриализации и растущая численность населения обеспечивают возможность принять и потребить любое количество газа, отношение к этим проектам остается преимущественно скептическим, и квалифицируются они скорее как события политические, чем экономические. Три экономических кризиса, случившиеся в Турции в 2000, 2001 и 2003 гг., значительно усилили эти сомнения.

Однако, если проанализировать статистические и прогнозные данные БОТАШ, то выясняется, что весь газ, охватываемый заключенными, обсуждаемыми или лишь замышляемыми импортными контрактами Турции, действительно нужен.

Поставки газа по годам (заключенные контракты)³

Страна-экспортер	Год окончания контракта	Объем поставок газа (млрд. м ³)		
		2005 г.	2010 г.	2020 г.
Российская Федерация (западный маршрут)	2012	60	6,0	—
Российская Федерация (Turusgaz)	2020	8,0	8,0	—
Алжир (СПГ)	2014	4,0	4,0	—
Нигерия (СПГ)	2020	1,2	1,2	—
Иран	2026	3,0	6,0	10,0
Российская Федерация («Голубой поток»)	2027	8,0	16,0	16,0
Туркменистан	?	?	8,0	16,0
Азербайджан	2020	2,0	6,6	—
ВСЕГО		32,2	55,8	42,0

Турецкая компания БОТАШ оценивает суммарный объем газа по заключенным соглашениям в 68 млрд. м³ в год. Поставки по этим восьми проектам или уже идут, или должны начаться не позднее 2005 г.

В то же время к этому сроку, по прогнозу той же «Боташ», годовой спрос на газ в стране составит 44 млрд. м³, то есть на 24 млрд. м³ меньше ожидаемых поставок. Близкие же к уровню в 68 млрд. м³ потребности в газе возникнут только после 2015 г.

Дело в том, что подсчет суммарного объема импорта турецкие нефтегазовые аналитики делали по пиковым уровням поставок, который по разным контрактам достигается отнюдь не одновременно. Поэтому цифра в 68 млрд. м³ газа довольно условна и не привязана ни к какому конкретному году.

Из расчетов видно, что в 2005 г., когда спрос на газ (по прогнозу «Боташ») приблизится к 44 млрд. м³, объем импорта составит только 32,2 млрд. м³. То есть в 2005 г. спрос на газ, гарантированный имеющимися на сегодня контрактами, не покрывается, и дефицит составляет более 11 млрд. м³ в год.

К 2010 г. соотношение спроса и предложения станет более сбалансированным. Во-первых, с 2008 г. должны выйти на пиковый уровень два проекта – Азербайджанский и «Голубой поток». Во-вторых, с 2007 г. удвоятся поставки газа из Ирана. К этому времени могут начаться поставки из Туркменистана. Таким образом, условно суммарный импорт газа по заключенным контрактам в 2010 г. будет почти точно соответствовать прогнозному спросу – 55,8 млрд. м³.

В отношении 2020 г. ситуация с газом в Турции складывается совсем плохо. К тому времени закончат действие сразу несколько контрактов: из России, Алжира, Нигерии и Азербайджана. По заключенным на сегодня соглашениям в 2020 г. Турция получит всего 42 млрд. м³ газа, что почти вдвое меньше ожидаемого спроса в 83 млрд. м³. Причем, нехватка возникнет гораздо раньше: первый российский контракт кончается уже в 2012 г., а алжирский – в 2014 г.

Таким образом, если Турция не заключит новые контракты, к 2020 г. страну ожидает серьезный дефицит газа. Нужны именно новые контракты, потому что в отношении продления прежних можно рассчитывать только на Алжир и Нигерию. Снижающаяся добыча газа в России пока не сулит таких возможностей. Судя по складывающейся ситуации, с обязательствами по «Голубому потоку» «Газпром» сумеет справиться только с привлечением туркменского газа. Экспортные же возможности Азербайджана на сегодня ограничиваются только месторождением Шах-Дениз.

Итак, представленная в таком ракурсе ситуация с газом в Турции требует срочно заключать новые импортные контракты. И это хорошая новость для потенциальных экспортеров газа – Египта, Ирана, Катара. А также для соседей России – Туркменистана и Узбекистана.

Летом 2002 г. в Турцию начались поставки иранского газа, а в феврале прошлого года запущен российско-итальянский газопровод «Голубой поток»⁴. Иран уже стал первой страной Персидского залива, поставляющей газ на европейский континент по этому трубопроводу.

Еще с 1996 г., заключив соглашение с Турцией о поставках природного газа сроком на 22 года, Иран намерен ежегодно экспортировать туда от 2,3 млрд. до 30 млрд. м³. В 2003 г., согласно подписанным документам, Россия ежедневно поставляла в Турцию по этому трубопроводу 6,5 млн. м³ газа. В 2007 г., когда газопровод должен выйти на проектную мощность, этот показатель вырастет до 16 млрд. м³ в год. По данным «Газпрома», турецкая сторона уже завершает строительство электростанций в провинции Самсун, которые будут работать на российском газе. Кроме того, никого не должна вводить в заблуждение незначительность доли потребления природного газа Персидского залива. Этот регион обладает огромным экспортным потенциалом, и турки стараются учитывать этот фактор.

Современный годовой уровень потребления газа в Турции очень мал – около 10 млрд. м³, а его добыча и вовсе низка – около 600 млн. м³. До 80% газа поступает из России (через Украину), остальное – из Алжира (поставки сжиженного природного газа танкерами). В январе 2000 г. в Турции на правительственном уровне было принято решение ежедневно на три часа повсеместно прекращать подачу электроэнергии до прекращения холодов. В последние годы в осенне-зимний период в Турции часто возникал острый дефицит газа. Об этом свидетельствуют не очень приятные для Украины события 2000 г.

Поступление российского газа в Турцию, осуществляемое по трубопроводам через территорию Украины, Молдовы, Румынии и Болгарии, с 24 ноября 2000 г. происходило с большими перебоями. Падение подачи газа составляло около 40%. Несанкционированное использование из-за сильных морозов российского газа Украиной и Молдовой на пути магистрального трубопровода больно ударило по Турции, ее населению и экономике. Больше всего претензий предъявили Украине, как наибольшему потребителю газа. В то время три крупные тепловые электростанции, которые вырабатывают до 30% электроэнергии Турции, полностью прекратили свою работу. Ежедневно в течение трех часов в больших городах отключалась электроэнергия, не работали предприятия. Жесткой критике подверглось и все руководство Турции. В адрес правительства направлялась масса посланий от городских властей и деловых структур из Стамбула, Измира и других городов, где в результате отключений газа и электроэнергии торговые и промышленные предприятия понесли большие убытки. Критика была обоснованной, поскольку подобные проблемы возникали и раньше, но на правительственном уровне ничего сделано не было.

Турецкие газеты обрушились с критикой на Украину за несанкционированный отбор российского газа, который предназначался Турции. Отдельные турецкие газеты, такие как «Сабах» и «Радикал», пошли дальше оценки конкретных фактов – была развернута кампания по разработке мер для обеспечения безопасности единственного

существующего газопровода вследствие систематического несанкционированного отбора газа, в первую очередь, украинскими и молдавскими потребителями. Также турецкие СМИ сообщали, что президент Турции С.Демирель во время своего официального визита на Украину в связи с инаугурацией Л.Кучмы обратился к украинскому президенту с просьбой решить эту проблему.

Предварительным итогом истории явилось выставление правительством Турции штрафных санкций российскому «Газпрому» на сумму 100 млн. долл. В свою очередь, руководители Национальной акционерной компании (НАК) «Нефтегаз Украины» утверждали, что рано перекладывать всю вину за срыв поставок газа на украинскую сторону, но с учетом того, что объемы газа, которые потребляет Украина, значительно превосходят соответствующие объемы всех транзитных стран вместе взятых (Молдова, Болгария, Румыния), участие Украины в несанкционированном отборе газа имело место. Что сделала Украина для исключения в будущем подобных ситуаций – неизвестно, но руководство Турции предпринимает конкретные шаги для поиска новых, альтернативных источников поступления газа на рынки страны.

Находясь в окружении газодобывающих государств, Анкара планирует значительно увеличить свое потребление этого углеводородного продукта. Официальный прогноз министерства энергетики и природных ресурсов Турции показывает, что потребление газа в 2010 г. должно составить 52 млрд. м³, а к 2020 г. – 79 млрд. м³ газа. За последние пять лет турецкое руководство провело активнейшую внешнеэкономическую работу в сфере диверсификации источников поставок газа. На сегодня с восемью странами (Россия, Иран, Азербайджан, Туркмения, Алжир, Египет, Йемен, Нигерия) уже заключены соглашения (от меморандума о намерениях до контрактов с указанием конкретных объемов) на поставку газа. В частности, подписаны два важных договора с Россией на расширение западного маршрута (через Украину) с 6,7 млрд. м³ до 14 млрд. м³ и на строительство транскерноморского трубопровода «Голубой поток» (16 млрд. м³). Рамочный договор подписан с Туркменистаном и Азербайджаном на строительство Транскаспийского газопровода⁵ (16 млрд. м³ газа в Турцию и 14 млрд. м³ транзитного газа в Европу). Подписанный с Ираном контракт на поставку 10 млрд. м³ газа был реализован одним из первых уже в 2001 г. Четыре договора на поставку танкерами-метановозами сжиженного природного газа (СПГ) из Алжира (с предыдущего ежегодного уровня в 2,5 до 4 млрд. м³), Египта (4 млрд. м³), Йемена (4 млрд. м³) и Нигерии (1,2 млрд. м³) помогут разнообразить источники поступления газа, не зависящие от трубопроводного транспорта. На перспективу запланированы поставки СПГ из Ливии, Катара, Омана, Норвегии.

Межправительственное соглашение о поставках в Турцию газа из Азербайджана подписано в марте 2001 г. в Анкаре в ходе официального визита в Турцию бывшего президента Азербайджана Гейдара Алиева.

Данный документ предусматривает закупки Турцией газа с месторождения Шах-Дениз на шельфе Каспия в объеме 2 млрд. в 2004 г., 3 млрд. м³ – в 2005 г., 5 млрд. м³ – в 2006 г. и по 6,6 млрд. м³ ежегодно в период с 2007 по 2018 гг. Оператором проекта освоения месторождения является British Petroleum. Запасы газа на месторождении Шах-Дениз оцениваются в 700 млрд. – 1 трлн. м³. Углеводородные ресурсы предполагается поставлять в турецкий город Эрзэрум с использованием существующего на территории Азербайджана участка газопровода к грузинской границе протяженностью около 490 км. Участки же трубопровода в Грузии и Турции, протяженностью 280 км каждый предстоит построить в 2004–2005 гг.

Помимо British Petroleum, доля которой составляет 25,5%, участниками проекта в шельфе Шах-Дениз являются норвежская Statoil (25,5%), Государственная нефтяная компания Азербайджана (ГНКАР – 10%), российская «ЛУКОЙЛ» (10%), французская TotalFinaElf (10%), иранская OIEC (10%) и турецкая ТРАО (9%).

Реализация Турцией планов диверсификации источников поступления газа зависит от двух важных факторов – это обеспечение значительного роста экономики и строительство современных тепловых электростанций, которые будут основными потребителями газа. Возможность успешного выполнения этих условий Анкарой несколько пошатнулась после падения темпов роста экономики (динамика ВВП: 1996 г. – 7,3%; 1997 г. – 7,6%; 1998 г. – 2,9%; 1999 г. – минус 0,8%) и катастрофических землетрясений 1999–2000 гг. Однако продолжение турецким правительством структурных реформ должно помочь восстановлению экономики страны и возврату прежних темпов роста (в 2005 г. ожидается четырехпроцентный рост ВВП).

К планам более чем пятикратного увеличения потребления газа Турцией в 2010 г. несколько скептически относятся как за рубежом, так и внутри самой страны. Большинство экспертов оценивает официальные турецкие прогнозы как завышенные на 15–20%. Более того, за отдельные направления поставок газа Турция подверглась жесткой критике, в первую очередь, со стороны США⁶ – по поводу за сотрудничество с Ираном и Россией. Антироссийское лобби в Турции называет проекты турецкого руководства нереалистичными. Острая внешняя и внутренняя критика отдельных проектов в газовой сфере, частые смены правительств, имевших совершенно различные точки зрения по вопросу целесообразности реализации тех или иных газовых проектов, зачастую приводили к торможению их выполнения.

Политика США в Черноморско-Каспийском регионе последних лет касалась большей частью трех государств: Турции, Ирана и России. Основой этой политики в регионе стала «трубопроводная» дипломатия, предусматривающая реализацию только выгодных для США и ее союзников проектов строительства нефте- и газопроводов. Усилия американской «трубопроводной» дипломатии направлены по

трем основным векторам – полная изоляция Ирана, минимизация участия России и максимальная направленность трубопроводов из Каспийского региона на территорию Турции. Анкара, всегда поддерживаемая Вашингтоном, все же не единожды подвергалась серьезному давлению со стороны США, которые пытались отговорить эту страну от участия в совместных проектах в сфере энергетики с «нежелательными» для Вашингтона государствами. Дальновидная (еще с османских времен) турецкая политика лавирования между американскими санкциями и потерей выгодного сотрудничества в газовой сфере с Россией и Ираном не всегда находила компромисс между интересами этих важнейших для Турции государств.

Первые признаки «американизма» у Турции проявились после заключения контракта с Ираном на поставку газа. Это соглашение было подписано в 1996 г. и представляло собой контракт типа «take or pay» («бери или плати») на поставку в Турцию на начальной стадии 2 млрд. м³ газа, а после окончательного ввода в действие газопровода – 10 млрд. м³. Данный контракт заключался на срок 22 года и на общую сумму 20 млрд. долл. Типовое соглашение предусматривало применение штрафных санкций к стороне, не выполнившей условия контракта, а именно: 245 тыс. долл. в день (стоимость проектного суточного объема поставки газа). Согласно договору, трубопровод должен был войти в строй в конце декабря 1999 г. После отставки правительства Н.Эрбакана реализация проекта в Турции была приостановлена. В дальнейшем, находясь под американским влиянием, следующее правительство М.Йылмаза сдерживало выполнение проекта. В начале января 2000 г. Иран завершил строительство своего участка газопровода, хотя турецкая часть трубопровода не была готова. Турецкая компания «Боташ» сфокусировала свои усилия на строительстве западного участка трубопровода между городами Эрзерум и Анкара, поскольку он может также использоваться для транспортировки туркменского газа по Транскаспийскому газопроводу и отвечает политике США в регионе. В свою очередь, вклад в срыв турецко-иранского проекта внесла и администрация президента США, заблокировав поставку в Турцию компрессоров для перекачивающих станций трубопровода на территории Ирана.

В ходе визита в Анкару 17–19 января 2000 г. министр иностранных дел Ирана обсудил с премьер-министром Турции проблемы транспортировки иранского газа в Турцию и компенсации иранской экономике неустоек по срыву строительства турецкой ветки трубопровода. Международные агентства, комментируя ход полузакрытых переговоров, сообщили, что Б.Эджевит пообещал «принять меры по выплате компенсации Ирану». Однако некоторые СМИ Турции заявили об отказе Тегерана от турецких выплат за невыполнение договора. В свою очередь, ведущая турецкая трубопроводная компания «Боташ» распространила информацию о том, что согласно достигнутому со-

глашению руководства компании с иранской стороной Турция начнет импорт газа из Ирана с 1 августа 2000 г. В любом случае, можно сделать вывод, что Турция, пойдя на подписание договора с Ираном, не нашла политической воли (под давлением США) его своевременно выполнить. Последствиями этого стали как политические (падение доверия партнеров в других проектах), так и экономические потери (сумма штрафных санкций может достигнуть до 200 млн. долл.).

Между Грецией и Турцией подписано соглашение о соединении газопроводов, по которым в Европу будет прокачиваться иранский газ. Для этого требуется построить всего 280 км участка Александруполис – Анкара, из которых на греческую территорию приходится только 80 км. Строительство было начато в 2003 г. Однако в данном контексте не следует смешивать возможности турецкого газового рынка и «турецкого транзита». Тем более, что с финансированием необходимых дополнительных участков газопровода явных проблем не будет – Европейский Союз возьмет часть расходов на себя⁷.

Другой важный момент для анализа газовой проблемы в Турции проявился в ноябре 1999 г. во время визита в Москву турецкого премьер-министра Б.Эджевита, который в силу, как нам представляется, только политических причин так и не подписал протокол к межправительственному соглашению о поставках в Турцию российского газа, предусматривающего льготный режим налогообложения для участников «Голубого потока». По некоторым данным, этому помешали встречи перед поездкой в Москву президента Турции С.Демиреля и премьер-министра Б.Эджевита с одним из советников президента США. Можно предположить, что результатом переговоров был обмен на отказ от подписания протокола по «Голубому потоку» оказать действенную и полную поддержку Соединенными Штатами Турции по заключению на выгодных условиях на стамбульском саммите ОБСЕ (ноябрь 1999 г.) соглашений по нефтепроводу Баку-Джейхан.

В настоящее время турецкая сторона в проекте «Голубой поток» пошла значительно дальше. Российский «Газпром», уже сварив первый стык газопровода «Голубой поток», высказал справедливые опасения по поводу своевременной реализации турецкой части проекта. Анкара, заверив Москву в своих благих намерениях по данному проекту, в действительности практически заблокировала его реализацию, тем самым ввергнув российскую сторону в значительные финансовые траты. Хотя данный договор был составлен в явную пользу Турции, которая не получит каких-либо значительных финансовых штрафов.

Руководство Турции, несмотря на некоторые ошибки и недовольство США отдельными проектами, достаточно удачно проводит политику пересмотра прежних и поиска новых источников поступления газа. В ближайшие несколько лет намечена реализация большинства из газовых проектов поставок газа в Турцию, в которых примут участие десятки стран. Эти проекты в значительной мере повлияют на

формирование европейского рынка газа, в т.ч. и украинского, израильского и западноевропейского (возможно даже в обход России и Белоруссии), создадут потребность в трубах, газовом оборудовании и строительных услугах. Турция сегодня для обеспечения своей быстро растущей экономики планирует потреблять такое количество газа, которое, например, Украина получает в качестве платы за транзит по трубопроводам, которые были построены на ее территории еще во времена Советского Союза.

Внимательно изучая шаги Анкары в решении проблемы поставки углеводородных ресурсов (а именно, газа), Киев в условиях фактически полной зависимости от поставок газа из России и хронического его дефицита разрабатывает собственную политику в газовой сфере.

Одним из элементов развития газотранспортной системы Украины является совместный украино-турецко-российский проект расширения транзитных мощностей по транспортировке природного газа в страны Балканского региона и в Турцию, выполняемый НАК «Нефтегаз Украины». Несанкционированный отбор газа Украиной из транзитных трубопроводов может повредить успешной реализации этого проекта и по условиям данного проекта должен быть в дальнейшем исключен.

Украине в последние годы в силу различных причин (прежде всего, политики жесткого давления на Киев со стороны Вашингтона) так и не удалось наладить эффективное торгово-экономическое сотрудничество с Ираном в нефтегазовой и энергетической сферах. В частности, предполагалось, что Иран будет оплачивать Туркменистану в валюте стоимость туркменского газа, поставляемого на Украину, а взамен получать на эту же сумму украинские товары. А отказ Украины от участия в строительстве атомной электростанции в Бушире (поставка паровых машин для энергоблоков) под давлением США сыграл на руку российским машиностроителям и энергетикам. Намеченный, но нереализованный проект строительства газопровода из Ирана (через Туркменистан) практически на 50% снял бы «газовую» зависимость от России (взамен этого Вашингтон предоставил Киеву краткосрочный кредит под высокие проценты для закупки в США продуктов питания и «ширпотреба»). В настоящее время правительство Украины тщательно анализирует как с экономической, так и с политической точки зрения целесообразность и возможность реализации предложения Ирана о строительстве газопровода Иран-Армения-Украина-Европа. Однако наиболее предпочтительным для Украины остается «турецкий» вариант решения газовой проблемы – подключение ко всем проектам в этой области Анкары и Киева.

Поэтому важный вопрос заключается в следующем: Какую роль играет Турция в энергетическом сценарии евразийского мира? С точки зрения географии, занимая место в центре евразийского мира,

Турция имеет решающее значение для энергетической торговли между евроазиатскими производителями и европейскими потребителями. Такая позиция требует стратегического поведения, которое могло бы обеспечить ведущую роль Турции в регионе.

Следует ожидать, что давление производителей газа из региона Каспийского моря на Турцию будет расти в той мере, в какой растет желание этих государств осуществлять максимальные поставки газа на мировые рынки. Поэтому можно предположить, что решения турецкого правительства в энергетической области, которые могли бы выразиться, например, в приемлемой формуле реализации этих экспортных пожеланий, окажут огромное влияние на качество отношений между Турцией и Европейским Союзом, а также между евразийскими государствами.

В условиях глобальных изменений на газовом рынке Евразии, когда большая часть новых газовых проектов напрямую затрагивает национальные интересы Турции, Украины и Ирана, внешнеэкономическим структурам этих государств необходимо определиться, какая составляющая – политическая или экономическая – превалирует в их межгосударственных отношениях.

¹ Приложения 1 и 2.

² В период с 1975 по 1991 гг. (так называемый советский период) экономическая политика Турции по приобретению газа за рубежом была на 40% ориентирована на СССР и на 10% на страны социалистического лагеря, что, естественно, вызывало явное недовольство Вашингтона, которое выражалось в некотором ограничении военно-технических связей между двумя государствами и НАТО.

³ Нефтегазовая Вертикаль № 16, 2001 г.

⁴ Трубопровод, запущенный с почти годовым опозданием, работал ровно месяц. В феврале-марте «Боташ» закупила 187 млн. м³ газа, после чего Турция перестала отбирать газ и начала переговоры о снижении его цены и объемов поставок до 2007 г. «Газпром» согласился поставить в Турцию в 2003 г. не 4 млрд. м³ газа, как предполагал ранее, а 2 млрд. м³. Причем 1,2 млрд. м³ (из указанных 2 млрд. м³) Турция может забирать из трубопровода в течение последующих пяти лет. При этом российская сторона требует около 110 долл. за 1000 м³ газа. А по контракту с Ираном, например, Турция должна платить за газ 70 долл. за 1000 м³ – так что туркам не резон брать дороже.

⁵ «Американцы выходят из туркменского проекта «Транскаспийский газопровод». Компания PSG, созданная американскими General Electric и Bachtel в целях строительства трубопровода для доставки туркменского газа в Турцию, закрывает свою штаб-квартиру в Ашхабаде. Официально объявлено, что PSG остается в составе консорциума «Транскаспийский газопровод», однако руководство им теперь будет осуществлять англо-голландская Royal Dutch Shell. Решение PSG практически свидетельствует о выходе

компании из транскаспийского проекта. По мнению директора вашингтонской консалтинговой фирмы Petroleum Finance Джулии Нэнэй, которая считает, что интерес к проекту потеряло и само руководство Туркменистана, заключившее недавно соглашение о транзите своего газа через территорию РФ. Lenta.ru: ЭКОНОМИКА: <http://lenta.ru/economy/2000/09/19/psg/>.

⁶ Проекты, претворяемые в жизнь по политическим мотивам, ведут к кризису. Алирза Бикдели. Чрезвычайный и Полномочный Посол Ирана в Азербайджане (1999 г.).

(Цитируется по Интернет-сайту [www.caspiannews\asmp\2003\](http://www.caspiannews.asmp/2003/)).

⁷ Проекты, претворяемые в жизнь по политическим мотивам, ведут к кризису. Алирза Бикдели. Чрезвычайный и Полномочный Посол Ирана в Азербайджане (1999 г.).

(Цитируется по Интернет-сайту [www.caspiannews\asmp\2003\](http://www.caspiannews.asmp/2003/)).

**СОГЛАШЕНИЕ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ ТУРЕЦКОЙ
РЕСПУБЛИКИ И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК О ПОСТАВКАХ ПРИРОДНОГО
ГАЗА ИЗ СССР В ТУРЕЦКУЮ РЕСПУБЛИКУ**

Правительство Турецкой Республики и Правительство Союза Советских Социалистических Республик в целях содействия дальнейшему развитию торговли между обеими странами на основе равенства и взаимной выгоды, договорились о нижеследующем.

Статья 1

Советская сторона обеспечит поставку в Турецкую Республику, а Турецкая Страна обеспечит закупку в СССР с поставкой в течение 25 лет, начиная с 1987 года, на коммерческих условиях природного газа в следующих объемах и сроки:

- 1987 год – 1,5 млрд. м³
- 1988 год – 1,5
- 1989 год – 2,3
- 1990 год – 3,0
- 1991 год – 3,5
- 1992 год – 4,0
- 1993–2011 годы – 5,0–6,0 млрд. м³.

Поставки природного газа по настоящему Соглашению будут осуществляться в рамках действующих, соответственно в Турецкой Республике и в Союзе Советских Социалистических Республик, правил и постановлений и в соответствии с Договором о торговле и мореплавании между Турецкой Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик от 8 октября 1937 года. Торговым и платежным соглашением между Турецкой Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик от 8 октября 1937 года с внесенными в него изменениями, а также Протоколом между Правительством Турецкой Республики и Правительством Союза Советских Социалистических Республик о переходе в платежах на свободно конвертируемую валюту от 20 мая 1982 года.

Статья 2

Турецкая государственная организация "Боташ" и Всесоюзное объединение "Союзгазэкспорт" заключат между собой контракт на поставку

природного газа из СССР в Турцию в соответствии с настоящим Соглашением. В указанном контракте будут предусмотрены подробные условия поставки природного газа и определения его цены.

Статья 3

Советские внешнеторговые организации будут использовать выручку от экспорта в Турецкую Республику природного газа по настоящему Соглашению в основном на закупку на коммерческих условиях турецких товаров, исходя из возможностей Турецкой Стороны и потребностей советских внешнеторговых организаций, в частности, хлопка, зерна, мяса, растительного масла, черных и цветных металлов, руд цветных металлов и других промышленных товаров. В этих целях Стороны будут ежегодно согласовывать списки турецких товаров для экспорта в Союз Советских Социалистических Республик.

Статья 4

Обе Стороны будут принимать все необходимые меры для надлежащего осуществления поставок товаров в соответствии с настоящим Соглашением и в соответствии с действующим законодательством в каждой из стран. В этих целях компетентные органы будут, в частности, беспрепятственно выдавать необходимые лицензии и разрешения.

Статья 5

Стороны благожелательно рассмотрят возможность сотрудничества в проектировании и строительстве магистрального газопровода на территории Турции.

Статья 6

Настоящее Соглашение будет действовать в течение 25 лет с даты начала поставок природного газа. При этом понимается, что поставки газа по этому Соглашению начнутся после сдачи в эксплуатацию соответствующих газопроводов на территориях Социалистической Республики Румынии и Народной Республики Болгарии. Оно будет автоматически продлено на пятилетний период, если ни одна из Сторон не сделает письменного заявления о своем желании прекратить его действие за шесть месяцев до истечения срока действия этого Соглашения.

Совершено в Анкаре 18 сентября 1984 года в двух подлинных экземплярах, каждый на турецком и русском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

СОГЛАШЕНИЕ О МОРСКОМ ТОРГОВОМ СУДОХОДСТВЕ

Отношения в области морского судоходства регулируются Договором о торговле и мореплавании между СССР и Турецкой Республикой от 25 августа 1938 г. В 1990 году было подписано межправительственное Соглашение о морском торговом судоходстве, до сих пор не вступившее в силу из-за того, что оно не было ратифицировано Парламентом Турции, но в данное время текст этого Соглашения устарел.

В настоящее время стороны работают над проектом нового Соглашения о морском торговом судоходстве. В ходе 11-го и 12-го раундов российско-турецких консультаций (соответственно 28–29 ноября 2002 г., Анкара и 3–4 марта 2003 г., Москва) основными темами стали обсуждение проблематики Черноморских проливов, проекта соглашения по поиску и спасанию и проекта межправительственного соглашения о торговом судоходстве.

Большинство положений проекта Соглашения о торговом судоходстве были согласованы. Обе стороны договорились продолжить согласование проекта Соглашения в рамках следующего раунда консультаций. При этом турецкая делегация отметила, что, возможно, потребуется провести еще два раунда консультаций.

Несогласованными остались несколько статей, причем расхождения между позициями сторон носят принципиальный характер.

В частности:

1. Российская сторона предлагает распространить национальный режим для судов в портах также на уплату портовых сборов. Турецкая сторона пока не дала своего согласия на это.

2. Российская сторона предлагает закрепить в Соглашении право судов одной стороны участвовать в перевозках между портами другой стороны и портами третьих стран (кросс-трейд). Турецкая сторона не дает согласия на это.

3. Российская сторона предлагает включить в Соглашение положение о том, что суда третьих стран имеют право осуществлять перевозки между портами сторон (т.е. между портами России и Турции). Турецкая сторона не дает согласия на это.

Указанные в пунктах 2) и 3) положения отражают принцип свободы торгового мореплавания и особенно важны для России в контексте ее намерения вступить в ВТО.

**О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АВИАЦИОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО
КОМПЛЕКСА ТУРЦИИ В ПЕРИОД С 1998 г. ПО 2004 г.**

Внешний интерес к продукции военного назначения любого государства соразмерен уровню его военного, военно-экономического и военного научно-технического потенциала. Политические возможности государства – поставщика систем вооружения и военной техники на турецкий оружейный рынок и лоббирование крупных сделок в этой сфере сопряжены с политическим весом этой страны в сознании военно-политического руководства Турецкой Республики, а также с политико-силовым влиянием в мировом сообществе. Поэтому важным стратегическим партнером в области военно-технического сотрудничества для Турции являются Соединенные Штаты Америки и ведущие в военном отношении страны НАТО. Однако в последнее десятилетие Анкара все больше привлекает к решению насущных военно-технических задач и собственную экономику. Турецким руководством развитие национальной военно-промышленной базы оценивается как ключевой элемент политики национальной безопасности страны и развития экономики в целом.

Среди факторов, которые определяют на современном этапе политику Турции в сфере военного строительства (и, в частности, национальных военно-воздушных сил и армейской авиации) и приобретения военной техники, можно выделить следующие:

1. Неурегулированные региональные конфликты (прежде всего, турецко-греческие споры по поводу островов в Эгейском море и ситуации вокруг Кипра).

2. Внутриполитическая нестабильность в Турции (вооруженная борьба правительства против курдских сепаратистов и положение с правами человека).

3. Крупная финансово-экономическая и военная помощь, оказываемая США в течение многих лет Турции, в рамках которой осуществлялись массированные поставки американской военной техники, включая поставки на льготных условиях.

4. Стремление американских военно-промышленных корпораций развивать турецкий оружейный рынок для продвижения своей продукции.

5. Попытки стран Западной Европы (прежде всего, Франции и Германии) потеснить США на турецком оружейном рынке.

6. Желание Турции не попадать в чрезмерную зависимость от одного поставщика оружия.

7. Стремление Турции укрепить политические и экономические отношения со странами ЕС с целью последующего вступления в эту организацию.

8. Периодическое возникновение ограничений на поставки продукции военного назначения в Турцию в связи с ситуацией в Курдистане.

9. Опасение Турции, что Конгресс США и некоторые европейские страны могут не разрешить своим производителям продажу продукции военного назначения, даже если они окажутся победителями в объявленных турецкой стороной тендерах.

10. Процессы интеграции западной оборонной промышленности (как на европейском, так и на трансатлантическом уровне), намерение Турции включиться в эти процессы и стремление развивать собственное военное производство с иностранной помощью.

11. Экономия финансовых средств, которая становится неизбежной при реализации масштабных программ модернизации вооруженных сил, отсюда – интерес к бывшей в употреблении военной технике, поиск вариантов закупок за рубежом наиболее дешевых вооружений, а также лицензионное их производство на собственной базе.

12. Необходимость в ряде случаев произвести закупки вооружений в экстренном порядке.

Военно-экономическая политика Турции, сформировавшаяся в современном виде в начале девяностых годов после принятия закона № 3238 «О создании управления по поддержке и развитию военной промышленности», за обозреваемый период заметных изменений не претерпела. Ее целью по-прежнему остается своевременное и полное удовлетворение военных потребностей государства в интересах обеспечения внутренней и внешней безопасности. Для достижения указанной цели турецкое руководство, уделяя необходимое внимание достаточному финансированию военных программ и развитию базовых отраслей экономики, упор делает на форсировании создания современного национального военно-промышленного комплекса. Такой подход определяет суть военно-политического курса Турции – достижение максимально возможного удовлетворения запросов своих вооруженных сил в оружии, военной технике, боеприпасах и другом имуществе, в первую очередь, за счет их производства на предприятиях национальной оборонной промышленности. Практическая реализация курса на уменьшение зависимости от закупок вооружений за рубежом и развитие национальной военной промышленности осуществляется в соответствии с рядом принципов, изложенных в распоряжении кабинета министров страны № 98/11173 от 20.06.98 г. «Принципы политики и стратегии в военной промышленности», а также в законе № 4083 от 28.02.95 г. «О мобилизационной готовности промышленности и ее функционировании в условиях войны».

Политическим органом, принимающим решения по вопросам военной промышленности, является Высший координационный совет. Председателем его является премьер-министр, а членами – начальник генерального штаба, министры национальной обороны (МНО), иностранных дел, промышленности и торговли, финансов и таможен, а также госминистр, отвечающий за проблемы экономики, и командующие видами ВС, ряд других чиновников. Всего 14 человек.

Производственную базу военной промышленности Турции составляют около 130 предприятий государственного и частного секторов, на которых занято порядка 145 тыс. чел. К основным отраслям военной промышленности Турции относятся: авиационная; бронетанковая; кораблестроительная; артиллерийско-стрелковая; по производству боеприпасов и взрывчатых веществ; радиоэлектронная; ракетная; автомобильная промышленность; военные НИОКР.

Авиационная промышленность (ТАИ – авиационная промышленность Турции)

Обеспечивает сборку самолетов F-16, CN-235, двигателей к ним, вертолетов, а также осуществляет модернизацию, текущий и капитальный ремонт авиационной техники. Ежегодно может собираться до 24 самолетов F-16. Основными предприятиями авиационной промышленности являются: авиационный завод ТАИ (Мюртед); завод авиационных двигателей (Эскишехир); 1-й, 2-й и 3-й центры по ремонту и обслуживанию самолетов, находящиеся в Эскишехире, Кайсери и Анкаре, соответственно; 901-й авиасборочный завод (Гюверджинлик).

На предприятии ТАИ, созданном в 1984 г., реализована программа «Пис оникс-1» стоимостью 4,2 млрд. долл. Она предусматривала производство 160 тактических истребителей F-16 C/D. С июля 1996 г. на заводе осуществлялась программа «Пис оникс-П», рассчитанная на выпуск еще 80 самолетов этого типа. Стоимость проекта составляла 3,5 млрд. долл., он завершен в ноябре 1999 г. В 1993 г. на основании договора между США и Египтом по программе «Пис вектор-4» на предприятии было изготовлено 46 самолетов F-16 для египетских ВВС.

В настоящее время находятся в различных стадиях производства еще 32 самолета F-16, 20 из которых – в разведывательном варианте, а 12 – на замену потерянных в результате катастроф. Изготовление этих самолетов оценивается в 1 млрд. долл. Ведутся переговоры об изготовлении 30 самолетов F-16 для Объединенных Арабских Эмиратов.

Кроме сборки истребителей F-16, на заводе компании ТАИ изготавливаются также крылья, части фюзеляжа, отдельные детали и узлы, которые затем направляются на авиационные заводы других стран. В настоящее время на предприятии занято более 3 тыс. чел., в т.ч. 900 – инженерно-технический персонал.

В конце прошлого века на предприятии ТАИ была завершена программа изготовления 52 самолетов CN-235. Между аппаратом советника по вопросам военной промышленности и компаниями ТАИ и CASA (Испания) подписано соглашение стоимостью 108 млн. долл. о дополнительном изготовлении девяти самолетов CN-235 в качестве патрульных, в т.ч. для ВМС – 6 ед. и командования береговой охраны – 3 ед. Поставка самолетов в войска была завершена к середине 2002 г.

В ноябре 2000 г. состоялись переговоры о продаже Турцией шести самолетов CN-235 Пакистану. Контракт рассчитан до конца 2005 г.

В феврале 1998 г. специалисты ТАИ приступили к модернизации 15 самолетов S-2E «Тракер», выведенных из состава ВМС в 1993 г. Программу стоимостью 50 млн. долл. планировалось завершить к концу 2001 г. Однако в силу финансовых причин реализация программы затянулась на неопределенный срок. Модернизированные самолеты должны быть поставлены в гражданский сектор экономики и использоваться министерством лесного хозяйства для борьбы с пожарами. В августе 1999 г. первый переоборудованный самолет прибыл на аэродром Анталя. В дальнейшем планировалось разместить прошедшие модернизацию самолеты в Стамбуле, Чанаккале и Измире.

На ТАИ изготовлен прототип национального самолета грузоподъемностью 1,5 т для сельского хозяйства. Основное его предназначение – распыление химикатов для борьбы с вредителями. Завершены работы по изготовлению для ВС одноместного самолета наблюдения «Яраса». После окончания в 2004 г. летно-конструкторских испытаний будет принято решение о его серийном производстве.

В марте 1998 г. с компанией «Эрбас» подписано соглашение стоимостью 33 млн. долл. на изготовление на предприятии ТАИ запасных частей к самолетам А340–300. Соглашение «оффсет» предусматривает поставку в обмен на эти запчасти трех-пяти самолетов А340–300 для турецкой авиакомпании. Таким образом, в связи с предстоящим завершением выпуска новых самолетов F-16 и недогрузкой производственных мощностей руководство страны уже в настоящее время работает над вариантами конверсии производства.

В конце 2000 г. аппарат советника по вопросам военной промышленности провел тендер на модернизацию семи самолетов C-130 «Геркулес». В торгах участвовали 10 иностранных фирм. Модернизация предусматривает замену устаревшей авионики, бортовых РЛС и систем навигации. Все работы планировалось осуществить на базе 1-го центра по ремонту и обслуживанию самолетов. Стоимость проекта оценивалась в 150 млн. долл. После оценки поданных инофирмами предложений, ввиду финансово-экономических причин, второй этап тендера объявлен не был.

Потребности турецких ВВС в средних и тяжелых транспортных самолетах типа C-160 и C-130 планируется покрыть после 2006 г. за счет участия в проекте ЕС «Самолет будущего». Программа будет

осуществляться консорциумом в составе компаний Германии, Бельгии, Франции, Великобритании, Испании, Португалии и Турции. Предполагается на предприятии фирмы «Эрбас» изготовить 288 машин, в т.ч. 32 – для Турции, которая в этом проекте представлена компанией ТАИ (9% акций). Стоимость 32 самолетов может составить 1,5–2 млрд. долл. Для осуществления проекта создана фирма АМС. Серийное производство может начаться в 2006 г.

С целью выпуска авиационных двигателей для самолетов F-16 была создана совместная компания ТЭИ (Энергетическая промышленность Турции), в которой американской корпорации «Дженерал электрик» принадлежит 49 % акций, а фирме ТАИ, фонду развития ВС и Турецкой авиационной лиге в совокупности – 51%. Строительство завода в г. Эскишехир обошлось в 56 млн. долл. Площадь его территории составляет 32 тыс. кв. м. На этом же предприятии выпускаются и ремонтируются двигатели для истребителей других типов (F-4, F-5), силовые установки для морских судов.

В 1997 г. вступил в силу контракт стоимостью 670 млн. долл. (с учетом процентов по кредиту – 800 млн. долл.) на модернизацию 54 самолетов F-4E «Фантом»-2. План работ включал два этапа:

1. Модернизацию 26 машин на израильском предприятии «Лавхав» компании IAI с 1997 г. Начиная с 2000 г., каждые три месяца с завода должны были выходить два самолета. Модернизация первого самолета F-4E завершена в 1999 г., передача модернизированных самолетов турецкой стороне началась в январе 2000 г.

2. Модернизацию 28 самолетов F-4E в 1-м центре по ремонту и обслуживанию самолетов (Эскишехир). Работы начаты в 2000 г. Завершение проекта планируется в 2004 г. В реализации его также задействованы турецкие фирмы «Хавелсан» и «Микес».

В рамках подписанного контракта на модернизацию самолетов F-4E на 80 млн. долл. у Израиля закупаются 46 ракет «Поппай-1» производства компании «Рафаэл» для установки на прошедшие переоснащение самолеты F-4E.

В 1999 г. вступил в силу контракт стоимостью 130 млн. долл. с сингапуро-израильским консорциумом в составе компаний «Сингапур Аэроспейс», IAI, «Элбит» на модернизацию 48 турецких самолетов F-5A «Тайгер»-2. Первоначальные работы по модернизации будут выполняться на предприятии «Лавхав» израильской компании IAI. Завершение работ планируется проводить в 1-м центре по ремонту и обслуживанию самолетов (Эскишехир). Проект должен быть завершен также в 2004 г. Модернизация первых четырех самолетов F-5A в 1-м центре по ремонту и обслуживанию самолетов началась в первом квартале 2000 г. Модернизированные одноместные самолеты F-5A и двухместные F-5B будут использоваться в качестве учебно-тренировочных для подготовки и переподготовки летного состава на самолеты F-16. В этих целях будет изменен дизайн корпуса, конструкция

кабины, компоновка систем и органов управления, установлена новая бортовая ЭВМ.

Израиль также заинтересован в модернизации турецких учебных самолетов Т-34 и Т-38. В настоящее время командование ВВС Турции разрабатывает концепцию этой программы с целью продлить срок эксплуатации этих самолетов до 2015 г.

В декабре 1998 г. аппарат советника по вопросам военной промышленности получил предложения от фирм «Дженерал Атомик» (США), IAI (Израиль) и CATIC (Китай) на совместное изготовление в Турции 37 беспилотных летательных аппаратов трех видов: ближнего радиуса действия – 14 ед., среднего – 8 ед. и дальнего – 15 ед. Соисполнители будущего контракта с турецкой стороны компании ТАИ и «Аселсан». Ожидается, что этот проект стоимостью около 750 млн. долл. может быть реализован в течение семи лет после 2000 г.

Компания ТАИ в декабре 1999 г. подписала контракт с аппаратом советника по вопросам военной промышленности на изготовление 15 дистанционно управляемых самолетов-мишеней, в т.ч. 2 ед. типа «Кеклик» и 13 ед. – типа «Турна». Изготовление этих самолетов вместе с наземным оборудованием завершено в конце 2000 г., 10 самолетов-мишеней переданы ВВС, 5 ед. – СВ Турции.

В конце 1997 г. аппарат советника по вопросам военной промышленности провел тендер на организацию совместного производства в Турции 145 ударных вертолетов для сухопутных войск и жандармерии. Изготовление вертолетов планировалось осуществить на предприятии турецкой компании ТАИ (Акынджи) в три этапа: два по 50 машин и третий – 45. Стоимость предстоящей сделки оценивалась в 4 млрд. долл.

Федеральное государственное унитарное предприятие «Рособоронэкспорт» готово было предоставить туркам все необходимые лицензии, в том числе на право реэкспорта российско-израильского варианта вертолета Ка-50-2 (турецкое название «Эрдоган» – «Рожденный солдатом») в третьи страны. Российская сторона в октябре 2000 г. понизила стоимость 145 вертолетов с 4 до 2 млрд. долл. (снизив стоимость вертолета с 25 до 13 млн. долл.). Кроме этого, была готова покрыть 300 млн. долл. российского долга турецкому «Эксимбанку» по ранее предоставленным кредитам поставками вертолетов КА-50-2. Таким образом, стоимость 145 ед. вертолетов понижается до 1,7 млрд. долл.

Однако из-за «отказа» России от дальнейшего участия в тендере контракт перешел в руки американской компании «Белл Текстрон» (машина АН-1W «Кинг Кобра»). В сентябре 2000 г. начались переговоры аппарата советника по вопросам военной промышленности с американской компанией «Белл Текстрон» по поводу совместного производства боевых вертолетов АН-1W «Кинг Кобра».

В изготовлении вертолетов на заводе ТАИ планировалось задействовать в качестве субподрядчиков такие турецкие компании, как

ТЕИ, «Неташ», «Аселсан», «Рокетсан», «Хавелсан», «Петлас», «Хема», 901-й авиасборочный завод ВВС. Изготовление прототипа вертолета фирмы, победившей в торгах, вначале планировалось осуществить в 2002 г. В дальнейшем в течение 8–10 лет будет осуществляться серийное производство, т.е. проект может быть завершен не ранее 2011 г. Однако по финансовым (а, скорее всего, по политическим) соображениям реализация этого проекта отодвинута на сентябрь 2004 г. Ожидается, что победу в тендере одержит американский вертолет.

В феврале 1997 г. аппарат советника по вопросам ВП подписал контракт стоимостью 430 млн. долл. с германо-французской компанией «Еврокоптер» о совместном производстве на предприятии ТАИ 30 вертолетов «Коугар». К производству этих вертолетов привлечены турецкие компании «Аселсан» (Анкара), «Неташ» (Стамбул), «Аспилсан» (Кайсери), «Калекалып», «Бешаш» (Стамбул), 2-й центр по ремонту и обслуживанию самолетов (Кайсери), 901-й авиасборочный завод (Гюверджинлик).

В мае 2000 г. турецким ВВС переданы два поисково-спасательных вертолета, изготовленных на заводе фирмы «Еврокоптер» во Франции. Для изготовления оставшихся 28 вертолетов «Коугар» фирмы ТАИ и «Еврокоптер» создали совместную компанию «Евротай», которая планирует завершить проект до 2007 г. При этом будет изготовлено 10 вертолетов общего назначения для СВ и 18 ед. – для ВВС.

По состоянию на июль 2004 г. ВВС Турции передан четырнадцатый вертолет «Коугар». Планируется в дальнейшем также изготовить восемь вертолетов общего назначения для дирекции безопасности Турции и до десяти вертолетов для жандармских войск.

Турецкая компания «Аспилсан», поставляющая никель-кадмиевые аккумуляторы для самолетов F-16, наладила производство аккумуляторов для вертолетов «Коугар».

Компания ТАИ в апреле 1999 г. подписала контракт на изготовление и поставку в Австралию 200 фюзеляжей вертолетов MD-902. Первая партия в 50 фюзеляжей направлена заказчику в ноябре 2001 г.

Продолжается начавшаяся в 1996 г. модернизация вертолетов S-70 (американский аналог многоцелевого вертолета UH-60 «Блэк Хок»), AH-1H/PAS «Хью Кобра» и «Кобра Тоу», AS-532. На них монтируется оборудование для стрельбы и управления оружием в ночное время, новая система навигации, аппаратура РЭБ, система предупреждения об облучении РЛС, аппаратура закрытой связи, система определения местоположения GPS, 20-мм пушки (AH-1P), мотор «Аллисон C-20» (AB-206). На вертолеты UH-1H устанавливаются новые более производительные моторы.

Поставленные ранее для жандармских войск Турции многоцелевые вертолеты российского производства Ми-8 и Ми-17 планируется ремонтировать на базе российских или закавказских (азербайджанских и грузинских) ремонтных предприятий.

В сентябре 1999 г. создана совместная американо-турецкая компания «Алп Хаваджилык» (50% акций принадлежит фирме «Сикорский»). Завод с площадью крытых помещений 5400 кв. м и персоналом в 250 чел. построен в Эскишехире и начал обслуживание и ремонт американских вертолетов, а также производство запасных частей к ним. Экспорт запчастей в 2000 г. составил около 15 млн. долл., а в 2002 г. – уже 35 млн. долл.

В октябре 2000 г. генеральная дирекция безопасности Турции провела торги на закупку десяти легких вертолетов. Закупка предусматривалась за счет кредита победившей в торгах фирмы. Параллельно предусматривается закупка еще 45 вертолетов. В настоящее время тендер по финансовым причинам временно приостановлен, однако, несмотря на это, турецкими специалистами производится оценка предложений инофирм.

При решении вопросов модернизации ВВС авиационная промышленность Турции в состоянии обеспечивать эксплуатацию, техническое обслуживание и совершенствование самолетов F-4 «Фантом», F-5 «Тайгер», F-16 «Файтинг Фалкон», C-130 «Геркулес», C-160 «Трансалл», CN-235, а также производство и ремонт их двигателей, выпуск запчастей, парашютов, униформы.

ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЙ СЕКТОР В ПАКИСТАНЕ

Пакистан ожидает небывалый рост в секторе мобильной связи. По оценкам экспертов, к июню 2005 г. количество абонентов увеличится в три раза и достигнет 9 млн., в то время как сегодня их количество насчитывает 3 млн. человек, что составляет всего 3% населения в 149 млн. человек. Всего же, по оценкам экспертов, количество пользователей мобильной связью возрастет до 25 млн. к 2018 г.¹

В интервью агентству Рейтер министр информационных технологий и телекоммуникаций Пакистана заявлял, что в 2005 г. он ожидает привлечения инвестиций в телекоммуникационный сектор в размере 1,5 млрд. долл. «В настоящее время мы наблюдаем настоящий бум мобильной связи. Как и во многих развивающихся странах, в Пакистане рост мобильной связи намного превышает фиксированную. В ближайшие три года или немногим более ожидается рост мобильной связи на 10–15%. К концу текущего года количество пользователей мобильной связью превысит количество абонентов обычной связи, и это мировая тенденция», – отметил министр². Улучшение экономической ситуации в Пакистане, проведение политических реформ, политика либерализации создали платформу для привлечения инвестиций в телекоммуникационный сектор. И проводимая стратегия экономически обоснована. По оценкам Международного банка реконструкции и развития, в 2003 г. объем телекоммуникационного рынка в Пакистане составил 1,4 млрд. долл., ежегодный рост рынка соответственно 8–10%, потенциальный объем рынка – 3,5 млрд. долл. Ключевыми направлениями телекоммуникационного сектора в Пакистане являются развитие рынка мобильной связи, обычной местной и международной связи, а также сотрудничество в международном консорциуме по прокладке оптоволоконного кабеля по дну Персидского залива.

Несколько факторов подтолкнули власти Пакистана к необходимости столь мощного развития телекоммуникационного сегмента экономики: с одной стороны, острая потребность внутреннего рынка, благоприятная социально-политическая обстановка, разработка инвестиционной стратегии экономического развития страны в целом, а с другой, мировая тенденция развития мобильной и фиксированной связи, стремление удержаться в телекоммуникационном поле в регионе, наличие международного опыта и разработанных документов, регулирующих политику мобильной и фиксированной связи (GATS, NGBT, ABT).

Всемирная Торговая Организация (ВТО) разработала комментарии к Всеобщему Договору о торговле и тарифах (GATS), сформулированных на базе Четвертого Протокола об Основах телекоммуникационных услуг (1998 г.), который поддержали 69 стран, и Соглашения о предоставлении основных телекоммуникационных услуг (АВТ), где изложены общие положения. Пакистан применил международный опыт.

В век глобализации, когда международное и региональное сотрудничество становится жизненно важным для экономического роста и стабильности любого государства, необходимо учитывать коммерческие возможности в регионе в целом. Предоставляемые телекоммуникационные услуги отражают лишь одну сторону деятельности, в то время как политика ВТО предусматривает развитие многосторонних инвестиционных отношений. Например, если мобильная компания Малайзии намерена инвестировать в телекоммуникационный сектор Индии, то Малайзия должна предоставить аналогичные коммерческие возможности для индийских компаний с дальнейшим выходом на малайзийский рынок. В целом, подобная политика предусматривает дальнейшее установление отношений между двумя странами с тем, чтобы оба государства получали взаимную выгоду.

Развитие телекоммуникационного рынка, рынка информационных и Интернет технологий способствует экономическому подъему государства, выводит его на принципиально новый уровень торгово-экономических операций, включает в сообщество субъектов индустриального мира. Наука и совершенствование информационных технологий постоянно расширяют спектр предоставляемых услуг.

В целом в Пакистане индустрия телекоммуникаций, Интернет и информационных технологий принципиально новая и исключительно молодая. Государственные органы, связанные с телекоммуникационным направлением, стремятся сделать сектор информационных технологий и телекоммуникации независимым сегментом экономики. 26 апреля 2004 г. центральное правительство Пакистана приняло решение о декларировании телекоммуникационного сектора в качестве самостоятельной отрасли экономики страны. Министерство информационных технологий (ИТ) было учреждено в 2002 г. и «выросло» из департамента по ИТ и телекоммуникации министерства коммуникаций, которое в свое время отделилось от министерства науки и технологий. Основные направления деятельности министерства ИТ и телекоммуникаций сводятся к следующему: разработка политики в области мобильной и фиксированной связи на макроуровне, включая разработку пакетов лицензионных документов, выделение частот провайдером, применение технологий третьего поколения G3, выполнение контрольных функций и т.д.

С момента зарождения телекоммуникационных и информационных услуг монопольное право на их предоставление как в мобильной, так и в фиксированной связи принадлежало государству в лице Теле-

коммуникационной компании Пакистана (ТКП). Компания основана в 1996 г. как общество с ограниченной ответственностью, 88% акций которой принадлежало правительству Пакистана. Параллельно развивались и частные телекоммуникационные компании. В настоящее время четыре оператора мобильной связи в Пакистане работают в конкурентной атмосфере – Instafhone, Paktel, Mobilink, Ufone. Эти операторы используют различные платформы в зависимости от условий рынка и выдачи лицензии. На рынке фиксированной связи наиболее крупными операторами являются WorldCALL, Telecard, Dancom.

Попытки развернуть в целом конкурентный рынок в телекоммуникационном секторе были предприняты еще в начале 90-х годов. Акт о телекоммуникационных услугах Пакистана был разработан еще в 1996 г.³ Для управления данным сектором экономики был учрежден Телекоммуникационный Совет Пакистана (РТА/ТСР).

За последние десять лет Пакистан стал свидетелем быстрой трансформации в телекоммуникационном секторе благодаря мерам по либерализации. В целом рынок услуг телефонии функционировал в условиях определенной конкурентной борьбы между ТКП и частным сектором. Были выданы лицензии для Cable и DSL операторов, что позволило компаниям создать основу инфраструктуры, необходимую для развития телефонии.

Тем не менее, все же отсутствие реальной конкурентной борьбы (вследствие доминирующих позиций ТКП), острая нехватка капиталов на развитие инфраструктуры и ряд других факторов поставили власти Пакистана перед необходимостью ускоренной либерализации рассматриваемого сектора экономики. Поэтому 13 июля 2003 г. была обнародована политика дерегулирования телекоммуникационного сектора в свете общей стратегии по либерализации различных секторов экономики.

Открытие телекоммуникационного сектора для инвестиций, в частности, иностранных – неотъемлемая часть экономического развития Пакистана. В современном мире эффективная и надежная телекоммуникационная сеть является необходимой для быстрого развития страны. В целях дальнейшего совершенствования и развития телекоммуникационной инфраструктуры, увеличения плотности телефонной связи в стране, привлечения необходимых частных инвесторов развивающиеся страны инициируют проведение политики дерегулирования телекоммуникационного сектора экономики. Пакистан не является исключением.

Пакистан учел мировой опыт в данной области, а также специфику самой отрасли. В первую очередь, было определено, к какому сектору экономики следует относить, например, голосовую связь, средства массовой информации и непосредственно саму информацию. Власти осознавали, что будущее телекоммуникационной индустрии в Пакистане зависит не только от новой политики в области телекоммуникаций и регулирующих правил, но и от внедрения модели тарифов и ра-

бочих отношений между всеми участниками рынка, так как либерализация предусматривает в то же время усиление конкуренции.

Политика в области телекоммуникаций имела следующие цели:

- расширение сферы услуг для клиентов телекоммуникационного сектора на основе конкурентных ставок;
- развитие инфраструктуры, направленной на увеличение плотности телефонных сетей из расчета на 1000 населения и развитие телекоммуникационных услуг во всех рыночных сегментах (включая голосовые, информационные, сотовые услуги и т.д.);
- привлечение частных инвестиций в телекоммуникационный сектор, а также поддержание местного производства средств связи;
- сокращение расходов государства на рекламу телекоммуникационного сектора;
- разработка мер для ускорения развития телекоммуникационной инфраструктуры с целью расширения спектра услуг в областях, где услуги связи не представлены или представлены ограниченно;
- либерализация телекоммуникационного сектора путем создания конкурентной среды между провайдерами;
- поддержание эффективного и строго определенного правового режима в соответствии с требованиями мировой практики;
- применение политики технической совместимости и интеграции с информационными технологиями Пакистана, а также следование политике низких цен с целью облегчения пользования услугами Интернета;
- защита национальных интересов и безопасности Пакистана.

Разрабатывая политику либерализации телекоммуникационного рынка, правительство осознавало, что даже в указанных условиях часть населения и некоторые районы страны будут оставаться вне зоны обслуживания и доступности. Политика федерального правительства направлена на предоставление определенным слоям населения и районам страны адекватных и устойчивых услуг в рамках имеющихся ресурсов⁴.

В начале XXI в. в Пакистане была разработана и успешно функционирует инфраструктура телекоммуникационного сегмента рынка. Значительный прогресс был достигнут в расширении телекоммуникационных сетей и предоставлении услуг пользователям. Основными составляющими телекоммуникационной инфраструктуры в рассматриваемый период являются:

- Телекоммуникационная компания Пакистана ТКП/(PTCL) – официальный сервисный провайдер, в обязанности которого входит предоставление телекоммуникационных услуг населению страны. За последние годы отмечен ее значительный рост, получила дальнейшее развитие местная телекоммуникационная инфраструктура, насчитывающая в 2003 г. 4,85 млн. доступов к линии связи. Фактически ТКП/(PTCL) является монополистом в области мобильной и фиксированной связи до 2004 г.

– Национальная телекоммуникационная Корпорация НТК/(NTC) также основана в 1996 г. в ответ на рост спроса на телекоммуникационные услуги в Пакистане, а также в связи с потребностями оборонных служб страны. Телекоммуникационная сеть НТК охватывает все регионы страны, насчитывая 72 тыс. пользователей и имея в основе опто-волоконную инфраструктуру.

– В 1976 г. государство учредило Специальную организацию связи – СОС/(SCO) для обеспечения надлежащего технического уровня эксплуатации телекоммуникационного оборудования в районе Азад Джамму и Кашмир, а также в северных районах страны. На начало 2003 г. СОС управляла сетью из 60 тыс. телефонных линий.

– Телекоммуникационный Совет Пакистана (ТСП) – орган управления данным направлением экономики, учрежден с целью законодательного регулирования телекоммуникационной индустрии. ТСП играет ключевую роль в развитии инициативы частного сектора в предоставлении услуг телекоммуникационного сектора. ТСП был основан на базе Акта о телекоммуникационных услугах 1996 г. Основные функции ТСП – регулирование деятельности операторов, официальное декларирование новых видов телекоммуникационных услуг и контроль за содержанием инфраструктуры в надлежащем техническом состоянии, а также предоставление лицензий на все виды телекоммуникационных систем и услуг на условиях финансового регулирования. ТСП имеет право регулировать тарифы в случае ценового давления операторов на пользователей.

– Совет по предоставлению частот / (FAB) является независимой организацией, на которую возложена ответственность за предоставление частот и определение их спектра для правительства, системы телеком-провайдеров, предоставляющих услуги операторам радиовещания и частным пользователям систем радиосвязи. Совет действует на основе Акта о телекоммуникационных услугах от 1996 г. и предоставляет методические рекомендации, выработанные Международным телекоммуникационным объединением (ITU).

Потребление услуг сотовой связи в Пакистане резко возросло после введения в 2000 г. режима Оплаты Вызывающего Абонента (CPP). В рассматриваемый период четыре действующих и два новых оператора (2 GSM, 1 D-AMPS, 1 AMPS) предоставляют услуги более, чем 2,2 млн. пользователей мобильной связи по всей стране. Количество пользователей мобильной связи увеличилось более, чем в три раза за последние два года.

В настоящее время свыше 70 действующих провайдеров Интернет-услуг предоставляют доступ в Интернет, они охватывают 1400 крупных и малых городов страны. Низкая плата за доступ в Интернет расширяет круг местных пользователей в Пакистане. На большей части страны доступ в Интернет осуществляется по цене одного местного звонка вне зависимости от дальности расстояния. Самые

низкие цены на телекоммуникационные услуги предоставляются компаниям, работающим в секторе информационных и коммуникационных технологий с целью дальнейшего стимулирования их роста и развития в Пакистане.

Операторы частного сектора играют важную роль в развитии сферы дополнительных предложений на рынке телекоммуникационных услуг. Основной их заслугой является установка более 120 тыс. телефонов-автоматов в дополнение к уже предоставляемым услугам, а также система звонков по премиальному тарифу.

Срок действия исключительных прав, принадлежащих ТКП на телефонное обслуживание (мобильная и фиксированная местная, междугородняя и международная связь и услуги лизинговой линии связи) на основе Акта о телекоммуникационных услугах Пакистана от 1996 г., истек 31 декабря 2002 г.⁵ Новая лицензия GSM с частотой в 1800 MHz должна быть проведена через открытый тендер. Первоначально его проведение планировалось к концу 2003 г.

Реализуя политику либерализации, правительство пошло на беспрецедентный для Пакистана шаг в области телекоммуникации – выставило на открытый международный аукцион четыре лицензии: две на мобильную связь и две на фиксированную связь.

Объявление о продаже лицензий на мобильную связь означало окончание монополии Телекоммуникационной компании Пакистана. Правительство приняло решение продать 26% акций компании стратегическому инвестору, к которому также должен перейти и контроль за управлением компанией. Приватизация ТКП была важна для того, чтобы, как минимум, стимулировать работу ТКП путем привлечения передового менеджмента, западного опыта и иностранного капитала; устранить неясности, которые могут остановить потенциальных инвесторов.

Официальные круги Пакистана в лице Телекоммуникационного Совета Пакистана предоставили гарантии последним. В течение пяти лет не будут внесены никакие изменения в политику дерегулирования после получения ими лицензий. Иностранным инвесторам разрешается владеть 100% собственности. Возврат прибыли ограничивается суммой в размере до 60% от общей прибыли. Минимум 40% капитала передается пакистанским инвесторам (включая продажу акций через биржи) в течении первых пяти лет.

Долгое время ТСП вырабатывал так называемую рамочную политику для предоставления новых лицензий мобильной и фиксированной связи, а также проект документов с описанием критериев для потенциальных кандидатов на их получение.

Выработка критериев отбора и правил проведения аукциона проводилась в соответствии с международными нормами. Кандидаты на получение лицензий должны были соответствовать выработанным характеристикам. Основные критерии состоят из двух частей: финансовое состояние и техническая оснащенность компании.

Финансовый аспект включал необходимость претендента подтвердить достоверность текущего финансового положения, установление финансовой способности компании выделять деньги на инвестиционные программы, финансовое подтверждение компании выполнить требования по инвестициям.

Технический аспект предусматривал выяснение возможности охвата предложенного покрытия и выполнение предложенного бизнес-плана, способность предоставить высококачественный сервис в области мобильной или фиксированной связи, опыт претендента в ведении местной и дальней/международной связи, способность качественно обслуживать абонентов, план развития местной индустрии.

33 телекоммуникационные компании – иностранные и местные – подали заявки на участие в тендере. Победителями были признаны норвежская компания Telenor и компания Al-Warid Telecom (Объединенные Арабские Эмираты). Церемония инаугурации компаний, официального подписания лицензий прошла в Равалпинди 26 мая 2004 г. Министр информационных технологий и телекоммуникаций подчеркивал, что «каждая компания, получившая лицензию, должна инвестировать от 300 до 400 млн. долл. на развитие инфраструктуры мобильной связи и, согласно правилам аукциона, обязана разработать абонентскую сеть уже в первый год развития»⁶.

Со своей стороны, как заявил президент и исполняющий директор норвежской Telenor, «техническое развешивание компаний» займет от пяти до семи лет, и на эти цели выделяется 1 млн. долл. Но уже весной 2005 г. можно будет пользоваться услугами мобильной связи нашей компании в Пакистане».

Объявленные еще 14 апреля 2004 г. результаты тендера на мобильную связь в Пакистане определили реальную стоимость самой лицензии, оцененную в 291 млн. долл. Следует отметить, что указанная цифра была ожидаемой, так как лицензия на мобильную связь, например, в Иране была выкуплена за 300 млн. долл.

Согласно официальной процедуре получения лицензий, каждая компания выплачивает ТСП 50% ее стоимости – 145,5 млн. долл. в течение 60 дней со дня объявления результатов аукциона. Оставшиеся 50% компании выплачивают в течение 10 лет пользования лицензией.

Продажа лицензий является частью плана экономической экспансии центрального правительства, направленного на привлечение 1,5 млрд. долл. инвестиций в экономику страны. В то же время, «правительство Пакистана стремится к увеличению количества пользователей мобильной связью до 15 млн.», – заявил председатель ТСП⁷.

Действующие в настоящее время на телекоммуникационном рынке частные компании мобильной связи – Instafhone, Paktel, Mobilink, Ufone (три первые компании получили свои лицензии бесплатно несколько лет назад) – поставлены перед фактом выплаты соответству-

ющей суммы за право пользования лицензией. Сроки действия лицензий компаний истекают для Instaphone в 2005 г., Paktel в 2005 г., Mobilink в 2007 г., Ufone в 2015 г. В действительности существуют три основных игрока в секторе мобильной связи в Пакистане. Компания Millicom владеет контрольным пакетом как в Instaphone, так и в Paktel. Компания Ufone, являющаяся 100% собственностью ТКП, в свое время выплатила минимальную сумму за право пользования лицензией.

В 2007 г. ТСП должен получить 435 млн. долл. от трех из четырех существующих компаний мобильной связи – Mobilink, Instaphone и Paktel. Ответственные лица названных компаний заявляют, что ситуация, связанная с необходимостью выплаты указанной суммы за пользование лицензией, заставила их пересмотреть планы на будущее. Исполняющий директор компании Instaphone (азиатское отделение) отметил, что «высокая стоимость лицензии может привести к непредсказуемым последствиям. И, прежде всего, отразиться на потребителях сотовой связи, а также на задержке в развитии инфраструктуры телефонии в стране в целом, на конкуренции на рынке фиксированной и мобильной связи».

В то же время сложившаяся ситуация затрагивает и четвертую компанию мобильной связи – Ufone. Она находится в выгодном положении, так как оплатить лицензию должна не ранее 2015 г., и в настоящее время полностью нацелена на увеличении своей доли на телекоммуникационном рынке Пакистана, особенно после поступления денег в бюджет от продажи лицензий.

Появление на телекоммуникационном рынке двух новых игроков, конечно, изменит ситуацию, усилит конкуренцию, но у существующих компаний еще достаточно времени удержать своих клиентов путем привлечения инвестиций.

После успешного тендера на мобильную связь, правительство Пакистана объявило о проведении аукциона на фиксированную связь⁸. С этой целью ТСП пригласил заинтересованные в лицензиях на телекоммуникационные услуги компании, как местные, пакистанские, так и иностранные. Предполагалось, что будет два типа лицензий для операторов выделенных каналов:

- Местная / (LL) выделенная телекоммуникационная линия, функционирующая в регионе покрытия ПТК;
- Междугородняя и международная (LDI) выделенная телекоммуникационная линия.

Вход на рынок местной и междугородней/ международной линии связи свободный. Любой гражданин, претендующий на получение лицензии, отвечающий требованиям лицензирования, получает право оплатить необходимый налог в национальной валюте Пакистана, эквивалентный 10 тыс. долл., за лицензию местной линии связи, а для междугородней/ международной линии – 500 тыс. долл. К потенциальным инвесторам будут предъявляться жесткие технические и фи-

нансовые требования, и только компании с опытом работы в данной сфере будут включены в список для лицензирования. Решение о лицензировании будет проходить открыто и объявляться публично⁹.

На право владения лицензиями местной и междугородней/международной линии связи было подано более 80 заявок в мае 2004 г., как местных, так и иностранных.

Плотность фиксированной связи составляет 3,15%, в беспроводном варианте – 1,44%. Потенциал для дальнейшего роста в этом секторе экономики остается высоким, и, по оценкам ТКП, получено еще 200 тыс. заявок для установки новых линий. Сдерживающим фактором остается крайне неразвитая инфраструктура телекоммуникационного сектора Пакистана, особенно в сельских районах Белуджистана, Северо-Западной пограничной провинции и Синда.

Фиксированная связь охватывает 3,8% количества абонентов. Население же страны насчитывает 149 млн. человек, что представляет большие возможности для этого рынка. Плотность фиксированной связи в Пакистане остается на низком уровне в 2,71%, в то время как в среднем на Азиатском континенте она составляет 10%, а в мире в целом – 17%. За последние годы плотность в Пакистане увеличилась на 6%, в Азии в среднем на 12%. За тот же период в таких странах, как Китай, Шри Ланка, Вьетнам, благодаря мерам, направленным на либерализацию телекоммуникационного сектора, плотность телефонии увеличилась на 20% и более. Очевидно, что, несмотря на десятикратное увеличение в 90-х годах прошлого века, современная инфраструктура телекоммуникационного сектора Пакистана продолжает нуждаться в значительных инвестициях.

Ситуация на рынке мобильной связи в Пакистане на современном этапе характеризуется следующим:

В настоящее время в мире больше пользователей в мобильной, чем в фиксированной связи. Пакистан не является исключением в этом отношении. Темпы развития мобильной связи увеличились до 1,43% за последние десять лет, и рост составил 90% за 2002–2003 гг. В среднем распространение мобильной связи в Южной Азии составляет 12%. Имея всего 2 млн. абонентов, индустрия мобильной связи развивается намного быстрее по сравнению с фиксированной.

Сравнение плотности телефонной связи Пакистана с аналогичными показателями по другим странам показывает, что уровень развития в 8–10% вполне реален. То же и в области мобильной связи – расчетное число абонентов должно возрасти до 14–17 млн. как в секторе мобильной, так и в области фиксированной связи¹⁰. По оценкам аналитиков, подобный уровень может быть достигнут в течение ближайших пяти – семи лет. При этом рынок мобильной связи, по оценкам пакистанских специалистов, будет развиваться по технологиям 2-G, поскольку технология 3-G сегодня не вполне оправдала себя, будучи чрезвычайно дорогостоящей.

Ожидается, что рост числа абонентов и поступления от мобильной связи будут идти опережающими темпами по сравнению с фиксированной связью. Во-первых, технически развитие сети мобильной связи легче как и проникновение ее в регионы, где отсутствует фиксированная связь. Во-вторых, провайдеры могут снизить цену для привлечения новых пользователей. В-третьих, новая политика дерегулирования не обязательно ускорит процесс привлечения инвестиций частного сектора в инфраструктуру фиксированной связи. По оценкам экспертов, рост доходности в фиксированной связи составит 33% в следующие семь лет, в то время как рынок мобильной связи возрастет в пять раз за тот же период.

Сектор мобильной связи представлен следующими операторами:

Оператор	Владельцы	Доля капитала	Стандарт
Instafhone	Millicom	61%	2 G – TDMA
	Другие	39%	
Paktel	Millicom	99%	AMPS
	Другие	1%	
Mobilink	Orascom	86%	2 G – GSM
	Saif Telecom	14%	
Ufone	ТКП (PTCL)	100%	2 G – GSM

За последние два года сектор усиленно развивается, особенно, как указывалось, после предоставления услуги Caller Party Pays, и опережающими темпами строит инфраструктуру по сравнению с фиксированной связью. В настоящее время насчитывается 2 млн. абонентов мобильной связи по сравнению с 300 тыс. в 1999 г. Этот сектор связи превращается в один из доходных сегментов экономики. По оценкам экспертов, чистый доход составляет от 20 до 30%. В ближайшем будущем прибыль может несколько сократиться из-за усиливающейся конкуренции и дальнейшего снижения цен на услуги¹¹.

Представляется целесообразным подробнее рассмотреть составляющие сектора мобильной связи:

Mobilink – первый оператор GSM в Пакистане, основана в 1994 г. В настоящее время занимает позицию крупнейшего оператора мобильной связи в стране (свыше 1 млн. абонентов), представляет собой совместное предприятие, образованное из египетской Orascom Telecom (египетская Telco) и Saif Telecom, известных на рынке под брендом **Mobilink**. Компания работает со 100% цифровой GSM системой. В 2003 г. компания удвоила инвестиции в телекоммуникационный сектор Пакистана, которые составили 190 млн. долл.¹²

Компания **Orascom** пришла на рынок Пакистана в 90-х годах XX в., основана еще в 1950 г. с целью развития инфраструктуры и повышения качества жизни египтян. Сегодня реализует свою деятельность через три подразделения – Orascom Construction Industries (строи-

тельство), Orascom Projects & Touristic Development (проекты и туризм) и Orascom Technologies (технологии). Orascom Technologies – одна из ведущих информационно-технологических компаний Египта. Ее основной бизнес – компьютерные технологии и телекоммуникации. Имеет долю собственности в компании, являющейся национальным провайдером по предоставлению услуг таксофонов, также инвестирует в ряд телекоммуникационных компаний.

За последние несколько лет компания приобрела 19 лицензий в телекоммуникационном секторе различных стран, в основном на Африканском континенте, а также в Алжире и Пакистане. Orascom Technologies владеет контрольным пакетом акций в консорциуме, возглавляемом France Telecom и Motorola, которая недавно приобрела Egyptian Mobile Telephone Services Co. (EMTS), владеющую национальной сетью GSM в составе 100 тыс. линий. Новая компания, **Mo-biNil** – одна из двух компаний, официально имеющих лицензию, выданную Telecom Egypt на предоставление услуг связи в Египте.

В 2003 г. французская телекоммуникационная компания Alcatel подписала контракт в размере 16 млн. евро с компанией Mobilink, увеличив таким образом сеть GSM 900 MHz на 1 млн. абонентов.

Компания **Paktel** основана в 1990 г., является на 98,6% собственностью компании **Millicom** со штаб-квартирой в Люксембурге и Sanbao Telecom. В настоящее время она насчитывает 200 тыс. абонентов и действует в 20 городах страны. Компания обладает передовой технологией GSM по предоставлению услуг мобильной связи в Пакистане. В настоящее время занимается получением лицензии на продолжение операторской деятельности в области мобильной связи в Пакистане.

Компания **Instaphone**, действующая под брэндом Pakcom, является сестринской компанией **Paktel**, имеет свыше 400 тыс. абонентов и соперничает с компанией **Ufone** за вторую позицию на рынке мобильной связи в Пакистане. Компания не делает весомых инвестиций, но продолжает агрессивно вести себя на рынке, особенно в предоставлении услуг по предоплате.

В связи с появлением новых компаний на рынке мобильной связи в Пакистане усиливается конкурентная борьба между ними. Реально она будет происходить между государственной **Ufone** и международными консорциумами, такими как Orascom Group (Mobilink), Millicom group (Insta и Paktel). Более того, в дальнейшем операторы мобильной связи могут одновременно бороться за получение лицензий на фиксированную местную и международную связь.

Компания **Ufone** является брэндом национальной компании Пакистана (100% ее собственности принадлежит ТКП), она относительно новый игрок на рынке телекоммуникаций страны. В настоящее время занимает второе место на телекоммуникационном рынке Пакистана, имея 400 тыс. абонентов, реализует программу увеличения

капитальных вложений для привлечения 1 млн. дополнительных абонентов. **Ufone** – одна из самых быстро развивающихся компаний на рынке мобильной связи в Пакистане, благодаря использованию передовой технологии, предлагая GPRS, а также медийные сообщения. Ufone стала первой компанией мобильной связи в Пакистане, предоставляющей биржевую информацию в режиме on line для своих абонентов, поставляя продукт Live Pocket Stocks. Ufone также добавила VPN (Virtual Private Network), а также переговоры в чате Web 2way SMS. Планирует совершенствовать услуги в предоставлении информации на местах. С началом поставки услуг Global SMS, абоненты Ufone могут посылать и получать SMS сообщения от 395 операторов из 147 стран мира. Применяя подобные инновации, Ufone смогла представить себя в качестве основного игрока в мобильной индустрии, несмотря на тот факт, что последней вошла на рынок и зарекомендовала себя в качестве сильного и опытного участника.

Министр информационных технологий заявлял, что правительство «стремилось сделать Ufone современной компанией по предоставлению мобильной связи, так как это единственная компания, имеющая широкий спектр качественных услуг, включая продвинутые телекоммуникационные продукты и качественный уровень обслуживания. В марте 2003 г. компания установила новую сеть инфраструктуры GSM в 29 городах, а с августа 2004 г. начинает продажу подключений еще в 80 городах страны»¹³.

Техническое оснащение компания Ufone проводит, прибегая к услугам таких гигантов, как Nortel Networks, которая предоставила и установила оборудование GSM 900, а с компанией с Siemens Group Information and Communication Mobile (Siemens mobile) Ufone подписала соглашение на установку базовых станций, коммутационного оборудования и компьютерной техники. Стоимость сделки 26 млн. долл. Для ее реализации Ufone и Siemens создали совместное предприятие с указанием долей собственности в 70% и 30% соответственно.

Перспективы развития телекоммуникационного сектора мобильной связи включают: развитие инфраструктуры для привлечения новых игроков; ремонт и поддержание в должном техническом состоянии существующих телекоммуникационных сетей, повышение качества предоставляемых услуг; ввод на рынок новых продуктов и выработку сбалансированной ценовой политики, отвечающей запросам пользователей.

В области международного голосового трафика предполагается предоставление конкурентных цен путем такой услуги, как пакетная передача данных/Интернет Протокол и предоставление услуг телефонии большему числу городов и как можно большему числу абонентов, используя отличные от традиционной инфраструктуры пути доступа.

В области передачи голосового трафика между городами имеется в виду создание совместных предприятий с компаниями, которые

в настоящее время имеют право доступа к действующему оборудованию телефонии; развитие стратегии технической и технологической интеграции между основными городами (внутри одного города) и т.д.; формирование многоцелевой инфраструктуры, способной проводить информацию и голосовой трафик по волокну.

Предоставление доступа «последний мили» предполагает развертывание деятельности в одном регионе или в 13 регионах (территория Пакистана разделена на 14 частотных зон, а также на территории провинции Джамму и Кашмир).

Услуги фиксированной связи телекоммуникационного рынка в Пакистане оказываются на базе. Действующих лицензий в секторе фиксированной связи по категориям местной связи и дальней и международной связи. Они включают мобильная связь, таксофоны, беспроводные таксофоны, международный звонок (голосовой протокол), широкополосная сеть передачи данных, кабельное телевидение.

Низкая плотность телефонии в Пакистане в сочетании с монопольной структурой индустрии фиксированной связи привела к сотрудничеству в операторской сфере и в области технического поддержания бизнеса между частным сектором и ТКП. Это обстоятельство подтолкнуло частных предпринимателей к инвестированию в телекоммуникационный сектор еще задолго до «полной» либерализации рынка. Центральное правительство предоставило лицензии частным участникам рынка. Основные сферы их деятельности – таксофоны (включая беспроводные таксофоны), абонентские карты, Интернет Протокол.

Правительство подготовило и одобрило инвестиционные проекты в области развития внутрифирменных сетей связи, размещения и конфигурации сетей связи, разработки системных приложений, проектов торговли через Интернет, электронной службы информации, службы поддержки развития информационных технологий, географической информационной системы, информационной безопасности, видеоконференцсвязи, международных спутниковых операторов, осуществляющих обмен данными внутри страны, систему сопровождения транспортных средств и системы глобальной подвижной персональной связи.

Развитие рынка таксофонов берет начало с 1992 г., когда министерство телекоммуникаций выдало лицензии 13 операторам в Пакистане. Помимо указанных лицензий, три компании начали деятельность в качестве операторов. В настоящее время на рынке действуют 90 компаний операторов таксофонов, основными крупными игроками являются WorldCall, Telecard, Dancom.

Рынок таксофонов в настоящее время насчитывает 100 тыс. аппаратов, в то время как потенциальный рынок оценивается в 200 тыс. Если включить установку использования беспроводной технологии, размер потенциального рынка может удвоиться, так как появится возможность довести сигнал до тех областей, где ТКП не имеет еще

развитой инфраструктуры. В настоящее время эти компании владеют лицензиями на установку беспроводной связи.

Рынок пользования фиксированной связью посредством абонентских карт также постепенно развивается в Пакистане. Абонентские карты применяются при осуществлении местных и международных звонков. Они стали использоваться сразу же после установки цифровых аппаратов.

Услуги связи Интернет Протокол, Интернет Телефония позволяют абонентам использовать Интернет как передающее устройство для ведения телефонного разговора. Подобные технологии способны значительно снизить стоимость дальней связи, также могут быть использованы для ведения разговоров в «чате».

Инфраструктура фиксированной связи

Телекоммуникационная компания Пакистана в 90-х годах XX в. была единственным провайдером фиксированной местной и международной телефонной связи в Пакистане, в то время как две другие компании – Национальная Телекоммуникационная Корпорация и Специальная организация связи имели ограниченный мандат на предоставление услуг для правительства и района Азад Кашмира. В дополнение к этому ряд компаний вышел на данный сегмент рынка, подписав контракты с ТКП на предоставление услуг по ведению операторской деятельности и оказанию услуг службы поддержки.

В настоящее время сложилась четкая инфраструктура фиксированной связи в Пакистане. Основными компаниями здесь являются

Компания WorldCALL позиционирует себя как игрока телекоммуникационного рынка и развивает инфраструктуру фибро-волоконной фиксированной связи в Лахоре и Карачи. В будущем компания планирует проложить кабель, Интернет и предоставить услугу голосовой связи. Компания является одним из ведущих операторов таксофонов в стране под сильным брендом «Hello», который в настоящее время владеет 30% рынка.

Компания серьезно заинтересована в привлечении инвестиций в основные фонды, нуждается в получении лицензии на голосовую связь. Без внушительных инвестиций, компания не сможет оставаться ведущей фигурой на рынке голосовой связи.

Компания Telecard предоставляет услуги проводных и беспроводных таксофонов в Карачи и прилегающих районах. В будущем компания нацелена на развитие сети беспроводной местной сети.

Компания появилась на рынке в тех регионах, где отсутствовала ТКП, применяет беспроводную технологию, обслуживает ту часть рынка, которая не имеет доступа к фиксированным линиям. Для реализации своих стратегических задач компания остро нуждается в привлечении инвестиций.

Национальная телекоммуникационная компания/НТК – государственная компания, действующая в области фиксированной меж-

дугородней/международной связи. Прилагает все усилия стать лидером в секторе информационных технологий и телекоммуникации. С этой целью разрабатывает и воплощает планы по обновлению оптоволоконной сети. Государственные органы телефонии и информационных технологий много раз подчеркивали, что НТК должна стать эффективной и финансово независимой организацией, предоставлять качественный сервис, проводить агрессивную маркетинговую стратегию для развития базы данных и системы телефонии, а также проникать сквозь частный рынок и продавать услуги НТС. Ставился также вопрос о создании Образовательной исследовательской сети Пакистана / Pakistan Educational Research Network (PERN).

Одной из ключевых задач является развитие инфраструктуры местной связи с целью дальнейшего совершенствования и величия плотности телефонных линий в стране. Одним из механизмов, который правительство стремится использовать для достижения поставленной цели, является использование средств фондов от несогласованности в ее исходящем и входящем трафике.

Входящий международный трафик Пакистана намного выше, чем исходящий, что и порождает несогласованность. Телекоммуникационный совет Пакистана отвечает за развитие данной программы, и фонды будут распределены между операторами местной и дальней/международной связи.

Телекоммуникационные услуги предоставляют новые варианты подхода к удовлетворению социальных потребностей, а также предлагают возможности для получения прибыли при комбинации проводной и беспроводной связи, как например, делает компания Grameen Telecom, дочернее подразделение норвежской Telenor в Бангладеш.

Еще одно направление телекоммуникационного бизнеса в Пакистане – участие в международном консорциуме по прокладке кабеля из Персидского залива. Телекоммуникационная компания Пакистана также планирует упрочить свое положение на международной арене путем инвестирования в международный консорциум по прокладке кабеля по дну Персидского залива. В сентябре 2002 г. ТКП подписала Меморандум о взаимопонимании о совместном сооружении подводной кабельной системы SEA-ME-WE-4. Кабель прокладывается от Сингапура до Франции. Пакистан инвестирует 40–45 млн. долл. Данная система соединит Юго-Восточную Азию, Ближний и Средний Восток и Европу. Подключение к этой системе качественно повысит мощности государственной ТКП не только для поддержания системы SEA-ME-WE-3, но также и для предоставления приемлемой голосовой услуги в международной оптоволоконной системе в целом.

Планируется, что кабель соединит Дубай с портом Гвадар в Пакистане, а затем будет проложен дальше к границе Китая. Также ТКП рассматривает варианты прокладки оптоволоконного кабеля до гра-

ниц Индии при одновременном решении вопросов безопасности с тем, чтобы в дальнейшем подсоединиться к подводному кабелю.

Факторы риска в развитии телекоммуникационного рынка Пакистана могут быть представлены в следующем виде:

1. Телекоммуникационная компания Пакистана в течение многих лет являлась единственным игроком на рынке. Существует вероятность, что ТКП будет и в дальнейшем диктовать условия конкуренции. Поэтому необходимо соблюдение строгих правил, выработанных Телекоммуникационным Советом Пакистана для всех участников рынка, согласно которым будут регулироваться тарифы, соглашения по подсоединению и т.д. Тем не менее, благоприятные рабочие отношения с ТКП рассматриваются как необходимое условие для любого игрока с тем, чтобы иметь определенный вес и влияние на телекоммуникационном рынке в целом.

2. До 2004 г. правительство Пакистана владело 88% доли ТКП и монопольно оперировала компанией. Курс правительства Пакистана по отношению к ТКП после провозглашения политики дерегулирования и либерализации позволит изменить динамику развития индустрии в целом, а также предоставит ряд возможностей инвесторам и местным компаниям.

3. Политика в случае смены правительства должна оставаться неизменной по отношению к участникам рынка. В настоящее время правительство заверяет, что политика останется неизменной в течение пяти лет, и дает гарантии возврата капиталовложений, что позволит инвесторам планировать свой бизнес.

4. Изменение геополитической ситуации также не должно нарушать бизнес. Тем более, что местное и международное бизнес-сообщество пошло вперед и инвестировало средства в уже существующие мощности с целью их совершенствования, а также в строящиеся объекты инфраструктуры телекоммуникационной отрасли в ответ на растущие потребности рынка. В то же время существующая сегодня неопределенность и непредсказуемость геополитической ситуации в регионе в целом играет негативную роль для инвестирования.

Пакистан не замыкается на внутренних проблемах развития телекоммуникационного сектора. Он является членом многих международных телекоммуникационных организаций, в частности, входит в состав Рабочей группы Организации экономического сотрудничества стран азиатско-тихоокеанского сотрудничества (**APEC TEL**), которая еще в марте 2003 г. обнародовала свою программу привлечения инвестиций, направленных на развитие телекоммуникационных компаний как государственных, так и частных с целью расширения сети телефонии. Также Пакистан сотрудничает с Международным Телекоммуникационным Союзом (ITU), Азиатско-тихоокеанским телекоммуникационным сообществом (APT), Азиатско-Тихоокеанским Советом по спутниковой связи (APSCC), Организацией экономического сотрудничества (ECO) и SAARC.

¹ De-regulation Policy for the Telecommunication Sector, July 2003. Ministry of Information Technology IT & Telecommunication Division. Government of Pakistan, www.moit.gov.pk.

² Reuters, Islamabad, May 27, 2004.

³ www.pakistan.gov.pk

⁴ De-regulation Policy for the Telecommunication Sector, July 2003. Ministry of Information Technology IT & Telecommunication Division. Government of Pakistan, www.moit.gov.pk.

⁵ Там же.

⁶ Reuters, Islamabad, May 26, 2004.

⁷ Там же.

⁸ The news. International. Islamabad / Rawalpindi Edition. Jung group of newspapers. 25.02.2004.

⁹ De-regulation Policy for the Telecommunication Sector, July 2003. Ministry of Information Technology IT & Telecommunication Division. Government of Pakistan, www.moit.gov.pk.

¹⁰ PTA, Information Memorandum Long Distance & International (LDI) and Local Loop (LL) Fixed line Telecommunication Service Licences. March 08, 2004. Pakistan Telecommunication Authority, www.pta.gov.pk

¹¹ Islamabad, Pakistan, 2004, c. 185.

¹² Reuters, Islamabad, September 25, 2003.

¹³ Reuters, Islamabad, May 25, 2004.

ИСЛАМ КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПАКИСТАНА

Трагические события сентября 2001 г. в США и последовавшая международная антитеррористическая операция привлекли внимание к Пакистану, его истории и особой роли, которую ислам продолжает играть в жизни пакистанского общества, оказывая несомненное влияние на принятие ключевых политических решений.

Успех на выборах в октябре 2002 г. альянса 6 исламистских партий («Муттахида Маджлис-е-Амаль»), завоевавшего 46 из 272 мест в Национальной ассамблее (третье место после Пакистанской мусульманской лиги им. Каид-и-Азама Мухаммеда Али Джинны и Пакистанской народной партии), – беспрецедентный случай в истории Пакистана. Он свидетельствует о значительном росте фундаменталистских настроений и резком всплеске антиамериканизма на фоне военной операции США в соседнем Афганистане, а также в Ираке и проамериканской позиции, занятой в связи с афганскими событиями президентом Пакистана Первезом Мушаррафом. Ситуация, сложившаяся после парламентских выборов, делает менее предсказуемой внешнюю политику страны.

Пакистан сегодня превратился в один из ведущих центров исламского фундаментализма и связанных с ним религиозного экстремизма и терроризма. Он принадлежит к числу крупнейших демографически мусульманских государств (145 млн. человек на 2002 г. – пятое место в мире). К тому же в отличие от более населенной пока Индонезии Пакистан характеризует конфессиональная однородность (97% жителей – мусульмане), а также местоположение на восточном фланге пояса исламских государств, протянувшегося с запада Африки до центра Евразии. В свете усиления исламского фактора во всем мире и с превращением региона Среднего Востока в арену высокой международной активности значение Пакистана как фактора мировой политики возрастает.

Внутренние предпосылки усиления исламского фактора в политике Пакистана в первые годы независимости

Первые мусульмане появились на территории Северной Индии в VII–VIII вв., однако прочные позиции ислам завоевал здесь только в XI–XIII вв. С того времени он стал частью жизни, культуры общества Британской Индии, а в конце XVIII – начале XIX вв. превратился в составляющую часть политического процесса. На всем протяжении существования Пакистана обращение политических лидеров к тради-

ционным стереотипам мусульманского населения служило важным политическим средством привлечения масс на свою сторону. Декларирование верности принципам ислама всегда было неотъемлемой частью политики как диктаторских-военных, так и демократических-гражданских режимов; приверженность исламу была немаловажной составляющей программ большинства политических партий. Ислам глубоко проник в политико-правовую систему Пакистана, исламизация различных сфер государственной и общественной жизни сохраняется, и с этим не могут не считаться политические акторы.

Следует, однако, отметить, что изначально в рамках идейной концепции отца-основателя Пакистана М.А.Джинны, получившей название теории «двух наций», ислам выступал как средство духовного, культурного и национального единения будущих граждан Пакистана. Как подчеркивал известный исследователь О.В.Плешов, для М.А.Джинны вопрос о создании Пакистана не означал образования исламского государства в теократическом, фундаменталистском смысле этого слова¹. Джинна не делал попыток теоретически обосновать положение, согласно которому принадлежность к одной религии могла бы стать решающей предпосылкой для объединения какой-либо общности людей в отдельную нацию. Однако после смерти Джинны в 1948 г. началась постепенная активизация исламских фундаменталистов, выступивших с альтернативным проектом базовых принципов конституционного строительства страны (т.н. Резолюция о целях, принятая Национальным собранием Пакистана в марте 1949 г.). Указанный документ создал прецедент совмещения исламского и гражданского законодательства, что повлияло на дальнейшее формирование всей правовой системы Пакистана.

В первой конституции страны, принятой в 1956 г., содержался целый ряд положений программы фундаменталистов. Государство было названо Исламской Республикой Пакистан. Полный текст Резолюции о целях был включен в качестве преамбулы в текст конституции. Согласно статье 198, Национальной ассамблее было поручено пересмотреть все существовавшие на тот момент законы на соответствие их принципам ислама, содержащимся в Коране и Сунне. Хотя государство признавалось светским, его идеологической основой объявлялся ислам. Это относилось и к вопросам внешней политики. В соответствии со статьей 24, государству надлежало прилагать все усилия для укрепления уз единства с мусульманскими странами (впоследствии это положение в том или ином виде было закреплено в Конституциях Пакистана 1962 г. (статья 21) и 1973 г. (статья 40).

Становление внешней политики Пакистана

Период конца 40-х – начала 50-х годов стал временем становления внешней политики Пакистана и его выхода на международную арену. 30 сентября 1947 г., выступая на пленарном заседании 3-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, министр иностранных дел Пакистана

Чоудхури Мухаммад Зафрулла-хан от имени своего правительства заверил международное сообщество, что «Пакистан приложит все усилия для достижения лучшего взаимопонимания между народами и внесет посильный вклад в дело сохранения и поддержания прочного мира»¹. Этот внешнеполитический курс вытекал из жизненных интересов молодого государства, которое нуждалось в благоприятных международных условиях, чтобы упрочить завоеванную независимость.

Следует отметить, что на процесс формирования внешней политики Пакистана серьезное влияние оказывали отношения с соседними странами. С первых лет независимости в связи с разделом Британской Индии между Пакистаном и Индией возникли многочисленные споры по территориальным, финансовым, имущественным и другим вопросам. Через несколько месяцев после достижения независимости между двумя странами вспыхнул вооруженный конфликт из-за бывшего княжества Джамму и Кашмир. Одновременно у Пакистана возникли серьезные разногласия с правительством Афганистана, связанные, прежде всего, с «проблемой Пуштунистана». Указанные противоречия в отношениях с соседними государствами обусловили стремление Пакистана найти союзников, с помощью которых можно было бы попытаться укрепить свои позиции на международной арене и заручиться их поддержкой в решении территориальных споров.

Следует подчеркнуть, что внешнюю политику Пакистана невозможно рассматривать вне контекста его отношений с Индией. С самого начала своего независимого существования Пакистан столкнулся с нарастающим конфликтом со своим соседом. Комплекс противоречий и проблем в отношениях с Дели оказывал и оказывает постоянное влияние на формирование пакистанским руководством внешнеполитического курса страны. Индийский фактор так или иначе принимался во внимание правящими кругами Пакистана при определении приоритетов в двусторонних отношениях с другими государствами и при выработке официальной позиции страны в ходе участия в международных форумах.

Курс на укрепление позиций в исламском мире

В первые годы после завоевания независимости Пакистаном его лидеры предприняли активные попытки создать союз мусульманских стран, в котором Пакистан мог бы играть руководящую роль. Еще в апреле 1943 г., стремясь объяснить необходимость создания государства Пакистан, М.А.Джинна заявил, что этому новому независимому государству Южной Азии предначертана роль лидера в мусульманском мире². А в своем послании в 1948 г. по случаю праздника Ид ул-фитра³ Кайд-и Азам подчеркнул: «Мое послание по случаю празднования Ид ул-фитра являет собой послание дружбы и доброй воли. Мы все сегодня переживаем трудные времена. Драма, разыгравшаяся с участием великих держав в Палестине, Индонезии и Кашмире, должна послужить нам предостережением. Только объединившись, мы сможем сделать так, что наш голос будет услышан мировым сообществом»⁴.

Организация подобного блока во главе с Пакистаном, как считает известный российский востоковед В.Н.Москаленко, имела целью укрепить внешнеполитическое положение страны, его позиции в конфликте с Индией. Одновременно во внутренней жизни Пакистана успехи в сплочении исламских государств были призваны усилить чувства «мусульманского единства» населения и тем самым стабилизировать внутреннюю обстановку в стране, отвлечь внимание пакистанских граждан от внутренних проблем⁵.

Для реализации своих планов пакистанские руководители совершили серию поездок по мусульманским странам; им удалось организовать несколько политических, экономических и религиозных конференций с участием представителей мусульманских государств. К концу 1948 г. Пакистан установил дипломатические отношения практически со всеми мусульманскими странами мира. В феврале 1949 г. в Карачи состоялась IV-я сессия Всемирного исламского конгресса (ВИК), первое заседание которого прошло в 1926 г. в Мекке. На IV-й сессии было принято решение активизировать деятельность ВИК на более широкой основе с привлечением большего числа участников от мусульманских государств. По решению V-й сессии ВИК, штаб-квартира Конгресса была размещена в г. Карачи (Пакистан).

Однако усилия по созданию упомянутого блока не увенчались успехом, что во многом было связано с нежеланием других мусульманских государств признать претензии Пакистана на лидерство в исламском мире. По мнению исследователя Н.В.Жданова, после Второй мировой войны панисламизм, некогда бывший инструментом укрепления Османской империи, стал орудием соперничества между Пакистаном, Саудовской Аравией, Ираном, Ливией и рядом других стран за гегемонию в мусульманском мире⁶.

Арабские идеологи использовали тот факт, что ислам возник среди арабов, а Коран ниспослан на арабском языке, что, по их мнению, делает неоспоримым исключительную роль арабского народа среди мусульман⁷. Пакистан же не принадлежит к арабскому эпицентру ислама, культурно и этнически он скорее относится к индо-иранской цивилизации. Как считают некоторые исследователи, в частности И.Мурадян, подобная цивилизационная принадлежность Пакистана делает его положение в исламском мире уязвимым, а его по существу периферийным государством по отношению к сакральным центрам ислама⁸.

Если в первые годы независимости страны пакистанские руководители с некоторой наивностью и идеализмом, как пишет С.М.Бурке⁹, относились к развитию многостороннего сотрудничества со странами мусульманского мира, то постепенно они начали осознавать серьезные расхождения между позициями мусульманских государств, с одной стороны, и интересами Пакистана, с другой, и избрали более прагматичный курс в своей внешней политике.

Выбор прозападной ориентации и присоединение к военно-политическим блокам

Провал попыток пакистанского руководства укрепить позиции страны в мире ислама и заручиться поддержкой мусульманских стран в условиях развернувшейся «холодной войны» означал только одно: Пакистан был вынужден включиться в сложившуюся биполярную систему международных отношений на стороне одной из двух сверхдержав. Советский Союз в те годы не проявлял особой активности в Южной Азии, а противоречия с Индией побуждали пакистанцев искать могущественного покровителя. Соответственно, Пакистан стал все больше склоняться в сторону Запада. Существенное значение для выбора курса пакистанским руководством имели также и соображения политико-идеологического характера. Уже на встрече с государственным секретарем США Джорджем Кэтлеттом Маршаллом в Париже в октябре 1948 г. премьер-министр Пакистана Лиакат Али-хан подчеркнул, что «немыслимо, чтобы Пакистан пал жертвой коммунизма, поскольку коммунизм выступает против ислама»¹⁰.

24 февраля 1955 г. в Багдаде при непосредственном участии Великобритании и США был подписан «Пакт о взаимном сотрудничестве между Ираком и Турцией», положивший начало Организации Багдадского пакта (с 1959 г. – Организация центрального договора, СЕНТО). 4 апреля 1955 г. к Пакту присоединилась Великобритания, 23 сентября того же года – Пакистан, 3 ноября – Иран. США, не являясь формально участником Багдадского пакта, с 1956–1957 гг. входили в основные комитеты этой военно-политической группировки. Вступая в Багдадский пакт и СЕАТО (8 сентября 1954 г. пакистанское руководство подписало «Договор о коллективной обороне Юго-Восточной Азии», оформивший создание Организации договора Юго-Восточной Азии – СЕАТО), правящие круги Пакистана рассчитывали на то, что участие в созданной западными державами системе блоков не только обеспечит приток в страну инвестиций из США, но и укрепит внешнеполитические позиции Пакистана в Южной Азии, а также на Ближнем и Среднем Востоке.

Арабские государства крайне негативно отнеслись к присоединению Пакистана к Багдадскому пакту. Так, в частности, посольство Саудовской Аравии в Пакистане опубликовало заявление, содержащее призыв к пакистанскому руководству выйти из Пакта и «вернуться на путь истинный»¹¹. Присоединение Пакистана к Багдадскому пакту было названо в заявлении «ударом ножом в сердце арабских и мусульманских государств»¹².

Тем не менее, во время Суэцкого кризиса 1956 г. Пакистан не только не вышел из Багдадского пакта, скомпрометировавшего себя в глазах народов арабских государств участием одного из его членов в агрессии против Египта, но даже предпринял шаги по укреплению этого блока. Несмотря на то, что пакистанское правительство осудило тройственную агрессию и потребовало от Великобритании и Франции прекращения

военных действий и вывода их войск с территории Египта, в том, что касается вопроса национализации Суэцкого канала, пакистанское руководство заняло позиции сторонника компромисса между Египтом и западными державами. Это привело к резкому ухудшению пакистано-египетских отношений. Заявления премьер-министра Пакистана Мухаммада Али Ботта о том, что соглашения в области безопасности с Турцией и Соединенными Штатами являются важным шагом на пути укрепления мусульманского мира¹³, не смогли предотвратить общее охлаждение отношений Пакистана с арабскими странами во второй половине 50-х годов.

Таким образом, выбор Пакистаном ориентации на Соединенные Штаты в своей внешней политике во многом предопределил всю последующую деятельность пакистанского правительства на мировой арене. Видя в США своего ключевого союзника и не желая вносить разлад в отношения с Белым домом, Пакистан при принятии внешнеполитических решений во многом действовал с оглядкой на Вашингтон. Это не могло не сказаться на двусторонних отношениях Пакистана с другими мусульманскими странами и его участии в многосторонних исламских форумах. Вместе с тем, пакистанское руководство не отказалось от попыток повышения своей роли в исламском мире. Пакистан по-прежнему занимал твердую позицию в отношении Израиля, не признавая этого государства, и критиковал Великобританию, Францию и США за военную помощь этой стране. Одновременно Пакистан взял курс на многостороннее развитие связей со своими мусульманскими партнерами по Багдадскому пакту – Турцией и Ираном.

60-е годы: укрепление отношений Пакистана с мусульманским миром

На рубеже 50–60-х годов наметилась явная тенденция охлаждения пакистано-американских отношений, что в определенной степени было связано с недовольством пакистанского руководства политикой Соединенных Штатов в отношении военно-политических группировок, в которые входил Пакистан, а также с постепенным улучшением американо-индийских отношений. Раздражение у пакистанских лидеров вызывал и тот факт, что участие Пакистана в военно-политических блоках не способствовало реализации внешнеполитических целей этого государства, особенно в том, что касается противостояния с Индией и решения кашмирского вопроса. С приходом в октябре 1958 г. к власти в Пакистане в результате переворота Мухаммада Айюб-хана был взят курс на развитие дружественных отношений с мусульманскими государствами на двусторонней основе.

Нормализация отношений и интенсификация контактов между Пакистаном и странами мусульманского Востока (60-е годы)

Для Пакистана было крайне важно заручиться поддержкой арабских стран, некоторые из которых к тому времени уже обрели заметный вес на международной арене. Кроме того, Пакистан был заинтере-

ресован в укреплении экономических связей с нефтеэкспортирующими странами, которые, помимо этого, были и важным рынком сбыта для пакистанских экспортных товаров. Для реализации своих национальных интересов высшие руководители страны совершили ряд поездок по странам-потенциальным партнерам Пакистана. С конца 1959 г. по начало 1961 г. президент Пакистана М.Айюб-хан посетил Иран, Турцию, Саудовскую Аравию, ОАР, Индонезию. В это время состоялись визиты в Пакистан глав государств и правительств Ирана, Турции, ОАР, членов правительства Афганистана.

Кроме того, Пакистан предпринимал активные попытки по развитию сотрудничества со странами исламского мира по широкому кругу вопросов. В Саудовскую Аравию, Ливию, Судан, Ирак были направлены пакистанские специалисты в различных областях науки и техники; молодежь из Иордании, Саудовской Аравии, ОАР, Судана, Ирака получила возможность получать профессиональное образование в пакистанских вузах.

Особенно успешно развивались отношения Пакистана с Иорданией и Саудовской Аравией, поддерживавшими пакистанскую сторону в конфликтах с Индией. В 1961 г. было подписано соглашение о поставках пакистанского оружия Саудовской Аравии. В 1966 г. между Пакистаном и Иорданией было достигнуто соглашение о сотрудничестве в области промышленности.

Одновременно пакистанское руководство посредством укрепления союза трех мусульманских стран в рамках СЕНТО (Пакистана, Турции, Ирана) пыталось возродить идею создания блока исламских государств. Следует отметить, что, оказавшись в некоторой изоляции в мусульманском мире, Пакистан, Иран и Турция оказывали поддержку друг другу по важным для каждой из сторон вопросам международной политики. Пакистан выступал на стороне Турции в кипрском вопросе. Так, в ноябре 1967 г. президент Айюб-хан заявил, что «в случае какого-либо конфликта Пакистан будет вместе с Турцией и будет сражаться плечом к плечу с нашими турецкими братьями»¹⁴. Пакистан поддерживал Иран при осложнении его отношений с некоторыми арабскими странами (в частности, был на стороне Ирана во время ирано-иракского пограничного конфликта в 1969 г.). В свою очередь, иранское руководство участвовало в процессе нормализации отношений между Пакистаном и Афганистаном. При посредничестве иранского шаха в 1966 г. были восстановлены дипломатические отношения между Пакистаном и Малайзией. Важную роль в дальнейшем развитии экономического сотрудничества между Пакистаном, Турцией и Ираном сыграла созданная в 1964 г. Организация Регионального сотрудничества для развития.

В плане эффективности избранной пакистанским руководством линии с упором на исламский вектор во внешней политике показательная поддержка Пакистану со стороны всех мусульманских государств

(за исключением только ОАР и Йемена) в индийско-пакистанской войне 1965 г. Так, правительство Ирана выступило с заявлением о том, что атака Индии на Пакистан рассматривается Ираном в качестве агрессии и что народ Ирана «окажет любую возможную помощь своим пакистанским братьям и сестрам»¹⁵. Посольство Саудовской Аравии в Пакистане опубликовало заявление, в котором говорилось, что Индия «совершила акт агрессии против наших пакистанских и кашмирских братьев»¹⁶, и даже демонстрируя солидарность с ними, воздержалось от празднования Национального дня своей страны. Король Иордании Хусейн подчеркнул, что Иордания будет поддерживать Пакистан до тех пор, пока «не будет восстановлена справедливость»¹⁷, и учредил фонд по сбору средств на нужды обороны Пакистана.

Укрепление уз «исламской солидарности» (конец 60-х – 70-е годы)

Во второй половине 60-х годов XX в. под влиянием, в частности, поражения Египта в шестидневной войне в июне 1967 г. роль ислама на Ближнем Востоке и в международных отношениях в целом резко возросла. Последствия войны серьезно изменили соотношение сил на Арабском Востоке. Как следствие этого, Египет и Сирия были вынуждены пойти на нормализацию отношений с Саудовской Аравией, что привело к заметному росту влияния последней в мусульманском мире.

Что касается реакции Пакистана, то после нападения Израиля на арабские страны в июне 1967 г. пакистанское правительство решительно выступило с требованием прекращения израильской агрессии и безусловного отвода войск Израиля с захваченных территорий. Пакистан стал одним из авторов резолюции Генеральной ассамблеи и Совета Безопасности ООН, объявивших меры Израиля по изменению статуса Иерусалима недействительными. Более того, сразу после войны пакистанское руководство направило в Иорданию военную миссию, а также заключило соглашение о содействии Пакистана вооруженным силам Саудовской Аравии в военной подготовке и технических консультациях.

21 августа 1969 г. весь исламский мир был потрясен известием о пожаре мечети Аль-Акса в Иерусалиме, который был оккупирован Израилем. 25 августа 1969 г. в Каире собрались министры иностранных дел 14 арабских государств и согласились с предложением Саудовской Аравии о проведении Совещания в верхах исламских государств для обсуждения развития событий на Ближнем Востоке. В работе Подготовительного комитета приняли участие представители Марокко, Саудовской Аравии, Иран, Пакистана, Нигера, Сомали и Малайзии.

В сентябре 1969 г. в столице Марокко Рабате состоялась первая конференция глав государств и правительств мусульманских стран и были заложены основы Организации Исламская конференция (ОИК). В Декларации Совещания от 24 сентября 1969 г. были сформулированы принципы деятельности и проведения встречи в верхах исламских стран, в частности, решимость сохранить духовные, моральные

и социально-экономические ценности ислама, твердую веру в приверженность учению ислама, продемонстрировать стремление укрепить и расширить духовные братские связи между своими народами¹⁸. Следует отметить, что по настоянию Пакистана делегация Индии была вынуждена покинуть Совещание, несмотря на то, что инициатором приглашения индийских представителей был король Саудовской Аравии Фейсал.

Как отмечают российские ученые В.Я.Белокреницкий, В.Н.Москаленко, Т.Л.Шаумян в своей комплексной работе «Южная Азия в мировой политике», именно в этот период Пакистану удалось существенно изменить традиционный баланс предпочтений в отношении стран Южной Азии, который характеризовал политику Саудовской Аравии, превратившейся в самое богатое государство арабо-исламского мира¹⁹. Как уже было сказано, в 1967 г. Саудовская Аравия заключила с Пакистаном военное соглашение, в соответствии с которым пакистанские советники приняли участие в модернизации саудовских вооруженных сил. Было налажено тесное сотрудничество в военной сфере между пакистанскими и иорданскими специалистами (пакистанские войска приняли участие в подавлении восстания иорданских палестинцев в 1971 г.). В период вооруженного конфликта в Южной Азии в 1971 г. Иордания и Саудовская Аравия осуществляли поставки военной техники Пакистану.

Знаком укрепления сотрудничества Пакистана с мусульманскими государствами можно считать и тот факт, что в кризисном для Пакистана 1971 г. арабские страны заняли благожелательную для пакистанской стороны позицию, а на чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1971 г. проголосовали за благоприятный для Пакистана проект резолюции.

В этот период был также дан дополнительный импульс экономическому сотрудничеству между странами. Это, в частности, нашло свое отражение в росте торговли Пакистана с большинством из этих стран.

Изменение геополитического положения Пакистана – новый внешнеполитический курс (70-е годы)

Распад страны и образование нового независимого государства – Бангладеш нанесло серьезный урон не только экономике Пакистана. Новое правительство Пакистана во главе с Зулфикаром Али Бхутто столкнулось с необходимостью решать широкий комплекс проблем, поскольку последствия кризиса 1971 г. охватывали практически все стороны внутренней жизни Пакистана и его внешнюю политику. Стремясь реализовать принцип «двусторонности» во внешней политике и обеспечить себе большую самостоятельность на международной арене, а также заручиться поддержкой мусульманского мира в послевоенном урегулировании, уже в январе 1972 г. З.А.Бхутто посетил Афганистан, Иран, Турцию, Марокко, Тунис, Ливию, Алжир, Египет, Сирию. В ноябре 1972 г.

Исламабад объявил о выходе Пакистана из СЕАТО. Во внешнеполитических связях Пакистана произошла очевидная переориентация на развитие отношений со странами Ближнего и Среднего Востока.

Такое изменение внешнеполитического курса было связано не только с тем, что с образованием Бангладеш Пакистан потерял непосредственный выход в Юго-Восточную Азию. Правительство Бхутто рассчитывало опереться на поддержку мусульманских стран Востока при решении спорных вопросов с Индией и Бангладеш. К тому же принимался во внимание тот факт, что роль мусульманских стран в международных отношениях заметно возросла в начале 70-х годов. Более того, пакистанские руководители надеялись использовать финансово-кредитные возможности Ирана и богатых нефтью арабских государств для решения внутренних экономических проблем страны и укрепления собственного военного потенциала. Здесь также следует отметить, что после введения нефтяного эмбарго арабскими странами в конце 1973 г. и многократного роста цен на сырую нефть район Персидского залива стал центром притока рабочей силы, в т.ч. и не в последнюю очередь из Пакистана.

Постоянное присутствие исламского фактора во внутренней и внешней политике Пакистана нельзя в полной мере считать показателем искреннего стремления руководства страны превратить ее в действительного лидера мусульманского мира и претворить в жизнь социально-политические идеалы ислама (в качестве исключения можно лишь говорить о политике исламизации Зии уль-Хака). Постоянное апеллирование пакистанских политических лидеров к догматам ислама говорит лишь об умелом манипулировании религиозными чувствами населения в целях укрепления избирательной базы и желания заручиться поддержкой пакистанских граждан при проведении определенного политического курса.

Использование лозунгов «исламской солидарности» характерно и для политической деятельности Зульфикара Али Бхутто. Еще в ходе избирательной кампании 1970 г. З.А.Бхутто выдвинул четыре лозунга, которые до 1977 г. служили краеугольным камнем пропагандистской платформы Пакистанской народной партии (ПНП): «Ислам – наша вера», «Демократия – наша система государственного устройства», «Социализм – наша экономика», «Вся власть народу». По словам известной исследовательницы Л.Н.Полонской, отделение религии от политики при З.А.Бхутто так и не состоялось, что было связано, в частности, с заинтересованностью правительства З.А.Бхутто в помощи со стороны нефтедобывающих мусульманских арабских стран, с активной ролью в растущем движении «исламской солидарности» и со стремлением использовать исламский социализм для мобилизации масс на выборах, когда лидер ПНП Зульфикар Али Бхутто широко обращался к практике «народного ислама» (суфизм), противопоставляя его традиционалистам²⁰. Следует отметить, что уступки мусуль-

манским богословам нашли свое отражение также в третьей Конституции Пакистана, принятой 10 апреля 1973 г.

Многостороннее сотрудничество между Пакистаном и странами Ближнего и Среднего Востока, заложенное в 60-е годы, с приходом к власти Зульфикара Али Бхутто поднялось на новую ступень. Мусульманские страны были заинтересованы в содействии Пакистана в укреплении их международных позиций, особенно в том, что касалось противостояния Израилю, а также выработки единой позиции мусульманских государств на международной арене. В экономическом плане Пакистан стал для нефтеэкспортирующих стран, переживавших экономический подъем и нуждавшихся в предметах потребления, важным поставщиком продовольствия, стройматериалов, а также квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы. Более того, пакистанская сторона оказывала странам Ближнего и Среднего Востока техническое содействие, помощь в подготовке кадров, содействие в развитии военной сферы, включая подготовку военного персонала. Более того, пакистанские военнослужащие состояли на службе в вооруженных силах Ливии, Саудовской Аравии, ОАЭ, Кувейта, Омана, Иордании. Пакистанцы составляли до половины личного состава вооруженных сил, например, Омана и Абу-Даби²¹.

Наиболее значительным достижением Пакистана по линии укрепления отношений с мусульманским миром стала подготовка и проведение в Лахоре в 1974 г. второй встречи глав государств и правительств исламских стран. Председателем на конференции был пакистанский лидер З.А.Бхутто. По предложению пакистанского правительства был создан Исламский банк развития, Пакистан стал членом Постоянного совета Исламского фонда солидарности, созданного в соответствии с решениями Лахорской конференции для финансирования пропаганды исламской идеологии, развития науки и культуры в мусульманских странах.

Вместе с тем, широкое многостороннее сотрудничество с мусульманскими странами Востока имело противоречивые последствия для Пакистана. С одной стороны, в политической сфере прочные позиции в движении «исламской солидарности» способствовали повышению авторитета Пакистана на международной арене и обеспечивали поддержку его линии в индо-пакистанских противоречиях. Кроме того, пакистанские производители расширили свое участие на ближневосточных рынках, пакистанская экономика стала центром притока инвестиций из стран этого региона. Пакистан частично решил проблему высокого уровня безработицы за счет экспорта рабочей силы в мусульманские арабские страны.

С другой стороны, подобное позиционирование Пакистана как одного из ключевых государств мусульманского мира накладывало определенные ограничения на другие направления пакистанской внешней политики. Стремясь иметь хорошие отношения со всеми му-

мусульманскими странами, пакистанское руководство не раз занимало нейтральную позицию в спорных вопросах, воздерживаясь от открытой поддержки одной из сторон. В официальном издании министерства иностранных дел, посвященном отношению с мусульманскими государствами, было указано, что Пакистан «следует принципу двусторонности в отношениях не только с великими державами, но и с мусульманскими государствами. Это значит, что он должен развивать дружественные отношения с одной мусульманской страной или группой таких стран так, чтобы не ухудшать отношений с другой»²².

Кроме того, тесная связь с консервативными режимами богатых мусульманских государств обусловила их политическое и идеологическое влияние на внутривнутриполитическую жизнь Пакистана (в частности, по линии сотрудничества с пакистанской партией Джаамат-и Ислами). Как считают некоторые исследователи, Саудовская Аравия оказала поддержку исламистским силам Пакистана, что стимулировало развитие политического кризиса в стране, приведшего к военному перевороту 5 июля 1977 г.²³

Пакистан – «прифронтовое государство».

Политика исламизации Зия уль-Хака

В середине 70-х годов регион Среднего Востока стал ареной высокой внутривнутриполитической и международной активности. В течение короткого промежутка времени в трех соседних государствах произошли военно-политические перевороты, коренным образом изменившие геополитическую картину в этой части планеты: военный переворот в Пакистане в июле 1977 г., революция в Афганистане в апреле 1978 г. и исламская революция в Иране в феврале 1979 г. Каждое из этих событий не только меняло расстановку политических сил на стыке Южной Азии и Ближнего Востока, но и самым непосредственным образом воздействовало на международные отношения и противостояние двух сверхдержав.

Именно на этот период истории Пакистана приходится пик влияния исламистов на политические, экономические и социальные процессы в стране. К выработке основ и проведению политики исламизации Зия уль-Хак, учителем которого считается Абул Ала Маудуди, один из самых авторитетных идеологов ислама в Южной Азии, привлек Джаамат-и Ислами, консервативные идеи которой во многом перекликаются со взглядами правящего королевского дома Саудовской Аравии. Как подчеркивал О.В.Плешов, это давало основания отдельным представителям оппозиции обвинять Зию уль-Хака в том, что впервые в Пакистане процесс исламизации проходит не в соответствии с исламскими законами, а по сценарию Маудуди и династии Саудов²⁴. Примечательно, что А.Маудуди стал первым иностранцем, который в 1978 г. удостоился премии короля Фейсала «За выдающиеся заслуги на поприще ислама».

Составной частью политики исламизации становится использование пакистанской территории во имя «спасения ислама» в Афганистане. 27 декабря 1979 г. советский военный контингент был введен в Афганистан. Реакция пакистанского руководства не заставила себя ждать. Пакистан не признал новое правительство Афганистана, прервал с этой страной дипломатические отношения и заявил о готовности принять на своей территории афганских беженцев. Одновременно на пакистанской территории были созданы базы и лагеря для подготовки военных формирований афганской оппозиции. В январе 1980 г. Исламабад потребовал срочного созыва Совета Безопасности ООН для обсуждения афганского вопроса. По инициативе Пакистана и Саудовской Аравии в течение месяца была созвана чрезвычайная сессия Генеральной ассамблеи ООН для обсуждения положения в Афганистане. В дальнейшем пакистанские представители играли активную роль при принятии резолюций, направленных против правящих в Кабуле сил.

Избранный Исламабадом политический курс способствовал получению Пакистаном финансовой помощи из нефтедобывающих мусульманских стран и поддержки этими странами его антииндийских позиций. Участие в афганских событиях, несомненно, сыграло ключевую роль в активизации роли Пакистана в движении «исламской солидарности» и подпитывало в какой-то мере его претензии на лидерство в мусульманском мире, прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке. Об этом свидетельствует и деятельность пакистанских представителей в рамках Организации Исламской конференции.

Делегация Пакистана чрезвычайно активно действовала на созванной по решению IX-й Конференции ОИК Лондонской конференции «Оборона и мусульманский мир» в феврале 1979 г. Примечательно, что конференция была посвящена не военным аспектам борьбы с израильской агрессией, а «формулированию союза мусульманских стран на основе самообеспечения и совместной обороны»²⁵. Пакистанским представителям удалось провести в рекомендациях Конференции целый ряд своих предложений, в частности, касавшихся создания института по вопросам обороны, занимающегося изучением военно-экономических потенциалов стран планируемого союза и разработкой системы совместной обороны; создания комиссии экспертов по выработке рекомендаций в области военного сотрудничества между мусульманскими странами; организации пропагандистского аппарата и др. В рамках рекомендаций конференции Пакистану поручалось заниматься вопросами военно-политической доктрины мусульманского мира, военной стратегией и тактикой, концепцией исламской идеологии, формированием руководящих, контролирующих и исполнительных органов и учреждений Союза²⁶.

О расширении участия Пакистана в международных отношениях говорит и тот факт, что в 1980 г. в Пакистане прошли две конферен-

ции министров иностранных дел ОИК (январь и май 1980 г.) и Зия уль-Хак был избран их президентом. В таком качестве пакистанский лидер выступал от имени «исламского мира» на 35-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1980 г. и принимал, хотя и безуспешно, участие в посреднической миссии между Ираном и Ираком в ирано-иракской войне.

Наиболее тесные отношения военный режим Пакистана в тот период имел с Саудовской Аравией и другими монархическими режимами Залива. Военные контакты между странами именно в это время находились в зените. Эр-Рияд субсидировал приобретение Исламабадом американского оружия, в частности, самолетов F-16; две пакистанские бригады несли службу в саудовских вооруженных силах, пакистанские летчики исполняли роль инструкторов в ВВС королевства. Пакистанские офицеры, как отмечалось, занимали ответственные посты в вооруженных силах Омана и Кувейта. К 1986 г. в 22 странах Ближнего и Среднего Востока и Восточной Африки находились примерно 50 тыс. пакистанских солдат. На службе в военноморских силах Кувейта и Саудовской Аравии по большей части находились пакистанские военнослужащие²⁷.

Значительных масштабов к началу 80-х годов достигли взаимная торговля и экономическая помощь Саудовской Аравии Пакистану. В октябре 1979 г. Саудовская Аравия предоставила Пакистану 100 млн. долларов, 20% из которых были сразу же потрачены на оплату импорта, а 80% пополнили валютные резервы страны²⁸. Предоставив в общей сложности по государственным каналам 500 млн. долларов, Эр-Рияд в 1981 г. объявил о намерении вложить в пакистанскую экономику еще 3 млрд. долл.²⁹

Хотя в центре внимания мирового сообщества в 80-е годы в этом регионе находилась ситуация вокруг Афганистана, Пакистан не забывал об индийском направлении своей внешней политики и, сознавая свою значимость в стратегических планах Вашингтона и новую роль в исламском мире, не упускал возможность привлечь общественное внимание к обострению религиозно-общинной обстановке в Индии для дискредитации индийского правительства. Так, в 1980 г. правительство Пакистана выразило «серьезную озабоченность» по поводу межобщинных конфликтов и потребовало от индийского правительства неотложных мер по предотвращению индусско-мусульманских столкновений, обеспечения безопасности жизни и сохранности имущества мусульманских граждан в Индии³⁰.

Несмотря на высокие дивиденды, полученные Пакистаном в результате его роли «прифронтового государства», уже во второй половине 80-х годов начали проявляться негативные аспекты вовлечения Исламабада в события в Афганистане. В стране усилилась инфляция, росли цены, увеличивался внешнеторговый дефицит. Быстро росла внешняя задолженность. Серьезные проблемы экономического,

социального и политического характера возникли в результате пребывания на пакистанской территории более 3 млн. афганских беженцев. Следует также отметить, что Пакистан превратился в один из основных транзитных и перевалочных пунктов международной контрабандной торговли наркотиками и оружием.

По мере того, как переговорный процесс по афганскому урегулированию в Женеве подходил к завершению, все очевиднее стали проявляться расхождения между Исламабадом и Вашингтоном относительно дальнейшей политики в Афганистане. Обнаружились также расхождения в позициях Пакистана и одного из его ключевых партнеров на Ближнем и Среднем Востоке – Саудовской Аравии; они были связаны со стремлением Эр-Рияда добиться преобладания в Афганистане наиболее близких к нему идеологически афганских политических группировок. Разными в значительной степени были и внешнеполитические позиции по основным вопросам политики в регионе Ирана и Пакистана. Иран выражал свое недовольство тесными связями Пакистана с США, отсутствием пакистанской поддержки в его военном конфликте с Ираком и в спорах с арабскими государствами по поводу островов в Персидском заливе, отличались и подходы к ситуации вокруг Афганистана.

В апреле 1988 г. в Женеве были подписаны пять документов по вопросам политического урегулирования ситуации в Афганистане. А в августе этого же года президент Пакистана Зия уль-Хак вместе с группой высших военачальников погиб в авиакатастрофе. Эти события обусловили значительные перемены во внутривнутриполитической жизни Пакистана. На выборах в ноябре 1988 г., завоевав относительно большинство, победу одержала Пакистанская народная партия, возглавляемая дочерью З.А.Бхутто – Беназир Бхутто.

Окончание «холодной войны»: новая расстановка сил

Конец 80-х – начало 90-х годов характеризовались кардинальными изменениями структуры международных отношений и расстановки политических сил в мире, что оказало непосредственное влияние на формирование соответствующего новым реалиям внешнеполитического курса Пакистана. С окончанием «холодной войны» у ключевого союзника Исламабада – США появились новые возможности на мировой арене. Прекращение глобальной конфронтации означало исчезновение реальной военной угрозы Соединенным Штатам и превращение их в единственную военную сверхдержаву. США приобрели гораздо большую свободу стратегического маневра. Новая ситуация в мировой политике обусловила падение значимости Пакистана в стратегии Вашингтона, что вынудило Исламабад искать новые возможности укрепления своих внешнеполитических позиций, в частности, за счет расширения связей с мусульманским миром, включая и афганское направление.

Пришедшее к власти правительство ПНП придавало большое значение развитию отношений с Саудовской Аравией, о чем свидетельствует тот факт, что первую же свою заграничную поездку пакистанский премьер-министр Беназир Бхутто совершила в королевство в 1989 г. для совершения умры – малого паломничества к святым местам. Второй визит пакистанского руководителя в Саудовскую Аравию последовал уже в 1990 г.

Афганский вопрос стал одним из центральных в отношениях с Саудовской Аравией. Новое пакистанское правительство объявило о преемственности курса в отношении Афганистана. Взаимодействие двух стран заметно оживилось с середины 90-х годов, когда Исламабад и Эр-Рияд стали оказывать политическую поддержку и материальную помощь Движению талибов в Афганистане. Саудовская Аравия так же, как и Пакистан, признала правительство, сформированное Движением талибов в сентябре 1996 г. Ситуация в Афганистане была предметом обсуждения во время визита министра иностранных дел Пакистана Гохар Айюб-хана в Саудовскую Аравию в сентябре 1997 г.

Еще одной благоприятной возможностью продемонстрировать свою солидарность с исламским миром стал кризис в Персидском заливе в начале 90-х годов. Правительство Пакистана крайне отрицательно отнеслось к вторжению Ирака на территорию Кувейта и потребовало немедленно вывести иракские войска с кувейтской территории. Пакистанское правительство приняло решение о направлении 11-тысячного контингента в Саудовскую Аравию в период военных действий. Первый корпус пакистанских войск в 2000 человек прибыл в Королевство в августе 1990 г. В своем обращении к нации в январе 1991 г. пакистанский премьер-министр Мухаммад Наваз Шариф заявил, что Ирак ничем не помог своим исламским братьям в разрешении кашмирской проблемы и урегулирования конфликта в Афганистане, в то время как Саудовская Аравия и Кувейт всегда выступали за единство мусульманского братства³¹. В октябре 1991 г. Саудовскую Аравию посетил президент Гулам Исхак-хан.

Пакистанское руководство не упускало возможности подчеркнуть принадлежность Пакистана к мусульманскому миру и продемонстрировать свою солидарность с «кашмирскими братьями». Так, в феврале 1994 г. премьер-министр Беназир Бхутто организовала общенациональную забастовку, чтобы оказать моральную поддержку воюющим мусульманским сепаратистам в индийском штате Джамму и Кашмир. В 1995 г. секретарь по вопросам информации ПНП заявил на одной из пресс-конференций, что Пакистан ни в коем случае не должен рассматриваться как светское государство, поскольку по конституции ислам является государственной религией Пакистана, а само государство – исламской республикой³². Во многом благодаря активности пакистанского внешнеполитического ведомства, представители Кашмира были приглашены на сессии ОИК на уровне министров иностранных дел в Джакарте в 1996 г.

В 90-е годы Пакистан расширил свои внешнеполитические связи с мусульманским миром за счет включения в сферу своих интересов стран Средней Азии. В 1992 г. Афганистан и шесть независимых государств Центральной Азии и Закавказья (Узбекистан, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан, Азербайджан) вошли в состав Организации экономического сотрудничества (новое название бывшей Организации Регионального сотрудничества ради развития, членами которой являлись на тот момент Пакистан, Иран и Турция). В последнее десятилетие XX в. почти ежегодно собиралась сессия Совета министров ОЭС (на уровне министров иностранных дел). Одной из важнейших задач организации провозглашалась задача быстрее объединения автомобильных и железнодорожных путей государств Центральной Азии с транспортной сетью Турции, Ирана, стран Закавказья, Пакистана, Афганистана, Индии. Таким образом мусульманским мир стремился вывести новые независимые государства из орбиты влияния России.

В ноябре 1996 г. в Пакистане произошли значительные политические изменения. 5 ноября президент Пакистана Фарук Ахмад-хан Легхари отправил в отставку правительство Б.Бхутто и распустил Национальное собрание. На досрочных парламентских выборах почти две трети мест в парламенте завоевала Пакистанская мусульманская лига. Созданное по итогам выборов правительство Пакистана возглавил Наваз Шариф³³. В глазах значительной части исламистов страны Н.Шариф был продолжателем дела Зия уль-Хака. Еще при жизни Зия уль-Хака он назывался средствами массовой информации негласным преемником военного диктатора. Показателем приверженности Наваза Шарифа исламистским принципам свидетельствует и его заявление по случаю 9-ой годовщины со дня гибели Зия уль-Хака, в котором премьер-министр Пакистана заявил о своей решимости привести судебную систему в стране в соответствии с требованиями шариата.

Особое место во внешней политике Пакистана в 90-е годы занимает вопрос национальной ядерной программы и сотрудничество в данной сфере с рядом стран, включая мусульманские государства Востока. В данном контексте исламский фактор использовался Исламабадом в первую очередь в целях получения финансовой и сырьевой помощи у стран движения «исламской солидарности».

В апреле 1998 г. президент Пакистана Рафик Тарара заявил о необходимости реализации на практике концепции «единого исламского мира» для совместного использования ресурсов всех принадлежащих к нему государств в целях коллективной защиты их интересов³⁴. Как считает российский ученый А.А.Игнатенко, тем самым пакистанский лидер дал понять, что создаваемые в Пакистане ядерные и ракетные вооружения призваны прежде всего служить укреплению оборонного потенциала всех исламских стран³⁵. По некоторым дан-

ным, помощь ОАЭ, Саудовской Аравии, Кувейта и Ливии в финансировании ядерного проекта оценивается в 5 млрд. долл.³⁶

11 и 13 мая 1998 г. Индия произвела серию из пяти ядерных взрывов, после которых провозгласила себя государством, обладающим ядерным оружием. Испытания вызвали резкий резонанс в мире и создали угрозу гонки ядерных вооружений и роста напряженности в южноазиатском регионе. Пакистанский премьер-министр оказался перед сложным выбором: с одной стороны, у Исламабада возникла реальная возможность восстановить высокий уровень пакистано-американского сотрудничества (американская администрация, пытаясь убедить Пакистан не проводить ответные ядерные испытания, обещала восстановить экономическую и военную помощь в полном объеме, приостановленную после введения в действие поправки Пресслера); с другой стороны, руководство Пакистана испытывало на себе огромное давление со стороны пакистанской общественности, требующей восстановить силовой баланс на Индийском субконтиненте и ответить на индийский вызов. 28 и 31 мая 1998 г. Пакистан произвел серию ядерных испытаний, официально заявив таким образом об обладании ядерными взрывными устройствами.

Поддержка действий Пакистана со стороны движения «исламской солидарности» не заставила себя ждать. С целью компенсировать финансовые потери, которые понес Пакистан в результате введения против него санкций США и другими западными странами, в июне 1998 г. лидеры Саудовской Аравии и ОАЭ заверили премьер-министра Наваза Шарифа в том, что окажут Пакистану финансовую помощь в размере 3 млрд. долл.³⁷

Примечательно, что в ходе своего визита в Пакистан в 1999 г. министр обороны Саудовской Аравии был ознакомлен с комплексом предприятий по производству ядерного оружия в Кахуте. Визит связывался прессой с планами приобретения Саудовской Аравией атомного оружия. Как считает цитировавшийся исследователь Н.В. Жданов, целью посещения секретного объекта было ознакомление с результатами инвестиций Эр-Рияда в ядерную программу Исламабада после того, как Пакистан вслед за Индией произвел ядерные испытания³⁸. Вместе с тем, следует отметить, что на декларативном уровне пакистанскими официальными лицами неоднократно повторялось, что Пакистан против того, чтобы его ядерную программу трактовали в контексте «исламской бомбы». Исламабад хотя и не подписывал ДНЯО, но взял на себя обязательства, касающиеся нераспространения как ядерного оружия, так и технологии. В противном случае, и это Пакистан понимает, ни о каком конструктивном диалоге с США не могло быть и речи.

Новый пакистанский лидер Первез Мушарраф, пришедший к власти в Пакистане в результате военного переворота 12 октября 1999 г., взял курс на ограничение деятельности исламистов в стране, подрывающих основы государственности и дестабилизиру-

ющих обстановку в Пакистане. В выступлении по случаю независимости 14 августа 2001 г. Мушарраф обнародовал свою программу развития страны, в которой, в частности, в числе ключевых целей фигурировали борьба с религиозным экстремизмом и терроризмом и регламентация работы медресе, что представляло собой попытку взять под контроль деятельность образовательных центров исламистов. В ходе претворения этой программы в жизнь был запрещен целый ряд наиболее одиозных экстремистских организаций, сбор средств на джихад и вербовка добровольцев-моджахедов.

После начала антитеррористической кампании в программу были внесены коррективы. Пакистан отказался от поддержки режима талибов и выступил на стороне США в военной кампании против талибов и «Аль-Каиды». 11 сентября 2001 г. президент Пакистана выступил с резким осуждением террористических актов в США и заявил, что Пакистан не приемлет терроризма в любых формах и проявлениях. 19 сентября пакистанский лидер выступил с телеобращением к нации. Суть выступления сводилась к тому, что Исламабад поддержал мировое сообщество в борьбе с международным терроризмом, поскольку это отвечает интересам страны.

Подобная политика Исламабада является своего рода показателем прагматичности пакистанского руководства в стремлении реализовать свои цели. Ориентация на Соединенные Штаты, несмотря на значительный спад в двусторонних отношениях с начала 90-х годов, оставалась приоритетом внешнеполитической стратегии Пакистана и в конце XX в. Стремясь расширить сотрудничество с мусульманским миром, Китаем, Россией, новыми государствами на постсоветском пространстве, Пакистан вместе с тем не настроен окончательно сменить вектор своей внешней политики и отказаться от военной и экономической помощи Вашингтона. Действуя с оглядкой на американскую администрацию, Исламабад вынужден лавировать и поступать крайне осторожно, принимая во внимание традиционные антиамериканские настроения в стране и позиции исламистов во внутривнутриполитических процессах. Понимая, какую бурную негативную реакцию вызовет открытая поддержка Пакистаном курса Белого дома, пакистанское руководство сразу же активизировало деятельность на ближневосточном направлении внешней политики страны.

25 сентября 2001 г. П.Мушарраф провел телефонный разговор с эмиром Катара шейхом Хамадом бен Халифой Аль Тани, в ходе которого обсудил роль, которую может сыграть ОИК в разрешении напряженной ситуации в регионе³⁹. Председательствующий в ОИК Катар выразил полную солидарность с позицией, занятой президентом Пакистана в противостоянии международному терроризму. Пакистанский лидер также провел консультации с руководителями правительств Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ, Ирана, Египта, Омана.

26 сентября 2001 г. Генеральный секретарь ОИК Абдулвахед Белькезиз в ходе телефонных переговоров с главой МИД Пакистана Саттаром поддержал позицию правительства П.Мушаррафа и заявил, что «пакистанские мусульмане очень дороги умме, всем последователям ислама в мире, которые озабочены сложившейся ситуацией в стране и безопасностью пакистанцев»⁴⁰.

В целом, после событий 11 сентября 2001 г. Пакистан стремится выступать посредником между миром ислама и Западом и в роли проповедника концепции «просвещенной умеренности», основные положения которой были озвучены президентом страны в рамках сессии Генассамблеи ООН в сентябре 2003 г. и на саммите ОИК в Куала-Лумпуре в октябре 2003 г. В ходе конференции в Малайзии П.Мушарраф выступил с рядом инициатив, нацеленных на превращение этой организации в эффективный и динамичный международный форум, который станет важным участником диалога с ООН, Соединенными Штатами и Западом по проблемам исламского мира. Пакистанский руководитель также выступил за ревизию политики, заявив, что она должна быть нацелена на решение задач в области экономики, социальных программ, образования и науки в исламских странах⁴¹. Новую геополитическую обстановку в мире, сложившуюся после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне, Исламабад стремится использовать как важную возможность закрепления за Пакистаном статуса лидера исламского мира и одновременно сохранения доверительных отношений с США.

О посреднической миссии Пакистана говорит и заявление президента страны, сделанное в ходе его визита в Швецию в июле 2004 г. П.Мушарраф выступил с предостережением, что между Западом и мусульманским миром опускается железный занавес, и призвал богатые страны оказать помощь мусульманским государствам в проведении социально-экономических реформ⁴², поскольку именно в экономической нестабильности и социальной напряженности, а не в религиозном экстремизме пакистанский лидер видит причины активизации деятельности международного терроризма, против которого борется Пакистан.

Таким образом, история взаимоотношений Пакистана с мусульманским миром демонстрирует, с одной стороны, приверженность идеологическим установкам, заложенным в правовой системе страны, включая Конституцию, и, с другой стороны, объективную необходимость бороться за претворение в жизнь национальных интересов страны. Такое сочетание находит отражение в прагматической политике пакистанского руководства и в постоянном лавировании между Западом и исламским миром, чьи идеи «исламской солидарности» и братства искусно используются пакистанскими лидерами в своем внешнем и внутреннем курсе. Одновременно из конъюнктурных соображений сохраняется приоритетная ориентация на союз с Соединенными Штатами.

Вместе с тем, проамериканские позиции пакистанского руководства не мешают Исламабаду выступать от имени исламского мира на между-

народных форумах и тем самым поддерживать свой престиж в мире ислама. Так, на специальном заседании Комиссии ООН по правам человека, состоявшемся в Женеве 25 марта 2004 г., по предложению Пакистана от имени ОИК была принята резолюция «Опасная ситуация на оккупированных палестинских территориях», в которой содержался призыв к израильскому правительству соблюдать принципы международного гуманитарного права и воздерживаться от всех форм нарушения прав человека на оккупированных палестинских территориях. Резолюция осуждает серьезные нарушения Израилем прав человека в отношении палестинцев и, в частности, убийство 22 марта с.г. шейха Ахмеда Ясина, лидера исламского движения ХАМАС.

¹ Р.М.Мукимджанова. Пакистан и империалистические державы: 70-е – начало 80-х годов. М., 1984, с. 4.

² Farooq Ahmad. Ideology as a Factor in Pakistan's Foreign Policy: A Historian's View-Point

(<http://www.storyofpakistan.com/contribute.asp?artid=C005&Pg=1>)

³ Он же Рамадан-ид, Ид ас-сагир, Рамадан-байрам. Праздник разговения по случаю окончания поста в месяц Рамадан.

⁴ Farooq Ahmad. Ideology as a Factor in Pakistan's Foreign Policy: A Historian's View-Point

(<http://www.storyofpakistan.com/contribute.asp?artid=C005&Pg=1>)

⁵ В.Н.Москаленко. Внешняя политика Пакистана. М., 1984. с. 30.

⁶ Н.В.Жданов. Исламская концепция миропорядка. М., 2003. с. 25.

⁷ Л.М.Ефимова. Интеграция на основе религии: Организация Исламской конференции. – Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М., 2002, с. 261.

⁸ И.Мурадян. Саудовско-пакистанский проект создания «Пакистанской исламской империи»

(http://news.artsakhworld.com/igor_muradian/igor/2.5.html)

⁹ S.M.Burke. Pakistan's Foreign Policy. An Historical Analysis. London, 1973, с. 66.

¹⁰ Dennis Kux. The United States and Pakistan, 1947–2000. Washington, D.C., 2001, с. 20.

¹¹ S.M.Burke. Pakistan's Foreign Policy. An Historical Analysis. London, 1973, с. 204.

¹² Ibiden.

¹³ Ibid, с. 201.

¹⁴ В.Н.Москаленко. Внешняя политика Пакистана. М., 1984, с. 96.

¹⁵ S.M.Burke. Pakistan's Foreign Policy. An Historical Analysis. London, 1973, с. 354.

¹⁶ Ibiden.

¹⁷ Ibid, с. 355.

¹⁸ Н.В.Жданов. Исламская концепция миропорядка. М., 2003. с. 50.

¹⁹ В.Я.Белокреницкий, В.Н.Москаленко, Т.Л.Шаумян. Южная Азия в мировой политике. М., 2003. с. 102.

²⁰ Л.Р.Полонская. Ислам в исторических судьбах Пакистана. – Вопросы истории, № 1, 1988, с. 95.

²¹ Р.М.Мукимджанова. Пакистан и империалистические державы. 70-е – начало 80-х годов. М. 1984. с. 35.

²² В.Н.Москаленко. Внешняя политика Пакистана. М., 1984. с. 201.

²³ См., например: Р.М.Мукимджанова. Пакистан и империалистические державы. 70-е – начало 80-х годов. М., 1984; В.Н.Москаленко. Внешняя политика Пакистана. М., 1984.

²⁴ О.В.Плешов. «Исламизация» в Пакистане: мотивы и средства осуществления. – Народы Азии и Африки, № 1, 1987. с. 53.

²⁵ Н.В.Жданов. Исламская концепция миропорядка. М., 2003. с. 93.

²⁶ Там же, с. 96.

²⁷ О.В.Плешов. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане. М., 2003. с. 163.

²⁸ Там же, с. 166.

²⁹ В.Я.Белокреницкий, В.Н.Москаленко, Т.Л.Шаумян. Южная Азия в мировой политике. М., 2003. с. 117.

³⁰ Н.Г.Пруссакова. Внешнеполитический аспект проблемы мусульманских меньшинств в международных отношениях. – «Исламский фактор» в международных отношениях в Азии (70-е – первая половина 80-х гг.), М., 1987, с. 151.

³¹ Raheela Kokab. Pakistan and the Gulf Crisis. Internal Dynamics and the Impact of the US Factor. (http://www.statsvitenskap.uio.no/ansatte/serie/rapport/fulltekst/0193/golfkrisen-5_1.html)

³² О.В.Плешов. Исламские фундаменталисты в борьбе за власть. – Азия и Африка сегодня, № 12, 1998. с. 36.

³³ Н.Шариф уже занимал пост премьер-министра в период с ноября 1990 г. по июль 1993 г.

³⁴ А.А.Игнатенко. Самоопределение исламского мира. – Ислам и политика. М., 2001, с. 8.

³⁵ Там же.

³⁶ Н.В.Жданов. Исламская концепция миропорядка. М., 2003, с. 260.

³⁷ Там же, с.9.

³⁸ Н.В.Жданов. Исламская концепция миропорядка. М., 2003, с. 261.

³⁹ Сообщение ИТАР ТАСС от 25 сентября 2001 г.

⁴⁰ Сообщение ИТАР ТАСС от 26 сентября 2001 г.

⁴¹ Сообщение ИТАР ТАСС от 14 октября 2003 г.

⁴² Сообщение с сайта информационного агентства «Рейтер Индия» (Индия, «Reuters India»/World) от 06.07.2004.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРАНСПОРТ В ПРОЕКТАХ АФГАНИСТАНА И ПАКИСТАНА

Геополитическое положение России, государств Центральной Азии и соседних Афганистана и Пакистана, находящихся между Европой и Азией, между двумя мировыми центрами торговли и деловой активности предполагает особое место этих стран в развитии евро-азиатских связей и расширении международной транспортной сферы. Наибольший поток транзитных грузов евразийской торговли через территорию России обозначился в конце XX в. В 70–80-е годы на иранском направлении по территории СССР перевозилось до 5 млн. т грузов с использованием различных видов транспорта.

Доход государства от таких перевозок составлял около 1,5 млрд. долл. в год. Рост объемов торговли, расширение различных видов транспортных средств, сети дорог и в России, и в соседних государствах способствовал увеличению объема транзитных перевозок к 2004 г.(1)

В сентябре 2000 г. в Санкт-Петербурге представителями России, Ирана, Индии было подписано Межправительственное соглашение о создании Международного Транспортного Коридора (МТК) «Север-Юг». Соглашение подписывалось с целью повышения роли России в развитии международной торговли и экономических отношений между странами Запада и Южной Азии, укреплении транспортной отрасли, сокращения времени перевозок и стоимости их. Соглашение было ратифицировано участниками конференции. Индия ратифицировала документ в апреле 2001 г., Иран – в октябре 2001 г., Россия – в апреле 2002 г. В 2004 г. к участникам соглашения по МТК «Север-Юг» присоединились Белоруссия и Казахстан. Предполагается участие таких стран, как Кувейт, Саудовская Аравия, ОАЭ, Индонезия, Малайзия, Шри-Ланка, Туркменистан, Пакистана и ряда других стран.

Разработка и осуществление проекта МТК «Север-Юг» является необходимой программой взаимовыгодного сотрудничества различных государств Каспийского региона и Европы. МТК предполагает перевозку грузов из стран Персидского залива, Индии, Пакистана в иранские порты на Каспии, а затем перемещение паромными на железнодорожную сеть России или судами «река-море» по внутренним водным путям России в страны Восточной Европы. МТК может иметь ответвления (2).

Протяженность путей по МТК через территорию вышеназванных стран в три раза меньше, чем маршруты по морю через Суэцкий ка-

нал, во много раз экономнее по времени и затрате финансовых средств. Кроме того, учитывая опасную нестабильную обстановку в соседнем Ираке, возможности проведения террористических актов в акватории Суэцкого канала (затопление судов и др.) новые международные пути исключают зависимость перевозок от случайностей и военных конфликтов. Перевозки грузов по МТК «Север-Юг» в дальнейшем обеспечат финансовые доходы всем участникам соглашения, укрепят международные связи России со странами Ближнего и Среднего Востока и Индийского океана. В настоящее время интерес к МТК, использованию транзитных перевозок через территорию России имеют ряд стран, в том числе Афганистан, Пакистан.

Афганистан – сухопутная страна, не имеющая выхода к морю. Не развит железнодорожный транспорт, из-за ограниченного числа терминалов и самолетов воздушный флот также невелик. Основным видом транспорта является автомобильный. Для Афганистана, вышедшего из военных действий всего три года назад, имеется множество возможностей в сфере организации и использования международных путей, если получить инвестиции от заинтересованных государств. В начале XXI в. в Афганистане насчитывалось только 3 тыс. км автодорог, из которых большая часть пришла в негодность из-за военных действий. Для строительства железнодорожных линий Афганистаном предприняты переговоры с рядом стран о прокладке дорог на территории страны и подводке их к существующим в Пакистане, Иране и соседних государствах Центральной Азии. Учитывается Женевское соглашение 1985 г. о странах, не имеющих выхода к морю и морских портов. Новым правительством Афганистана был принят закон о частных инвестициях, в соответствии с которым любые инвестиции защищены от убытков и застрахованы. По словам министра транспорта Афганистана Саеда Али Джавида, «мы поддерживаем наш частный сектор более, чем когда бы то ни было. 90% наших перевозок осуществляется частным сектором. Мы движемся к приватизации во всех отраслях, особенно в сфере транспорта».

В настоящее время Афганистан – одна из наименее развитых стран в мире. Восстановление экономики страны, укрепление ее безопасности требуют от правительства неотложных мер по восстановлению национального хозяйства и, в первую очередь, транспортной отрасли. Со стратегической точки зрения, Афганистан занимает место в центре Азии, на перекрестке путей из Юго-Западной в Юго-Восточную Азию, может служить кратчайшей транзитной дорогой между Центральной Азией, Россией и Европой. В стране пока имеются значительные проблемы в сфере производства электроэнергии, сырья, нехватает транспортных средств, оборудования и т.д. Афганское правительство приступает к выполнению первостепенных мер по экономическому возрождению страны. Транспортные перевозки входят в одну из основных экономических программ реформирования. До

настоящего времени структура транспортных перевозок включала два пути – воздушные и автодорожные. Афганская авиационная компания «Ариана», имея ограниченные возможности (старый парк самолетов, нехватка оборудования, специалистов), задействована в ограниченном количестве перевозимых товаров и пассажиров на внутренних и международных линиях. Перевозки грузов и пассажиров в большей части осуществляются автомобильным транспортом. По официальным данным, в Афганистане имеется около 11 тыс. большегрузных автомобилей общей грузоподъемностью 176 тыс. т (4). Частный сектор, которому принадлежит большая часть средств транспорта, перевозит в среднем 15 млн. т грузов за год. По мнению афганских специалистов, имеется огромный потенциал и государства, и частного сектора в области дорожного строительства и перевозки транзитных грузов путем создания международной транспортной компании. По мнению правительства Афганистана, страна может стать членом международной транспортной системы с лицензией T1R. Для страны площадью 656 тыс. кв. км строительство новых трасс, восстановление прежних 3 тыс. км дорог является необходимым. Дорога Герат-Бадгис-Мазари-Шариф станет самым кратким путем и облегчит перемещение не только для самой страны, но и для государств Центральной Азии и Китая, для Ирана и европейских стран. Транзитные перевозки для Афганистана принесут значительные валютные доходы в бюджет страны. Автодорога из Кабула в Герат через центральную часть страны сократит расстояние между двумя городами на 500 км, что даст возможность афганскому бизнесу шире использовать свои возможности. На ближайшее время задачей афганского правительства станет содействие строительству современных автодорог, прокладке железнодорожной сети, возведению международных аэропортов, пополнению самолетного парка и др.

По данным ООН, при восстановлении экономики Афганистана приоритет получают проекты реконструкции основных автодорог путем выделения значительных финансовых средств. По данным Конференции министров транспорта Организации по вопросам экономического сотрудничества, еще в 1993 г. в Алма-Ате обсуждались различные аспекты восстановления национальных дорог с целью создания международных транспортных линий при условии стабилизации обстановки. Долгое время это не удавалось сделать. Новое афганское правительство, учитывая важность перевозки грузов и пассажиров, транзита и социальных связей и сотрудничества на основе соглашения, принятого в Измире, и статью 9 соглашения, которая поддерживает важность международной свободной торговли среди стран мира, предложило создать Евроазиатскую транспортную компанию со штаб-квартирой в Афганистане. Третья Международная евроазиатская конференция по транспорту, проходившая в сентябре 2003 г. в Санкт-Петербурге, подтвердила интерес мирового сообщества к расширению международных

транспортных путей, в частности, к становлению транспортной сферы в Афганистане. Представители правительств и парламентов европейских стран, стран Азии, финансовых и международных транспортных организаций, институтов, грузовладельцев, частных и государственных структур признали важную роль транспорта в достижении устойчивого экономического и социального развития стран Европы и Азии в условиях повышения геостратегического значения евроазиатского континента в XX в. Учитывая растущую потребность в эффективных, безопасных транспортных связях между Европой и Азией, рост международной торговли, туризма, культурных связей и спорта, экономического сотрудничества в процессе глобализации мировой экономики, была особо подчеркнута роль ряда международных организаций в деле развития транспорта и, в частности, в Афганистане. Такие организации, как Европейская Комиссия ООН (ЕЭК), Экономическая Комиссия ООН для стран Азии и Тихого Океана (ЭСКАТО), программа развития ООН (ПРООН), Межправительственная организация международных транспортных перевозок (МОМЖП), Организация сотрудничества железных дорог (ОСЖД), Совет по железнодорожному транспорту государств-участников СНГ, Международный союз железных дорог (МСЖД), международные финансовые институты и др. поддержали меры и решения, которые были приняты в отношении евроазиатских транспортных коммуникаций. В подписанные документы вошли: резолюции ЭСКАТО 52\9 «О наземных транспортных маршрутах в Азии и между Европой и Азией», 48\11 «Об автомобильном и железнодорожном транспорте – мерах по облегчению перевозок»; о реализации в рамках ЭСКАТО второго этапа Региональной программы действий (2002–2006 г.), Делийского плана действий по развитию инфраструктуры для Азии и Тихого океана, принятой на Второй конференции министров по инфраструктуре (2001 г.) – Соглашения о международном транспортном коридоре «Север-Юг» и присоединении к нему Казахстана, о создании Координационного Совета международного транспортного коридора «Север-Юг» (2002 г.) и принятие его устава.

По данным Министерства транспорта России (начало 2004 г.), учитывая интересы России и соседних стран, а также Афганистана, Россия готова принять участие в проектировании и строительстве железных дорог на территории последнего.

По данным Департамента по связям с общественностью ОАО «Российские железные дороги», на встрече с министром транспорта Афганистана Аль-ходжа Сайдом Мухаммадом Али Джавиди, российское руководство железных дорог подтвердило это положение. До сих пор доставка грузов «между Россией и Афганистаном осуществляется преимущественно железнодорожным транспортом, на железнодорожные перевозки приходится более 90% от общего объема перевозок грузов между Россией и Афганистаном» (имеется ввиду доставка грузов только до границы Афганистана).

Известно, что «для Афганистана, где почти отсутствует железнодорожное сообщение, строительство железной дороги является необходимым элементом развития экономики страны» (1,2).

Российский опыт в проектировании железных дорог, включая и дальнейшую эксплуатацию, позволяет создать Международный Консорциум, членами которого могут стать заинтересованные страны, государственные органы, частные предприятия и фирмы. По итогам переговоров между Россией и Афганистаном было принято решение создать совместную рабочую группу, которая изучит возможность проведения проектно-изыскательских работ и разработки технико-экономического обоснования строительства железной дороги в Афганистане. По словам первого вице-президента ОАО «Российские железные дороги» Владимира Якунина, МТК «Север-ЮГ» «имеет большой потенциал для роста объемов перевозок в страны Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии, что важно для Афганистана».

Интерес к развитию транспортной сферы в Афганистане, железных дорог и автомобильных трасс в большой степени проявился в выступлениях представителей стран-участниц, проходившей в мае 2004 г. в Бишкеке Международной Конференции «Центральная Азия, Афганистан и Южная Азия. Международная торговля и интеграция» (3).

В течение трех дней конференция по региональной экономике рассмотрела большое число проблем и прогнозов в сфере взаимовыгодного сотрудничества. После нормализации обстановки в Афганистане, отметили представители ряда стран Азии, Афганистан должен быть задействован в интеграционные процессы с Ираном, Пакистаном, Индией и северными соседями. Немалую экономическую выгоду получают Россия и бывшие советские республики. Новые транзитные трассы на территории Афганистана принесут валютную выручку, сократят время перевозок при доставке грузов на север, в Россию и страны Европы. Отмечалось, что уже завершена первая фаза проекта строительства шоссе Кабул – Кандагар. Это сокращает время движения в пути из Кабула в Кандагар с 30 до 7 часов. Иранские специалисты завершили строительство мостов и модернизацию дорог из Ислам-Кала до Герата, где афганские дороги связаны с хорошо развитой иранской сетью дорог и морскими портами в Персидском заливе.

Инженерный корпус армии США завершил работы по проектированию моста через Нижний Пяндж в Южном Таджикистане. Строительство моста к Ширхан Бендер стоимостью 30–40 млн. долл. вскоре начнется и предполагается закончить за 18 месяцев. В свою очередь, правительство Афганистана обязуется принимать меры по поддержанию безопасной обстановки в стране и в районах строительства дорог. За счет государственных средств и возможных иностранных субсидий начинается реконструкция кольцевой автомобильной дороги Герат-Кандагар-Кабул-Мазари-Шариф-Шиберган-Мехмана-Герат. С вводом улучшенных дорог укрепятся связи Афганистана с северными соседями.

ми. По данным Азиатского Банка Развития, при вводе улучшенной трассы Душанбе – Кабул-Карачи в будущем время перевозки грузов сократится с 65 до 29 часов, а движение по трассе Ташкент – Герат-Бендер Аббас (иранский порт) – с 58 до 44 часов. Строительство нижнепанджского моста намечено закончить в 2006 г. (3) Все эти мероприятия в дальнейшем послужат не только делу развития национальной экономики Афганистана. Афганские дороги войдут в сферу МТК и, связывая государства Центральной Азии, Европы и государствами к югу, послужат основой экономической интеграции в данном регионе.

Выйдя из кровопролитной многолетней войны, Афганистан пытается укрепить взаимовыгодное сотрудничество с другими странами и начать строительство национальной экономики. По данным Far Eastern Review (30.01.2003), ожидается увеличение объема торговли между странами Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии, Пакистана за счет использования транзитных перевозок через Пакистан и Афганистан. В январе 2004 г. в Афганистане была опубликована подробная карта (Международным картографическим отделением) важнейших автодорог страны и предполагаемых железнодорожных линий.

Важное место в планах расширения экономических связей между Афганистаном, Пакистаном и соседними странами занимают проекты проведения нефте- и газопроводов. Богатые месторождения природного газа в Туркменистане (21 млрд. м³ газа и 12 млрд. т нефти) большей частью не используются. По оценкам казахстанских экономистов, по запасам углеводородного сырья Казахстан занимает 13 место в мире, сразу за Китаем и США. По последним данным он находится в первой десятке нефтедобывающих стран (15–20 млрд. т) (6). Обе страны в дальнейшем станут значительными поставщиками нефти и природного газа на международный рынок. В настоящее время Казахстан добился больших успехов в разработке своих месторождений. Ожидается, что к 2020 г. объем нефтяного экспорта Казахстана увеличится с 45 до 160 млн. т, при этом добыча нефти составит более 100 млн. т в год. В складывающихся условиях взаимодействия государств давно рассматриваются проекты газо- и нефтепроводов для экспорта углеводородного сырья в Европу и Азию. Одним из первых таких проектов был иранский план строительства трубопровода из Казахстана через Туркмению и Иран к портам Персидского залива (май 1991 г.) Казахстан и Турция, опасаясь, что Иран будут иметь неконтролируемый другими странами доступ к экспорту казахстанской нефти не поддерживали проект. В 1992 г. Казахстан вел переговоры о строительстве нефтепровода с «Oman Oil Company», затем было подписано соглашение и сформирован Каспийский трубопроводный консорциум (КТК). К нему в 1992 г. присоединилась Россия. РК и РФ провели ряд переговоров, где Россия выказала готовность предоставить свои трубопроводы для растущего экспорта казахстанской нефти. У России есть все основания побо-

роться за доходы от транзита казахстанской нефти. Американские компании, владеющие нефтяными богатствами РК, настоятельно думают о проведении нефтепровода по дну Каспия по маршруту Баку-Тбилиси-Джейхан. В настоящее время, по мнению российских специалистов, нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан не является конкурентом российским нефтепроводам. «Это не страновой проект, а лишь желание иностранных инвесторов, добывающих нефть в Казахстане, построить нефтепровод. Когда мы говорим о российских трубах, мы говорим об условиях, приемлемых для Казахстана» – высказался член правительства РФ В.Христенко на XI-м заседании межгосударственного совета Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в феврале 2004 г. в Алма-Ате (5).

Нефть и природный газ центральноазиатских республик привлекает и Китай. В мае 2004 г. Казахстан и Китай подписали соглашение о строительстве трубопровода для экспорта казахской нефти, которую добывают на Каспии. Одновременно предполагается строительство трубопровода из РК в Китай, используя построенный еще в конце 80-х годов нефтепровод из Омска в Чарджоу, проходящий по территории Казахстана и Узбекистана и заканчивающийся в Туркмении. Из пункта Атасу (на трассе нефтепровода) начнется участок трубопровода к китайской границе и далее. В ближайшее время предполагается создать совместное предприятие с паритетным участием Китая и РК. Строительство нефтепровода намечено начать в августе 2004 г., оценочная стоимость проекта 688 млн. долл. Нефтепровод Атасу-Алашанькоу, длиной в 988 км на первом этапе сможет доставлять 10 млн. т нефти в год, в дальнейшем до – 20 млн. т (7).

Президент Туркмении еще в конце 1995 г. объявил о начале строительства газопровода Туркмения – Иран, протяженностью 140 км. Иранская сторона провела строительные работы, обеспечив 80% финансирования проекта. Полностью стоимость проекта трубопровода от туркменского газового месторождения Корпедже до иранского пункта Курт-Кун оценивалось в 190–215 млн. долл. Мощность – 8 млрд. м³ газа в год (к 2006 г.). Иран обязан закупать ежегодно 8 млрд. м³ туркменского газа в течение 25 лет. Туркмения обязалась в первые три года эксплуатации газопровода оплатить стоимость строительства поставками газа. Строительство было завершено в конце 1997 г. Ввод трубопровода не обеспечивает вывоза значительной части добываемого газа за границу. По этой причине не исключаются другие проекты. Туркмения считает, что использование кавказского варианта транспортировки газа в Европу, вместе с тем пытается провести проект трубопровода через Иран. Одним из таких проектов является план строительства газопровода Туркмения-Афганистан-Пакистан. Ряд крупных нефтяных компаний, имея интерес к строительству трубопровода, опасаются нестабильной обстановки в Афганистане. В 1995 г. аргентинская компания «Бридас интернэшнл» подготовила проект,

который был утвержден ЕС в Вене. Позже этот же проект был подписан президентом американской компании «Юнокал» и президентом Саудовской компании «Дельта Ойл». Тогда же был подписан теми же компаниями документ о строительстве нефтепровода, параллельного газопроводу на территории Афганистана. В целом проект получил название Центральноазиатский нефтепроводный проект. Газопровод должен пройти от крупнейшего в мире Даулстабадского газового месторождения в Туркмении по северо-западной части Афганистана (параллельно трассе Герат-Кандагар) и до пакистанской границы недалеко от г.Кветта. Предполагалось протянуть нитку газопровода далее через Пакистан до территории Индии, где природный газ также представляет интерес для местной экономики. Для строительства терминала на пути газопровода по территории Пакистана намечался г.Мултан. На первом этапе предполагалось довести пропускную способность газопровода до 20 млрд. м³ газа в год (8). Общая протяженность газопровода достигнет 1,4 тыс. км, из которых по территории Туркменистана пройдет 170 км, по Афганистану – 830 км и по территории Пакистана – 400 км. Строительство газопровода осложнено не только нестабильной обстановкой в Афганистане, но и труднодоступными природными условиями (высокогорье). Интерес к проекту сохраняется и в настоящее время, но тормозится объективными причинами – нестабильностью обстановки и нехваткой материальных средств.

Интерес к международным нефтепроводам у государств Центральной Азии, России и соседних Афганистана и Пакистана также не ослабевает. Проект нефтепровода от г.Чарджоу (Туркменистан) по территории Афганистана и далее в Пакистан с возможным выходом на Индию включает 1,6 тыс. км. На территории Туркменистана он займет 430 км, Афганистана – 670 км, Пакистана – 500 км. Терминалы предполагается возвести на побережье Аравийского моря – в портовых стоянках Гвадар, Пасни и Омара. По данному нефтепроводу может пойти нефть из Амударьинского, Ферганского и Тургайского месторождений. В настоящее время могут быть использованы старые системы нефтепроводов, существующие еще с советских времен, с присоединением новых. В данной системе трубопроводов заинтересованы не только страны, где добывается нефть, но и соседние с ними – Казахстан, Россия. Последние могли бы экспортировать свою нефть из казахстанских месторождений и западносибирских по уже имеющимся путям – трубопроводу Сургут-Омск-Павлодар-Чимкент-Чарджоу. По оценкам американских специалистов «Юнокал Дельта» общая стоимость газопроводного проекта может достичь 2–2,5 млрд. долл. и нефтепроводного – 2,7 млрд. долл. (9)

Для осуществления проектов строительства газопроводов в Ашхабаде (октябрь 1997 г.) было подписано соглашение, послужившее основой для создания международного консорциума Центральноазиатский газопровод. В объединение вошли: Туркменистан, пакистанская фирма «Крисент групп», американская «Юнокал» (46,5%), Саудовская

«Дельта», южнокорейская «Хенде», японская «Иточу» и «Импекс». Проект газопровода из Афганистана и Пакистана до индийской территории имеет место. При быстро растущей экономики стран Юго-Восточной Азии спрос на энергоносители и углеводородное сырье будет расти. Поставки этого сырья принесли бы существенные валютные доходы как странам-экспортерам, так и транзитным регионам.

В начале XXI в. описанные выше проекты нефте- и газопроводов не были осуществлены. Нестабильная обстановка в Афганистане даже после изгнания из него сил талибов, непрекращающиеся столкновения руководителей племен, внутривнутриполитическая борьба, нехватка материальных средств, невозможность вложения валютных средств со стороны иностранных государств и фирм в дело развития нефте- и газовых трубопроводов осложняет осуществление интересных для многих государств Азии задач.

Тесное сотрудничество между странами в области развития различных видов международного транспорта сможет принести ощутимый положительный эффект в дальнейшем как странам Азии, так и Западной Европы.

1. Магистраль XXI век, № 1, 2004, с. 20.
2. Там же.
3. Oxford Analytica Russia (CIS Daily Brief, may 2004) Humayn Hamiadzada.
4. Материалы III Международной Евроазиатской конференции по транспорту (Санкт-Петербург 11–12 сентября 2003 г.).
5. Газета, 01.03.2004.
6. Панорама, 12.12.1997.
7. Пульс планеты. АТР, 18.05.2004.
8. Нейтральный Туркменистан, 13.08.1997.
9. Деловой мир, 20.02.–05.12.1996.

ОБ УТЕЧКЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИЗ ПАКИСТАНА

Ядерная программа Пакистана всегда привлекала большое внимание мирового сообщества и чиновников международных институтов и организаций, работающих в области ядерного нераспространения. Заявивший о себе как о фактической ядерной державе в 1998 г., Пакистан активно развивал свою ядерную программу и добился в ее реализации значительных успехов. Однако особую актуальность и даже опасность наличие ядерного оружия у Исламабада приобрело после появления информации у западных спецслужб о возможности передачи ядерных технологий из Пакистана третьим странам. С учетом крайне нестабильной обстановки в мире и при весьма специфическом характере пакистанской ядерной программы, утечка ядерных «ноу-хау» представляет собой серьезную угрозу международной безопасности.

Сведения о подобных утечках стали появляться еще в 80-е годы, а в начале 90-х «отец пакистанской ядерной бомбы» Абдул Кадир Хан неоднократно совершал поездки в Северную Корею, встречался с Саддамом Хусейном, сирийскими представителями¹. Подобные визиты наносили и некоторые военные чиновники. Особенно возросли подозрения в отношении пакистанских ученых-ядерщиков после сентября 2001 г. Не только западные спецслужбы, но и официальные чиновники Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) проводили расследования по фактам возможной утечки ядерной информации из Пакистана. Так, все чаще стали появляться сведения о пакистано-северокорейских контактах в этой области, о своего рода бартерных сделках между этими странами по обмену центрифуг для обогащения урана из Пакистана на корейские ракеты средней дальности. Подобные сделки проводились Пакистаном и с Эр-Риядом в обмен на нефть. В СМИ все больше писали о передаче ядерных технологий Ирану.

В начале октября 2003 г. в ходе визитов в Пакистан заместителя госсекретаря США Ричарда Армитиджа, помощника госсекретаря по делам Южной Азии Кристины Рока официальному Исламабаду были переданы собранные спецслужбами США детальные сведения о контактах А.К.Хана с представителями Ливии, Ирана, КНДР и Саудовской Аравии. Спустя некоторое время, в ноябре того же года руководством Пакистана была представлена аналогичная информация МАГАТЭ с требованием провести расследования по фактам незаконной передачи ядерных технологий. В противном случае, США и ООН пригрозили вве-

дением санкций. При отслеживании секретных «ядерных» контактов пакистанских ученых с Северной Кореей, Ираном и Ливией выявились факты широкомасштабной утечки информации. Примечательно, что размах и методы «ядерного бизнеса» были явно недооценены. Зачастую сведения передавались буквально с помощью Интернета, как передают инструкции для сборки мебели по принципу «сделай сам». Чертежи оружия, материалы и части для центрифуг по обогащению урана, инструкции по проведению ядерных реакций заказывались по почте подобно тому, как приобретаются вещи через Интернет. Существовала служба пост-продажного обслуживания в помощь «конструкторам-любителям» при возникновении сложностей: технические вопросы могли быть отправлены напрямую ученым, в основном в Пакистан, где и находился собственно источник незаконного бизнеса. Для ускорения поставок и оплаты в Европе, на Ближнем Востоке, в Африке и Азии существовал целый штат посредников².

В конце 2003 г. — начале 2004 г. в Исламабаде были задержаны и подвергнуты допросам около десятка ведущих пакистанских ученых-атомщиков, которые попали под подозрение в связи с разгоравшимся «ядерным скандалом». Апогеем этого скандала стала отставка «отца ядерной бомбы» А.К.Хана. Из документов, полученных МАГАТЭ сначала из Тегерана, а потом из Триполи, следовало, что источником наиболее важных технологий для двух стран являлись А.К.Хан и его коллеги. Столь откровенные признания по национальному телевидению в начале февраля 2004 г. произвели эффект разорвавшейся бомбы. Ученый взял на себя полностью всю ответственность за передачу ядерных секретов и оборудования в другие страны в то время, когда он возглавлял Исследовательский центр в Кахуте. Однако он подчеркивал, что все это осуществлялось без ведома властей, да и то лишь в течение 90-х годов, т.е. до периода правления П.Мушаррафа. Основным мотивом передачи данных А.К.Хан назвал «исламскую солидарность», а также личную заинтересованность.

Внутриполитические факторы заставили П.Мушаррафа амнистировать ученого, которого называют национальным героем Пакистана, с формулировкой «за огромные заслуги перед нацией». Он был взят под домашний арест, а судьба остальных специалистов-ядерщиков, находящихся под подозрением, будет решена в зависимости от того, что покажет следствие.

Примечательно, что после этого довольно откровенного признания А.К.Хана, со стороны Вашингтона не последовало никакого серьезного действия. Более того, создавалось впечатление, что США приняли и слова А.К.Хана, и его отставку как должное. Отчасти это объяснимо тем, что для Вашингтона действительно факт передачи ядерных технологий из Пакистана не был сенсационным (подозрения на этот счет были уже давно). Любопытно другое, а именно то, с какой легкостью США удовлетворились объяснением того, что в торговле ядерны-

ми секретами руководство страны замешано не было, а контрабанда оборудования и технологиями осуществлялась учеными самовольно без уведомления руководства страны. Государственный департамент США отреагировал более чем сдержанно, отметив лишь, что «Вашингтон приветствует проводимое в Пакистане расследование». И это при том, что большинство экспертов уверено и открыто заявляло, что подобная крупномасштабная передача информации не могла осуществляться без ведома руководства и спецслужб страны. При этом один из офицеров разведки США, имеющий многолетний опыт работы в области нераспространения, заявил в интервью, что нелегальный экспорт ядерной технологии из Пакистана в Иран, Северную Корею и Ливию не был просто мошеннической операцией... Военные должны были быть вовлечены в нее на высоком уровне»³.

С одной стороны, Пакистан, который давно подозревался в распространении ядерных технологий, стал в последние годы объектом серьезного давления со стороны США. Напомним, что в конце 2001 г. под давлением Вашингтона президент П.Мушарраф принял решение снять А.К.Хана с поста руководителя ядерным центром в Кахуте. В начале 2003 г. США ввели санкции против «Исследовательской лаборатории Хана», подозреваемой ими в оказании поддержки странам и частным лицам, работающим над созданием оружия массового уничтожения и средств его доставки. Подобная политика США явно направлена на то, чтобы продемонстрировать конкретные успехи в борьбе с распространением ядерного оружия в мире. Однако, с другой стороны, вероятнее всего, столь спокойная реакция Вашингтона на последние события основана на необходимости сохранения «партнерских» отношений с режимом Мушаррафа при огромном геополитическом значении Пакистана в связи с афганскими событиями, в частности, с проведением крупной антитеррористической операции в северо-западной части Пакистана против скрывающихся там боевиков «Аль-Каиды» и талибов.

В данной ситуации президент Мушарраф вынужден проводить крайне взвешенную и гибкую политику в условиях усиливающегося давления США, с одной стороны, и ростом недовольства оппозиции, с другой. Оппозиционные исламские партии с крайним недовольством и возмущением восприняли отставку «национального героя» А.К.Хана, которая была оценена ими как шаг в угоду Америке.

Именно реакция исламистских партий представляет наибольшую опасность. Наличие ядерного оружия, само по себе, всегда несет угрозу его попадания в чужие руки. На государственном уровне в настоящее время такая угроза минимальна. Все ядерные объекты Пакистана находятся под тщательным контролем и охраной специальных подразделений. Недавно в связи с «ядерным скандалом» меры защиты были усилены. Однако основную опасность представляют исламские экстремисты, стремящиеся захватить какую-то часть ядер-

ного потенциала страны или его целиком в случае прихода к власти. Исламорадикалы сильны в Пакистане и «на улице», и «во власти». Особую опасность в связи с этим представляло то, что А.К.Хан неоднократно заявлял, что, делясь ядерными секретами, он поможет «общему мусульманскому делу»⁴.

Еще в конце октября 2001 г. у США появились данные о связях с «Аль-Каидой» пакистанских ученых-ядерщиков Султана Башируддина Махмуда и Абдула Маджида, которые возглавили один из «благотворительных фондов» «Умма тамир-э ноу» («Возрождение ислама»), сотрудничавших с талибами. С.Б.Махмуд – один из ведущих пакистанских ученых-ядерщиков, в начале 90-х годов возглавлял Центр по обогащению урана в Кахуте и отвечал за реактор по наработке плутония в Хушабе вплоть до отставки в 1999 г.

По сведениям американской разведки, у руководителей «Аль-Каиды» было намерение создать так называемую грязную бомбу. Под давлением США эти ученые были арестованы спецслужбами США, однако в ходе расследования преступных действий выявить не удалось. У американских спецслужб также вызывали подозрения и некоторые другие ведущие ядерщики Пакистана. Стало очевидно, что среди пакистанских ученых-ядерщиков немало сторонников исламского радикализма.

Необходимо отметить, что создание ядерного оружия в Пакистане с самого начала шло под лозунгами «исламской» атомной бомбы, которую рассматривали как нечто, принадлежащее всей умме (мусульманской общине). Это означало немало для укрепления позиций Пакистана в исламском мире, для получения отсюда большой политической и экономической помощи, а также создавало возможность быть менее зависимыми от давления США. И хотя основным фактором, обусловившим переход Исламабада к созданию ядерного оружия, был его стратегический курс в отношении Индии, направленный на поддержание военного баланса с ней, тем не менее, тезис об «исламской бомбе» активно использовался в Пакистане в пропагандистских целях. Премьер-министр Пакистана З.А.Бхутто, который первым использовал этот термин, приступая к реализации военной ядерной программы, заявлял, что «все цивилизации – христианская, еврейская и индусская имеют ядерное оружие, а исламская – нет». Естественно, что идею «исламской бомбы» с воодушевлением приняли радикальные исламские организации Пакистана, такие как «Харкатуль муджахиддин», фундаменталисты из «Джамаат-е ислами» и «Джамиат-уль улема ислам». Пакистанская атомная бомба, по их представлению, принадлежала всему мусульманскому сообществу. Крайнее недовольство и протесты исламистов вызвал обсуждавшийся в 2000 г. вопрос о возможности присоединения Исламабада к Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний», выдвинутый тогдашним министром иностранных дел Абдулом Саттаром. В тот

раз, отчасти из-за давления радикалов, власти вынуждены были отказаться от положительного решения этого вопроса.

Сведения о контрабанде ядерных технологий из Пакистана заставляли задуматься о возможности передачи этой информации различным исламским экстремистским группировкам. Особенно эти опасения усиливались с учетом того, что среди научных и военных кругов Пакистана много сторонников радикального ислама. Возможность получения террористами ядерного оружия резко увеличила опасность, которую представляла утечка информации из пакистанских ядерных центров. И на фоне рассуждений о том, применит ли Исламабад ядерное оружие в противостоянии с Индией и насколько опасно перерастание конфликта этих двух государств в ядерный, мировое сообщество столкнулось с серьезной проблемой – реальной возможностью получения и применения международными террористами «грязных бомб».

В конце 90-х годов, по сведениям спецслужб, «Аль-Каида» и «Международный исламский фронт» проводили широкомасштабную работу по привлечению в свои ряды молодых специалистов и ученых, связанных с ядерной областью. Отмечалось, что довольно много «молодых кадров» прибывало из Пакистана.

Вскоре после ареста С.Б.Махмуда и А.Маджида в октябре 2001 г. появилась информация о том, что эти двое ученых лично встречались с Усамой бен Ладеном в августе 2001 г. в Кабуле, с его ближайшим сподвижником аз-Завахири, а также другими руководителями «Аль-Каиды». Имелись также сведения о том, что у С.Б.Махмуда были налажены контакты и с лидером талибов муллой Мухаммадом Омаром, для встреч с которым он неоднократно приезжал в Кандагар в середине лета 2001 г.⁵ Подобные контакты осуществлялись и после трагических событий в сентябре 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне. С.Б.Махмуд неоднократно высказывался в поддержку идей о том, что Пакистан должен помогать другим мусульманским странам в разработке ядерного оружия, а также заявлял о своей поддержке режима талибов в Афганистане.

По подозрению в связях с «Аль-Каидой», помимо С.Б.Махмуда, были также арестованы и другие пакистанские ученые-ядерщики. Так, в марте 2001 г. началось расследование в отношении Абдула Маджида, который до 1999 г. был главным инженером в Комиссии Пакистана по атомной энергии. Тогда же был арестован еще один ученый, работавший в Комиссии, – Мирза Юсуф Бег. У спецслужб были также вопросы и к другим пакистанским атомщикам – Сулейману Асаду и Мухаммеду Али Мухтару, также подозревавшимся в связях с «Аль-Каидой» и с «благотворительным фондом» С.Б.Махмуда. Однако оба покинули страну под предлогом проведения исследовательских работ в Мьянме. До этого они активно работали в исследовательском центре в Кахуте с комплексами по обогащению урана. Под подозрение

также попал и Мухаммад Насим, поддерживавший С.Б.Махмуда в вопросе о присоединении Пакистана к ДВЗЯИ в 1999 г. Однако точные сведения о том, что он подвергался допросам, отсутствуют.

Среди видных пакистанских ядерщиков необходимо отметить бывшего сотрудника Комиссии Хумаюна Нияза, занимавшегося вопросами распространения урана и плутония в Афганистане, а также Шейха Мухаммада Туфайла – владельца одной из ведущих пакистанских инженерных компаний, являющегося и одним из руководителей фонда «Исламского возрождения» С.Б.Махмуда.

Большие опасения вызывал и тот факт, что в период 1997–2002 гг. ряд пакистанских ученых и специалистов, связанных с разработкой ядерной программы, покинули страну. В 1997 г. – помощник инженера Мухаммад Зубейр, в 2000 г. – главные инженеры Мурад Касим, Тарик Махмуд, Сайд Ахтар, Имтаз Бег, Вахид Насир, Мунаввар Исмаил, в 2002 г. – Шахин Фарид, Халид Махмуд⁶. Отследить их контакты весьма затруднительно, и вероятность того, что от кого-либо из этих специалистов по той или иной причине могла произойти утечка информации, стала причиной серьезного беспокойства.

К основным факторам, которые побуждают нелегально передавать информацию по ядерным технологиям, относят следующие. Во-первых, как отмечалось, находящиеся под влиянием идей исламского радикализма ученые видят ядерную бомбу Пакистана именно как «исламскую» и, соответственно, полагают своим «священным долгом» передавать свои теоретические знания и конкретные результаты деятельности в другие мусульманские страны. Во-вторых, тем самым укрепляются позиции и влияние Пакистана не только в исламском мире. Однако в случае с Северной Кореей интерес был в получении северокорейских ракетных технологий. И третья, наиболее очевидная, но все же не основная причина, – желание, а, главное, возможность очень хорошо заработать на продаже ядерных «ноу-хау». А если учесть, что международные террористы, в частности, и «Аль-Каида» имеют колоссальные финансовые средства, опасения в связи с возможностью попадания оружия массового поражения в руки исламских радикалов становятся все более серьезными.

В интервью арабскому телеканалу «Аль-Джазира» в 2001 г. Усама бен Ладен, выступая в поддержку развития пакистанской ядерной программы, открыто заявлял о стремлении обладать не только химическим и биологическим, но и ядерным оружием. Спецслужбы имеют информацию, что еще в мае 1998 г. с ведома Объединенного разведывательного управления Пакистана в Кандагаре (Афганистан) был построен завод по производству химического, биологического и, возможно, радиоактивного оружия⁷.

Таким образом, подозрения относительно связи руководства международных террористических группировок с некоторыми пакистанскими специалистами в области ядерной энергии явно имеют

основания. При нынешнем политическом курсе Пакистана можно предполагать, что руководство страны осознает недопустимость применения ядерного оружия в каких-либо конфликтах. В связи с этим гораздо большее внимание следует обратить на безопасность ядерных объектов и на меры, препятствующие утечке информации, касающейся ядерных разработок. Необходимо, чтобы это стало реальной частью политического курса Исламабада.

Более того, в настоящее время необходимы меры мирового сообщества, которые, в случае ухудшения внутривнутриполитической ситуации в Пакистане в будущем, могли бы в какой-то мере уменьшить ядерную опасность, исходящую от этой страны. Следует более активно убеждать Пакистан присоединиться к действующим международным соглашениям и организациям в области контроля за распространением, добиваться расширения сферы инспекций МАГАТЭ в ядерной энергетике страны. Однако в этих вопросах невозможно апеллировать лишь к Исламабаду. Без участия Нью-Дели в этих процессах едва ли возможно рассчитывать на какой-либо успешный результат.

Один из главнейших вопросов, стоящий перед мировым сообществом, это определение статуса новых ядерных государств. Пакистан и Индия находятся вне сферы действия Договора о нераспространении ядерного оружия и других международных соглашений, касающихся режима нераспространения, и, соответственно, не имеют обязательств в этом плане. И если нынешнее положение Пакистана не имеет столь опасного значения, то в случае, если к власти в государстве придут исламские экстремисты, что не является таким уж невозможным, по сути, у них ничем не будут связаны руки в отношении ракетно-ядерного оружия.

При возможных вариантах развития событий обязательно необходимо учитывать важный фактор – ни одно решение в ядерной области не будет принято Пакистаном без оглядки на действия Индии. Поэтому мировому сообществу, видимо, следует вырабатывать одинаковые линии поведения в отношении ядерных программ обоих государств. Исламабад, скорее всего, будет и в дальнейшем увязывать свою ядерную программу с аналогичной программой Нью-Дели. Объясняется это в первую очередь тем, что создание атомного оружия в Пакистане шло как бы «вдогонку» за Индией ради сохранения военного баланса с ней. И остановить этот процесс оказалось невозможным ни в 70-е годы, ни, тем более, теперь.

Задачи индийской ядерной программы изначально были основаны на более глобальных целях и задачах, выходящих за рамки южноазиатского субконтинента. Первоначально Пакистан, руководство которого прекрасно осознавало всю финансово-экономическую тяжесть «ядерного бремени», пытался путем различных аргументов помешать индийцам начать военную ядерную программу. Так, в частности, предлагалось создать в Южной Азии зону, свободную от ядерного

оружия, принять совместную декларацию об отказе от приобретения и производства ядерного оружия, принять полномасштабный контроль МАГАТЭ над всеми ядерными объектами обеих стран. Эти и другие предложения Исламабада были отвергнуты Индией.

Оказавшись перед выбором либо безнадежно отстать от своего соседа в ядерной области и тем самым фактически проиграть в глобальном противостоянии с главнейшим соперником, либо при колоссальном напряжении экономических ресурсов следовать в «ядерной колее» за Индией, Исламабад выбрал второй путь. Можно спорить о том, насколько правильным и обоснованным был этот выбор, однако, очевидно, что Пакистан весьма уверенно идет в фарватере индийской ядерной программы, повторяя ее реакцию и действия, хоть и с огромным напряжением всех сил. Даже «ответ» Пакистана на индийские ядерные испытания в 1998 г. был полностью адекватен – были взорваны шесть ядерных боезарядов, с учетом испытаний 1974 г.

Следует иметь в виду, что Пакистан в общем выполнил основные задачи – получил ядерный арсенал, а также ракеты средней и малой дальности, достигающие территории Индии. А главное – заявил о себе как о ядерном государстве де-факто. И надо признать: несмотря на то, что юридически он такого статуса не получил (видимо, пока), его ядерная программа стала весомым аргументом во внешней политике государства, не считаться с которым мировое сообщество уже не может.

Можно предположить, что, спустя некоторое время, подходы Индии и Пакистана к ядерному нераспространению в целом и своим программам, в частности, разойдутся. Вероятно, Пакистан, которому гораздо тяжелее нести это бремя, чем мощно развивающейся Индии, перейдет на более гибкие позиции в вопросах Договора о нераспространении ядерного оружия и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. В Исламабаде, вероятнее всего, понимают, что обогнать Индию в этой области не удастся. В данном случае необходимо сделать правильный стратегический шаг, тем более, что и в Нью-Дели, и в Исламабаде прекрасно осознают невозможность применения такого вида оружия. В связи с этим один из главных вопросов заключается в том, стоит ли оружие сдерживания таких затрат, явно подрывающих экономику страны?

Отношение к обладанию ядерным оружием в самом Пакистане неоднозначно. За собственный «ядерный арсенал» выступало большинство населения страны, видя в этом возможность усиления позиций Пакистана на мировой арене и в противостоянии с Индией. Наличие ядерного оружия воспринималось как гарантия большей свободы и независимости. Противоположной точки зрения придерживалась небольшая часть интеллигенции и бизнес-кругов, опасавшихся ухудшения экономического положения в связи с неизбежными внешними санкциями. Тем не менее, руководство страны как раньше, так и те-

перь неоднократно заявляло не только о невозможности свертывания ядерной программы, но и о планах ее наращивания.

В отличие от Индии, Пакистан не имеет четко сформулированной ядерной доктрины (по крайней мере, официально такая программа нигде не опубликована, хотя, вероятнее всего, она просто держится в строжайшем секрете). Поэтому сведения о ней можно получать только из официальных действий и заявлений, мнений экспертов. Главное в ядерных планах Пакистана – это продолжение работ по количественному и качественному развитию атомного оружия с целью создания такого военного потенциала, который способен отразить любую агрессию, чтобы «любое ядерное нападение на страну и ее вооруженные силы привело к адекватному ядерному возмездию, способному нанести агрессору невосполнимый урон». Принята программа, рассчитанная на 15 лет, полного оснащения ядерным оружием трех основных родов войск. Нетрудно догадаться, что стратегическая ядерная программа Исламабада, как говорилось, во многом определяется в основном планами и действиями Индии.

Пакистан неоднократно сам утверждал о возможности перерастания конфликта с Индией в ядерный. Скорее всего, эти заявления носят упреждающий характер в расчете на то, что Индия, опасаясь такого развития событий, не пойдет на решительные меры противодействия. Однако вооруженные конфликты последних лет на границе двух стран показали решимость индийской стороны давать отпор. Полная военная победа Индии во время вооруженного конфликта (Кашмир) в 1999 г. продемонстрировала, что все по-прежнему решает превосходство в обычных вооружениях. Ядерное оружие не изменило сути отношений этих стран.

Осознание в обоих государствах невозможности применения атомного оружия, которое повлечет за собой невосполнимые потери – человеческие, материальные и нанесет непоправимый ущерб экологии всего региона, – в большой степени делает ядерное оружие средством взаимного сдерживания, к которому стороны в случае конфликта прибегают как к последнему аргументу. Однако надежды на то, что обладание этим видом оружия избавит соседей от вооруженных конфликтов вообще, не оправдались. Это еще раз говорит о том, что ядерный вопрос, безусловно, очень важен, но он лишь один из многих камней преткновения в отношениях Индии и Пакистана. И, как правило, договоренности в ядерной области могут быть достигнуты лишь на фоне общего потепления взаимоотношений. Так, как это происходит, например, в данный момент.

В соответствии с февральскими договоренностями 2004 г. в Нью-Дели 19–20 июня этого же года состоялись индийско-пакистанские переговоры по ядерной проблематике на уровне заместителей министров иностранных дел. В рамках общей линии на развитие мирного диалога по итогам консультаций о мерах доверия в ядерной области Дели и

Исламабад, признавая, что ядерные способности друг друга основаны на интересах национальной безопасности, согласились в целях «устранения недоразумений и предотвращения рисков в ядерной сфере» наладить «горячую линию» связи между первыми заместителями министров иностранных дел двух стран. Также была отмечена необходимость модернизации уже существующей аналогичной линии связи между начальниками оперативного управления Генерального штаба.

В совместном заявлении по итогам двухдневного совещания также говорилось о договоренности сторон работать над Соглашением по техническим параметрам уведомления о запланированных ракетных испытаниях. Проект этого соглашения предложила индийская сторона.

Согласно документу, Индия и Пакистан подтвердили мораторий на проведение ядерных испытаний, выразив готовность создавать атмосферу мира и безопасности во взаимоотношениях между собой. Оговаривалось также, что испытания могут быть проведены лишь в чрезвычайной ситуации и в случае прямой угрозы интересам страны.

Исламабад и Нью-Дели согласились также признавать свои ядерные потенциалы «факторами стабильности» и призвали все ядерные державы проводить регулярные встречи для обсуждения проблем, представляющих взаимный интерес.

Была подтверждена решимость действовать в духе Меморандума о взаимопонимании, подписанного в Лахоре в 1999 г., который запрещал нападения на ядерные объекты. Обе страны предоставили друг другу списки этих объектов.

Стало совершенно очевидным, что международное сообщество не может более не учитывать позиции фактических ядерных держав Индии и Пакистана при решении глобальных проблем. Игнорирование или неопределенность статуса этих держав, как показала практика, не в состоянии приостановить процесс наращивания ядерного потенциала этих стран. Индия и Пакистан недвусмысленно дали понять, что будут действовать, в первую очередь, исходя из собственных национальных интересов, и явно не собираются отказываться от тех преимуществ, которыми обладают другие ядерные державы. И, видимо, чиновники международных институтов понимают это.

Так, в конце июня 2004 г. генеральный директор Международного агентства по атомной энергии Мухаммад аль-Барадаи заявил, что ни один вопрос, касающийся каких-либо изменений режима нераспространения, не может быть обсужден без участия Индии и Пакистана (это же относится и к Израилю). По его словам, необходимо подключать эти страны ко всем процессам в мировой ядерной сфере⁸. Особенно это стало актуальным после обнародования информации о контрабанде ядерных технологий из Пакистана.

¹ С.Артемьев. Скандальные признания ученого-ядерщика Абдул Кадир Хана. // Компас, № 7, 12.02.2004.

² Flat-pack Proliferation of Nuclear Arms // The Daily Yomiuri, Tokyo, 10.02.2004.

³ С.Херш. Сделка. Почему Вашингтон легко относится к «черным ядерным дилерам» Пакистана? // «Нью-Йоркер», 01.03.2004.

⁴ А.Терехов. «Отец пакистанской ядерной бомбы» делился секретами с Ираном и Ливией, дабы помочь «общему мусульманскому делу», «Независимая газета», 03.02.2004.

⁵ Rajesh Kumar Mishra. Nuclear Safety and Security in Pakistan. // www.saag.org

⁶ Rajesh Kumar Mishra. Nuclear Scientific Community of Pakistan. // www.saag.org

⁷ Rajesh Kumar Mishra. Nuclear Scientific Community of Pakistan. // www.saag.org

⁸ www.dawn.com/2004/06/22/top12.htm

**ОТНОШЕНИЯ ПАКИСТАНА И ИРАНА
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ**

Укрепление добрососедских отношений с Ираном – традиционно одна из приоритетных задач внешней политики Пакистана. Изначально стабильность на западном фланге была важным фактором укрепления геополитического положения Пакистана, особенно вследствие почти непрерывной напряженности его отношений с Индией. Значение иранского вектора внешней политики Пакистана для его геополитических интересов сохранилось и на современном этапе.

По территории и вдоль морского побережья Ирана пролегают сухопутные и водные коммуникации, связывающие Пакистан со странами Юго-Западной Азии и Турцией (и далее – с Европой). Пакистан и Иран имеют взаимные экономические интересы, участвуют в Организации экономического сотрудничества (ОЭС).

Фактор обоюдного притяжения Пакистана и Ирана – конфессиональная общность: ислам играет огромную роль во внутривнутриполитической жизни обеих стран, его влияние ощутимо и во внешней политике Пакистана, хотя и в значительно меньшей степени по сравнению с деятельностью Ирана на международной арене. Пакистан и Иран взаимодействуют, в частности, в рамках Организации исламская конференция. Существенное и неоднозначное влияние на пакистано-иранские отношения оказывает наличие в Пакистане многочисленной шиитской общины. Шииты составляют около 20% населения страны и имеют немалый политический и экономический вес. Иран, в свою очередь, обладает значительным влиянием на шиитскую общину Пакистана.

В укреплении добрососедства и сотрудничества с Пакистаном нуждается и Иран, внешнеполитическое положение которого на протяжении более двух десятилетий осложнено противостоянием с США, столкновением геополитических интересов с Саудовской Аравией, разногласиями с некоторыми другими арабскими монархиями. Для иранской стороны особенно важно то, что Пакистан, проводя курс на укрепление контактов с Саудовской Аравией и другими странами-участницами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), традиционно дистанцируется от ирано-арабских противоречий.

Афганская проблема в пакистано-иранских отношениях в конце 90-х годов

В рамках стратегических курсов Исламабада и Тегерана на обеспечение взаимоотношений добрососедства и сотрудничества существуют и острые проблемы, имеющие важное значение для внешне- и внутривнутриполитических интересов сторон. Во второй половине 90-х годов фактором серьезного осложнения отношений Исламабада и Тегерана стали противоречия по вопросу о путях урегулирования афганского конфликта. Как известно, власти Пакистана сделали ставку на движение «Талибан», возникновение и утверждение которого на военно-политической арене Афганистана состоялось при широком содействии пакистанских спецслужб. Иную позицию занял Тегеран. Руководство ИРИ отказалось признать легитимность власти талибов и сохранило контакты с Б.Раббани, продолжая считать его законным президентом Афганистана. Тегеран оказывал политическую поддержку и всестороннюю помощь военно-политическому руководству хазарейцев-шиитов и других непугунских этносов.

Трагические события, сопутствовавшие захвату военными формированиями движения «Талибан» главного города Северного Афганистана Мазари-Шарифа в августе 1998 г., вызвали новый виток напряженности в отношениях между Тегераном и Исламабадом, поскольку в руках талибов оказалась большая группа иранских граждан, в том числе дипломаты, находившиеся в Мазари-Шарифе. Высшее руководство ИРИ настаивало на принятии Исламабадом срочных мер для обеспечения их безопасности и скорейшего освобождения. В послании президента ИРИ М.Хатами премьер-министру Пакистана Н.Шарифу было подчеркнуто, что бездействие пакистанской стороны в этом вопросе окажет неблагоприятное воздействие на взаимоотношения двух стран¹.

В середине сентября того же года Тегеран посетил министр иностранных дел Пакистана С.Азиз, который привез послание главы правительства президенту ИРИ. В нем было подчеркнуто, что пакистанская сторона выступает за формирование в Афганистане правительства на широкой базе – при участии представителей основных политических сил страны².

Власти Пакистана осудили убийство иранских дипломатов в Мазари-Шарифе в августе 1998 г., при их посредничестве была освобождена группа иранских граждан.

Генерал П.Мушарраф, став главой исполнительной власти в Пакистане (октябрь 1999 г.), один из первых своих визитов за рубеж совершил в Тегеран (7–8 декабря 1999 г.). Главным вопросом во время его переговоров с высшим руководством Ирана было взаимодействие Исламабада и Тегерана в урегулировании афганского конфликта³.

В конце 90-х годов отношение Тегерана к движению «Талибан» как реальной силе на военно-политической арене Афганистана несколько смягчилось: продолжая оказывать помощь «Северному альянсу», власти ИРИ вступили в контакты с администрацией талибов на

неофициальной основе⁴. Немалую роль в подвижках политики Тегерана на афганском направлении сыграл Исламабад.

Негативное влияние пакистано-иранских разногласий по проблеме афганского урегулирования на взаимоотношениях двух стран усугубилось нарастанием суннитско-шиитского противостояния в Пакистане на протяжении 90-х годов, особенно во второй половине десятилетия. Участвовавшие убийства иранских граждан, оказавшихся в Пакистане, нападения на представительства Ирана и другие акции участников экстремистских суннитских организаций вынудили Тегеран сократить персонал посольства ИРИ в Исламабаде в конце 1998 г., а в 1999 г. принять решение о закрытии иранских культурных центров в Пакистане⁵. (Они функционировали в Исламабаде, Лахоре, Равалпинди и Пешаваре.)

Особое беспокойство руководителей обеих стран вызывало то, что суннитско-шиитские столкновения в Пакистане, ранее возникавшие стихийно, стали носить организованный характер. Принятый правительством Пакистана в 1997 г. «Антитеррористический акт», в соответствии с которым были арестованы десятки руководителей и сотни активистов экстремистских организаций религиозного толка, оказался недостаточно эффективной мерой для погашения суннитско-шиитской вражды, мощным катализатором которой был режим движения «Талибан» в соседнем Афганистане. Процесс нарастания межсектантской розни в Пакистане, естественно, вызывал серьезное беспокойство в Тегеране. Так, в октябре 1999 г., после того, как несколько пакистанских городов захлестнула волна массовых беспорядков на религиозной почве, министерство иностранных дел ИРИ выразило серьезную обеспокоенность усилением суннитско-шиитского противостояния.

Всплеск террористических актов на межсектантской почве вынудил пакистанские власти усилить меры обеспечения безопасности посольства ИРИ и иранских дипломатов⁶. В апреле 2000 г., после убийства в Карачи одного из лидеров наиболее влиятельной организации шиитов Пакистана «Техрик-и Нифаз-и Фикх Джафария» («Движение за осуществление джафарийского фикха»), министерство внутренних дел Пакистана потребовало от властей Исламского эмирата Афганистан закрыть тренировочные лагеря на контролируемой ими территории, в которых нашли прибежище лица, совершившие преступления на межсектантской почве в Пакистане, и выдать их пакистанской стороне. Одновременно министерство внутренних дел потребовало от руководителей ультрадикальных организаций – суннитской «Сипах-и Сахаба-и Пакистан» («Армия друзей Пакистана») и шиитской «Сипах-и Мухаммад» («Армия Мухаммада») – немедленно прекратить террористические акты, предупредив, что в противном случае в отношении этих организаций будут приняты строгие меры⁷. Однако предупреждения, как и упомянутый выше «Антитеррористический акт» 1997 г., оказались недостаточными для прекращения розни в тот период.

Пакистано-иранские отношения в условиях антитеррористической операции в Афганистане

Официальные и общественно-политические круги Пакистана осудили террористические акты, осуществленные 11 сентября 2001 г. в США. Исламабад оказал поддержку антитеррористической операции в Афганистане в предложенном Вашингтоном формате: были установлены тесные контакты между спецслужбами двух стран, американская авиация получила возможность использовать воздушное пространство и военно-воздушные базы Пакистана и т.д.

Позиция Ирана существенно отличалась от пакистанской. Тегеран осудил террористические акты, совершенные 11 сентября 2001 г. в США. Вместе с тем иранские власти не дали разрешения на использование воздушного пространства своей страны военными самолетами США и их союзников по антитеррористической коалиции. После начала 7 октября того же года военной операции в Афганистане высшие государственные деятели ИРИ выступили с резкими заявлениями в адрес США, настаивая на немедленном прекращении бомбардировок афганской территории. В то же время Тегеран увеличил помощь «Северному альянсу», вооруженные формирования которого активно участвовали в военных действиях.

В процессе интенсивных пакистано-иранских контактов между сторонами обозначились серьезные разногласия по вопросу о послевоенном урегулировании в Афганистане. Иранская сторона настаивала на том, что «правительство Б.Раббани в качестве законной власти, признанной ООН, должно выполнить свою миссию до конца и сформировать будущее правительство»⁸. Предоставление таких полномочий правительству Б.Раббани, фактически утратившему влияние в Афганистане и, главное, представляющему непущтунскую часть афганского общества, было неприемлемо для Исламабада. Пакистанскую сторону не устраивало также стремление Тегерана ограничить роль бывшего короля Афганистана, пользовавшегося поддержкой Вашингтона, в послевоенном урегулировании.

Исламабад и Тегеран были заинтересованы в устранении разногласий по афганской проблеме и общем укреплении взаимоотношений и поддерживали активные контакты. Так, 7 ноября того же, 2001 г. с краткосрочным визитом Тегеран посетил генерал П.Мушарраф. Незапланированная ранее поездка в столицу ИРИ была связана с предстоявшим выступлением пакистанского руководителя на сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Стороны обсудили основные вопросы, которые П.Мушарраф намеревался осветить в своем выступлении на форуме ООН; при этом в центре внимания, естественно, находилась афганская проблема. П.Мушарраф и М.Хатами договорились усилить взаимодействие на афганском направлении и активизировать сотрудничество в экономической и других сферах⁹.

Выступая на пленарном заседании ГА ООН 10 ноября того же года, П.Мушарраф высказался за «усиление роли ООН в урегулировании конфликтов в Афганистане и других регионах, порождающих и питающих экстремизм и терроризм». Президент Пакистана призвал международное сообщество проводить различие между террористами и теми, кто борется за реализацию законных прав своих народов, закрепленных в соответствующих резолюциях ООН¹⁰. (Вполне очевидно, что имелась в виду, в первую очередь, кашмирская проблема.) Такая постановка вопроса была созвучна трактовке борьбы с терроризмом, неоднократно высказывавшейся высшими руководителями Ирана применительно к палестинской проблеме¹¹.

Во время визита министра иностранных дел ИРИ К.Харрази в Исламабад в конце ноября того же, 2001, года главы внешнеполитических ведомств двух стран рассмотрели перспективы расширения торгово-экономических связей между Пакистаном и Ираном. Была достигнута договоренность о создании совместной технической комиссии по строительству газопровода из Ирана в Пакистан, при этом стороны рассчитывали на то, что в проекте будет участвовать и Индия, испытывающая острую нехватку углеводородного сырья.

Основное же внимание министры иностранных дел уделили обсуждению вопросов, связанных с ситуацией в Афганистане. Они выразили удовлетворение договоренностью о создании на широкий основе переходного правительства, достигнутой представителями основных политических сил Афганистана на проходившей в то время конференции в Бонне. (Межафганское соглашение о временной администрации было подписано 5 декабря 2001 г.). Главы внешнеполитических ведомств решили учредить совместную пакистано-иранскую комиссию по содействию восстановлению Афганистана; в круг ее задач входило, в частности, осуществление тесного взаимодействия с соответствующими структурами ООН и других международных организаций.

В процессе пакистано-иранских контактов проявилось различие позиций сторон по одному из ключевых аспектов послевоенного урегулирования ситуации в Афганистане – в вопросе о сохранении военного присутствия США и их союзников в этой стране после разгрома основных вооруженных формирований движения «Талибан». Исламабад продолжил и продолжает активное сотрудничество с Вашингтоном и после крушения режима талибов, в том числе в вопросе о размещении международных миротворческих сил в Афганистане (при этом исключалось участие в них пакистанских воинских подразделений). Иранская же сторона считала возможным присутствие на территории Афганистана только наблюдателей ООН для отслеживания ситуации в стране.

Афганская проблема находилась в фокусе внимания высших государственных деятелей Пакистана и Ирана и впоследствии. Вместе с тем, как и на начальном этапе антитеррористической операции. Исламабад и Тегеран предпочли отодвинуть на второй план разно-

гласия. Немалую роль в этом сыграло то, что процесс формирования государственных структур возрождаемого к мирной жизни Афганистана жестко контролировался западной дипломатией. Вполне определенные обязательства о невмешательстве во внутренние дела Афганистана наложил на Исламабад и Тегеран Кабульская декларация, подписанная 22 декабря 2002 г. высшими государственными деятелями шести сопредельных с Афганистаном стран, в том числе Пакистана и Ирана. Учитывая сложившуюся ситуацию вокруг Афганистана и исходя из интересов своих стран, руководители Пакистана и Ирана сосредоточили усилия на сотрудничестве по другим вопросам, особенно в торгово-экономической сфере.

Проблемы торгово-экономического сотрудничества

В конце декабря 2002 г. президент ИРИ С.М.Хатами посетил Пакистан впервые после прихода к власти в этой стране военных во главе с П.Мушаррафом в октябре 1999 г. Переговоры на высшем уровне также впервые за предшествовавшие несколько лет были сконцентрированы на укреплении торгово-экономических связей, а не на региональных проблемах, так или иначе связанных с афганским конфликтом. Во время трехдневного пребывания главы Ирана в Пакистане были подписаны три соглашения и меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в таких областях, как автодорожное и железнодорожное сообщение, новейшие технологии, энергетика, образование и некоторых других. Особое внимание стороны уделили строительству газопровода Иран – Пакистан – Индия протяженностью 1400 км. Согласно прогнозам, Пакистан сможет обеспечивать свои растущие потребности в природном газе в основном за счет собственных ресурсов, в том числе благодаря вводу в эксплуатацию новых месторождений. Заинтересованность Исламабада в реализации вышеуказанного проекта определяется в первую очередь расчетами на доходы в 300–400 млн. долл. в год¹² от транзита газа по пакистанской территории. Строительство газопровода укрепило бы также позиции Пакистана в отношениях как с Ираном, так и с Индией.

Совместное заявление глав двух государств, подписанное по завершении визита С.М.Хатами, было посвящено в основном взаимодействию Пакистана и Ирана в экономической сфере. Стороны подчеркнули намерение сотрудничать в восстановлении разрушенной войной экономики Афганистана. В то же время в совместном заявлении были опущены острые региональные проблемы, в том числе кашмирская. Между тем, согласно сообщениям пакистанских средств массовой информации, президент Ирана заявил о готовности Тегерана посредничать между Исламабадом и Дели в урегулировании кашмирского спора¹³: иранская сторона проявила свое традиционное стремление дистанцироваться от противоречий между Пакистаном и Индией, стремясь избежать осложнения отношений с Дели.

Несмотря на активизацию политико-дипломатических контактов Исламабада и Тегерана, охватывающих также сферу экономических связей, объем товарооборота Пакистана с Ираном невелик: в 2002/03 ф.г. он составил 263 млн. долл., в том числе экспорт – всего 63 млн. долл.¹⁴ Основная статья импорта Пакистана из Ирана – нефть и нефтепродукты (более 2/3 общего объема ввоза). Традиционные статьи пакистанского экспорта в соседнюю страну – рис, пшеница, фрукты и некоторые другие виды продовольствия, строительные материалы, продукция легкой промышленности (включая хлопчатобумажные изделия) и т. д.

Небольшой объем пакистанского экспорта в Иран во многом вызван ставшими по существу регулярными запретами, вводимыми иранской стороной на ввоз сельскохозяйственной продукции вследствие ее несоответствия требованиям карантинной инспекции Ирана. Так, еще в 2000 г. был запрещен ввоз в Иран фруктов (главным образом манго и цитрусовых) и пшеницы. Несмотря на настойчивые усилия пакистанской стороны добиться снятия запрета на ввоз указанных товаров, решение проблемы затянулось. Аналогичная ситуация сложилась с реализацией подписанного еще в мае 1999 г. двустороннего соглашения об отмене двойного налогообложения – его вступление в силу задержалось на несколько лет. В целях стимулирования торгово-экономических связей пакистанские власти предложили Тегерану договориться о взаимном снижении верхней планки импортных тарифов до 10%, упрощении карантинных требований и т.д.¹⁵ Судя по всему, переговоры между сторонами и в этой сфере могут затянуться.

Иранский рынок особенно привлекателен для пакистанских экспортеров, поскольку перевозка товаров по связывающим две страны автомобильным дорогам позволяет существенно снизить транспортные расходы, возрастающие при доставке товаров в другие соседние страны по морю. Однако перспективы увеличения пакистанского экспорта в Иран в масштабах, обеспечивающих возможность сбалансировать товарооборот, ликвидировав хронический торговый дефицит, малоутешительны. Несмотря на активизацию пакистано-иранских контактов на высоком уровне, продолжается стагнация экономического сотрудничества между двумя странами, проявляющаяся в первую очередь в сфере торговых связей. Выбор пакистанских товаров, пользующихся спросом иранской стороны, ограничен. В тех же товарах, поставку которых Исламабад мог бы нарастить, Тегеран не заинтересован. Остаются расчеты на компенсирование огромного дефицита в торговле с Ираном за счет доходов от транзита иранского газа в Индию – одного из факторов, определяющих заинтересованность пакистанских властей в строительстве газопровода Иран – Пакистан – Индия.

Однако для индийской стороны прокладка газопровода из Ирана через территорию Пакистана оказалась неприемлемой. Дели, несмотря на потепление отношений между двумя странами, мотивировал свой отказ участвовать в проекте сомнением в способности паки-

станских властей обеспечить безопасность газопровода. Из-за жесткой позиции Дели, Исламабад и Тегеран договорились изменить маршрут прокладки будущего газопровода, исключив участие Индии. Новый вариант проекта предполагает строительство газопровода из Ирана в Пакистан, его стоимость оценивается в 1,8 млрд. долл.¹⁶ В то же время власти Пакистана не оставляют попыток убедить индийскую сторону принять участие в осуществлении одного из трех проектов – строительства газопроводов Иран – Пакистан, Туркменистан – Афганистан – Пакистан и Катар – Пакистан¹⁷.

Интересы Пакистана и Ирана в Афганистане и Центральной Азии и перспективы их взаимоотношений

В число приоритетных задач политики Пакистана на афганском направлении входит обеспечение условий для создания трансафганского транзитного коридора, обеспечивающего государствам Центральной Азии выход к пакистанским морским портам. В этом заинтересованы и центральноазиатские республики, стремящиеся преодолеть свою территориальную континентальную замкнутость. Для молодых государств, особенно Узбекистана, Таджикистана и Киргизии, пролегающий по территории Афганистана и Пакистана транспортный коридор может стать кратчайшим путем к южным морям. Центральноазиатские республики, Пакистан и Афганистан подписали несколько двусторонних и многосторонних соглашений о сотрудничестве в сфере транзитного сообщения. Однако многолетний конфликт в Афганистане помешал их осуществлению.

В 2002–2003 гг. власти Пакистана вложили немало средств в ремонт и модернизацию автомобильных дорог, связывающих афгано-пакистанскую границу с Кабулом. Восстановлено движение через Салангский тоннель, связывающий северные провинции Афганистана с центром. Вопрос о транзитной торговле между Таджикистаном и Пакистаном обсуждался во время переговоров президента Э.Рахмонова в Исламабаде в мае 2004 г. Таким образом создаются предпосылки для создания транспортного коридора Центральная Азия – Афганистан – Пакистан. Вместе с тем политическая ситуация в Афганистане остается сложной, огромные средства необходимы для возрождения дорожной системы страны.

Иран значительно опережает Пакистан в сотрудничестве с государствами Центральной Азии в области транспорта и в развитии торгово-экономических связей в целом. В мае 1996 г. была введена в эксплуатацию железнодорожная линия Теджен (Туркменистан) – Серахс (населенный пункт на туркмено-иранской границе) – Мешхед, обеспечившая государствам Центральной Азии выход к Персидскому заливу. Наряду с Туркменистаном, к использованию нового маршрута подключились другие центральноазиатские республики. Так, в 2002 г.

Узбекистан перевез по трансиранскому железнодорожному коридору 500 тыс. т грузов¹⁸.

В июне 2003 г. в Тегеране состоялись переговоры президентов Ирана, Узбекистана, Афганистана и Таджикистана о развитии связей в области транспорта. Были подписаны два трехсторонних соглашения, предусматривающие создание транзитных коридоров грузоперевозок по маршрутам: Термез (Узбекистан) – Хайратон (Афганистан) – Мазари-Шариф – Герат – ирано-афганская граница – иранские порты в Персидском и Оманском заливах и Нижний Пяндж (Таджикистан) – порт Ширхан (Афганистан) – Кундуз – Мазари-Шариф – Герат – афгано-иранская граница – иранские морские порты¹⁹. Между тем ранее Ташкент проявлял заинтересованность в создании афгано-пакистанского транспортного коридора для выхода к морским портам Пакистана. Однако руководители двух центральноазиатских республик, не отвергая возможность использования афгано-пакистанского маршрута для грузоперевозок в будущем, предпочли договориться о транзите товаров через те афганские провинции, властям которых удалось обеспечить относительно стабильную военно-политическую ситуацию.

Укрепление сотрудничества между государствами Центральной Азии и Ираном не может не вызывать беспокойства пакистанской стороны, в свое время рассчитывавшей на широкое развитие связей с южными постсоветскими республиками, в первую очередь, в торгово-экономической области. Вместе с тем, Исламабад не имеет возможности соперничать с Ираном на рынках республик Центральной Азии, ухудшение же отношений с Тегераном противоречило бы интересам Пакистана, особенно ввиду сложной внутривнутриполитической обстановки. Существующий уровень отношений между Пакистаном и Ираном, важным компонентом которых являются активные контакты по актуальным для сторон региональным проблемам, скорее всего, сохранится и в ближайшей перспективе.

¹ Dawn, 30.08.1998.

² The News International, 18.09.1998. По сведениям организации «Международная амнистия», только в резне, устроенной талибами в Мазари-Шарифе, погибли несколько тысяч хазарейцев, а также были убиты иранские дипломаты и журналисты (П.Мартенс. Талибан. Война и религия в Афганистане. М., 2002, с. 156).

³ Dawn, 10.12.1999.

⁴ См.: В.А.Ушаков. Иран – Афганистан: сближение или противостояние (вторая половина 1999–2001 гг.). – Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.). М., 2002, с. 162–163.

⁵ The News International, 25.05.1999.

⁶ Dawn, 03.10.1999.

⁷ Ibid., 09.04.2000.

⁸ Такое заявление было сделано, например, представителем МИД ИРИ 6 ноября 2001 (The News International, 9.11.2001).

⁹ Ibid.

¹⁰ Dawn, 11.11.2001; IPRI Journal, Winter 2002, с. 166.

¹¹ О позиции Ирана см.: Н.Мамедова. Изоляция Ирана не состоялась. – Независимая газета, 03.07.2002.

¹² Dawn, 07.01.2003.

¹³ The News International, 30.12.2002.

¹⁴ Ibid., 07.01.2004.

¹⁵ Как отмечалось в пакистанских средствах массовой информации, это произошло из-за бюрократических проволочек (Dawn, 14.01.2004). Главная же причина, по нашему мнению, заключается в слабой заинтересованности иранской стороны в пакистанских товарах.

¹⁶ The News International, 01.01.2004.

¹⁷ Ibid., 29.03.2004.

¹⁸ Народное слово (Ташкент), 19.06.2003.

¹⁹ См.: Афганистан и сопредельные страны. М., 2003, с. 15–16.

КОАЛИЦИОННЫЕ СИЛЫ В ИРАКЕ И СИТУАЦИЯ В ЭТНИЧЕСКОМ КУРДИСТАНЕ

Действия американо-британской коалиции в Ираке актуализировали проблему курдов в сопредельных ему Турции, Сирии и Иране. Здесь курды отстаивают свои интересы, сформулированные под влиянием представления о курдской этнической общности как о некоем «коллективном индивиде», наделенном волей, устремлениями и способностью делать выбор, а также как о «социальных организациях», или «ячейках развития». Однако курдские анклавы расположены в государствах, где национализм доминирующей социально-политической группировки, находящийся под влиянием ислама, становится основным идеологическим обоснованием целенаправленных действий правительств в национальном вопросе. Это противоречие осложняет поиски механизма регулирования межнациональных отношений.

Коллапс диктаторского режима С.Хусейна в Ираке в 2003 г. привел к формированию качественно новых геополитических и этнополитических реалий в Западной Азии, а также заострил курдский этнотерриториальный конфликт. Этому способствовала позиция США в отношении иракских курдов. Признание их как субъекта права и как участников политического процесса усилило устремления последних к «этническому федерализму» и экстерриториальной автономии корпоративного типа. Хотя во время подписания временной конституции против предоставления статуса расширенной автономии Иракского Курдистана выступил духовный лидер иракских шиитов аятолла ас-Систани и это положение не вошло в окончательный документ, курдам удалось в статьях 53 и 54 Закона о государственном управлении (ЗГУ) закрепить свое право на автономию Иракского Курдистана. Между тем, 28 июня 2004 г. американцы передали управленческие полномочия иракскому президенту. У иракских курдов начался новый этап борьбы за реализацию своего автономного статуса.

Будущее Иракского Курдистана определила резолюция 1546 ООН, принятая Советом Безопасности 8 июня 2004 г. Эта резолюция была воспринята курдами этнического Курдистана и курдской диаспорой панически, поскольку она не гарантировала право курдов на самоопределение и не признала легитимность существования в Иракском Курдистане правительства, успешно функционировавшего последние 13 лет. Все это свидетельствовало о том, что Соединен-

ные Штаты отмежевались от предоставления Иракскому Курдистану международных гарантий и передали курдский вопрос на откуп иракцам. В резолюции отсутствовало упоминание о положении ЗГУ, гарантирующем федеративную структуру будущему Ираку. Эти события вызвали оживленную полемику в курдских общественных кругах.

Некоторые курдские аналитики считают, что курдское самоуправление будет выгодно иракским арабам, поскольку это поможет положить конец разбазариванию природных ресурсов страны. Однако арабы могут пойти на это в случае игнорирования интересов соседних стран и своего собственного энтузиазма относительно территориальной целостности Ирака. Они полагают, что интеграция, основанная на насилии, вряд ли может ассоциироваться с такими понятиями, как свобода, достоинство и право на самоопределение. Национальная целостность Ирака, достигнутая путем насилия, по их мнению, может привести к непредсказуемым последствиям. Они утверждают, что в последние 80 лет территориальная целостность Ирака была фикцией и государство не было способно гарантировать населению социальную и политическую стабильность (1).

Идея курдской независимости была поддержана Курдско-американским образовательным обществом, возглавляемым Ардиширом Рашиди-Кельхором. Он высказался за то, чтобы курды представили на рассмотрение курдского парламента Декларацию независимости, поскольку курды созрели как государствообразующая нация и доказали свою способность самостоятельно заниматься социальной и экономической деятельностью. Президент этого общества призвал соседние государства (Турцию, Иран и Сирию) отказаться от противодействия намерениям иракских курдов и признать независимость Курдистана (2). Вместе с тем, группа курдских общественных деятелей направила Дж.Бушу письмо, в котором отметила, что резолюция ООН 1546 игнорирует ЗГУ. Она развеяла мечты курдов о своей свободе в федеративном государстве. Они убеждены, что только такая система может оградить Иракский Курдистан от вмешательства в его дела со стороны Багдада (3).

Официальные представители иракских курдов заявляют, что целостность Ирака зависит от того, будут ли включены во временную конституцию требования курдов о федерализме. Омар Фаттах, премьер-министр Курдского регионального правительства в Сулеймание, сменивший Б.Салеха, занявшего пост вице-премьера правительства Ирака, заявил, что иракские курды восприняли передачу американцами власти иракскому президенту с подозрением. Курды борются за то, чтобы статус самоуправления Иракского Курдистана фиксировался в новой иракской конституции, которая должна быть принята осенью 2005 г. Но их настораживает факт, что ни один курдский лидер не занял важных постов в новом иракском правительстве. О.Фаттах призвал иракских курдов не торопиться заявлять требование о курдской

независимости. Он считает своевременным продолжить борьбу в рамках иракского государства. Курдские лидеры М.Барзани и Дж.Талабани готовы сотрудничать с новым, правительством с целью достижения договоренностей по основным пунктам требований иракских курдов (4, 5).

Процесс реформы управления сопровождается острой этно-политической борьбой. Так, курдов обвинили в том, что они, якобы, участвовали совместно с американцами в Фаллудже в столкновениях с арабами. Последних с курдами разъединяет трактовка присутствия коалиционных сил в Ираке, которые некоторые арабские группировки рассматривают как оккупантов. В то же время Талабани отмечал, что быть союзником США не означает того, что курды станут американскими марионетками. По словам некоторых курдских аналитиков, курды обладают 30-тысячной армией «пешмерга», готовой к любому повороту событий. Очевидно поэтому курдские лидеры не получили руководящие посты в новом руководстве Ирака. Все еще проблематичным остается вопрос об иракском федерализме. Курды заинтересованы в сохранении своей автономии в Иракском Курдистане, поскольку интеграция лишит их там власти и влияния, как и в некоторых сопредельных районах Ирака, которые они предполагают присоединить к расширенной автономии. При этом курды балансируют между различными политическими мусульманскими кругами: они не приемлют предлагаемую радикальным шиитским политиком Моктада ас-Садром модель исламского государства, но выбирают аятоллу ас-Систани, согласившегося на закрепление гарантий курдской автономии в ЗГУ, как авторитетного политика, способного достичь договоренностей с шиитами.

Таким образом, непоследовательность политики американской администрации в курдском вопросе в Ираке привела, в конечном счете, к неожиданному для иракских курдов результату. Американцы активно использовали курдов в осуществлении своих задач по свержению диктатора С.Хусейна, но под воздействием ряда внутренних и внешних факторов в Западной Азии и США не сумели сдержать своих обещаний и предоставить Иракскому Курдистану статус автономии, гарантированный официальными документами.

Присутствие коалиционных сил в Ираке и их политика в отношении иракских курдов вызывала обеспокоенность правящих кругов сопредельной Турции, имеющей многочисленный курдский анклав. Нерешенность курдского вопроса в Турции служит серьезным препятствием на пути вступления ее в ЕС. Западные правозащитники пеняют Турции за применение пыток и требуют освобождения политических заключенных. Одним из вопиющих фактов является необоснованный арест в 1994 г. курдянки Л.Зана, являвшейся членом турецкого парламента. В 1995 г. Европейский Парламент наградил ее Премией А.Сахарова.

Турция до сих пор не признает курдской национальности и курдов называют там «горными турками». Внутриполитическая нестабильность в Турецкой Республике в связи с обострением курдского вопроса, может негативно повлиять на инвестиционные поступления в эту страну и развитие туризма. Чтобы смягчить отрицательное впечатление мирового общественного мнения, Турцией были предприняты некоторые меры. Так, были освобождены из тюрем несколько политзаключенных, в том числе и Л.Зана; в трех школах были открыты курсы курдского языка; на государственном телевидении организованы передачи на курдском языке. Однако эти мероприятия, естественно, не решают проблему в целом. Кроме проведения радикальных мероприятий в Турецком Курдистане, курды требуют, в частности, учреждения на телевидении курдского канала с чисто национальной проблематикой, принятия парламентом законов, гарантирующих права немусульманским народностям, и пр. Хотя эти требования в начале июня 2004 г. и были приняты для рассмотрения, в Турции сохранялась угроза возобновления активности Рабочей партии Курдистана (РПК), заявившей о своем выходе из перемирия с турецкими властями, длившегося в течение 5 лет (6). РПК пыталась добиться от турецкой администрации согласия начать переговоры по курдскому вопросу. Однако эта организация зачислена турками в число террористических, переговоры с которой считаются невозможными. После поимки А.Оджалана, лидера РПК, она ограничивала свои требования культурной автономией. Но ее активисты намерены бороться за более радикальные преобразования в регионе с целью объединения разделенных частей этнического Курдистана в целое курдское государство. Поэтому ее функционеры продолжали осуществлять подрывные действия против турецкой армии вблизи турецко-иракской границы, в результате которых с обеих сторон были убиты и ранены. Турецкие военные сосредоточили в этих районах 5-тысячный контингент, нацеленный против баз РПК в горных районах. Несмотря на это, американская коалиция в Ираке рассчитывала на то, что турки не перейдут рубеж и останутся в пределах своей страны до тех пор, пока Соединенные Штаты не добьются стабилизации в самом Ираке. Между тем, нестабильность на иракско-турецкой границе угрожала Киркуку, находящемуся в сфере интересов Турции, и некоторым курдским городам на севере Ирака.

После передачи американцами власти своим ставленникам турецкая армия пересекла иракско-турецкую границу и оккупировала северные районы Ирака. Это было связано с активизацией в этом районе вооруженных отрядов РПК. Заместитель начальника турецкого генерального штаба Илькер Басбуг заявил, что турецкое присутствие на севере Ирака продлится до тех пор, пока не будет искоренена эта террористическая организация. Одновременно против РПК иранская армия начала проводить вооруженные действия со стороны

ирано-турецкой границы. Хотя действия Турции и Ирана против РПК не были якобы скоординированными, в Турции вызывало недоумение то, что американцы проявляли пассивность в отношении к РПК. Дж.Буш, однако, на саммите НАТО в Стамбуле летом 2004 г. обнадежил турок, сказав, что американцы обратят на этот вопрос внимание.

Курдский фактор играет определенную роль в усилении напряженности и в американо-сирийских отношениях. В отношении сирийского президента Башара Асада, которого США считают диктатором сродни С.Хусейну, американцы используют приемы политического давления.

После прихода к власти Б.Асада курды рассчитывали на то, что ему удастся улучшить экономическую и политическую систему Сирии и признать преимущества автономии Курдистана. Однако он продолжил политику, проводимую в курдском вопросе своим отцом, но пообещав курдам вернуть им отнятые земли и гражданство. На практике, Сирия отдает предпочтение силовому решению курдской проблемы. Сирийские курды, как и курды сопредельной Турции, подвергаются дискриминации. Они требуют культурной автономии, изменения языковой политики и признания курдской идентичности. Тысячи сирийских курдов не имеют никакого статуса или считаются иностранцами, поэтому они лишены права голоса, не могут открыть собственное дело или просто устроиться на работу, отдать детей в школу, оформить брак и регистрировать детей. Это в основном беженцы из Ирака и Турции. «Курдский демократический союз Сирии», объединяющий пять курдских партий, потребовал от Дамаска возвращения аннулированных еще в 1962 г. идентификационных карточек для 200 тыс. курдов, являющихся беженцами из Ирака и Турции.

Курдов преследуют в Сирии и за политические убеждения, подвергая инакомыслящих арестам и репрессивным мерам. Обострению арабо-курдских отношений послужил и инцидент в Камышлы в марте 2004 г., когда курды были вовлечены в конфликт на стадионе с арабскими болельщиками, имевший далеко идущие последствия, поскольку волнения перекинулись тогда на другие провинции, охватив весь так называемый Западный (Сирийский) Курдистан. Несколько курдов были убиты, а 2000 человек в Дамаске и Халебе задержаны.

В рамках осуществления своей концепции демократизации Ближнего и Среднего Востока Вашингтон не мог оставить без внимания положение сирийских курдов. Дж.Буш заявил решительный протест против присутствия сирийской армии в Ливане, приобретения Сирией оружия массового поражения. Он обвинил Сирию в поддержке террористов и в том, что она не обеспечивает безопасности своих границ с Ираком, поскольку поощряет просачивание через границу на иракскую территорию боевиков, ведущих действия против сил коалиции. Морские пехотинцы отсекали боевиков вблизи сирийско-иракской границы; стычки имели место и в городе Хусейбахе, находящемся вблизи границы. Гос-

секретарь США К.Пауэлл пригрозил Сирии экономическими санкциями, которые негативно отразятся на сирийской торговле с ЕС. Дж.Буш также заявил, что США заморозят выгодные для Сирии торгово-экономические сделки, ограничат ввоз необходимых продуктов и пр. Американские политические круги отмечали, что Сирия мешает Соединенным Штатам осуществлять свою политику в Западной Азии в деле переустройства Ирака и стабилизации в этой стране. Очевидно, что режим Асада, который в свое время поддерживал С.Хусейна, не мог не отреагировать на подобные обвинения. В своем интервью телеканалу «Аль-Джазира» Асад затронул и курдскую проблему, заявив, что курды составляют часть сирийской многонациональной мозаики, и что они такие же граждане страны, как и представители других национальностей. Он обнадежил мировую общественность своими заверениями в том, что курдская политика будет развиваться в позитивном направлении. Это выразится в том, что курды получают гражданство, возможно, разрешат легальную деятельность некоторым курдским организациям. Он признал, что курдский национализм является частью сирийской истории (7).

Курдский фактор используется США и как механизм устрашения ИРИ, включенной Дж.Бушем в «ось зла». Американцы разместили свой военный контингент в районе Сулеймание, в зоне, подконтрольной Патриотическому Союзу Курдистана (ПСК). Курдские «пешмерга» обеспечивают им боевое охранение, создают условия для комфортной и беспроblemной жизни. Командование этих американских частей проживает в комфортабельном отеле у озера Дукан в 45-минутах езды от Сулеймание (8).

Дислокация американских войск в непосредственной близости от ирано-иракской границы не может не беспокоить руководство ИРИ. После победы в феврале 2004 г. на парламентских выборах фракции консерваторов, придерживавшихся линии на обуздание курдского национализма в стране, предпринимавшиеся ранее усилия реформаторского политического крыла на достижение договоренностей с курдами были сведены на нет. Иранский Курдистан охватила новая волна преследований членов нелегально действующей Демократической партии Иранского Курдистана (ДПИК); их подвергают арестам и репрессиям.

Следовательно, присутствие американцев в Ираке сохраняет напряженность вокруг ИРИ. С одной стороны, американо-иранский политический антагонизм усиливают не только высказывания некоторых американских политиков о том, что в своих намерениях демократизировать Западную Азию американцы будут опираться на группы населения в странах региона, которые недовольны нынешним правящим руководством, но и опасная близость частей американской армии у границ Ирана. В ответ ИРИ, как и ее региональные партнеры (в данном случае Сирия и Турция), стараются создавать проблемы силам коалиции в Ираке. С другой стороны, разместив свои военные

части вдоль иракско-иранской границы, Соединенные Штаты обеспечивают безопасность и стабильность Иракского Курдистана. Иракские курды рассматривают американо-британскую коалицию как освободителей, избавивших их от саддамовской диктатуры, иракской армии, полиции, этнических чисток и дискриминации. В декабре 2004г. должен быть введен в эксплуатацию аэродром в Эрбиле, с которого будут осуществляться постоянные рейсы в Анкару. Вместе с тем, такое привилегированное положение иракских курдов устраивает далеко не все население страны.

Опыт политической деятельности иракских курдов в условиях антитеррористической кампании активизировал общественно-политическую деятельность иранских курдов, поставивших вопрос о необходимости выработки общей платформы для Иранского Курдистана. Инициативная группа выдвинула предложение о создании специального органа, но не партии, работа которого должна быть нацелена на разработку проекта платформы. Инициаторы полагают, что курды имеют право на самоопределение и должны бороться за суверенитет Иранского (Восточного) Курдистана и, в конечном итоге, за образование курдского государства. Восточный Курдистан, по их мнению, должен стать частью Великого Курдистана. Первой фазой этой борьбы будет становление федерализма в Иране, зафиксированного в новой конституции страны. В связи с чем они отдают предпочтение ведению вооруженной борьбы с существующим режимом. Эта группировка проводит ежегодные консультации в Европе по выдвинутым вопросам и намерена продолжить организовывать семинары и конференции по курдским проблемам (9).

В целом, присутствие коалиционных сил в Ираке и американская политика в курдском вопросе активизировали движение курдов стран Западной Азии за образование курдского независимого государства. Эта идея находит поддержку во всех курдских анклавах и даже в диаспоре. Турецкие курды заявляют, что следует требовать не менее, чем курдского государства; сирийские и иранские курды призывают к Соединенным Штатам, подчеркивая, что их положение противоречит всяким нормам международного права и правам человека. Несмотря на это, лидеры иракских курдов продолжают бороться за легитимность автономного статуса Иракского Курдистана в рамках нового Ирака. Все это наводит на мысль о том, что американцы невольно создают предпосылки для подготовки всеобщего восстания курдов Западной Азии за независимое курдское государство.

Вместе с тем представляется, будто проблема курдской автономии в Западной Азии не имеет для американцев первостепенного значения. Об этом свидетельствуют, в частности, позиции некоторых из высокопоставленных чиновников, способных повлиять на решения американского президента. Одним из них, например, является его помощник Карл Ров. Он считает курдский вопрос для США малозна-

чительным: Ров не враг курдам, но в то же время и не друг. Такое отношение отвечает прежде всего интересам Дж.Буша. Так, в избирательной кампании курды, проживающие в США, не могут повлиять на его переизбрание президентом страны. В Америке нет курдского лобби ввиду малочисленности ее курдского населения. В то же время курдский фактор в определенной степени используется в отношениях со странами Западной Азии, как предлог для лицемерных обвинений Турции, Сирии и Ирана в том, что они, якобы, мешают США проводить там свою политику. Ирак является лишь первым звеном в широкомасштабных действиях Соединенных Штатов на Ближнем Востоке. В связи с этим можно выделить группу неоконсерваторов, возглавляемую вице-президентом США Чейни, рассматривающих Ирак как «пилотный проект», то есть часть долговременного плана переустройства региона Западной Азии, суть которого заключается в экспорте демократического капитализма во всем регионе, начиная с Ирака. Однако подробности плана неизвестны широкой публике и не ясна роль курдского фактора в этом процессе. Тем не менее, после того, как Турция выразила свое несогласие с США относительно принципов строительства федеративного государства в Ираке, политические взгляды неоконсерваторов в курдском вопросе были слегка модифицированы. Светский характер курдского общества и его решительная проамериканская ориентация рассматривается этими американскими политиками как безусловное достоинство. Тем более, что этот анклав расположен в мусульманском окружении. Поэтому не случайно в американском Конгрессе и ряде средств массовой информации обсуждается вопрос о независимом Курдистане, вместе с США борющимся против исламского фундаментализма. По мнению некоторых курдских обозревателей, группа Чейни не считает курдский фактор способным повлиять на осуществление американской политики в Западной Азии. Представители администрации США в Ираке надеялись, что иракские курды станут марионетками в их руках. Однако твердая позиция курдов по проблеме автономии в январе 2004 г. продемонстрировала обратное, то есть намерение отстаивать свою политическую волю.

Между группой Чейни и окружением Пауэрлла существует определенное соперничество. При этом, если Чейни придерживается радикально нового курса в Западной Азии, в котором курдам все-таки отводится некоторая роль, то Пауэрлл отстаивает противоположную линию. Он сторонник проведения традиционной американской политики в регионе (поддержка Турции, решительно жесткая подчиненность курдов США и пр.). Эти нюансы выявились в январских 2004 г. дискуссиях о расширенной автономии Иракского Курдистана. Но по настоянию Пауэрлла П.Бремер, бывший официальный представитель американской администрации в Ираке, заявил, что на данном этапе преждевременно обсуждать вопрос о широкой автономии, и Иракско-

му Курдистану пока придан специальный статус «полуавтономии». Бремер объяснил такое решение заботой американской администрации о сохранении целостности Ирака и недопустимости раскола страны по этническому принципу. Группа Чейни рассматривала этот шаг как результат неадекватной оценки существующей реальности. А иракским курдам стало ясно, что Пауэлл не намерен считаться с их интересами.

Рассуждения Бремера и Пауэлла о целостности Ирака связаны с попытками добиться лояльности Турции, Ирана и Сирии, в которых имеется многомиллионное курдское население. США допускают осложнение отношений с этими странами ровно настолько, насколько этого требуют их интересы. В то же время высокопоставленный американский чиновник в Турции заявил, что, хотя иракские курды и являются союзниками Соединенных Штатов, в Ираке будет сохраняться такой политический баланс, который не позволит курдам приобрести несоизмеримые полномочия, способные привести их к независимости (5).

Тем не менее, пока неясно, какая модель федерализма будет предпочтительна для Ирака и смогут ли курды сохранить, а затем и расширить статус Иракского Курдистана. В американских политических кругах существуют самые различные прогнозы относительно будущего Ирака. Так, известный американский политик Г.Киссинджер считает, что расчленение страны на три государства, подобно югославскому сценарию, ни для кого не является желательным, но «предпочтительно для завершения начинающейся гражданской войны». Л.Гелб, бывший сотрудник газеты «Нью-Йорк Таймс», также считает, что расчленение Ирака на три государства не является предпочтительным, поскольку Ирак и так является искусственным образованием. С.Салех, профессор университета Блумфилда (США), полагает, что разговоры об интеграции Ирака являются «музыкой для ушей арабов, турок и иранцев», которая далека от действительности. Он считает, что курдам удалось создать в Иракском Курдистане анклав реальной демократии, но они стали заложниками своего собственного успеха. При этом он приводит слова авторитетного лидера иракских шиитов ас-Систани о том, что тот, кто не заявляет о себе, не будет замечен (10).

Таким образом, анализ современной ситуации в этническом Курдистане свидетельствует о том, что в мировом общественном мнении доминирует представление об обоснованности претензий, выдвигаемых курдским населением Западной Азии. В некоторых американских политических кругах и в курдской диаспоре в США и Европе активно прорабатывается вопрос о независимом курдском государстве и путях достижения этой цели. Присутствие же США в регионе, напротив, стимулирует выработку соответствующими властными структурами стран проживания курдов (Иране, Турции, Сирии) стратегии практических действий в курдских анклавах, направленных на то, чтобы предупредить выход локальных (внутристрановых) этнотерриториальных конфликтов в дестабилизирующий фактор всего региона Западной

Азии, хотя определенную напряженность создает кампания, начатая Турцией и Ираном, против РПК на турецко-иракской и ирано-турецкой границах. Будущее развитие ситуации в регионе, видимо, во многом зависит от того, каким образом Соединенным Штатам и их союзникам по антитеррористической кампании удастся сочетать характерный для американской внешней политики принцип достижения результатов любой ценой с усилиями внедрить и сохранить инновации в консервативном по своей сути восточном (в частности, иракском) обществе.

1. K.Hasan / The UN Resolution 1546 and the Future of South Kurdistan. – <http://home.cogeco.cf/-kurdistan3/11-6-04-opinion-courage-to-independence.html>
2. Of Kurds and Courage, To Independence. – <http://home.cogeco.cf/-kurdistan3/11-6-04-opinion-courage-to-independence.html>
3. K.Gundi. Letter to President Bush. – <http://home.cogeco.cf/-kurdistan3/19-6-04-opinion-letter-to-bush.html>
4. M.Howard. Angry Leaders Demand Federal State. – <http://home.cogeco.ca/-kurdistan3/2-7-04-kurds-demand-federal-state.htm>
5. Gareth Smyth. Talabani: Kurds Will Not Support New UN Resolution. – <http://home.cogeco.ca/-kurdistan3/31-5-04-talabani-kurds-wont-support-un.htm>
6. PKK Declares End of Ceasefire With Turkey. – <http://home.cogeco.ca/-kurdistan3/29-5-04-pkk-ends-ceasefire.htm>
7. Syria Reacts to U.S. Sanctions. – <http://home/cogeco.cf/-kurdistan3/14-5-04-syria-acts-sanction.htm>
8. Kareem Omer. US Still Welcome In Kurdistan – <http://home.cogeco.ca/-kurdistan3/15-5-04-us-still-welcome-in-k.htm>
9. Idris Ahmedi. Why A Common Political Platform for Iranian Kurdistan? – <http://www.kurdishplatform.org/Artiklar-EN/why-a-common-political-platform.htm>
10. Sabah A. Salih. The Bush Administration and the Kurds: History and Analysis. – <http://home.cogeco.ca/-kurdistan1/21-2-04-op-ed-bush-and-kurds.htm>

МУСУЛЬМАНЕ БЕЛЬГИИ

В 60-е годы прошлого столетия Бельгия, как и многие страны Западной Европы, переживала период экономического подъема. Недостаток рабочей силы в сталелитейной и рудодобывающей отраслях промышленности вынудил бельгийское правительство обратиться к странам Востока с их громадными людскими ресурсами и приступить к ввозу иностранных рабочих. Первая волна иммиграции началась после подписания ряда соответствующих договоров с марокканским и турецким правительствами. Таким образом, выходцы именно из этих двух стран стали основой мусульманского населения Бельгии. Число мусульман-иммигрантов быстро росло: 1,2 тыс. чел. – в 1960 г., 1970 г. – 65 тыс.¹ По этническому составу треть составляли турки, две трети – марокканцы.

Однако экономический кризис 1973 г. привел к значительному сокращению производства. Правительство Бельгии приняло решение о приостановке ввоза иностранной рабочей силы. Сегодняшнее существование мусульманской общины в Бельгии является в значительной степени следствием изменений в бельгийской, как, впрочем, и в общеевропейской иммиграционной политике первой половины 70-х годов. После того, как бельгийские власти прекратили ввоз рабочих-иностранцев, многие иммигранты решили не возвращаться на родину, а навсегда остаться в стране. Это, в свою очередь, породило проблему воссоединения иммигрантов со своими семьями. Отказ властей предоставить такую возможность вызвал протест как со стороны иммигрантов, так и некоторых влиятельных в стране организаций, выступающих в поддержку иммигрантов. В конечном итоге, правительство пошло на уступки, и проект воссоединения семей был одобрен. Таким образом, попытка государства остановить поток мигрантов привела к обратному эффекту. После этого начинается процесс оседания, укоренения мусульман в Бельгии. При этом иммиграция приобрела качественно иной оттенок, она стала общинной. Мусульмане-мигранты стали селиться компактными анклавами, создавать производственные и торговые союзы. Начали формироваться институты, образующие структуру мусульманской общины. Создалась некая «критическая масса» мигрантов, которая способствовала формированию общины из разрозненных групп, позволяла создавать собственные организации. Община стала обладать совокупностью земельных, конфессиональных, клановых объединений, благотвори-

тельных организаций и иных учреждений, имеющих каждое свои задачи, но связанных общим интересом диаспоры².

На начальном этапе пребывания в новых социокультурных условиях проблема религии для мигрантов не являлась основной. Они полагали, что пребывание в Бельгии временное и ограничивали отправлением обрядов рамками частной жизни. Устройство их жизни носило временный характер. Мигрантов интересовал вопрос трудовой занятости. И к тому же необходимо было выучить язык страны. Однако по мере того, как мигранты-мусульмане соприкасались с коренным населением, проблема культурных и религиозных различий постепенно вышла на первый план. Именно когда рабочим-иностранцам разрешили соединиться со своими семьями, обнаружились религиозные потребности. Родители стали опасаться, что западные ценности и стандарты поведения войдут в обиход их детей, а «исламская религия подвергнется культурной эрозии секуляризма»³. Запад, по их представлению, недалеко от коллапса, он утратил религиозные и моральные ценности. Церковь остается в стороне от проблем общества. «Мусульмане-мигранты считают, что пороки западного общества являются последствиями секуляризма»⁴. Ислам стал играть все большую роль в процессе оседания иммигрантов. Мусульманское население стало выдвигать требования о предоставлении временных мест для отправления молитв, о введении исламской религии как предмета в школьное расписание, о помощи в строительстве мечетей, которые выступали бы в качестве социальных центров.

В начале 60-х группа студентов из ряда мусульманских государств и несколько албанских беженцев учредили ассоциацию, которая обратилась в министерство юстиции Бельгии с просьбой передать мусульманской общине Павильон Востока Всемирной Экспозиции. Однако был получен отказ. Вскоре эта инициативная группа была принята рядом посольств исламских государств (Туниса, Марокко, Саудовской Аравии) и заручилась их поддержкой в решении вопроса о выделении места для отправления культа. 7 мая 1968 г. в Бельгии была зарегистрирована первая мусульманская организация – Исламский Культурный Центр (ИКЦ). А год спустя бельгийское правительство передало ключи от Павильона Востока королю Фейсалу. Это был знак благодарности правительства Бельгии Саудовской Аравии за оказанную помощь в восстановлении Торгового Центра Инноваций в Брюсселе, пострадавшего после пожара. Исламский Культурный Центр, в руководстве которого находились четверо представителей посольств мусульманских стран Саудовской Аравии (в должности директора), Марокко (генерального секретаря), Пакистана (казначей), Сенегала (заместитель директора) был непосредственно связан с Лигой исламского мира⁵. Центр должен был выполнять следующие функции: строительство мечетей, назначение преподавателей в мусульманские учебные заведения. Он получил эксклюзивное право

выступать от лица всей мусульманской общины Бельгии. В 1974 г. был принят закон, по которому ислам признавался официальной религией Бельгии наряду с католицизмом, протестантизмом, англиканством и иудаизмом.

Закон обязывал местные власти обеспечить исламское образование в начальной и средней школе на тех же основаниях, что и других религий, расходы на выплату заработной платы учителям брало на себя правительство. «Новый статус» ислама гарантировал, что государство будет брать на себя часть затрат при строительстве мечетей и молельных домов. Закон также предусматривал создание представительного комитета мусульманских общин при бельгийском правительстве, через который осуществлялось бы управление этими общинами и делами культа. Специалисты расходятся во мнениях относительно причин, побудивших правительство Бельгии принять закон о статусе исламской религии. Во-первых, власти хотели в какой-то мере «политически компенсировать мусульманам-мигрантам свой запрет на ввоз иностранной рабочей силы в 1974 г. и дать возможность мусульманам почувствовать себя более интегрированными в бельгийское общество⁶. Во-вторых, в ряде муниципалитетов значительно увеличилось количество школ с подавляющим большинством учеников-мусульман. Их вынуждали посещать уроки по религиозным предметам других религий (официальных), это вызвало негодование родителей, желавших, чтобы их дети получили образование, пронизанное уважением к исламским духовным ценностям. Местным властям, мэрам провинциальных городов Бельгии приходилось искать компромисс и избирать гибкую тактику в отношении мусульман, являвшихся потенциальными избирателями. Неслучайно еще в 1971–1972 гг. Христианская Народная Партия представила правительству на рассмотрение законопроект об официальном статусе исламской религии. В-третьих, в связи с экономическим кризисом в 1974 г. бельгийское правительство вело переговоры с нефтедобывающими странами, включая Саудовскую Аравию. Придав исламу статус официальной религии Бельгии, правительство тем самым пыталось повлиять на успешный исход переговоров⁷.

* * *

После принятия закона 1974 г., перед мусульманской общиной встала задача сформировать представительский комитет мусульманских общин. Закон, в свою очередь, определял порядок формирования и структуру комитета: региональные общины должны создать комитеты провинций (региональные комитеты), которые затем организуют выборы в вышеупомянутый представительный комитет мусульманских общин.

Первые выборы в региональные комитеты были санкционированы Исламским Культурным Центром в 1981 г. Руководство ИКЦ ста-

ралось укрепить свои позиции в провинциях Бельгии. Однако ряд мусульманских региональных общин не разделяли консервативных взглядов просаудовски настроенного руководства ИКЦ. Более того, лидеры некоторых мусульманских организаций считали, что ИКЦ наделен слишком широкими полномочиями. Стали создаваться оппозиционные движения: Ассоциация исламской культуры и религии, Бельгийский религиозный комитет, Исламская Федерация, Турецкая Исламская Федерация, – каждое из которых имело целью занять место Исламского Культурного Центра. Однако серьезного успеха им достичь не удалось.

Необходимо отметить, что мусульманская община Бельгии – это мозаика этнических и родоплеменных групп, в ней и студенты, и светски настроенные представители торговых союзов. Многие мечети создаются не только по национальному, но и кланово-родственному признаку. 2/3 турецких мечетей связаны с «Диянетом» (управление по делам религии Турции – официальный государственный орган, представляющий интересы турецких граждан на Западе в вопросах веры), 1/3 – с исламистским движением «Милли герюш» («Национальный взгляд», самая влиятельная и богатая исламистская община в Европе)⁸.

Мусульманская община сосредоточивала, таким образом, не только большое число этнических групп, но и интересы различных организаций. Безусловно, создать единый представительный орган, учитывающий позиции и интересы всех мусульман Бельгии оказалась в тот период непосильной задачей. Поэтому, хотя закон о статусе исламской религии и был принят, *de facto* он не работал.

Тем не менее, правительство Бельгии старалось наладить диалог с мусульманской общиной страны. Для интеграции мусульман-мигрантов, впрочем как и других этно-религиозных групп переселенцев, в Бельгии применяется т.н. модель этнических меньшинств (или мультикультурная модель). Цель ее – достижение присутствия всех этнических и религиозных групп в различных сферах общественно-политической жизни. При этом, этнические группы должны быть наделены равными правами и обязанностями для политического, экономического и любого другого участия в жизни государства.

Исламский Культурный Центр являлся единственной организацией, которая имела определенное влияние в мусульманских общинах страны. Кроме того, как уже упоминалось, в нем были представители дипломатических миссий ряда исламских государств. Поэтому, на определенный период времени бельгийские власти отвели ИКЦ ключевую роль в вопросах строительства мечетей, назначения имамов, исламского образования. В 1981 г. Исламский Культурный Центр при финансовой поддержке Лиги Исламского Мира учредил секретариат по вопросам исламского образования, который выполнял различные функции, касающиеся вопросов набора и подготовки преподавателей, составления школьных программ по религиозным дисциплинам.

плинам, выпуска учебной исламской литературы. Марокканских преподавателей в основном набирали из студенческой среды бельгийских вузов, турецких приглашали из Турции сроком на 4–5 лет. Некоторые светски настроенные марокканские студенты выступили против системы назначения преподавателей и подготовки программ по изучению исламской религии. В июне 1989 г. 17 преподавателей покинули ИКЦ и основали Ассоциацию исламских преподавателей⁹.

* * *

Во второй половине 80-х – начале 90-х произошли международные события, после которых правительствам западноевропейских стран в целом, и Бельгии, в частности, пришлось в несколько ином ракурсе посмотреть на «исламское присутствие». Демонстрации протеста против американских бомбардировок Ливии, издание аятоллой Хомейни фетвы против британского писателя С.Рушди (автора нашумевшей книги «Сатанинские стихи»), дебаты вокруг «дела о платке» (случай во Франции, когда двух учениц государственной школы, пришедших на занятия в мусульманских платках, не допустили на урок). После разгрома Ирака бельгийские арабы переживали психологический шок. Отнюдь не случайно, что именно в 1991 г. произошли наиболее яростные стычки между полицией и арабской молодежью – как будто всего через несколько недель после окончания войны интифада пришла на улицы Брюсселя. Крайне правый расистский партийный блок «Влаамс» получил разрешение провести митинг в Моленбеке, арабском квартале Брюсселя. Эта партия еще раньше ратовала за антиэмигрантские меры. Среди ее лозунгов: «Ислам – вон!» или «Остановить исламское вторжение». Допущение такой партии на улицы Моленбека в такое время означало провокацию. Жесткие стычки продолжались несколько дней и прекратились только после официального извинения министра внутренних дел перед арабской общиной и обещаний не повторить таких ошибок впредь¹⁰. Спустя пару месяцев эта партия получила высокие результаты на общенациональных выборах и стала самой крупной партией в Антверпене.

Подобные инциденты привели к тому, что ислам стал восприниматься как явление опасное и не всегда понятное, как фактор нестабильности. Вспыхивали конфликты между мигрантами-мусульманами и принимающим обществом, суть которых сводилась к непониманию мусульманами мирских принципов западной социально-политической жизни. Культурная и религиозная интеграция мусульман в новое общество подняла вопросы, которые считались в Европе решенными. Все это привело к закреплению в бельгийском обществе негативных стереотипов в отношении исламской религии. Антиисламские лозунги стали активно эксплуатироваться местными властями и ультраправыми группировками. Неверное представление облика мусульманина стало провоцировать столкновения коренного населения с «чужака-

ми-иноверцами». В 1989 г. попытка Исламского Культурного Центра начать строительство религиозной школы им. аль-Газали в Брюсселе вызвала негативную реакцию со стороны властей. Государственный секретарь Анке обратился к директору ИКЦ с требованием прекратить строительство, т.к. создание мусульманской школы аль-Газали станет серьезным препятствием на пути интеграции мусульман в бельгийское общество¹¹. Показательна позиция Комиссара по иммиграционной политике, члена Христианской Народной Партии, Д'Онт, которая в адрес директора Исламского Культурного Центра Шейха Радхи высказала следующее: «Как мог религиозный лидер, находящийся в Бельгии несколько месяцев, не говорящий ни на одном из официальных языков страны, пойти на такой шаг» (строительство школы – прим. автора). Она также отметила, что к моменту начала строительства иудейских школ бельгийцы и евреи имели многовековой опыт сосуществования, в то время как с мусульманской общиной эту задачу еще предстоит решать¹². Тем не менее, к октябрю 1989 г. мусульманская школа им. аль-Газали была построена и до сих пор является единственным исламским духовным учебным заведением Бельгии. Несколько муниципалитетов Брюсселя отказались обеспечить мусульманское религиозное преподавание в школах. В ответ на это, родители учеников обратились за помощью в Европейскую Комиссию по правам человека. В результате, требования родителей были удовлетворены. Имели место случаи, когда местные власти не выдавали разрешения на строительство мечетей. Так, например, мэр Антверпена отказал марокканской общине в их просьбе, посчитав, что 18 мечетей в городе и так достаточно. Ряд глав муниципалитетов Брюсселя обвинил мусульманских преподавателей в том, что они являются проводниками фундаменталистских идей. Началась резкая критика в адрес Исламского Культурного Центра со стороны бельгийского правительства. Было поставлено под сомнение его монопольное право на назначение преподавателей по мусульманским религиозным дисциплинам.

Пока бельгийские власти терялись в догадках по поводу определения курса в отношении мигрантов-мусульман, последние стали политически более организованными. Государство оказалось не готово к «бесконтрольной интеграции» мусульман в бельгийское общество. Сложившаяся ситуация не способствовала развитию диалога между иммигрантами-мусульманами и коренным населением, усиливала мигрантофобию и ксенофобию. Государство решило взять ситуацию под контроль.

* * *

В 1989 г. был создан Королевский Комиссариат по иммиграционной политике. Руководителем была назначена Паула Д'Онт. Новый государственный орган был призван защищать права женщин, следить за соблюдением принципов демократии в иммигрантской среде.

Однако истинной целью создания комиссариата являлось ужесточение контроля со стороны государства над процессом интеграции особой группы мигрантов-мусульман. Д'Онт начала консультации с представителями вышеупомянутой Ассоциации Исламских преподавателей, которая настаивала на том, что учителей по исламским предметам в школы должна назначать более независимая и светская организация, нежели Исламский Культурный Центр. Комиссариат по иммиграционной политике также учел стремление ряда мусульманских общин и организаций подорвать позиции ИКЦ и лишить его монопольного права выступать от лица всей общины. На уровне правительства было принято решение о создании Высшего Исламского Совета, который, как предполагалось, должен был представлять все сегменты мусульманской общины Бельгии. В ответ Исламский Культурный Центр постарался перехватить инициативу и самостоятельно провести выборы в Высший Исламский Совет Бельгии (ВИС). В январе 1991 г. ИКЦ провел эти выборы. В них участвовали марокканские общины (в которых у ИКЦ было много сторонников) и турецкие, подконтрольные исламистскому движению «Милли Герюш». Однако выборы были бойкотированы турецким посольством в связи с отсутствием в предвыборных списках представителей от организации «Ди-янет». Министерство юстиции Бельгии признало выборы незаконными и не зарегистрировало представительный орган. Тем не менее, этот «неофициальный» Высший Исламский Совет имел определенное влияние в мусульманских общинах.

Бельгийскому правительству нужен был настоящий, более демократичный, неподконтрольный иностранным государствам представительный орган для диалога со своей многочисленной мусульманской общиной, которая к началу 90-х насчитывала около 285 тыс. человек¹³. В 90-х годах начался длительный период противостояния между Исламским Культурным Центром и бельгийским правительством. Власти Бельгии стремились более жестко контролировать участие мусульман в общественно-политической жизни страны. ИКЦ при щедрой финансовой поддержке со стороны Саудовской Аравии и контролируемых ею международных исламских организаций и, в первую очередь, Лиги Исламского Мира, наращивал присутствие за счет строительства мечетей и молельных домов в Бельгии. ИКЦ многократно предпринимал попытки создать Высший Исламский Совет, но всякий раз получал отказ от министерства юстиции Бельгии.

В 1990 г. правительство Бельгии создало «Временный Совет Мудрецов», в функции которого входила подготовка и назначение преподавателей по исламским дисциплинам в начальные и средние школы страны. Исламский Культурный Центр теперь лишился этого права. Создание «Совета Мудрецов» явилось прямым вмешательством бельгийского правительства в вопросы, касающиеся религии. Нужно отметить, что в состав Совета входили физики, юристы, пред-

ставители торговых союзов и они заняли места в этой организации благодаря членству в Христианской или Социал-Демократической партиях Бельгии. Они были некомпетентны в вопросах религии и не пользовались авторитетом в мусульманских общинах страны. В 1992 г. Совет был распущен.

Параллельно, Комиссариат по иммиграционной политике вел переговоры с различными мусульманскими общинами с целью найти наиболее приемлемую форму представительства для всех исламских объединений Бельгии. Бельгийское правительство пыталось создать представительный орган мусульманских общин, подконтрольный государству. Власти Бельгии взяли на себя инициативу по проведению выборов в Высший Исламский Совет. Правительство, в основном через министерство юстиции активно вмешивалось в дела религии. В случае же с другими официально признанными в Бельгии конфессиями, государство не требовало формирования представительного органа выражающего интересы всех общин данных религий.

В начале 1993 г. с целью подготовки к проведению выборов в Высший Исламский Совет (ВИС) правительство Бельгии создало Временный Исполнительный Комитет (ВИК). Было заявлено, что, во-первых, Комитет будет гарантировать равное представительство всех этнических групп мусульман и организаций; во-вторых, обеспечит участие в выборах независимым кандидатам; в-третьих, обязуется следовать демократическим принципам и соблюдать конституционность¹⁴. В 1997 г. ВИК создал Учредительную Ассамблею из 68 представителей различных мусульманских общин и организаций. Для участия в выборах каждый кандидат должен достичь 25 летнего возраста, постоянно проживать на территории Бельгии не менее 5 лет, владеть хотя бы одним из официальных языков страны, не состоять ни в одной политической партии, а так же не быть сотрудником какого-либо посольства иностранного государства. Зарегистрированные кандидаты представляли различные этнические группы мусульман – марокканцев, турок, других национальностей, включая новообращенных коренных жителей Бельгии. Все этапы выборов в ВИС контролировались бельгийским правительством. Министерство юстиции и МВД тщательно проверяли кандидатов и отсеивали неугодных¹⁵. 3 мая 1999 г. состав избранного ВИС был утвержден правительством Бельгии. ВИС состоит из 6 марокканцев, 4 турок, 3 мусульман других национальностей, 3 новообращенных.

Бельгия выступила в роли пионера, признав в 1974 г. ислам в качестве одной из официальных религий страны. Это одно из первых государств, в котором левые добились настоящей катастрофы благодаря своим недальновидным решениям, повлияв на культурный и этнический ландшафт страны. Статистическое исследование Евросоюза в 1997 г. назвало Бельгию самой расистской страной в Европе. Процесс становления и утверждения ислама в Бельгии, как и в других

странах Западной Европы, оказался сложным и противоречивым. Положение осложняется тем, что зачастую в принимающем обществе существуют особые предубеждения против мусульман. Экстремизм и терроризм часто воспринимаются как неотъемлемый атрибут ислама и мусульманской цивилизации. Второе, третье поколение мусульман, рожденных на Западе, считают Европу своим домом и не видят причин прятать свою религию от общества, в котором они стремятся занять более высокую ступень, чем их родители, поэтому они часто подвержены большей дискриминации. Молодежь, потерявшая связь с исторической родиной, не получившая признания в Бельгии, не удовлетворена тем положением, которое отводится им обществом – это одна из основных причин ухода молодых мусульман в экстремистские группировки. В Бельгии представители т.н. Европейской Арабской Лиги (ЕАЛ) во главе с Абу Джихадом (Дайяб Абу Джахья) требуют превращения арабов в равноценный всем остальным самостоятельный этнос, выступают за прекращение политики интеграции иммигрантов-мусульман в бельгийскую жизнь. В Антверпене, созданная ими «общественная милиция», состоящая из молодых марокканцев-активистов Лиги, патрулирует вместе с полицией. Они наблюдают за «правильностью» действий полиции. Подобные явления привели к тому, что 40% избирателей Антверпена готовы поддержать на выборах националистов»¹⁶. Европейская Арабская Лига намеревается выставить отдельный список на местных выборах в Антверпене в 2006 г. Она выдвигает также требование сделать арабский язык государственным наряду с фламандским, французским и немецким. Брюссельский парламентарий от партии «Эколо» («зеленые») Фуад Лассани считает, что у ЕАЛ нет достаточной социальной базы, чтобы успешно выступить на выборах: радикальные исламские группировки здесь занимают маргинальное положение. Даже умеренная исламская партия «Нур» в 1999 г. на региональных выборах в Брюсселе едва собрала 1,2 тыс. голосов при том, что в столице проживают более 200 тыс. мусульман. «Смешение политики с религией никогда ни к чему хорошему не приводит», – заявил председатель ВИС Бельгии Нуреддин Малуджамум. Однако он считает, что властям следует уделять большее внимание работе с безработной молодежью из иммигрантских семей¹⁷. Тарик Рамадан (профессор Фрибургского университета в Швейцарии, внук Хасана аль-Банни), пользующийся авторитетом среди молодых мусульман Европы, критикует Абу Джихада и утверждает, что проводить политику, основанную на конфронтации недопустимо, т.к. это способствует развитию «мании преследования». Тарик Рамадан считает, что, если знать европейскую конституционность и параллельно работать над адаптацией источников ислама, можно понять, что мусульманское право практически не сталкивается с принципами правового государства. Он полагает, что европейские мусульмане не должны замыкаться в своих гетто¹⁸. Якуб Ма-

хи, имам одной из мечетей бельгийской столицы, считает, что адаптация ислама к новому социокультурному окружению является главной задачей для европейских мусульман¹⁹.

Интеграция мусульман в Европе вообще, и в Бельгии, в частности, зависит от того, сумеют ли они избрать такую форму ислама, которая включала бы западные политические ценности: отделение церкви от государства, демократическое гражданское общество. Выставляя обществу свои требования, мусульмане тем или иным образом влияют на социально-политические основы страны; под воздействием условий, вдвигаемых мусульманами, в обществе происходят перемены. Своей вовлеченностью в экономические процессы мигранты вносят свой вклад в процветание и культурное многообразие Западной Европы. Ислам уже является частью западной культуры. Численность мусульманского населения растет быстрыми темпами. Если в начале 90-х годов в Бельгии, как было сказано, она составляла 285 тыс., то в настоящий момент, по разным оценкам, достигает 350–750 тыс.²⁰ В Бельгии официально запрещен подсчет граждан по религиозному признаку, поэтому данные о численности, приводимые СМИ, сильно разнятся. В Бельгии, особенно во Фландрии, арабу трудно снять дом, и даже фирмы, связанные с государством, составляют списки, исключая любое арабское имя. Арабских детей не допускают в школы и вводят квоты, чтобы ограничить их число. Тех, кто все-таки поступает в школу, направляют в классы, которые не дают подготовки для последующего высшего образования. Если ими удается окончить университет, у них больше шансов найти работу в госсекторе, где больше терпимости. Растет поколение без будущего, которому нечего терять. И вместо того, чтобы решать проблемы, вызванные расизмом и дискриминацией, говорит лидер ЕАЛ правительство «предлагает микстуру из ассимиляции и полицейских репрессий»²¹. Хотелось бы заметить, что несмотря на жесткую критику в адрес руководителя ЕАЛ, многие мусульмане Бельгии разделяют его политические взгляды, в том числе и председатель ВИС Нуреддин Малуджамум²². По мнению Абу Джихада, то, что произошло в Нью-Йорке, облегчило расистам использование выражений вроде «террористический ислам» и дало правым больше свободы распускать язык, но ничего не изменило принципиально. Положение, возможно, ухудшилось, но оно было достаточно плохим и до того. 12 сентября арабам было трудно найти работу, снять квартиру и послать детей в школу, но то же самое было и 10 сентября²³.

Летом прошлого года на пост министра труда была назначена марокканка Анисса Темсамани. Аналитики замечают, что это был тактический ход правительства страны в стремлении повысить статус арабского населения Бельгии²⁴. Возможно также, что этим назначением власти пытались остановить антиамериканские демонстрации, спровоцированные войной в Ираке под лозунгами «Закройте посольства террористов», которые часто заканчивались столкновениями с полицией²⁵.

Бельгийская организация Исламский Центр в Европе опубликовала манифест, в котором отражается главная политическая цель этой организации – обеспечить равные права и плюрализм, развивая при этом средства борьбы против всевозможных проявлений расизма. В состав Исламского Центра в Европе входят мусульмане и представители других религий. В манифесте также говорится, что Европа всегда была и будет отличаться своим этническим и культурным многообразием. Мусульманская религия и культура были формирующими составляющими европейского цивилизационного процесса. В программном документе отмечается, что важным условием для «закрепления ислама в европейском обществе является введение усовершенствованной программы по изучению ислама. Если подрастающее поколение не обеспечить современными знаниями, касающимися их религии и культурного наследия, то оно будет испытывать «недостаток интеллектуальных средств, необходимых для того, чтобы занять свое место в западном обществе». Для немусульман такая программа также важна, ибо активное участие в ней позволяет ясно осознать необходимость диалога и социального взаимодействия²⁶. Европейским странам еще предстоит переосмыслить отношение к исламу. «Уважение других культур является дополнительным измерением глобального распространения его модели современного общества²⁷».

¹ M.Kanmaz, «The recognition and Institutionalization of Islam in Belgium», «The Muslim World», Volume, № 1–2, 2002, с. 100.

² Левин З.И., «Менталитет диаспоры», М., 2001, с. 54.

³ Ali Kose, «Conversion to Islam», Vegan Paul, London, 1996, с. 8.

⁴ D.Kerr, «The problem of Christianity in the Muslim perspective», International bulletin of Missionary Research, № 4, 1981, с. 158.

⁵ Dasseto F., Bastenier A., «The organization of Islam in Belgium», Research Paper № 26, Birmingham, 1985, с. 4.

⁶ Dasseto F., Bastenier A., «The organization of Islam in Belgium», Research Paper № 26, Birmingham, 1985, с. 12.

⁷ Gerholm T., «The New Islamic presence in Western Europe», N.Y., 1988, с. 42.

⁸ Н.Г.Киреев, «Турецкая диаспора на Западе», в сб. статей «Мусульмане на Западе», М., 2002, с. 56, 60.

⁹ Ja. Rath, R. Penninx, «Western Europe and its Islam», Leiden, 2001, с. 218.

¹⁰ Дайяб Абу Джахья, «Ассимиляция или депортация: Арабы в Европе борются за свои гражданские права» <http://left.ru/2003/10/assimilation89.html>

¹¹ J. Rath, R. Penninx, «Western Europe and its Islam», Leiden, 2001, с. 223.

¹² J. Rath, R. Penninx, «Western Europe and its Islam», Leiden, 2001, с. 223.

¹³ Shadid, W.A.R. & P.S. van Koningsveld, «Religious Freedom and the Position of Islam in Western Europe. Opportunities and Obstacles in the Acquisition of Equal Rights». Kampen, 1995, с. 3.

¹⁴ Van Koningsveld, «Muslims in the Margin. Political Responses to the Presence of Islam in Western Europe», Kampen, 1996, с. 164–181.

¹⁵ Herman de Ley, «Islam in Belgium: ala turka?», CIE, News letter, 1999, February, с. 42.

¹⁶ Правда.РУ «В Европе может появиться Арабское государство», 1.02.2003.

¹⁷ <http://www.migdal.ru/posting.phpr.postid=1126>

¹⁸ <http://www.inosmi.ru/translation/139729.html>

¹⁹ Nicholas Le Quesne «Islam in Europe. A changing faith. Электронная версия.

²⁰ Соболев В.Г. «Мусульманские общины в государствах Европейского Союза», С.-П., 2003, с. 23.

²¹ Дайяб Абу Джахья, «Ассимиляция или депортация: Арабы в Европе борются за свои гражданские права»,
<http://www.migdal.ru/posting.phpr.postid=1126>

²² M.Radu, «Belgium, Islam and the Boomerang of “Multiculturalism”»,
<http://www.frontpagemag.com/articles>

²³ Дайяб Абу Джахья, «Ассимиляция или депортация».

²⁴ lKh. Shawkat, «Belgium's First Arab Woman Minister Seeking Equality»,
<http://www.islam-online.net/English/News/2003-05/14article10.shtml>.

²⁵ <http://www.wsws.org/articles/2003/mar2003/brus-m17.shtml>

²⁶ <http://www.partisanreview.Org/archiv/2002/3 bawer.html>

²⁷ Штайнбах У., «Исламский терроризм. Сейчас необходимый самокритичный “диалог культур”», Internationale Politik 2002 № 3, с. 11.

МУСУЛЬМАНЕ РОССИИ И СИТУАЦИЯ В ЧЕЧНЕ

На протяжении 90-х годов проблемы мусульманских государств бывшего соцлагеря (Карабах, Босния, Таджикистан), стали в исламском мире одним из неотъемлемых элементов международной исламской солидарности. Стремительный рост ислама в мусульманских субъектах России в эти годы стимулировал среди «Братьев-мусульман» возрастающий интерес к событиям на постсоветском пространстве.

Как уже упоминалось, идеи «Братьев-мусульман» в чистом виде не вполне применимы в России. Однако для решения тех или иных локальных проблем накопленный «Братством» опыт мог быть полезен применением некоторых элементов организационных и концептуальных схем «Братства».

Во-первых, «Братья-мусульмане» терпимы к различным национальным особенностям ислама, к суфизму, активно взаимодействуют с традиционными элитами, что предполагало бы менее безболезненную и умеренную политизацию ислама в некоторых регионах России, которая протекала в русле радикальных салафитских доктрин (напомним, что сам аль-Банна относил себя к братству Хасафийя, одному из ответвлений Шазилийя, к которому сегодня принадлежит несколько авторитетных суфийских шейхов Дагестана).

Во-вторых, «Братство», как правило, предпочитает выступать в качестве конструктивной политической оппозиции и ориентируется на контакты с официальными властями.

В-третьих, осмысление в творческом духе некоторых концепций «Братства» могло стимулировать более мирный и плодотворный диалог между старым и новым поколениями религиозных элит региона и выработку адекватных национальных концепций на основе синтеза прошлых традиций российского ислама и новых зарубежных тенденций.

В-четвертых, в условиях острого конфликта между салафитами и суфиями на Северном Кавказе «Братство» могло представлять своеобразную третью «исламскую силу» и выполнять роль посредника в налаживании конструктивного диалога.

В-пятых, в условиях сдержанного отношения большей части светской интеллигенции, представителей интеллектуального труда и студенчества (средней городской прослойки) к противоречивым и пугающим процессам исламизации (недовольных исламом салафитов и традиционных элит), но в то же время проявляющих устойчивый

интерес к «образованному исламу», некоторые концепции ассоциации могли бы стать востребованной идеологией.

В-шестых, в современной России по-прежнему сохраняется повышенный уровень вероятной политизации мусульманского населения, этому способствуют социальные проблемы, высокий уровень политического плюрализма, обостренные проблемы конфессиональных взаимоотношений, активные процессы национальной самоидентификации. Под таким углом зрения, могут представлять интерес четко сформулированные теоретиками «Братства» идеи социальной справедливости (близкие по звучанию бывшим гражданам СССР), призывы к политической активности для защиты религиозных и национальных прав (в связи с обострением исламской и этнической ксенофобии в России).

Необходимо отметить, что идеи «Братьев-мусульман» могли проникать в Россию и без целенаправленных усилий международных структур движения. Философия «Братства» давно стала неотъемлемой частью общемусульманской истории XX в., хотя интерес к книгам идеологов «Братьев-мусульман» вовсе не означает желания влиться в ряды именно египетских «Братьев».

В 1992–1993 гг. в России вышли в свет две работы теоретиков движения. Это «Будущее этой религии» Сейида Кутба, а также сокращенный перевод работы ливанского теоретика Фатхи Якана «Ислам: идеи, движение, перемены».

С программами «Братства» в области религиозного образования знакомили российских мусульман выходцы из арабских стран, особенно из Египта (студенты, аспиранты, проповедники) пребывавшие в тех или иных регионах России в 90-х годах. Например, в 1993–1996 гг. в Дагестане по линии религиозного просвещения постоянно работали семь граждан Египта. Из них четверо являлось штатными преподавателями в официально признанном Исламском университете имени имама Аш-Шафии в самом центре Махачкалы, один работал учителем в сельской медресе Хунзаха, еще двое в филиалах международных благотворительных фондов. Следует отметить, что уровень общего образования и религиозной толерантности именно у египтян (выпускники Аль-Азхара и Дар аль-Улюма), был заметно более высоким среди различных представителей зарубежного ислама в Дагестане.

Кроме этого, интерес у некоторых российских мусульман к идеям движения проявлялся в период их учебы в разных образовательных центрах исламского мира. По разным данным, в Каире на сегодня проживают свыше 100 дагестанцев, большая часть которых является студентами и аспирантами различных ВУЗов. Например, только на шариатском факультете Аль-Азхара учатся 10 дагестанцев¹.

Однако следует отметить, что позитивному восприятию, переосмыслению и практическому применению некоторых зарубежных концепций мешали противоречивые и неустойчивые процессы фор-

мирования собственной мусульманской идентичности, отражающей местные политические и социальные реалии. Как показывает опыт, любые концептуальные элементы идеологии «Братьев-мусульман» должны преломляться в интересах местных религиозных элит, готовых к неизбежному диалогу и к различным формам религиозной адаптации, синкретизации или изоляции. Вообще, 90-е годы для мусульман России – это период активного осмысления и «усвоения» всего пласта зарубежной мусульманской общественно–политической, философской и религиозно-правовой мысли XX в., от которого они были оторваны все последние 70 лет. Процессы осмысления сопровождались поисками собственного места в мире ислама и различными экспериментами по адаптации чужого идеологического опыта. Шло также формирование новой постсоветской прослойки местных мусульманских элит (образованных богословов, молодых преподавателей, проповедников, политиков и т.п.) Вместе с тем, позитивный эффект шагов по адаптации зависит во многом от образованных религиозных лидеров, способных воспринимать зарубежные идеи с учетом местных традиций и формировать самостоятельные концепции на основе творческого переосмысления национального и общемусульманского религиозного наследия.

Отметим, что лидеры первого религиозного движения, зарегистрированного в конце 80-х годов на территории СССР, – «Исламской партии возрождения» (ИПВ) – выступали за восстановление культурных связей мусульман Советского Союза с единоверцами за рубежом. Руководители партии стали поддерживать тесные связи с различными исламскими центрами в странах Западной Европы и ближневосточного региона. В большой степени успешное развитие международных контактов ИПВ объяснялась личными качествами лидера партии – Ахмадкади Ахтаева – его признанным авторитетом в определенных кругах исламского мира. В 1991–1994 гг. Ахмадкади участвовал в международных конференциях в Лондоне, Хартуме, Куала-Лумпуре, Стамбуле, Цюрихе. Политическая компетентность, дипломатичность, прекрасное знание арабского языка и богословия руководителя ИПВ были признаны такими фигурами «Братства», как М.Машхур, М.Кутб, М.Тахан, лидер партии Рефах Наджмудин Эрбакан. Знакомству с яркими лидерами «Братьев-мусульман», с историей и идеями движения способствовало их присутствие в некоторых благотворительных фондах из стран Залива, европейских структурах движения в Германии и Великобритании, на международных конференциях или частных встречах.

В отличие от различных исламских благотворительных и общественных организаций из стран Персидского залива, Пакистана или Турции, действовавших на постсоветском пространстве, «Братья-мусульмане» с самого начала обратили свои взоры именно на деятельность ИПВ, которая представляла интерес как массовая органи-

зованная политическая сила советских мусульман. В начале 90-х годов некоторые «Братья» пытались усилить свое присутствие в ИПВ на различных уровнях. М.Тахан в своей книге «Будущее ислама на Кавказе и в Средней Азии» пишет, что старался принимать непосредственное участие в деятельности ИПВ. «Мы консультировали наших братьев в Москве, Узбекистане, Таджикистане и в других странах»².

Формирование единой идеологической платформы ИПВ происходило в ходе выработки внутреннего мировоззренческого консенсуса, достижение которого было осложнено широким представительством в партии амбициозных лидеров из разных региональных религиозных элит. В 1992 г. в период обострения внутренних противоречий между некоторыми фракциями в ИПВ авторитетные лидеры «Братства» (М.Машхур, М.Кутб) пытались выступить арбитрами и примирить конфликтующие стороны. К этому времени в ИПВ уже отмечался повышенный интерес к литературе и современной прессе «Братьев-мусульман». Трудно сказать, какая именно тенденция возобладавала в главном курсе партии, так как регионализм и внутренние фракционные противоречия (кроме того, развал СССР), в конце концов, привели ИПВ к распаду в августе 1992 г.

Эти события совпали с началом гражданской войны на Балканах, которая приковала к себе внимание и главные усилия международных структур «Братьев-мусульман» и временно ослабила внимание к проблемам исламского движения в России. Между тем, во второй половине 90-х годов в России активизировали свою деятельность некоторые салафитские фонды из стран Залива. Под воздействием крупных финансовых проектов в северокавказском регионе появились группы («джамааты») салафитской ориентации, деятельность которых полностью противоречила принципам «Братьев-мусульман».

Во-первых, анализ, проведенный различными исследователями, позволяет утверждать, что идеология и стратегия «джмаатов» отразила в себе сложные процессы «усвоения» иностранных исламских концепций, а именно, одной из его версий – политизированной салафии, возобладавшей в «джмаатах» в силу различных социально-политических обстоятельств. В то же время идеология «Братьев-мусульман» формировалась на базе эндогенных ценностей египетского ислама, отражая интересы традиционных элит и широких социальных слоев. В отличие от «джмаатов», «Братья» старались вести свою деятельность и формулировать доктрины, опираясь на традиционные институты египетского общества. Стратегия движения была направлена главным образом на внутриегипетский социальный диалог и резкий внешний протест против негативных проявлений колониальной политики Британии. «Джамааты» же олицетворяли антагонизм внутри мусульманской общины Дагестана, они не смогли избежать идейного и физического конфликта с местной духовной традицией. Если «Братья» старались стоять над традиционным (если не истори-

ческим) спором суфиев и салафитов, то дагестанские «джамааты» были не более, чем одной из противоборствующих сторон. Кроме этого, несмотря на определенные возможности (устойчивые финансовые источники, идеологический вакуум в обществе, тоску по идеям социального равенства), «джамааты» опирались на узкую социальную поддержку и напоминали религиозные групповые корпорации, объединенных на основе салафитской доктрины и практики.

Во-вторых, дагестанские салафиты концентрировались на проблемах такфира и бид'а, направляя все свои усилия на критику суфизма как неисламского явления или как противоречащего религиозной практике. Если «Братья» выносили идею такфира в область права, то местные салафиты – в разряд важных вопросов вероучения (акида). Соответственно, теории такфира кардинально разводили идеологию «Братьев-мусульман» и «джамаата».

В третьих, в отличие от дагестанских салафитов, основатели «Братства» аргументировали свои концепции широким кругом работ представителей богословских элит Аль-Азхара, ортодоксальных тарикатов (Хасафийя и Шазилийя), они предпочитали ориентироваться на конкретные мазхабы (главным образом, на маликитский, шафиитский и ханбалитский) и придерживались традиционных правил применения иджтихада. «Братья» привержены не букве, а духу учений салафитских богословов прошлого и настоящего.

В-четвертых, «джамааты» склонялись к однотипным формам пропаганды, своеобразной «очаговой», или «анклавной» исламизации, их мало интересовали программы длительного воспитания и образования, пропаганда ислама среди интеллигенции и студентов, работа в государственных органах и участие в местных выборах. В большей степени они склонялись к различным формам радикального протеста, трактовке джихада как наступательного вооруженного действия, воспитания боевого характера, применения такфира к местным суфиям и светскому руководству республики. Все это в своей основе противоречило исторической стратегии «Братьев-мусульман», направленной на разнообразные формы исламизации в различных социальных слоях населения, на подготовку воспитательных программ, активное вовлечение в свои ряды интеллигенции и студентов, лояльное отношение к властям и к работе в государственном аппарате, сдержанное отношение к джихадистским группировкам и экстремистским лозунгам. Кроме того, «Братья-мусульмане» представляют собой большое организованное политическое движение, в то время как «джамааты» напоминали неорганизованные локальные группы, склонные к социальной изоляции.

Между тем, следует отметить, что «джамааты» в некоторой степени были гетерогенным явлением. Отсутствие жесткой организации, увязанной с единой унифицированной идеологической платформой, не исключало различных трактовок салафитских доктрин, тяготевших

и к умеренному полюсу, и открытых для концепций «Братьев-мусульман». Очевидно, что в воззрениях лидеров салафитов идеи социального равенства и справедливости, простоты и доступности ислама, содержатся элементы теоретических представлений аль-Банна, С.Кутба, Мустафы ас-Сibaи. Ряд исследователей называют А.Ахтаева лидером умеренного салафизма³. Однако Ахмадкади представлял собой более интересную и неординарную фигуру с широким интеллектуальным кругозором. В ходе полевых изысканий, автор этой статьи в августе 2000 г. видел в личной библиотеке Ахтаева в селение Кудали книги таких авторов, как Л.Н.Толстой, А.П.Чехов, Т.Манн, философские работы Гегеля и Сенеки. Вручную переписанную Ахмадкади на арабском языке известную работу аль-Газали «Бидайия аль-хидайя», а также работы на араб. языке по астрономии истории и политологии. Если оценивать воззрения Ахмадкади, анализируя его высказывания на страницах различных изданий («Знамя ислама», «Ат-Таухид», «Мусульманская цивилизация»), то можно заметить, что в данном случае доминирует идея гибкого центристского баланса между салафией и традиционным исламом, что позволяет выводить взгляды Ахмадкади в разряд отдельного религиозного мировоззрения.

Со своей стороны, лидер салафитов Б.Кебедов в начале 90-х годов активно участвовал в политической деятельности ИПВ, интересовался идеями «Братьев-мусульман», считал себя учеником А.Ахтаева. Однако, как представляется, более поздние противоречия или конфликт между Ахмадкади и Багаутдином, протекал не просто на уровне личных взаимоотношений, а носил принципиально мировоззренческий характер и вращался вокруг важного для салафитов вопроса такфира, и, соответственно, в перспективе мог изменить всю ориентацию «джаматов».

Такой диспут наложил свой отпечаток на идейно-политический характер некоторых салафитских «джамаатов», что отражалось на неоднородности социальных отношений в тех или иных региональных группах. Например, если «джамааты» села Карамахи (Буйнакский район) и Кванада (Цумадинский район) демонстрировали устойчиво закрытый корпоративный тип, то в Саситли (Цумадинский район), Кировауле (Хасавюртовский), Согратле (Гунибский) и в Махачкале они были более «развернуты в общество». Символично, что в решающий момент, когда Багаутдин летом 1999 г. в Сержень-юрте объявил вооруженный джихад, он не получил ожидаемой массовой поддержки, более того его отказались поддержать «джамааты» Кванада, Карамахи, Гимры (Унцукульский район), произошла внутренняя дифференциация в махачкалинской группе⁴. В данном случае все эти процессы не могут увязываться с каким-либо «физическим или духовным» влиянием «Братьев-мусульман», но после полного разгрома «джамаатов», подобные аспекты могут отражать развитие возможных альтернативных тенденции в их среде.

Вместе с этим, несмотря на «салафитское засилье» во второй половине 90-х годов, некоторое идеологическое присутствие «Братства»

ощущалось, однако оно отмечалось через ограниченное наличие членов движения (или тех, кто симпатизировал идеям «Братьев») в тех или иных саудовских благотворительных организациях, задействованных на Северном Кавказе. Характерно, что доминирование «ихванской», или салафитской тенденции в различных благотворительных проектах, зависело от нескольких аспектов:

- статуса фонда (государственный или частный) и его размеров. Как правило, в больших государственных ассоциациях представлены сотрудники с высшим светским образованием, в том числе из египетских ВУЗов, в частности в «Международной Исламской Организации Спасения» (МИОС);

- преобладание египтян и «Братьев» из других регионов в высшем и среднем звене некоторых фондов. Например, нынешний муршид «Братства» египтянин М.Акиф и координатор международных структур движения ливанец М.Тахан являлись членами генерального секретариата «Всемирной ассамблеи мусульманской молодежи»;

- идеологические предпочтения спонсоров фонда. Например, в организациях строго салафитской направленности (прежде всего, негосударственной «Аль-Харамейн аль-хейрийя») идеи и теории «Братства» были исключены в любой форме. Для руководства таких фондов идейная ориентация сотрудников имеет принципиальное значение.

Интересно отметить, что к середине 90-х годов некоторые представители местных традиционных элит стали критически относиться к «Братству», но не потому, что такая критика представляла собой разногласия идейного плана. Он в большей степени отражала тот факт, что значительная часть традиционно настроенных духовных лиц впервые в жизни узнала о существовании «Братьев-мусульман» со страниц книг, издаваемых благотворительным фондом вперемешку в общей массе с тиражами крайне антисуфийской литературы салафитского толка. Некоторые салафитские издания подгоняли теории идеологов «Братьев-мусульман» под свои стандарты или запросы. Ряд книг, изданных такими фондами, содержал вырванные из общего контекста цитаты известных представителей «Братства» – Саида Хаввы, Фатхи Якана, Сейида Кутба, Мухаммада Кутба (примечательно, что аль-Кардауи в своей книге «Приоритеты исламского движения на предстоящем этапе» критиковал деятельность подобных фондов в России)⁵. Вместе с этим, за последние десять лет российские мусульмане так и не увидели в качественном русском переводе работы Хасана аль-Банни, Мухаммада аль-Газали, Юсуфа аль-Кардауи, Сейида Сабики и др.

Еще в самом начале процессов исламизации в России название «Братья-мусульмане» не вызывали ни у кого особенно негативных чувств. Например, Бислан Гантамиров, до недавнего времени один из лидеров антидудаевской оппозиции и мэр Грозного в администрации Ахмадхаджи Кадырова, в декабре 1990 г. объявил, что созданная им партия «Исламский путь» является филиалом «Братьев-мусульман»⁶.

До поры до времени, у некоторых дагестанских духовных лидеров, придерживающихся традиционных взглядов, вызывали определенный интерес работы Х.аль-Банна, С.Кутба, Ю.аль-Кардауи, С.Сабика.

Следует отметить, что благотворительная помощь из некоторых стран Залива с самого начала вызывала противоречивые оценки в российской научной и общественной среде. Такая благотворительная помощь в России в первоначальный период (1991–1993 гг.) отличалась «стихийным» характером. Часто средства выделялись как официальным духовным образованиям России, так и частным лицам (по настоятельным просьбам), без четкого представления того, на что будут расходоваться финансы. Некоторые благотворительные акции предназначались под «заказ», сотрудники нередко просто «отрабатывали» те или иные проекты без учета местных реалий и специфики.

Вместе с этим, уже к 1993–1994 гг. в благотворительных проектах государственных фондов стал доминировать курс на сотрудничество с официальными духовными кругами. Например, в феврале 1998 г. покойный муфтий Дагестана (последовательный сторонник борьбы с салафитскими «джаматами») Саид-Мухаммад Хаджи Абубакаров провел встречу с представителем МИОС и «Тайба» в Махачкале Абд аль-Кадыром Уда и Ахмадом Ясином, на которой обсуждались перспективы совместного сотрудничества⁷. С 1993 по 1997 гг. МИОС при координации с местными духовными лицами выделил средства на строительство 58 мечетей и трех крупных религиозно-образовательных заведений по всей России⁸.

Даная тенденция объективно соответствовала общему курсу «Братства», ориентированного на легальные формы благотворительности. В одном из своих интервью в 1988 г. муршид Хамид Абу ан-Наср подчеркивал, что международная благотворительная активность «Братьев» обусловлена законными рамками и согласована с официальным руководством мусульманских стран⁹.

Вместе с тем, в 2001–2002 гг. между «Братством» и Саудовской Аравией произошло определенного рода охлаждение отношений, которое озвучил министр внутренних дел королевства Наиф бен Абд аль-Азиз в интервью газете «Аш-Шарк аль-аусат», заявив, что «Братья» стали «основой всех наших проблем». Со своей стороны, в октябре 2002 г., Мамун аль-Худайби в ответ указал на то, что «Братья» привыкли к традиционно «тщательному и всестороннему поиску истины руководством королевства». Он подчеркнул, что движение старалось оживить дух ислама в арабских странах, уважая существующий порядок. Со времен аль-Банна движение стремилось к дружественным отношениям с королевством на основе «исламской близости». Всем известно что, активность «Братьев» в Саудовской Аравии никогда в какой-либо форме не была направлена против этой страны. Верховный наставник выразил надежду, что «трещина», которая пробежала между ассоциацией и королевством, будет преодолена¹⁰.

Очевидно, что раздражение у части правящего саудовского истеблишмента вызвало устойчиво критическое отношение «Братьев-мусульман» к дислокации американского контингента в королевстве на протяжении всех 90-х годов. Вместе с тем, заявления подобного рода отражали сложный процесс корректировки национальных задач королевства и внутренней поляризации в правящих элитах, связанных с целым комплексом политических проблем, а именно:

- ростом внутренней религиозной оппозиции и ужесточением политики государственной безопасности;

- формированием централизованной структуры, позволяющей осуществлять контроль над многочисленными источниками финансов, существующими на территории страны;

- давлением Вашингтона, вынуждающим королевство корректировать свой внешнеполитический курс.

Таким образом, следует отметить, что, при всех возможностях зарубежных структур движения, «Братья-мусульмане» и по сей день не имеют стабильного международного финансового источника. Такое положение вынуждает активистов координировать свою деятельность в рамках различных «неихванских» проектов на подчиненных началах. В некоторых фондах «Братья» были вынуждены обслуживать конкретные проекты и не могли проводить самостоятельную политику. Как уже упоминалось, «Братья» традиционно стараются работать именно в больших государственных фондах, они оглядываются на позицию государства-спонсора и предпочитают контакты на официальном уровне.

Между тем, данные аспекты не исключали концентрированных попыток некоторых «Братьев» проводить самостоятельную благотворительную политику в регионе, в частности, в области литературного издания. Во второй половине 90-х годов в России появились небольшие тиражи более качественных работ по основам ислама, его культуре и истории, изданных центром «Аз-Захра ли-ль-иалам аль-арабий» и «Комитетом мусульман Азии» из Кувейта. «Аз-Захра» был создан в середине 80-х годов при поддержке «Братьев» из некоторых университетов Каира, лондонского филиала движения, министерства вакфов Кувейта и «Комитета мусульман Азии» (кстати, Комитет ведет свою работу, главным образом, через контакты с официальными духовными лицами), выступающего как научно-исследовательский центр для издания работ по истории и культуре ислама, изучения особенностей исламской цивилизации в контексте взаимодействия с неарабскими культурами на периферии исламского мира. Например, среди изданий центра такие работы, как «Внедрение исламского шариата в Судане: между действительностью и фактами» – автор суданский правовед Мукашиф Таха аль-Кабаша, (Каир 1986 г.) «Будущее ислама в России и Средней Азии» – автор египетский исследователь и публицист Ахмад Раиф (Каир, 1994 г.), «Религия ислама: новый взгляд на ислам» – ав-

тор индийский богослов Мауляна Мухаммад Али (Каир 1995 г.), «Поэты посланника Аллаха» – автор египетский исследователь Абдо Бадауи (Каир 1995 г.), «Османское завоевание Шама и Египта» – автор египетский историк Ахмад Фуад Матули (Каир, 1995 г.).

В отличие от многомиллионных тиражей салафитских изданий, в России, где предполагался довольно упрощенный подход к вопросам такфира и вероубеждения, книги издательства ««Аз-Захра» выносили вопрос такфира в область мусульманского права и уделяли больше внимание вопросам религиозной педагогики. В 1994–1995 гг. группа филологов из университета Айн Шамс (кафедра славянских языков) перевела на русский язык несколько работ известных богословов исламского мира, которые затем были изданы в России издательством «Аз-Захара». В частности, это книга по истории ислама известного индийского мусульманского мыслителя Абу Хасана ан-Надауи «Ислам и мир», а также две работы авторского коллектива – «Ознакомление с исламом» и «Мусульманское воспитание», представляющие собой адаптированный перевод труда Мауляны Мухаммада Али «Религия ислама: новый взгляд на ислам». Характерно, что книга была направлена на активизацию в мусульманском сознании конфессио-нальной терпимости. Например, Мухаммад Али пишет: «Мусульманин верит во всех пророков и книги, ниспосланные человечеству до ислама. Иудеи верят только в пророков сынов Израиля (бану исраиль), христиане – в Иисуса и, в меньшей степени, в пророков бану исраиль. Буддисты верят в Будду; зороастрийцы в Заратустру; индусы в тех пророков, которые были в Индии; конфуцианцы – в Конфуция. Вместе с этим, мусульмане верят во всех этих пророков в дополнение к пророку Мухаммаду.... Потому что ислам – это всеохватная религия, которая содержит в себе религии всего мира и все святыне книги»¹¹.

В таком же духе была выдержана по своему содержанию работа, переведенная и изданная в Махачкале в 1996 г. при содействии фонда «Тайба» (с предисловием сотрудника отдела образования МИОС) известного деятеля сирийского движения «Братьев-мусульман» Саида Хаввы – «Аллах всемогущий, Он и великий».

Однако все же следует уточнить, что «Братья-мусульмане» практически не имели каких-либо самостоятельных организационных структур в России, все вышеуказанные книги имели крайне ограниченные тиражи. Кроме того, вплоть до середины 90-х годов в «Братстве» не было четкого ориентира даже на лидеров в бывшем руководстве ИПВ. С одной стороны, «Братья» традиционно предпочитают ориентироваться на активные политические фигуры, представляющие массовые движения, а с другой, в большей степени склонялись к осторожно реалистичным религиозным деятелям. Однако после распада ИПВ в условиях постсоветской России не приходится вести речь о полноценном движении политического ислама. На всем постсоциалистическом пространстве ни одна сила, даже формально, не стремилась обозначить

свой курс на официальные связи с «Братьями-мусульманами». По разным данным, в 1990 г. А.Ахтаев отклонил предложение М.Машхура придать ИПВ статус регионального отделения международного движения «Братьев-мусульман»¹². Кроме этого, религиозные зарубежные центры не успевали понять ориентацию и социальную базу многочисленных локальных исламских сил в форме новообразованных центров, партий, движений, группировок, резко активизировавшихся к середине 90-х годов. Такие процессы совпадали с активной борьбой подобных сил за зарубежные источники финансирования. Даже для групп, ориентированных на салафитские доктрины, контакты с представителями «Братства» представляли интерес лишь с точки зрения выхода через связи «Братьев» на те или иные источники в странах Залива. Ассоциация вплоть до второй половины 90-х годов не имела единого и реального представления о внутренних процессах в российском исламе.

После распада ИПВ на региональные группы некоторые российские фракции в той или иной мере проявляли интерес к стратегии и идеологии «Братства», стараясь поддерживать как прежние, так и новые контакты с «Братьями» в Кувейте, Германии, Великобритании или Египте. Однако данные связи имели больше субъективный характер, протекали на уровне личных контактов и, опять таки, были обусловлены поисками финансовых источников. Между тем, в 1993–1994 гг. в Дагестане богатые салафитские фонды стали делать целенаправленную ставку на конкретных лидеров. Интересно заметить, что, если в начале 90-х годов известный религиозный деятель Дагестана Багаутдин Кебедов довольно лояльно относился к концепциям «Братьев-мусульман», шел на контакты с суфийскими шейхами, то к середине 90-х превратился в яркого лидера дагестанских салафитов, осудившего «конформизм» «Братьев»¹³. Со своей стороны, А.А.Ахтаев предпочел дистанцироваться от широкой политической активности (что было в пользу более инициативной позиции Б.Кебедова). Он редко выезжал за рубеж и основное время проводил в родном селе Кудади или в Махачкале. А.Ахтаев в большей степени стал склоняться к культурно-общественной и преподавательской деятельности, а также к контактам с интеллигенцией (что соответствовало общему духу главной идеи «Братьев-мусульман»). Неожиданная смерть А.Ахтаева в феврале 1998 г. (ему было 56 лет) значительно повлияла на перспективы более масштабной реализации некоторых умеренных программ на основе синтеза концептуальных элементов «Братства» и местных традиций и усилила лагерь сторонников радикальных проектов, на которых к концу 90-х годов стали активно опираться сепаратистские силы. Примечательно, что А.Ахтаев скончался при загадочных обстоятельствах по истечении короткого срока (в том же месяце) после его выступления на местном национальном телевидении, в котором он осудил нападение на российскую воинскую часть в Буйнакске в декабре 1997 г. и выступил против антироссийского сепаратизма на Северном Кавказе.

В то же время, после окончания первой чеченской кампании в так называемом чеченском джамаате арабов (добровольцев из арабских стран) возник диспут между представителем старого поколения ветеранов Афганистана и первым лидером чеченских арабов шейхом Хаттибом Али Фатхи (который прибыл в Чечню не из Афганистана, а из Иордании, предварительно побывав в Боснии) и частью чеченского военного истеблишмента, настроенного на дальнейший джихад до победы на всем Кавказе. Шейх Фатхи, ветеран войны в Афганистане, был представителем старой школы афганских арабов, ориентированных на умеренные взгляды А.Аззама. Он довольно сдержанно воспринял нарастание второй волны исламизации чеченской проблемы со стороны различных внешних сил, ориентированных на те или иные салафитские центры в мусульманском мире. Неожиданная смерть Фатхи в 1997 г. (так же, как неожиданно погиб в Афганистане А.Аззам в 1989 г) способствовала усилению экспансионистской линии в политике интернационального сообщества чеченских муджахедов и фактическому переходу власти в руки молодых «ястребов» салафитской ориентации, прежде всего шейху Омару бен Исмаилу ас-Саифу аль-Касими (уроженцу г. Бурейда, ученику аль-Усаймина). Первой акцией новых командиров стало нападение Хаттаба на воинскую часть в Буйнакске.

Между тем, к концу 90-х годов религиозная ситуация на Северном Кавказе стала более адекватно восприниматься в различных центрах «Братства», главным образом благодаря информации дагестанских паломников в период малого и большого хаджа. Свою роль сыграли довольно большая колония дагестанцев и чеченцев в Египте, целенаправленный интерес «Братьев» и контакты с некоторыми фракциями бывшего ИПВ. Кроме того, масштабы конфликта между салафитами и традиционными элитами стали шире освещаться в российских и зарубежных СМИ, в исследованиях различных аналитических центров. При этом еще с 1993 г. в Каире при финансовом содействии «Комитета мусульман Азии» издательский центр «Аз-Захра» стал разрабатывать научные проекты по изучению культурной и политической жизни мусульман в России и в бывших советских республиках. В том же году начался выпуск серии научно-публицистического журнала «Шамс аль-ислям» посвященный истории, культуре и современному положению мусульман бывшего Советского Союза. Интересно отметить, что номера в большей степени содержали социологические, исторические и политологические исследования высокого научного уровня. С 1994 г. в Великобритании центр «Братьев-мусульман» в Маркфилде стал издавать регулярный бюллетень «Мусульмане в Средней Азии», содержащий аналогичные материалы информационно-новостного типа.

Во второй половине 90-х годов лидер местных салафитов Б.Кебедов был в курсе неоднозначной позиции некоторых известных в мусульманском мире деятелей движения (в частности, М.Кутба) по отношению к формам активности дагестанских «джамаатов». Такая

позиция осуждала курс на непримиримый конфликт с местными духовными элитами и ошибочным увлечением теориями такфира и бид'а. В 1995–1996 гг. издательством «Аз-Захра» на русском языке была издана книга Мухаммада Кутба «Нет божества, кроме Аллаха». Данная работа посвящалась проблемам современного ислама, в которой автор решительно выступал против радикального толкования принципа такфира. С полным основанием можно сказать, что русский вариант книги М.Кутба был целенаправленно ориентирован на аргументированную критику идеологии и практики дагестанских салафитов.

По мнению сотрудника махачкалинского филиала МИОС (отдел просвещения) гражданина Египта и выпускника Дар аль-Улюма, Багаудин неправоммерно игнорировал местные реалии и специфику, он отрицал исторические заслуги суфизма в исламизации Дагестана. Лидер салафитов делает ставку на краткосрочные и быстрые задачи по исламизации Дагестана, провоцирующие внутриисламский конфликт и гражданскую войну. Кроме того, дагестанские мусульмане не готовы к принятию независимого исламского государства, и развал России прежде всего нанесет удар по интересам дагестанцев¹⁴.

С началом боевых действий в Чечне в исламском мире проявился большой интерес к событиям именно в этой северокавказской республике. Например, об этом говорят различные публикации в региональной прессе в период начала боевых действий за декабрь 1994 – май 1995 г. под символическими названиями: «Ислам на Кавказе в эпоху Тимура» А.Муса аш-Шашани (Аш-Шарк аль-аусат 07.12.94 – саудовская газета, издающаяся в Лондоне); «Ожидаемая катастрофа Ельцина в Чечне» И.Джейдар (Аш-Шарк аль-аусат 10.01.95); «Кавказ – кладезь народов и языков» А.аль-Ваххаб Вали (Аш-Шарк аль-аусат 18.01.95); «Кто такие чеченцы» А.Муса аш-Шашани (Аш-Шарк аль-аусат 24.01.95); «Двойные стандарты в невмешательстве в чеченский кризис» Б.А.Увейди (Аш-Шарк аль-аусат 24.01.95); «Война в Чечне и легальные СМИ» М.аль-Лийди (Аш-Шарк аль-аусат 23.02.95).

Далее следуют «Чечня: повторится ли история вновь?» А.Салих (Аль-Ахрам 09.01.95 – египетский официоз); «В противостоянии партии войны» А.Халиль (Аль-Ахрам 17.01.95); «Чечня и египтяне на Кавказе» М.Харб (Аль-Ахрам 19.01.95); «Почему Чечня защищается» М.Харб (Аль-Ахрам 22.02.95); «Геноцид в Чечне и Боснии, и закон международного права» М.Хабир (Аль-Ахрам 25.02.95).

Можно сослаться на Д.Ришвана «Внутренняя гражданская война после открытого вмешательства России» – Аль-Ахрар 01.12.94 (полуофициальная египетская газета); Д.Ришван «Российская компания в Чеченской республике: результаты и возможные последствия» – Аль-Ахрар 23.12.94; Д.Ришван «Провал штурма Грозного дает законную легализацию режиму Дудаева» – Аль-Ахрар 06.01.95.

Далее следуют И.Николаев «Российские СМИ изображают чеченцев преступниками» – Аль-Хаят 23.12.94 (арабская газета выход

дующая в Лондоне); Р.Даргам. «Ельцин в чеченской ловушке» – Аль-Хаят 06. 01. 95; Валид Шапсуги «Чечня ... крестовый поход продолжается !!» – Аль-Муслимун 17.01.95 (популярная еженедельная общественно-религиозная саудовская газета); Д.Хусейн «Холодная война возвращается через чеченские двери» – Аль-Муслимун 23.12.94; А.Хасан «Исламские организации России осуждают несправедливую военную акцию» – Аль-Муслимун 06.01.95; А.Муса аш-Шашани «Чечня через историю» – Аль-Харас аль-ватаний, февраль 1995 (саудовский журнал); «Чечня и великое столкновение» – Аль-Ваий аль-ислами, февраль 1995 (ежемесячный журнал по религиозной тематике издающийся в Кувейте); А.Муса аш-Шашани «Русские и сербы. Между Грозным и Бихачем, две стороны одного деяния» – Аль-Мухандисин № 468, февраль 1995 (ежемесячный египетский журнал профсоюза инженеров); М. Изет ат-Тахтауи «Чеченское мусульманское государство» – Аль-Азхар (официальный ежемесячный журнал Аль-Азхара) май, 1995 г.; М. Дусуки Касба «Чечня между испытанием и обязанностью мусульман» – приложение к апрельскому номеру журнала Аль-Азхар, апрель, 1995.

Как видно, ситуация в Чечне вызывала довольно противоречивые оценки. В отличие от Боснии, которая являлась суверенным и признанным государством, Чечня, как известно, оставалась субъектом России, кроме того, балканский конфликт, в отличие от чеченского, носил ярко выраженный этно-конфессиональный характер.

После начала боевых действий в Чечне официальные египетские СМИ, в том числе и религиозные, осуждали военные методы Москвы. Некоторые из них заняли ярко выраженную антироссийскую позицию, иные старались балансировать между крайними оценками.

В книге Мустафы Десуки Касба, вышедшей в приложении к официальному изданию Аль-Азхара под названием «Чечня между испытанием и обязанностью мусульман», автор анализирует историю чеченского вопроса и современные причины кризиса. Касба полагает, что свои права на независимое государство чеченцы обосновывают историей и свободными выборами в местный парламент (в 1992 г.). Однако Москва в отношениях с Дудаевым решила опереться на грубую силу, хотя с мусульманскими республиками Поволжья – Татарстаном и Башкирией – удалось урегулировать споры мирными соглашениями. Чеченцы – это мусульманский народ, который несколько веков ведет кровопролитную борьбу за свою свободу под знаменем ислама, и сегодня вновь подвергся очередной агрессии. Вместе с этим, Касба все же склоняется к тому, чтобы представить чеченскую проблему как следствие внутрироссийских причин. Среди таковых следующее: военная акция в Чечне отражает опасения Москвы перед угрозой развала всей федерации; кампания есть результат провала экономических и политических реформ и попытка переключить население на искусственно раздутый конфликт; демонстрация своей силы Евросоюзу и НАТО на

фоне расширения североатлантического альянса за счет стран Восточной Европы и СНГ; амбиции военной верхушки, рассчитывающей на исторический реванш СССР («советской империи»). Касба указывает на опасность усиления антиисламского крена как во внутренней, так и во внешней политике России, на которую рассчитывают крайне правые националисты, сионистские круги, западный альянс во главе с США, заинтересованный в том, чтобы превратить Россию в буферное антиисламское государство. При этом автор уточняет, что в Москве существуют и здравые силы, выступающие за строительство новой России на основе союза двух цивилизаций – мусульманской и европейской¹⁵.

Характерно, что 18 января 1995 г. Касба выступил с лекцией по чеченской проблеме в одной из центральных мечетей Каира «Даава аль-хакк», на которой присутствовали видные религиозные деятели страны, богословы Аль-Азхара и члены ассоциации.

Между тем, в мае 1995 г. в статье Мухаммеда Изета ат-Тахтауи (журнал «Аль-Азхар») российская политика в Чечне была подвергнута резкой критике (но не названа антиисламской). Ат-Тахтауи, ссылаясь на аяты Корана и международные конвенции по правам человека, привел многочисленные факты нарушения гражданских прав в Чечне и применения необоснованного насилия в отношении мирного населения. «Российские самолеты и танки обрушивают на мусульман разрушения и убийства, не различая детей, женщин или стариков, не отличая военные цели от больниц, мечетей, фабрик...». Ат-Тахтауи призывает лидеров исламских стран «поднять свой голос», чтобы остановить российскую агрессию или разорвать официальные отношения с Москвой в знак протеста против такой политики¹⁶.

Вместе с тем, книга Фаузи Мухаммада Тавиля (генерала и преподавателя каирской военной академии) под названием «Чечня и грозящая опасность мусульманской Азии», изданная еще в январе 1995 г. и одобренная официальным Аль-Азхаром, предлагает несколько иной взгляд на проблему. Автор смотрит на чеченский кризис с точки зрения национальной безопасности мусульманского региона. Он начинает с того, что Советский Союз распался не в результате глубинных причин (от внутреннего кризиса или войны), а в результате одновременного акта Беловежского соглашения. Распад СССР окончательно закрепил новый мировой порядок, основанный на однополярном доминировании. По мнению аналитика, главным и потенциальным врагом арабов попрежнему остается Израиль и его основной союзник – Вашингтон. Американцы используют «невежество» российской политики в Чечне и косвенно заинтересованы в разрастании масштабов кризиса, дающего, с одной стороны, перспективный повод для прямого вмешательства в кавказский регион, а, с другой, вовлекать Москву под своей эгидой в локальные конфликты на периферии исламского мира. Кроме того, Вашингтон и Запад стараются поддерживать конфликт русских и мусуль-

ман на Кавказе, способный мешать сближению России с исламскими странами. Чеченский кризис может стать началом развала Российской Федерации, а развал России поставит исламскую умму в прямую конфронтацию (один на один) с альянсом крестоносцев и сионистов¹⁷.

Позиция «Братьев-мусульман» в данном вопросе в какой то мере стала дифференцированной. Интеллектуальные элиты, связанные с Аль-Азхаром, Айн-Шамсом, Каирским университетом (так называемая университетская прослойка), склонялись к более осторожной позиции, изложенной в работах Касба и Фаузи. Со своей стороны, политические лидеры и руководители профсоюзов старались использовать чеченскую тему для мобилизации религиозного сознания и электората. В феврале 1995 г. очередной номер (№ 468) журнала профсоюза инженеров вышел под названием «Чечня – могила агрессии», и был посвящен «джихаду чеченских бойцов против русской агрессии».

Между тем, Аль-Азхар отказался назвать действия России в Чечне целенаправленным антиисламским террором и назвать войну джихадом. Единого мнения не было среди большей части идеологов «Братства». Даже в вышеупомянутом журнале, в отличие от аналогичного выпуска о боснийских событиях, содержащего цветные фотографии оскверненных и разрушенных мечетей, чеченский материал включал в себя только фотографии вооруженных боевиков. Вплоть до конца 1995 г. М. Кутб находился между двумя точками зрения на события в Чечне, так сказать, между джихадом и тем, что война в Чечне идет не под исламскими лозунгами, а осененная идеями чеченского национализма, что противоречит исламу. Со своей стороны, М. Машхур только в июле 1996 г. стал сравнивать кризис в Чечне с аналогичными конфликтами в Боснии, Кашмире и Палестине.

Как уже было отмечено, традиционно «Братство» старается почувствовать пульс «мусульманской улицы» и выразить его настроения. Вместе с этим, следует отметить, что информационный вакуум о реальных событиях в России, образовавшийся в арабском регионе после развала СССР за счет резкого сокращения культурных и политических связей, создавал негативный образ Российской Федерации в мусульманском мире. В какой-то мере этому способствовало и отсутствие направленной дипломатической работы именно на этом направлении.

В то же время, интерес к ситуации в России неуклонно рос в исламском мире параллельно общей эскалации напряженности на Кавказе. В 1993–1994 гг. антироссийские мотивы несколько раз присутствовали на заседаниях ОИК. Например, в апреле 1993 г. страны-члены ОИК поддержали доклад (и направили его в ООН) министра иностранных дел Азербайджана в правительстве антироссийски настроенного Абульфаза Эльчибея по поводу «армянской агрессии», которую поддерживает Россия. «Успехи армянских сил обусловлены тем, что они являются союзниками России....Если сказать прямо, то Россия поддерживает этот конфликт и другие конфликты на Кавка-

зе»¹⁹. В ходе седьмой конференции глав государств Организации Исламская Конференция в конце декабря 1994 г., некоторые официальные представители выразили недовольство просербской позицией Москвы и поддержкой геноцида в мусульманских анклавах Боснии²⁰.

После начала второй чеченской компании накал антироссийских настроений был более высоким по сравнению с 1994–1995 гг. В конце 1999 г. и начале 2000 г. в столицах Йемена, Иордании, Пакистана, Турции прошли массовые демонстрации протеста, а в Бейруте было совершено вооруженное нападение на посольство РФ. По разным данным, только в месяце Рамадан 2000 г. в мусульманских странах в фонд поддержки Чечни было пожертвовано около 20 млн. долл.²¹

Кроме того, общественная мусульманская солидарность и частные благотворительные инициативы, в которых принимали участие «Братья» в странах Залива, стимулировались в ходе первой и второй чеченской войны умелой информационной кампанией, организованной специальными представителями ЧРИ в странах Ближнего и Среднего Востока. Например, в ноябре 1999 г. – феврале 2000 г. экс-глава Чечни Зелимхан Яндарбиев возглавил делегацию в Турцию, Иорданию, Саудовскую Аравию, Пакистан, ОАЭ, Афганистан. Характерно, что такие визиты сопровождались широкими общественными акциями. Яндарбиев давал интервью в местных СМИ, выступал на стихийных митингах и на пятничных молитвах в крупных городских мечетях. Во время поездки Яндарбиева в Пакистан он посетил все крупные города страны. В феврале 2000 г. в Пешаваре во время митинга у пятничной мечети «амиры» организации «Ахль аль-Хадис» передали Яндарбиеву чек на сумму в 4 тыс. долл., в Лахоре лидер движения «Аль-Джамаа аль-исламия» Ахмад Хусейн передал лично в руки экс-президенту 185 тыс. долл.²²

На таком общественном фоне официальный представитель «Братьев-мусульман» в Каире (в то время Мамун аль-Худайби) призвал лидеров мусульманских государств ужесточить позицию в отношении Москвы. Аль-Худайби подверг критике генерального секретаря ЛАГ Исмата Абдель Магида за высказывание о том, что война в Чечне не имеет религиозного характера, и ЛАГ выступает за сохранение дружественных связей с Россией. Аль-Худайби «мягко» назвал высказывание Магида словами не мусульманина, а государственного служащего²³.

Между тем, в августе 2000 г. после того, как представитель центра общественных связей ФСБ Илья Шабалкин указал на то, что «Братья-мусульмане» передали полевому командиру Хаттабу 250 тыс. долл., представитель «Братьев-мусульман» и генеральный секретарь Союза арабских врачей в Каире Абд аль-Монеим абд аль-Футух заявил, что его организация удивлена сообщением о том, что она, якобы, оказывает финансовую помощь чеченским боевикам. «Хаттаб ни одного дня не являлся членом «Братьев-мусульман» ни в одной стране мира. Мы не знаем этого человека и впервые слышим упоминание его имени в одном контексте с «Братьями-мусульманами»²⁴. Интересно отметить, что

в сентябре 2003 г. на очередное заявление И.Шабалкина о том, что «Братство» выделило на финансирование боевиков в Чечне три миллиона долларов, ответил лично ныне покойный верховный наставник Мамун аль-Худайби. Лидер «Братьев-мусульман» сказал: «Обвинения, выдвинутые генштабом России, беспочвенны. У нас никогда не было никаких отношений с чеченскими боевиками и, тем более, финансирования вооруженных формирований в Чечне. Но, кроме генштаба, эти обвинения не так давно высказал и президент России Владимир Путин, и мы также отвергли его высказывания, заявив о своей невиновности... Обвинение в финансировании вооруженных группировок в самой основе беспочвенно, так как наша организация не располагает капиталом для подобного рода деятельности»²⁵.

Примечательно, что подобное заявление последовало после того, как «Братья-мусульмане» оказались в официальном списке Москвы, составленном из исламских организаций, оказывающих финансовую поддержку боевикам в Чечне и запрещенных на территории России. Кстати сказать, Россия оказалась единственной европейской страной, где «Братья-мусульмане» официально запрещены. Такой прецедент, возможно, вызывает определенные опасения в «Братстве», учитывая наличие развитых центров движения в некоторых европейских странах. В последнее время «Братство» старается, главным образом, выделить гуманитарный аспект своей солидарности с Чечней. Вместе с этим, признавая за Россией наличие в Чечне проблемы конфессионального характера (пресса движения называет чеченских боевиков «муджахедами»), лидеры «Братьев-мусульман» с самого начала второй чеченской кампании не обозначили этот конфликт четким термином «джихад». В начале 2000 г. Ю.аль-Кардауи издал фетву, не призывающую к джихаду, а обязывающую оказывать гуманитарную помощь мусульманам Чечни²⁶. Это решение совпало с аналогичной фетвой муфтия Аль-Азхара, побуждающей всех мусульман вносить добровольные пожертвования в «Фонд помощи населению Чечни» (фетву поддержали 40 богословов Египта)²⁷.

Следует отметить, что аль-Кардауи в своей работе «Приоритеты исламского движения на грядущем этапе», говорит, что мусульман всегда беспокоила и будет беспокоить вероятность подавления прав мусульманских меньшинств или их дискриминация. Исламское движение должно внимательно следить за положением единоверцев, налаживать общее информационное поле, каналы сотрудничества и взаимодействия. Вместе с этим, на меньшинствах также лежит своя ответственность. Они представляют своего рода «авангард» на границах исламского мира и могут выступать активными посредниками межцивилизационного диалога (например, исламо-христианского). Кроме того, образ ислама в больших неисламских странах зависит от личного поведения и примера представителей меньшинств или мигрантов из исламских стран. При этом богослов указывает на то, что в

значительной мере неграмотная и грубая работа некоторых исламских фондов в России ни к чему созидательному не привела, кроме того, что обострила этно-конфессиональные проблемы, которые использовали противники сближения России с исламским миром²⁸. В другой работе аль-Кардауи пишет, что в том, что сегодня в мире преобладает в большей степени негативное отношение к исламу, виноваты сами мусульмане. Ислам прекрасен, когда читаешь книги об исламе, однако, когда видишь самих носителей этой религии, то немусульмане спрашивают, почему мусульмане не получают от ислама пользу? Аль-Кардауи привел пример, когда один из европейцев после интеллектуального анализа различных религий и философий принял ислам и приехал в Мекку с целью паломничества, но когда он увидел сцену грубой ссоры паломников-мусульман, нарушавших правила поведения в хадже, то произнес такую фразу: «Слава Аллаху, который познакомил меня с исламом до того, как я познакомился с мусульманами!»²⁹.

Аль-Кардауи видит преодоление таких проблем через активное образовательное и воспитательное взаимодействие исламского движения с различными мусульманскими регионами мира³⁰.

Как уже упоминалось, среди «Братьев-мусульман» те деятели, которые тесно связаны с университетской и академической интеллигенцией (некоторые из них в свое время учились в советских и российских Вузах), выступают за особое отношение к России и к статусу мусульманских меньшинств в этой стране. Для них Россия – особенная страна, непохожая на остальные европейские государства, со своей историей и ролью в судьбах мусульманских народов Востока. Положение мусульман России часто находится в фокусе различных изданий «Братства» («Ад-Даава», «Аль-Муджтамаа», «Аль-Ахбар» и др.), в том числе отраженное в различного рода высказываниях российских политиков высокого ранга по исламской тематике (не всегда лицеприятных). Растет интерес к внешней политике России, определенный резонанс получило заявление в августе 2003 г. президента В.В.Путина о желании РФ принять участие в деятельности ОИК и его присутствие на саммите ОИК в Куала-Лумпуре.

Характерно, что «интеллектуалы» стараются получить расширенную картину о политической ситуации в России и открыты для диалога с российскими исследовательскими центрами, журналистами, востоковедами. В марте 1994 г. издательство «Аз-Захра» при поддержке некоторых «Братьев» выпустило в Каире номер объемного журнала «Шамс аль-ислям» (333 стр.) осветивший широкий спектр проблем новой России, стран Центральной Азии и Закавказья. Интересно отметить, что составители издания поместили статьи известных российских востоковедов, журналистов, публицистов, филологов, интервью с российским дипломатом. Журнал был призван удовлетворить возросший интерес в арабском мире к положению мусульман на всем постсоветском пространстве. В том же году данное издатель-

ство опубликовало историко-политологическое исследование Ахмада Раифа под названием «Будущее ислама в России и Средней Азии».

¹ Залимханов З.М., Ханбабаев К.М. Политизация ислама на Северном Кавказе. Махачкала, 2000, с. 26.

² Цит. по: Поляков К.И. Арабские страны и ислам в России. М., 2001, с. 57.

³ Макаров Д. Официальный и неофициальный ислам в Дагестане. М. 2000, с. 32.

⁴ Полевой материал, август 2003 г., Дагестан.

⁵ Аль-Кардави Ю. Priorities of The Islamic Movement in The Coming Phase. http://www.wponline.org/vil/Books/Q_Priorities/

⁶ Музаев Т. Чеченский кризис – 99. Москва, 1999, с. 164. Издание информационно-экспертной группы «Панорама».

⁷ Ассалам № 3, февраль 1998.

⁸ Косач Г.Г. Мелкумян Е.С. Внешняя политика Саудовской Аравии. М., 2003, с. 125.

⁹ Аль-Аджами А.С. Вакафат маа китаб (Ли-д-дуат факат). <http://www.almaqdes.com books>

¹⁰ <http://www.aliazeera.net/news/arabic/2002/11/11-28-9.htm>

¹¹ Мухаммад Али М. Дин аль-ислям. Назра джадида иля-ль-ислям. Каир, 1995, с. 11.

¹² Полевой материал, февраль 2002 г., Москва.

¹³ Личная беседа автора. Махачкала, декабрь 1995 г.

¹⁴ Личная беседа автора. Махачкала, март 1996 г.

¹⁵ Десуки Касба М. Шишан бейна аль-михна ва ваджиб аль-муслимин. – Приложение к журналу «Аль-Азхар», апрель 1995, с. 221, 223.

¹⁶ Ат-Тахтауи М. Дауля аш-Шишан аль-муслима – «Аль-Азхар», май 1995, с. 1643.

¹⁷ Цит. по журналу «Аль-Азхар», май, 1995, с. 1697.

¹⁸ Ад-Даава. 16.07.96.

¹⁹ Бюллетень ИТАР-ТАСС 09.04.93.

²⁰ Мир и Мы 02.08.95.

²¹ Пульс планеты 24.01.2000.

²² Мир и Мы 17.02.2000.

²³ <http://www.dol.ru/kremlin/kds/payki15.htm>

²⁴ Пульс планеты 03.08.2000.

²⁵ <http://www.Islamnews.ru> 2027–09–20.

²⁶ <http://www.qardawi.net/arabic/fatawa/sheshan-fatwa.htm>

²⁷ <http://www.Islamicvoice.com/february2000>

²⁸ Аль-Кардауи Ю. Priorities of The Islamic Movement in The Coming Phase. http://www.wponline.org/vil/Books/Q_Priorities/ch4p1-1.htm#Adverse%20Ideological%20Phenomena

²⁹ Аль-Кардауи Ю. Ваджиб аш-шабаб аль-муслим аль-яум. Аль-Мансура, 1992, с. 23–24.

³⁰ Аль-Кардауи Ю. Priorities of The Islamic Movement in The Coming Phase.
http://www.wponline.org/vil/Books/Q_Priorities/ch4p1-1.htm#Adverse%20Ideological%20Phenomena

СОДЕРЖАНИЕ

Р.Г.ЛАНДА ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И НАСИЛИЕ В МИРЕ ИСЛАМА	3
А.М.БЕСКОДАРОВ, С.В.БОНДАРЕНКО НЕФТЕГАЗОПЕРЕРАБАТЫВАЮЩАЯ И ХИМИЧЕСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА	?
Л.Н.РУДЕНКО СДВИГИ В СИСТЕМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В АРАБСКИХ СТРАНАХ (90-Е ГОДЫ)	?
З.А.СОЛОВЬЕВА ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ НЕНЕФТЯНЫХ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ (НА ПРИМЕРЕ ИОРДАНИИ И МАРОККО)	?
А.А.ТКАЧЕНКО БЛИЖНИЙ ВОСТОК И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	?
В.П.ЮРЧЕНКО ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ С АРАБСКИМИ СТРАНАМИ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА	?
П.Н.МАМЕД-ЗАДЕ ПЛАН США «БОЛЬШОЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК» И РЕАКЦИЯ НА НЕГО В МИРЕ	?
Г.Г.КОСАЧ ТЕРРОРИЗМ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ: ПОПЫТКА ПОНЯТЬ ФЕНОМЕН	?
М.А.САПРОНОВА НОВАЯ ВРЕМЕННАЯ КОНСТИТУЦИЯ ИРАКА: СТРУКТУРА, ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ОСОБЕННОСТИ	?
А.М.БЕСКОДАРОВ, С.В.БОНДАРЕНКО РОССИЙСКИЕ КОМПАНИИ В НЕФТЕГАЗОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ ИРАКА, ИРАНА И ЛИВИИ	?
Б.Н.ГАШЕВ ЕГИПЕТ: СВОБОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗОНЫ КАК ФАКТОР УСКОРЕНИЯ РАЗВИТИЯ	?
И.А.НОВИКОВ МЕСТО «ГАЗОВОЙ» ПРОБЛЕМЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСАХ ТУРЦИИ	?
С.М.ХМЕЛИНЕЦ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АВИАЦИОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА ТУРЦИИ В ПЕРИОД С 1998 Г. ПО 2004 Г.	?
Н.А.ЗАМАРАЕВА ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫЙ СЕКТОР В ПАКИСТАНЕ	?

А.ДЕРЯБИНА ИСЛАМ КАК ФАКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ПАКИСТАНА	?
Л.Б.АРИСТОВА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТРАНСПОРТ В ПРОЕКТАХ АФГАНИСТАНА И ПАКИСТАНА	?
В.Н.МОСКАЛЕНКО, Н.В.МЕЛЁХИНА ОБ УТЕЧКЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИЗ ПАКИСТАНА	?
Р.М.МУКИМДЖАНОВА ОТНОШЕНИЯ ПАКИСТАНА И ИРАНА В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ	?
О.Н.Жигалина КОАЛИЦИОННЫЕ СИЛЫ В ИРАКЕ И СИТУАЦИЯ В ЭТНИЧЕСКОМ КУРДИСТАНА	?
Д.А.НЕЧИТАЙЛО МУСУЛЬМАНЕ БЕЛЬГИИ	?
М.З.РАЖБАДИНОВ МУСУЛЬМАНЕ РОССИИ И СИТУАЦИЯ В ЧЕЧНЕ	?

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИНСТИТУТОМ ИЗУЧЕНИЯ
ИЗРАИЛЯ И БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

1995 г.

1. **А.З.Егорин** "Война за мир на Ближнем Востоке".
2. **А.В.Федорченко** "Сельское хозяйство Израиля".
3. "Арабские страны: проблемы социально–экономического и общественно–политического развития" (Совместно с ИВ РАН).
4. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 1.

1996 г.

5. **Абу Мазен (Махмуд Аббас)** "Путь в Осло".
6. **С.М.Гасратян** "Религиозные партии Государства Израиль".
7. **А.З.Егорин** "Современная Ливия".
8. **Л.Н.Руденко** "Регулирование внешнеэкономической деятельности в странах Персидского Залива".
9. **А.В.Федорченко** "Израиль накануне XXI века".
10. **А.О.Филоник, В.А.Исаев, А.В.Федорченко** "Финансовые структуры Ближнего Востока".
11. **А.О.Филоник, Н.Г.Рогожина** "Юго-Западная и Юго-Восточная Азия: проблемы водных ресурсов".
12. "Арабский мир в конце XX века". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
13. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 2.

1997 г.

14. **А.З.Егорин, В.А.Исаев** "Объединенные Арабские Эмираты".
15. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
16. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 3.
17. **Н.М.Мамедова** "Иран в XX веке. Роль государства в экономическом развитии".

18. "Турция: современные проблемы экономики и политики".
Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
19. Коллектив авторов "Сирийская Арабская Республика".
20. **А.О.Филоник, В.М.Ахмедов, Л.Н.Руденко, З.А.Соловьева, Н.Ю.Ульченко** "Рынки Ближнего Востока".
21. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 4.

1998 г.

22. **А.Г.Ковтунов** "Проблемы интеграции стран Магриба".
23. "Страны Ближнего Востока" Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
24. **А.В.Федорченко** "Экономика переселенческого общества
(израильская модель)".
25. **С.Б.Багдасаров и А.Н.Чавушьян** "Военный и военно-экономи-ческий
потенциал стран Ближнего и Среднего Востока"
(информационно-аналитический справочник, совместно с ИВ РАН).
26. **Л.И.Данилов** "Кто есть кто в Иорданском Хашимитском Королевстве".
27. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 5.
28. "Актуальные проблемы Ближнего Востока". Сборник.
29. **К.А.Капитонов** "Ближний Восток в лицах".
30. "Современная Саудовская Аравия". Справочник.
31. **К.З.Хамзин** "Водные ресурсы бассейна реки Иордан
и арабо-израильский конфликт".
32. "Афганистан: Война и проблемы мира". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).
33. **М.Г.Закария, А.И.Яковлев** "Нефтяные монархии Аравии на пороге XXI
в."
34. "Иран: Эволюция исламского правления". Сборник статей
(совместно с ИВ РАН).

1999 г.

35. "Арабские страны Западной Азии и Северной Африки".
Сборник статей вып. 3 (совместно с ИВ РАН).
36. "Ближний Восток и современность". Сборник, вып. 6.

37. **Г.И.Гучетль** "Демократизация в Арабском мире: опыт Туниса и Сирии". (совместно с ИВ РАН).
38. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Государство Катар: проблемы развития".
39. "Национализм и фундаментализм на Ближнем Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
40. "Окружающая среда и развитие в Арабском мире ". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
41. **В.А.Ушаков** "Иран и Мусульманский мир (1979–1998 гг.)".
42. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 7.
43. **Е.Я.Сатановский** "Экономика Израиля в 90-е годы".
44. "Эволюция политических систем на Востоке" (Совместно с ИВ РАН).
45. **Е.С.Мелкумян** "ССАГПЗ в глобальных и региональных процессах".
46. **В.В.Кунаков** "Турция и ЕС: проблемы экономической интеграции".
47. **А.И.Яковлев** "Саудовская Аравия: пути эволюции".
48. **М.А.Сапронова** "Политика и конституционный процесс в Алжире (1989-1999)".
49. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 8.
50. "Востоковедный сборник".

2000 г.

51. "Турецкая Республика". Справочник.
52. **М.Р.Арунова** "Афганская политика США в 1945-1999 гг.".
53. "Политическая элита Ближнего Востока". Сборник.
54. "Ближний Восток: проблемы региональной безопасности". Сборник статей (Совместно с РАН).
55. **С.Э.Бабкин** "Движения политического ислама в Северной Африке".
56. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 9.
57. "Арабский Восток: ислам и реформы". Сборник статей (Совместно с Институтом Африки РАН).
58. "Афганистан: проблемы войны и мира". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

59. **Аль–Харири Мухаммад** "Налоговые системы Сирии и Египта".

60. **В.В.Азатян, А.А.Ткаченко** "Интеграционные процессы в экономике стран Северной Африки".
(Совместно с Институтом Африки РАН).

61. **К.И.Поляков** "Исламский фундаментализм в Судане".

62. "Миграционные процессы и их влияние на израильское общество". Сборник статей.

2001 г.

63. **"Турция между Европой и Азией".** Итоги европеизации на исходе XX века. Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

64. **"Ислам и политика".** Сборник статей (совместно с ИВ РАН).

65. **Е.Я.Сатановский** "Израиль в современной мировой политике: вероятные стратегические противники и стратегические партнеры".

66. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Султанат Оман".

67. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 10.

68. **А.Г.Виравов** "Алжир: кризис власти".

69. **"Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке".** Сборник статей (совместно с Академией геополитики и безопасности).

70. **К.И.Поляков, А.Ж.Хасянов** "Палестинская национальная автономия: опыт государственного строительства".

71. **К.И.Поляков** "Арабские страны и ислам в России".

72. **Зеев Гейзель** "Политические структуры Государства Израиль"

73. "Востоковедный сборник". Выпуск второй.

74. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 11.

75. "Россия на Ближнем Востоке". Материалы конференции.

76. **С.Э.Бабкин** "Религиозный экстремизм в Алжире".

77. "Мусульманские страны у границ СНГ". Сборник статей,
(совместно с ИВ РАН).

78. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 12.

2002 г.

79. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 13.

80. **Н.Ю.Ульченко** "Экономика Турции в условиях либерализации (80–90-е годы)".
81. "Мусульмане на Западе". Сборник статей (Совместно с РАЕН).
82. "Востоковедный сборник". Выпуск третий.
83. "Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.)". Сборник статей (Совместно с ИВ РАН).
84. **М.Ф.Видясова, М.Ш.Умеров** "Египет в последней трети XX века".
85. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 14.
86. **Р.Р.Сикоев** "Талибы (религиозно-политический портрет)".
87. "Востоковедный сборник". Выпуск четвертый.
88. "Армия и власть на Ближнем Востоке". Сборник статей.
89. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 15.
90. **М.П.Гучанин** "Турция и США: основные этапы торгово-экономического сотрудничества".
91. **С.М.Задонский** "Ядерная программа Ирана и российско-американские отношения".
92. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 16.

2003 г.

93. **С.В.Бондаренко, А.А.Ткаченко** "Нефть и газ Египта и Алжира на рубеже XX–XXI вв."
94. **Д.Полисар** "Выбирая диктатуру".
95. "Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы". Сборник статей. (совместно с ИВ РАН, ИСАА)
96. **А.Д.Эпштейн** "Бесконечное противостояние. (Израиль и арабский мир: войны и дипломатия, история и современность)".
97. **В.А.Исаев, А.О.Филоник** "Кувейт: Контуры экономических перемен". (совместно с ИВ РАН)
98. **О.В.Плешов** "Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане". (совместно с ИВ РАН)
99. "Ирак: первые итоги, выводы, уроки". Сборник.
100. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 17.

101. **М.З.Ражбадинов** "Радикальный исламизм в Египте".
(совместно с ИВ РАН)
102. "Иракский кризис. Международный и региональный контекст". Сборник.
103. "Иран и СНГ". Сборник.
104. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 18.
105. "Саудовская Аравия: эволюция режима и пределы возможного в политическом развитии" Сборник.
106. **Г.Г.Косач, Е.С.Мелкумян** "Внешняя политика Саудовской Аравии".
Приоритеты, направления, процесс принятия решения".
107. **В.М. Ахмедов** "Сирия на рубеже столетий. Власть и политика".
108. "Афганистан и сопредельные страны". Сборник.
109. **В.П.Юрченко** "Египет: проблемы национальной безопасности
(1952–2002 гг.)".
110. "Востоковедный сборник". Выпуск пятый.
111. "Российско-саудовские отношения: проблемы и перспективы". Сборник.
112. "Ирак под американским управлением: демократизация или вьетна-
мизация» (по материалам круглого стола)
113. "Арабо-израильский конфликт: старые проблемы и новые планы".
Сборник статей.
114. **Е.И.Уразова**"Экономическое сотрудничество Турции и тюркских гос-
ударств СНГ".
115. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 19.
116. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 20.
117. **М.С.Сергеев** "Берберы Северной Африки: прошлое и настоящее"
118. **Аганин А.Р., Соловьева З.А.** "Современная Иордания".

2004 г.

119. **Владимир (Зезв) Ханин** "Русские» и власть в современном Израиле".
120. "Программы урегулирования палестино-израильского конфликта: три
года после переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе". (Сборник статей и доку-
ментов) под редакцией **Алека Д. Эпштейна**.
121. **А.О.Филоник, А.И.Вавилов** "Саудовская Аравия: поиски внутрен-
ней гармонии".

122. **Е.И.Миронова** "Алжир: смена приоритетов развития".
123. "Иракский кризис". Аналитические записки.
124. "Терроризм". Сборник статей.
125. "Ислам на современном Востоке. Регион стран Ближнего и Среднего Во-стока, Южной и Центральной Азии". Сборник статей (совместно с ИВ РАН).
126. **И.А. Новиков** "Оружие массового поражения на Ближнем Востоке".
127. "Иран и Россия". (Сборник статей)
128. "Офицерский корпус ближневосточных государств". (Сборник статей)
129. "Россия и США на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
130. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 21.
131. "Армия, ВТС, ОМП на Ближнем Востоке". Аналитические записки.
132. "Проблемы Ближнего Востока". Аналитические записки.
133. "Курдский вопрос на рубеже тысячелетий" (круглый стол 19.02.2004).
134. "Ближний Восток и современность". Сборник статей, вып. 22.
135. "Турция в новых геополитических условиях". Материалы круглого стола, март 2004 г.
136. "Израиль и арабо-израильский конфликт". Аналитические записки.
137. "Иран". Аналитические записки.
138. **А.В.Федорченко, О.А.Зайцева, Д.А.Марьясис** "Израиль в начале XXI века".
139. "Современный Исламский Восток и страны Запада". Сборник статей.
140. **И.А.Матвеев** "Национальная и общеарабская слагаемые политики Сирии на Ближнем Востоке (1946–2003)".
141. **А.В.Гасратян** "Проблемы социально-экономического развития Ливана (1970–2000 гг.)".
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by Alek D. Epstein.

144. **М.З.Ражбадинов** "Египетское движение «Братьев-мусульман»".

145. «Афганистан в начале XXI века». Сборник статей.

Адрес в Интернете: www.iimes.ru

PUBLICATIONS OF THE INSTITUTE OF ISRAELI
AND MIDDLE EASTERN STUDIES

1995

1. "War for peace in the Middle East" by **A.Egorin**
2. "Agriculture in Israel" by **A.Fedorchenko**
3. "The socio–economic and political development in the Arab World".
In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
4. "The Contemporary Middle East", (collection of essays)

1996

5. "The road to Oslo" by **Abu Mazen (Mahmud Abbas)**
6. "Religious parties in the State of Israel" by **S.Gasratian**
7. "Contemporary Libya" by **A.Egorin**
8. "Regulation of external economic activity in the Persian Gulf
countries" by **L.Rudenko**
9. "Israel on the eve of the XXI–th century" by **A.Fedorchenko**
10. "Financial Institutions in the Middle East" by **A.Filonik, V.Isaev and
A.Fedorchenko**
11. "Water resources in the South West and South East Asia" by **A.Filonik and
N.Rogozhina**
12. "The Arab World in the end of the XX–th century", (collection
of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences
13. "The Contemporary Middle East" № 2, (collection of essays)

1997

14. "United Arab Emirates" by **A.Egorin and V.Isaev**

15. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
16. "The Contemporary Middle East" № 3, (collection of essays)
17. "Iran in the XX–th Century. The Role of State in Economic Development" by **N.Mamedova**
18. "Turkey: Problems of modern Economy and Policy", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
19. "The Syrian Arab Republic"
20. "Markets in the Middle East" by **A.Filonik, V.Ahmedov, L.Rudenko, Z.Solovieva, N.Ultchenko**
21. "The Contemporary Middle East" № 4, (collection of essays)

1998

22. "Problems of integration among the Arab Magrib countries" by **A.Kovtunov**
23. "Countries of the Middle East", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
24. "Settler Society Economy: Israeli Model" by **A.Fedorchenko**
25. "Military and military – economic Potential of the Middle Eastern Countries" by **S.Bagdasarov and A.Chavushian** In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
26. "Who is Who in the Hashemite Kingdom of Jordan" by **L.Danilov**
27. "The Contemporary Middle East" № 5, (collection of essays)
28. "Actual Problems of the Middle East"
29. " Political Portraits of the Middle East" by **K.Kapitonov**
30. "The contemporary Saudi Arabia"
31. "Water Resources of the Jordan River Basin and the Arab–Israeli Conflict" by **K.Khamzin**

32. "Afghanistan: War and Problems of Peace", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
33. "Oil Monarchies of Arabian peninsula on the edge of XXI century" by **M.Zakaria and A.Yakovlev**
34. "Iran: Evolution of Islamic Rule", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

1999

35. "Arab countries of Western Asia and Northern Africa" № 3, (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
36. "The Contemporary Middle East" № 6, (collection of essays)
37. "Democratization in the Arab World: the case of Tunisia and Syria" by **G.Guchetl**
38. "The State of Qatar: problems of development" by **A.Filonik and V.Isaev**
39. "Nationalism and Fundamentalism in the Middle East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
40. "The Environment and Development in the Arab World", (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
41. "Iran and the Muslim World" by **V.Ushakov**
42. "The Contemporary Middle East" № 7, (collection of essays)
43. "Israeli Economy in the 90's" by **Eu.Satanovsky**
44. "Evolution of political Systems in the East". (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)
45. "GCC in global and regional processes" by **E.Melkumian**
46. "Turkey: Problems of economic integration" by **V.Kunakov**
47. "Saudi Arabia in Evolution" by **A.Yakovlev**
48. "Policy and constitutional Process in Algeria (1989-1999)" by **M.Sapronova**

49. "The Contemporary Middle East" № 8, (collection of essays)

50. "Oriental Records" (collection of essays)

2000

51. "Republic of Turkey"

52. "U.S. Policy in Afghanistan in 1945-1999" by **M.Arunova**

53. "Political Elite in the Middle East"

54. "The Middle East: Problems of regional Security" (collection of essays) (In co-operation with the Russian Academy of Natural Sciences)

55. "The Movements of Political Islam in Northern Africa" by **S.Babkin**

56. "The Contemporary Middle East" № 9, (collection of essays)

57. "The Arab World: Islam and Reforms", (collection of essays)

58. "The Afghanistan: Problems of War and Piece" (collection of essays). In co-operation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

59. "Tax Systems in Syria and Egypt" by **Al-Hariri Muhammad**

60. "Processes of Integration in the Economy of Northern Africa States" by **V.Azatian and A.Tkachenko**

61. "Islamic Fundamentalism in the Sudan" by **K.Polyakov**

62. "Mass Migration and its Impact on the Israeli Society" (collection of essays)

2001

63. "Turkey between Europe and Asia" (In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences)

64. "Islam and Policy" (collection of essays)

65. "Israel in the Contemporary World Policy" by **Eu.Satanovsky**

66. "The Sultanate of Oman" by **A.Filonik and V.Isaev**

67. "The Contemporary Middle East" № 10, (collection of essays)

68. "Algeria: crisis of power" by **A.Virabov**
69. "Islamism and Extremism in the Middle East" (collection of essays)
In cooperation with the Academy of Geopolitics and Security
70. "The Palestinian National Autonomy: the Experience of the State Creation"
by K.Polyakov and A.Hasyanov
71. "Arab Countries and Islam in Russia" by **K.Polyakov**
72. "Political Structures in the State of Israel" by **Ze'ev Geyzel**
73. "Oriental Records" № 2 (collection of essays)
74. "The Contemporary Middle East" № 11, (collection of essays)
75. "Russia in the Middle East" (conference papers)
76. "Religious Extremism in Algeria" by **S.Babkin**
77. "Muslim Countries at the Borders of the CIS" (collection of essays) In co-
operation with the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences
78. "The Contemporary Middle East" № 12, (collection of essays)

2002

79. "The Contemporary Middle East" № 13, (collection of essays)
80. "Turkish Economy under liberalization" by **N.Ultchenko**
81. "Muslims in the West" (collection of essays) (In cooperation with the Rus-
sian Academy of Natural Sciences)
82. "Oriental Records" № 3 (collection of essays)
83. "Afghanistan in a Transition" (collection of essays). In cooperation with the
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
84. "Egypt in the last third of the 20th Century" by **M.Vidiassova and M.Umerov**
85. "The Contemporary Middle East" № 14, (collection of essays)
86. "Taliban (the Religious and Political Profile)" by **R.Sikoev**

In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of
Sciences

87. "Oriental Records" № 4 (collection of essays)
88. "Army and Power in the Middle East" (collection of essays)
89. "The Contemporary Middle East" № 15, (collection of essays)
90. "Turkey and USA: main Stages in Trade and Economic Cooperation" by **M.Guchanin**
91. "The Nuclear Program of Iran and Russian-American Relations" by **M.Zadonsky**
92. "The Contemporary Middle East" № 16, (collection of essays)

2003

93. "Oil and Gas in Egypt and Algeria on the Verge of Two Centuries." by **S.Bondarenko and A.Tkachenko**
94. "Electing Dictatorship: Why Palestinian Democratization Failed" by **D.Polisar**
95. "Russia-Turkey Relations: History, present State and Perspectives" (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
96. "An Everlasting Confrontation. Israel and the Arab World: Wars and Diplomacy" by **A.D.Epstein**
97. "Kuwait: Contours of Economic Changes" by **A.Filonik and V.Isaev**
98. "Islam, Islamism and nominal Democracy in Pakistan" by **O.Pleshov**. In co-operation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences and the Institute of Asia and Africa.
99. "Iraq: First Results, Conclusions, Lessons" {collection of essays}.
100. "The Contemporary Middle East" № 17, (collection of essays)
101. "Radical Islamism in Egypt" by **M.Rajbadinov**
102. "Crisis in Iraq. International and Regional Context"
103. "Iran and CIS" (collection of essays)
104. "The Contemporary Middle East" № 18, (collection of essays)

105. "Saudi Arabia: Evolution of Regime and Possible Limits in Political Development" (collection of essays)
106. "Saudi Arabia External Policy" by **G.Kosach and E.Melkumyan**
107. "Syria at the Turn of the Centuries. Power and Politics" by **V.Ahmedov**
108. "Afghanistan and Neighboring Countries" (collection of essays)
109. "Egypt: Problems of National Security (1952–2002.)" by **V.Yurchenko**
110. "Oriental Records" № 5 (collection of essays)
111. "Russian-Saudi Relations: Problems and Perspectives" (collection of essays)
112. "Iraq under the American Administration: democratization or «vietnamization»"
113. "Arab-Israeli Conflict: Old Problems and New Plans" (collection of essays)
114. "The Economic Co-operation between Turkey and the Turkic States of the CIS" by **E.Urazova**
115. "The Contemporary Middle East" № 19, (collection of essays)
116. "The Contemporary Middle East" № 20, (collection of essays)
117. "Berbers of North Africa: Past and Present" by **M. Sergeev**
118. "Contemporary Jordan" by **A.Aganin and Z.Solovieva**.

2004

119. "The «Russians» and Power in the State of Israel" by **Vladimir (Ze'ev) Khanin**.
120. "Peaceful Settlement of the Palestine–Israeli Conflict: Three Years after Camp David and Taba Talks"(essays and documents) Edited by **Alek D. Epstein**
121. "Saudi Arabia: Search for Inner Harmony" by **A.Filonik and A.Vavilov**
122. "Algeria: Change of Priorities in Development" by **E.Mironova**
123. Analytical records. "Iraqi Crisis".

124. Analytical records. "Terrorism".
125. "Islam in Contemporary Orient. Region of Middle and Near East, South and Central Asia". (collection of essays). In cooperation with the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.
126. "Weapon of Mass destruction in the Middle East" by **I.Novikov**
127. "Iran and Russia" (collections of essays)
128. "Officer Corps in the Middle Eastern States" (collections of essays)
- 129 Analytical records. "Russia and USA in the Middle East".
130. "The Contemporary Middle East" № 21, (collection of essays)
131. Analytical records. "Army, Weapon of Mass Destruction, Military and Technical Cooperation in the Middle East ".
132. Analytical records. "Problems of the Middle East".
133. "Kurdish Question at the turn of the Millennia"
134. "The Contemporary Middle East" № 22, (collection of essays)
135. "Turkey in the New Geopolitical Conditions (documents of the Round Table, March 2004)
136. Analytical records. "Israel and Arab-Israeli Conflict".
137. Analytical records. "Iran".
138. "Israel in the beginning of the XXI-th Century" by **A.Fedorchenko, O.Zaitzeva, D.Mariyasis**
139. "Contemporary Islamic East and European Countries" (collection of essays)
140. "National and Pan-Arab Components of the Syrian Policy in the Middle East (1946–2003)" by **I.Matveev**
141. "Problems of Social-economic Development of Lebanon (1970–2000)" by **A.Gasratian**
142. "Syria: problems of national security" by **V.Yurchenko**
143. "Palestine-Israeli conflict in the mirror of public opinion and international diplomacy" (collection of essays) Edited by **Alek D. Epstein.**
144. "Egyptian movement of «Muslim brothers»" by **M.Rajbadinov.**

145. "Afghanistan in the beginning of XXI-th Century" (collection of essays).

Internet: www.iimes.ru

Лицензия ИД № 05092 от 18.06.2001 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

БЛИЖНИЙ ВОСТОК И СОВРЕМЕННОСТЬ

СБОРНИК СТАТЕЙ

ВЫПУСК ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ

Подписано в печать 12.12.2004 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 24,75 уч. изд. л.

Тираж 800 экз. Тип. Зак. № 86

Типография ЗАО «АСТИ-ИЗДАТ»